

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРЬОВСКИЙ,
Т. В. ДОРЕНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Содержание

Проза

Владимир КРУПИН Пасха. Рассказы	6
Альберт ЛИХАНОВ Цирковые циркачи. Повесть из цикла "Русские мальчики"	57
Татьяна ГРИБАНОВА Бабы камни. Рассказы	98
Александр ГРОМОВ Жара. Рассказ	112
Елена РОДЧЕНКОВА Продаётся родной дом. Рассказ	141

Поэзия

Протоиерей Андрей ЛОГВИНОВ К живому, родному Христу	3
Юрий ВОРОТНИН До последнего края	52
Константин СКВОРЦОВ Ни времени, ни смерти нет	94
Виктор МАКУКИН А Родина была одна... ..	105
Андрей РЕБРОВ По воле небесной... ..	109
Евгений ЭРАСТОВ На свете счастье есть... ..	138
Вячеслав ВЬЮНОВ И новые явятся силы... ..	148
Павел КОСЯКОВ Глаз моих тоска и воля	153

Память

Андрей УБОГИЙ Великий землепроходец	156
Владимир ЮДИН Слово о батьке Кондрате.....	162

Очерк и публицистика

Николай ПИРОГОВ ЖКХ как зеркало российской действительности	168
Николай ИВАНОВ К родным берегам!	179
Владимир МИРОНОВ Торжество исторической справедливости	189

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Наталья ИРТЕНИНА
Русские в Крыму:
IX–XVIII века 194

Николай РЫЖКОВ
Роль науки и образования
в формировании
национальной идеи 200

Наталья ЛАКТИОНОВА
Камертон духа нации 211

Аркадий ЕЛФИМОВ
Работаем для вечности 218

Александр СЕГЕНЬ
Парижская Пасха 226

Станислав ЗОТОВ
Хранитель праведной Руси 233

Критика

Ирина МОНАХОВА
Глубокое, таинственное,
неуловимое 246

Наталья КУЛИКОВА
“Живое лицо времени” 250

Сергей КУНЯЕВ
Переменчивый лик 266

Валентин КУРБАТОВ
Высокие облака 278

Книжный развал

Ирина УШАКОВА
Фрагменты Божьего
искусства 283

Лидия ДОВЫДЕНКО
Новый журнал — “Берега” 286

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 31.03.14. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 271. Тираж 8500 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

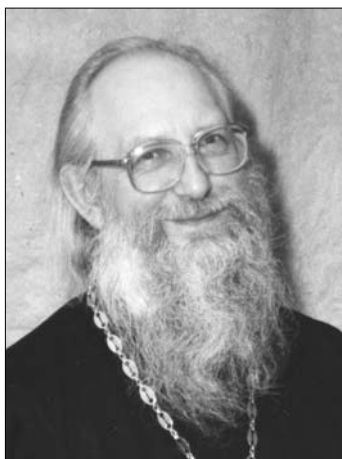
(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в ОАО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ПРОТОИЕРЕИ АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

К ЖИВОМУ, РОДНОМУ ХРИСТУ

В НЕДЕЛЮ О СЛЕПОМ

Нам с глазом надо, как с алмазом:
глаз — к сердцу дверца.
И чтобы лучше видеть глазом —
протрите сердце!

Хотим всего увидеть много, —
мол, как иначе?
Но коль не узрим сердцем Бога,
то мы незрячи.

Вы покаяния слезами
промойте око!
Взгляните новыми глазами
на мир глубоко!

Пусть сердце всех любить готово,
пусть будет радо!
Лишь безсердечного, пустого
не надо взгляда!

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учительствовал в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Св. праведного Иоанна Кронштадтского. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий: и.м. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

АБСОЛЮТНАЯ ЛЮБОВЬ

Бог есть Дух.
И Бог — как Пламя.
Но — поглубже богословь! —
Бог есть Любовь.
Добавим сами:
Аб-со-лют-на-я Любовь.

Это значит:
Над мирами,
Микроскоп ли приготовь,
И фундаментом
Под нами —
Аб-со-лют-на-я Любовь!

Скажешь: “Как же зла цунами!
Мир людской — и грязь, и кровь”.
Да... Но глянь! —
Над головами,
Вон — жар-птицей над домами —
Аб-со-лют-на-я Любовь!

* * *

Надо выжить, пережить.
Переждать, перемогнуться.
Через силу улыбнуться,
Не утратить жизни нить.

Не утратить жизни суть:
Всё могло быть хуже много.
Милость велика у Бога...
Выдохнуть, передохнуть...

ПРОЩАЙ, ПРОЩАЙ

Прощай, прощай, мой белый свет!
Минута смертная настала.
Какой пред Богом дам ответ?
Во мне любви было мало.

Оплачу что на склоне лет?
Что мне чего-то не хватало?
Что был обижен? Нет, нет, нет —
Во мне!

любови!

было!

мало!

.....

Средь радостей земных и бед,
Пока дышать не перестала,
Люби, душа! Дороже нет
Любви, которой было мало.

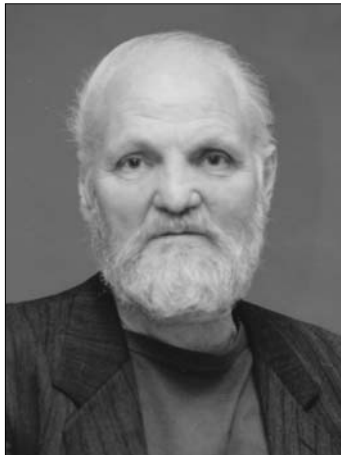
ВОТ И ВСЁ

Вот и всё. Эта жизнь пролетела,
словно ты и не жил никогда.
На земле еле тёплое тело.
Еле тусклая в небе звезда.

Рядом тускло мерцает лампадка.
Но её огонёчек святой
ближе, ближе... и сладко, и сладко!
и как будто... душой молодой!

И осиливать будем дорогу,
неземную измерим версту
не к далёкому тусклому Богу,
а к живому, родному Христу.

ВЛАДИМИР КРУПИН

ПАСХА

РАССКАЗЫ

Крестная смерть Спасителя поставила Голгофу и Гроб Господень в центр Мироздания. Где тот храм Соломона, пирамиды фараонов, башни Вавилона, маяк Александрии, сады Семирамиды, мрамор Пальмиры, где всё богатство века сего? Всё прах и тлен по сравнению с подвигом Христа. Всё в мире навсегда стало сверять своё время и время вечности по Христу. Все события в мире — это противостояние тех, кто за Христа, и тех, кто против. И другой битвы не будет до скончания времён.

Нам, православным людям — малому стаду Христову, — дано величайшее счастье, выше которого нет: причащаться Тела и Крови Христовых на Божественной литургии. И где бы она ни свершалась: в великолепном соборе или в бедной деревенской церкви — значение её одинаково и огромно. Мы принимаем в себя Христа — своё единственное спасение. И всё-таки никакая другая литургия не может встать вровень с той, что происходит ночью на Гробе Господнем в Иерусалимском храме Воскресения. Это только представить: чаша с Телом и Кровию Христа ставится на трёхдневное ложе Спасителя, освящается и выносится для приобщения участникам ночного служения.

Я несколько раз был на ночной службе у Гроба Господня. И особенно помню первую, когда поехал на неё вместе с монахинями из Горненской обители. Время было близко к полуночи. Ни обычного шума машин, ни лю-

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в Советской Армии, окончил Московский областной пединститут. Автор повестей “Живая вода”, “Сороковой день”, “Прощай, Россия, встретимся в раю”, “Люби меня, как я тебя”, “От рубля и выше”, “Как только, так сразу”, “Слава Богу за всё”, романа “Спасение погибших”, многих рассказов, путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор “Православной азбуки”, “Детского церковного календаря”, книги “Русские святые”. В “Нашем современнике” печатается с 1972 года (отрывки из первой книги “Зёрна”). Живёт в Москве.

дей — только огни по горизонту, только свежий ночной воздух и негромкое молитвенное пение монахинь.

От Яффских ворот быстро и молча шли мы по странно пустым узким улочкам старого города, сворачивая в знакомые повороты, ступая по гладкости днём — жёлтого, а сейчас — тёмного мрамора. Вот широкие ступени пошли вниз, вот поворот на широкую площадь перед храмом. Справа — Малая Гефсимания, слева — вход в храм, прямо к Камню помазания. У входа — расколота небесной молнией и опалённая Благодатным огнём колонна. Прикосновение к ней, влажной от ночной росы, освежает и дает силы на предстоящую службу. А силы нужны. До этого у меня был счастливейший, но и очень трудный день, когда я с утра до вечера ходил по Иерусалиму, говоря себе: “Иерусалим — город Христа, значит, это и мой город”.

Вообще я не сразу, не с первого взгляда полюбил Иерусалим. Я говорю не о Старом городе, при входе в него обувь сама соскакивает с ног — как иначе? Здесь Скорбный путь, “идеже стоясте ноге Его”, здесь остановившееся время главного события Вселенной, что говорить? Нет, я не сразу вжился в современный Иерусалим. Как этот город ни сохраняет старину, но модерн, новые линии и силуэты зданий проникают всюду, как лазутчики материального мира. Мешал и непрерывный шум машин, и их чрезмерное количество, и торговцы, предлагающие всё растущие в своей изысканности и цене товары и пищу, которая тоже дорожала, но всё заманчивей привлекала ароматами и внешним видом; мешали бесцеремонно кричащие в трубки мобильных, часто — на русском языке, энергичные мужчины, мешали и короткие, ненавидящие взгляды хасидов, многое мешало. Но постепенно я сказал себе: что с того? Сюда Авраам привёл своего сына, собираясь принести его в жертву. Здесь плясал с Ковчегом Завета царь Давид — куда больше? Отсюда пришла в мир весть о Воскресшем Христе. Здесь убивали камнями первомученика Стефана, а дальше, налево, гробница Божией Матери, внизу — поток Кедрона, а вот и Гефсиманский сад, вот и удивительная по красоте церковь Святой Марии Магдалины, подъём на Елеонскую гору и головокружительная высота Русской свечи над Елеоном — православной колокольни, выстроенной великим подвижником, архимандритом Антонином Капустиным. Вот он — Вечный город, вот видны и Золотые ворота, в которые вошла младенцем Божия Матерь и в которые, спустя время Своей земной жизни, въехал Её Сын — Сын Божий. А вот и храм Гроба Господня.

Вернувшись с Елеона, в этот же день я обошёл вокруг Старый город. Шёл вдоль высоченных стен из дикого камня, как ходят у нас на Крестный ход на Пасху — с паперти налево и вокруг храма, шёл, воспринимая свой путь именно как пасхальное шествие. И уже шум и зрелище современного мира не воспринимались, были вначале фоном, а потом и совсем отошли. И башня Давидова помогла этому отрешению — она же почти единственная из сохранных дохристианских зданий. И только в одном месте невольно остановился: мужчина в годах, в пиджаке с планками наград, наяривал на аккордеоне песню прошлого века:

*У самовара я и моя Маша,
А на дворе уже темным-темно...*

Ну, как было не расстаться с шекелем?

Но благодатный вход в храм Гроба Господня отсёк свежие воспоминания минувшего дня и придал сил. Особенно когда мы прикладывались к Камню помазания и в памяти слуха звучали слова: “Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое Тело Твое, плашаницею чистою обвив, и вонями во гробе новом покрыв, положи”.

У Гроба, на наше счастье, почти никого не было, только греческие монахи готовились к службе. Я обошёл Кувуклию — часовню над Гробом Спасителя. Опять же в памяти зазвучал молитвенный распев: “Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить”. Справа от часовни на деревянных скамьях спали бого-

мольцы. Они пришли сюда ещё с вечера. Сейчас просыпались, тоже готовились к службе. У входа в часовню, внутрь уже не пускали, горели свечи. В одном подсвечнике, как цветы в вазе, стояли снежно-белые горящие свечи. Добавил и я свою, решив не отходить от часовни, чтобы, даст Бог, причаститься у Гроба Господня. Я знал, что у Гроба причащают лишь нескольких, а остальных, перенеся Чашу с Дарами, причащают у алтаря храма Воскресения.

Дьякон возгласил:

— Благослови, Владыко!

Возгласил он, конечно, по-гречески, по-гречески и ответил ему ведущий службу епископ, но слова были наши, общие, литургические:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа.

— Ами-и-инь! — согласно включился в молитву хор наших монахинь из Горней.

Мне было очень хорошо видно и придел Ангела, и сам Гроб. Удивительно, как священнослужители, облаченные в служебные одежды и на вид очень грузные, так легко и ловко поворачивались, входили и выходили из Гроба на преддверие. Частое каждение приносило необыкновенный прохладный горьковатый запах ладана. Какой-то очень родной, в нём была чистота и простор смолитого высокого бора. Молитвенными, почти детскими голосами хор монахинь пел: “Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения”. Новые возгласы диакона, выход Владыки и его благословение. Видимо, по случаю участия монахинь из Горней, по-русски:

— Мир вам!

— И духови твоему, — отвечает хор.

И вот уже “Блаженства”. Начинается литургия верных. Тут все верные от самого начала. Ибо, когда были возгласы: “Оглашенные, изыдите”, — никто не ушёл. А вот и “Херувимская”. Тихо-тихо в храме. Такое ощущение, что его огромные, ночью пустые пространства, отдыхающие от нашествия паломников и туристов, сейчас заполняются безплотными херувимами, несущими земле весть о спасении. “Всякое ныне житейское отложим попечение”.

А время мчится вместе с херувимами. Уже пролетело поминание живых и умерших, уже торопился вспомнить как можно больше имен знакомых архиереев, батюшек, родных, близких и многочисленных крестников и крестниц, просто знакомых, тех, кто просил помянуть их у Гроба Господня. Так и прошу: “Помяни, Господи всех, кто просил их помянуть. Имена же их Ты, Господи, веши”. Душа на мгновение улетала в ночную Россию. Отсюда, из сердца мира, где в эти минуты свершалось главное событие планеты — пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, кланялся я крестам храмов православных, крестам на могилках, как-то в долю мгновения вспоминались монастыри и монахи и монашки, читающие при восковых медовых свечах неусыпаемую Псалтырь и покрывающие молитвенным омофором российские пределы.

А мы здесь, у Гроба Господня, малое стадо русских овец Христовых, молились за своё многострадальное Отечество. Ко Гробу Христову я шёл всю жизнь. И вот стоял у него и ждал Причастия. Ни ум, ни память это сознание не вмещали. Вся надежда была на душу и сердце. Я в ногах у Спасителя, в одном шаге от Его трёхдневного ложа, в трёх шагах от Голгофы. Ведь это же всё, промчавшееся с такой скоростью, всё это будет стократно и благодатно вспоминаться: и то, как молитвенно поёт хор, как размашисто и резко свершает каждение здоровенный диакон, как смиренно и терпеливо стоят около простоволосых женщин наши паломницы в белых платочках, как внезапно и весело звенят колокольцы на блестящем архиерейском кадиле, как безстрашно старуха в чёрном суёт руку в костёр горящих свечей и выхватывает оттуда догорающую, как бы пропальвая пламя. И ставит взамен новую. И вновь хор, и вновь сыплется звуки колокольцев кадила, облетая храм по периметру. Гроб плотно закрыт облачениями священства. Так хочется невидимкой войти в Гроб и видеть схождение небесного огня в причастную Чашу. Говорила знакомая монахиня: “Нам дано видеть Благодатный огонь раз в году, а духовные люди его всегда видят. Потому что огонь небесный не уходит от Гроба Господня”.

Молодых чтецов сменяют старики. Красоту греческой речи украшает чётко приносимое имя Христа. В этом месте крестимся.

Выносят чаши. Обходим вслед за нарядными священниками вокруг Кувуклии. “Символ веры” поёт весь храм. Слышнее всего русские слова — нас здесь большинство. Голоса улетают вдаль, к пещере Обретения Креста, вниз, в потусторонность, в утешение почивших в вере и надежде Воскресения.

Вдруг, как будто пришедший из былинной Руси, выходит русский диакон. Он ещё огромнее, чем греческий, весь заросший кренкими, ещё не седыми волосами, и возглашает Ектенью. На каждое прошение хор добавляет:

— Подай, Господи!

И это незабываемое, нежное и просительное:

— Кирие, елейсон. Кирие, елейсон.

Это означает: “Господи, помилуй”. Вообще благоговеешь перед мастерством древнерусских перекладывателей Священного Писания и церковных служб и, в первую очередь, Божественной литургии и Пасхального Канона. Почему мы говорим: “Христос Воскресе!”, а не “Христос Воскрес”? Потому что по-гречески это: “Христос Анести”, то есть соблюдено соотношение слогов.

“Отче наш” поётся ещё слаженнее, ещё молитвеннее. Один к одному совпадают русские и греческие слова Господней молитвы.

Внутри Кувуклии начинается причащение священников. Простоволосая высокая гречанка сильным, звучным голосом поёт: “Марие, Мати Божия”.

Вижу: Чаша стоит на камне в приделе Ангела. Вот её берут и вздымают руки епископа. Выходят. Оба гиганта диакона — по сторонам. Падаем на колени.

— Верую, Господи, и исповедую...

Столько раз слышанная Причастная молитва звучит здесь совершенно особо. То есть она та же самая, до последней запятой, но звучит она над Гробом Господним, в том месте пространства, которое прошёл Воскресший Спаситель.

И тут я оказываюсь прямо перед Чашей. Оглядываюсь, как сделал бы это и в России, ибо всегда мы пропускаем вперед детей, но детей нет. Меня оттирает было диакон, и что особенно обидно, не греческий, а наш, но я, видимо, так молитвенно, так отчаянно гляжу, что он делает полшага в сторону.

Господи, благодати! Я причащаюсь!

Чашу переносят в Храм Воскресения, огибая по пути так называемый пуп Земли — центр Мира, — а я совершенно безотчётно, по-прежнему со скрещенными на груди руками обхожу вокруг часовню Гроба Господня, кланяясь всем её четырем сторонам, обращёнными на все стороны света.

Утро. Сажу на ступенях во дворе храма. Тут договорились собраться. Думаю: “Вот и свершилось главное в моей жизни причастие, вот и произошло главное событие моей жизни”. Но потом думаю: надо же ещё и умереть, и заслужить *кончину мирну, христианску, непостыдну*, надо же вымолить ещё и “добрый ответ на Страшном судищи Христовом”.

Встаёт солнце. И, конечно, не один я мысленно произношу: “Слава Тебе, Показавшему нам свет!” Оно бы не пришло на Землю, если бы не молитва на земле и если бы не эта ночная служба.

И как же легко дышалось в это утро, как хорошо было на сердце! Оно как будто расширилось, заняло во мне больше места, вытесняя всё плохое.

На обратном пути заговорили вдруг о Гоголе, его паломничестве в Иерусалим и о том разочаровании, которое он испытал. Видимо, он ждал чего-то большего, чем получил. Но ведь вспоминают же его современники, что он стал мягче, добрее, сдержаннее.

Вспомнил и я свою первую поездку. Очень я страдал после неё. Думал: если я стал ещё хуже, зачем же я тогда был в Святой Земле? И спас меня старый монах Троице-Сергиевой лавры, сказавший: “Это ощущение умножения греховности, оно очень православно. Святая Земля лечит именно так: она открывает человеку его греховность, которую он раньше не видел, ибо плохо видели его духовные очи сердечные. Святая Земля дарит душе прозрение”.

А вот и наш милый Горненский приют. Матушка, жалея сестёр, советует отдохнуть хотя бы полтора часика. Но почти у всех послушания. И уже через два часа колокол Горней позовёт нас на службу, в которой будут те же удивительные, спасительные слова Литургии, что звучали ночью у Гроба Господня, только уже все по-русски. И всё-таки, когда зазвучит: “Свят, Свят, Свят Господь Саваоф”, — отголоском откликнется: “Агиос, Агиос, Агиос Кирие Саваоф”.

...Поздняя ночь или очень раннее московское утро. Гляжу на огонёк лампы, на Распятие, и возникает в памяти слуха мелодия колокольников кадильца у Гроба Господня, и ощущаю, как молитвы, произносимые у него, “яко дым кадильный”, восходят к Престолу Господню.

КАТИНА БУКВА

Катя просила меня нарисовать букву, а сама не могла объяснить какую. Я написал букву “К”.

— Нет, — сказала Катя.

Букву “А”. Опять нет.

“Т”? — Нет.

“Я”? — Нет.

Она пыталась сама нарисовать, но не умела и переживала.

Тогда я крупно написал все буквы алфавита. Писал и спрашивал о каждой: эта?

Нет, Катиной буквы не было во всем алфавите.

— На что она похожа?

— На собачку.

Я нарисовал собачку.

— Такая буква?

— Нет. Она еще похожа и на маму, и на папу, и на дом, и на самолёт, и на небо, и на дерево, и на кошку...

— Но разве есть такая буква?

— Есть!

Долго рисовал я Катину букву, но всё не угадывал. Катя мучилась сильнее меня. Она знала, какая это буква, но не могла объяснить, а может, я просто был непонятливым. Так я и не знаю, как выглядит эта всеобщая буква. Может быть, когда Катя вырастет, она её напишет сама.

СОКОЛКО

То, что животные обладают разумом, это даже и обсуждению не подлежит. Дядя мой соглашался говорить о пчёлах, если собеседник тоже, как и дядя, считал пчёл умнее человека. Мама моя говорила с коровой, ругала куриц, если те откладывали яйца не в гнездах. Кот наш Васёк сидел за обедом семьи на табуретке и лапой, издали, показывал на облюбованный кусок. Дворовая наша Жучка, завидя нас, начинала хромать, чтоб мы её пожалели. Что уж говорить о лошадях, которых мы водили купать. Белесая Партизанка, худощая, с острым хребтом, выйдя на берег из реки, валилась на песок и валялась, чтоб её снова запустили в воду, — так ей нравилось купание.

Но как же я помню из своего детства одного пёсика — собачку по имени Соколко. Именно из своего детства, будто этот пёсик был мой. А он из сказки Пушкина о мёртвой царевне и семи богатырях. Когда царевна, отведённая в лес на погибель, приходит в дом семи братьев, Соколко очень ей радуется, верно ей служит. И как он старается оградить хозяйку от злой колдуньи, как лает на неё, кидается, даёт понять царевне об опасности. Но царевна всё-таки надкусила яблоко, у неё “закатились глаза, и она под образа головой на лавку пала и тиха, недвижна стала”. Вскоре героически умирает

и верный Соколко... Он, безсловесная тварь, не уберёт любимую хозяйку. Страдание его безмерно. Он отыскивает братьев в лесу, горестно воеет, зовёт их домой. Братья, чувствуя неладное, скачут вслед за ним. Спешились. “Входят, ахнули. Вбежав, пёс на яблоко стремглав с лаем кинулся, озлился, проглотил его, свалился...”

Вообще, это величайшая сказка. Чернавка ведёт царевну на съедение диким зверям, а та просит её: “Не губи меня, девица! А как буду я царица, я пожалую тебя”. И на краю гибели царевна уверена, что станет царицей. Пощадив царевну, оставляя её на волю Божию (она именно так и говорит: “Не кручинься, Бог с тобой”), чернавка докладывает мачехе, что приказание выполнено: царевна привязана к дереву. Чернавка тут, надо думать, угрождает мачехе, не смея осуждать жестокость приказа, даже успокаивая совесть незаконной царицы. “Крепко связаны ей локти, попадётся зверю в когти, меньше будет ей терпеть, легче будет умереть”. Вырастая в обезбоженное большевиками время, мы не были оставлены Богом. Такие тексты, как эта сказка, исподволь действовали на нас. Ведь царевна, войдя в дом братьев, вначале “затешила Богу свечку”, а уж потом “затопила жарко печку”. Это же поселялось внутри нас и влияло на душу. Когда умирает царевна, то не как-нибудь, а ложится на лавку “головой под образа”. Когда отказывает в просьбе стать женой кого-либо из братьев, то говорит: “Коли лгу, пусть Бог велит не сойти живой мне с места. Как мне быть — ведь я невеста...”

А уж как ищет её возлюбленный Елисей! И помогает ему не солнце, не луна, а ветер. Мы же все знали наизусть этот отрывок: “Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч...”. Но что особенно важно, так это слова: “Не боишься никого, кроме Бога одного”. Ветер рассказывает Елисею о пещере, где “во тьме печальный гроб качается хрустальный”. Пушкинский, совершенно православный мотив — преодоление любовью смерти, изображение смерти как сна перед воскресением, здесь блистателен: “И о гроб невесты милой он ударился всей силой. Гроб разбился. Дева вдруг ожила. Глядит вокруг изумлёнными глазами...”

Вот ведь и в “Золушке” есть мотив волшебства и колдовства: превращение тыквы в карету, мышей в лошадей, но всё это как-то не по-нашему. В “Спящей царевне” колдовство — сила злая, преодолеваемая любовью.

“Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч, — учили мы, — ты волнуешь сине море, ты гуляешь на просторе, не боишься никого, кроме Бога одного!” Учили, и дарвиновское понимание всеислия природы, атеистическая объяснимость любых явлений её отступали перед этой *боязнью* ветра: могучий ветер боится только Бога. Ветер, ломающий деревья, топящий корабли! Ещё далеко впереди было Священное Писание, буря на Галилейском море, утихшая по одному слову Спасителя, — всё было впереди. Но принять в сердце веру православную помогла нам русская литература, особенно Пушкин. “И с невестою своей обвенчался Елисей”. Не как-нибудь, не в загс пошли — обвенчались.

А как мой Соколко? А вот он не ожил. Как жаль, что он не умел говорить — объяснил бы братьям, отчего умерла царевна, а так пришлось показать им причину её смерти. Соколко так любил царевну, так мучился своей виной, тем, что не уберёг её, — конечно, как бы он потом жил?

Если бы я стал вдруг снова мальчишкой, завёл бы щеночка и назвал бы его Соколко.

ПОДКОВА

Кузня, как называли кузницу, была настолько заманчивым местом, что по дороге на реку мы всегда застревали у неё. Теснились у порога, глядя, как голый по поясу молотобоец изворачивается всем телом, очерчивает молотом дугу под самой крышей и ахает по наковальне.

Кузнец, худой мужик в холщовом фартуке, был незаметен, пока не приводили ковать лошадей. Старые лошади заходили в станок сами. Кузнец брал

лошадь за щётку, отрывал тонкую блестящую подкову, отбрасывал её в грудь других, отработавших, чистил копыто, клал его себе на колено и прибивал новую подкову, толстую. Казалось, что лошади очень больно, но лошадь вела себя смиренно, только вздрагивала.

Раз привели некованого горячего жеребца. Жеребец ударил кузнеца в грудь (но удачно — кузнец отскочил), выломал передний запор — здоровую жердь — и ускакал, звеня плохо прибитой подковой.

Пока его ловили, кузнец долго делал самокрутку. Сделал, достал щипцами из горна уголёк, прикурил.

— Дурак молодой, — сказал он, — от добра рвётся, пользы не понимает — куда он некованый? Людям на обувь подковки ставят, не то что... Верно? — весело спросил он.

Мы вздохнули. Кузнец сказал, что можно взять по подкове.

Мы взяли, и он погнал нас, потому что увидел, что ведут пойманного жеребца. Мы отошли и смотрели издали, а на следующий день снова вернулись.

— Ещё счастья захотели? — спросил кузнец.

Но мы пришли просто посмотреть. Мы так и сказали.

— Смотрите. За погляд денег не берут. Только чего без дела стоять. Давайте мехи качать.

Стукаясь лбами, мы уцепились за верёвку, потянули вниз. Горн осветился.

Это было счастье — увидеть, почувствовать и запомнить, как хрипло дышит порванный мех, как полоса железа равняется цветом с раскалёнными углями, как отлетает под ударами хрупкая окалина, как выгибает шею загнанный в станок конь, и знать, что все лошади в округе — рабочие и выездные — подкованы нашим знакомым кузнецом, мы его помощники, и он уже разрешает нам браться за молот.

ЗЕРКАЛО

Подсела цыганка.

— Не бойся меня, я не цыганка, я сербиянка, я по ночам летаю, дай закурить.

Закурила. Курит неумело, глядит в глаза.

— Дай погадаю.

— Дальнюю дорогу?

— Нет, золотой. Смеёшься, не веришь, потом вспомнишь. Тебе в красное вино налили чёрной воды. Ты пойдёшь безо всей одежды ночью на кладбище? Клади деньги, скажу зачем. Дай руку.

— Нет денег.

— А казённые? Ай, какая нехорошая линия, девушка выше тебя ростом тебя заколдовала.

— И казённых нет.

— Не надо. Ты дал закурить, больше не надо. Ты три года плохо живёшь, будет тебе счастье. Положи на руку сколько есть бумажных.

— Нет бумажных.

— Мне не надо, тебе надо, я не возьму. Нет бумажных, положи мелочь. Не клади чёрные, клади белые. Через три дня будешь ложиться, положи их под подушку, станут, как кровь, не бойся: будет тебе счастье. Клади все, сколько есть.

Вырвала несколько волосков. Дунула, плюнула.

— Вот зеркало. В него посмотришь и увидишь, кто твой лучший друг, а кто враг. Кого ты хочешь увидеть, друга или врага?

— Врага.

— Так смотри!

Посмотрел я в зеркало и увидел себя. Засмеялась цыганка и пошла дальше. И остался я дурак дураком. Какая девушка? Какая чёрная вода, какая линия? При чём тут зеркало?..

В ЗАЛИВНЫХ ЛУГАХ

Поздней весной в заливных вятских лугах лежат озёра.

Дикие яблони, растущие по их берегам, цветут, и озёра весь день похожи на спокойный пожар.

Ближе к сенокосу под цветами нарождаются плоды. Красота становится лишней, цветы падают в своё отражение. И на воде ещё долго живут. Озёра лежат белые, подвенечные, а ночью вспоминается саван.

Падает роса. Лепестки, как корабли, везущие слёзы, покачиваются, касаясь друг друга.

Постепенно вода оседает, озёра уходят в подземные реки, и как будто лепестки — вместе с ними.

Вода в вятских родниках и колодцах круглый год пахнет цветами. Пьют эту воду кони и люди, птицы и звери, цветы и травы, даёт эта вода жизнь всему существу, всему живому.

Только мёртвым не нужна вода, поэтому место для них выбирают на взгорьях.

ПАДАЕТ ЗВЕЗДА

Если успеть загадать желание, пока она не погасла, то желание исполнится. Есть такая примета.

Я запрокидывал голову и до слёз, не мигая, глядел с Земли на небо.

Одно желание было у меня, для исполнения которого были нужны звезды, — чтоб меня любили. Над всем остальным я считал себя властным.

Когда вспыхивал сразу гаснущий, изогнутый след звезды, он возникал так сразу, что заученное наизусть желание: “Хочу, чтоб меня любила...” — отскакивало. Я успевал сказать только, не голосом — сердцем: “Люблю, люблю, люблю!”

Когда упадёт моя звезда, дай Бог какому-нибудь мальчишке, стоящему далеко-далеко внизу, на Земле, проговорить заветное желание. А моя звезда постарается погаснуть не так быстро, как те, на которые загадывал я.

ГДЕ-ТО ДАЛЕКО

Много времени в детстве моём прошло на полатах. Там я спал и однажды — жуткий случай! — заблудился.

Полаты были слева от входа, длинные, из тёмно-скипидарных досок.

Мне понадобилось выйти. Я проснулся: темень тёмная. Пополз, пятясь, но упёрся в загородку. Пополз вбок — стена, в другой бок — решётка. Вперёд — стена. Разогнулся и ударился головой о потолок. Слёзы покапали на бедную подстилку из чистых половиков.

Тогда ещё не было понимания, что если ты жив, то это ещё не конец, и ко мне пришёл ужас конца.

Всё уходит, всё уходит, но где-то далеко-далеко, в деревянном доме с окнами в снегу, в непроглядной ночи, в душном тепле узких, по форме гроба, полатей ползает на коленках мальчик, который думает, что умер, и который проживёт ещё долго-долго.

МОЛИТВА МАТЕРИ

“Материнская молитва со дна моря достанет” — эту пословицу, конечно, знают все. Но многие ли верят, что пословица эта сказана не для красного словца, а совершенно истинна и за многие века подтверждена бесчисленными примерами.

Отец Павел, монах, рассказал мне случай, происшедший с ним недавно. Он рассказал его, как будто всё так и должно было быть. Меня же этот случай поразил, и я его перескажу, думаю, что он удивителен не только для меня.

На улице к отцу Павлу подошла женщина и попросила его сходить к её сыну. Исповедать. Назвала адрес.

— А я очень торопился, — сказал отец Павел, — и в тот день не успел. Да, признаться, и адрес забыл. А ещё через день рано утром она мне снова встретила, очень взволнованная, и настоятельно просила, прямо умоляла пойти к сыну. Почему-то я даже не спросил, почему она со мной не пошла. Я поднялся по лестнице, позвонил. Открыл мужчина. Очень неопрятный, молодой, видно сразу, что сильно пьющий. Смотрел на меня дерзко — я был в облачении. Я поздоровался, говорю: “Ваша мама просила меня к вам зайти”. Он вскинулся: “Ладно врать, у меня мать пять лет как умерла”. А на стене её фотография среди других. Я показываю на фото, говорю: “Вот именно эта женщина просила меня вас навестить”. Он с таким вызовом: “Значит, вы с того света за мной пришли?” — “Нет, — говорю, — пока с этого. А вот то, что я тебе скажу, ты выполни: завтра с утра приходи в храм”. — “А если не приду?” — “Придешь: мать просит. Это грех — родительские слова не исполнять”.

И он пришёл. И на исповеди его прямо трясло от рыданий, говорил, что он мать выгнал из дому. Она жила по чужим людям и вскоре умерла. Он даже и узнал-то потом, даже не хоронил. И лишь однажды за всё время опаматовался, и в душе его промелькнула жалость к матери. И раскаяние. Но ненадолго.

— А вечером я в последний раз встретил его мать. Она была очень радостная. Платок на ней был белый, а до этого — тёмный. Очень благодарила и сказала, что сын её прощён, так как раскаялся и исповедался, и что она уже с ним виделась. Тут уж я сам с утра пошёл по его адресу. Соседи сказали, что вчера он умер, увезли в морг.

Вот такой рассказ отца Павла. Я же, грешный, думаю: значит, матери было дано видеть своего сына с того места, где она была после своей земной кончины, значит, ей было дано знать время смерти сына. Значит, и там её молитвы были так горячи, что ей было дано воплотиться и попросить священника исповедать и причастить несчастного раба Божия. Ведь это же так страшно — умереть без покаяния, без причастия.

И главное: значит, она любила его, любила своего сына, даже такого — пьяного, изгнавшего родную мать. Значит, она не сердилась, жалела и, уже зная больше всех нас об участи грешников, сделала всё, чтобы участь эта миновала сына. Она достала его со дна греховного. Именно она и только она силой своей любви.

ПОКА НЕ ДОГОРЯТ ВЫСОКИЕ СВЕЧИ

За столом летнего кафе — компания молодёжи. Лица красные, жесты энергичные. Говорят громко, кружки по столу двигают резко и, кажется, разбили одну: около стола уборщица с веником и совком.

— Вы не возражаете?

Я повернулся — кто это с таким детским голосом? — и увидел мальчика. Я хотел послать его к папе-маме, но разглядел, что это карлик. Лет сорока.

— Да, конечно.

— Люблю, — сказал он, ловко влезая на стул и придвигаясь на нём ближе, — люблю на открытом воздухе выпить свежего пивка. Вы позволите? — он перехватил у меня пустую кружку и передвинул уборщицу. — Вы кто по профессии? — спросил он, поворачиваясь обратно. — Можете не отвечать, главное, что интеллигентный человек. И мы поймём друг друга. — И, хихикая, добавил: — Несмотря на явную разность величин.

Мимо нас к прилавку прошёл мужчина, пошатнулся, задел кого-то из парней. Они все сразу вскочили и налетели драться. Каждый непременно старался ткнуть мужчине в лицо. Кепка слетела у него с головы. Уборщица успела быстрее всех. Оттащила мужчину, прикрикнула на молодёжь. Тут мой карлик слез со стула, подбежал к упавшей кепке и стал её подпирать и топтать. При этом восторженно вскрикивал. “Вы позволите?” — спросил он парней. И вскоре он сидел уже за их столом и потешал их.

Я невольно вспомнил карлика, который в моём детстве пас гусей. Имени его мы не знали, звали Лилипутом. Он жил на мельнице, ходил босиком. Помню пруд и плотину после дождя. На глине — глубокие детские следы. Лилипут очень боялся гусей. Пока гнал одних, другие забегали сзади и щипали его.

Ещё вспомнился мне театр лилипутов и афиша:
“ТЕАТР! ЛИЛИПУТОВ!!!”

Уборщица подняла кепку мужчины, хлопнула ею по стулу, унесла. Карлик что-то рассказывал парням. Парни хохотали и плескали в его кружку из своих.

Казалось, что у лилипутов должны быть крошечные паспорта, крошечные фотографии в них и вообще всё — капельное: кукольная посуда, маленькие весы и гири. Буханки хлеба хватает на весь театр на неделю. Когда мы узнали, что театр приехал, то нас уже от клуба было не оттащить. И дождалась — изнутри вышла женщина-лилипутка. Губы накрашены, в губах роса. “Мальчики, — сказала она, хотя любому мальчику была по пояс. — Нужен уголь — подводить брови. Кто принесёт, получит контрамарку. — Мы молчали. — Ну! Простой уголь! Из печки”.

Ближе всех жил Руслан, сын продавщицы. И то, что он опередит всех, я с великой горечью понял, когда добежал до своего дома и нахватал полную пазуху самоварных углей.

Окна в клубе были плотно занавешены, и мы ничего не увидели, а Руслан рассказать ничего не сумел, только всё повторял шутку из концерта: “Он в столовой говорит: “А где сахар?” — Она говорит: “Вы как мешали? Направо? А сахар ушёл налево””.

...Молодняк за соседним столиком вдруг встал и, говоря нынешним языком, слинял.

— Вы позволите? — спросил карлик. — Интересует меня молодёжь, — сказал он через минуту. Говорил он быстро, с удовольствием, хотя казалось, что говорить высоким голосом трудно. — Вы заметили, какова стадность? — спросил он. — Впятером за бутылкой. Будто нельзя одному. — Он чувствовал, что говорить мне с ним не хочется, но не отступился, наоборот, качнулся вперёд, заговорил вполголоса:

— Вы не думайте, у нас всё так же, и свадьбы, и дорогие специальные кольца (он показал широкий жёлтый перстень) — всё, как у вас, только по знакомству. Только у нас не рождаются дети. Нет детей! — трагически произнёс он. Выждал паузу и закончил:

— Мы рождаемся у нормальных людей. Н-но! Вопрос: кто нормальные?

Невольно я заметил, что ноги его в лаковых туфельках не достают до земли.

— Да, да, — сказал крошка, — это загадка природы: карликов рождают гиганты. Причём правильно говорить не “лилипут”, а “карлик”. Некоторые наши стеснялись этого слова, но возьмите Даля: у него нет слова “лилипут”. Даже в девятьсот третьем году при переиздании словаря Даля Бодуэн де Куртэнэ не включил слово лилипут, проверьте. Видимо, Свифтов Гулливер ещё не прошёл по России. Это ведь оттуда страна Лилипутия. Забавно! — воскликнул карлик. — Свифт думал, что зло исчезнет, когда люди прочтут его книгу. Прошло три столетия — и что? Но это к слову. Когда не с чем бороться, зачем жить? Так вот, кому-то кажется благозвучнее “лилипут”, хотя правильнее — “карлик”. А-а, теперь карликом обзывают всякого горбуна. Нет чистоты породы! Вы пейте, пейте. Я, с вашего позволения, тоже.

— У вас есть теория? — спросил он вскоре, утираясь большим жёлтым платком. — Нет? Ну, это нестрашно, в основном, живут без теорий. Вот эти, например. Но узнать их подоплёку, изнанку...

— Это можно и без топтания кепки, без лизоблюдства. — Я всё-таки не мог понять, чего ради он заискивал перед парнями.

— Если бы меня не перебивали, — сказал он, — но всегда думают, что в маленькой голове мало ума. Дело же не в килограммах мозга, а в извилинах. Грецкий орех или тыква? — спросил он. — Однако у нас пусты бокалы, я их наполнил. Сейчас вы скажете, что страсть к услужливости у меня в крови, и ошибётесь. Просто я возьму без очереди, а вам не дадут.

И в самом деле, очередь перед ним расступилась. Да доведись бы до кого угодно... От сдачи я отказался. Он спрятал её, снова залез на стул.

— Благодарю. А ведь вы вряд ли богаче меня, у вас нет лаковых туфель и золотого кольца, и вовсе не современный костюм.

— И что же теория? — спросил я.

— Покончим сначала с этой, — ответил он, обхватывая кружку как маленький бочонок. И долго, по-комариному пересасывая в себя жидкость. — Теория в том, — сказал он наконец, вновь утираясь жёлтым платком и слегка пошаркиваясь, — что все познаётся в сравнении. Не будь вас, мы — карлики — считали бы себя гигантами по отношению, например, к мухе. Не так ли? И кто возразит, что электрон бесконечен для познания? А ведь я побольше электрона, — засмеялся он. — Сколько душ на конце иглы? Или вы по-прежнему считаете это схоластикой? Но, — вновь вернулся он к прежней теме, — вы хозяева природы, а природа создала карликов, чтобы вы считали себя большими. В сравнении. Потому что появились великаны, и все вы перед ним — лилипуты. Кстати, вся теория относительности в этом. Эйнштейну совершенно излишне аплодируют. Но почему карликам не дано функции размножения? Наше себялюбие помогло бы нам размножаться с большой скоростью. Кто знает, какое качество возникло бы из количества карликов. Вы не устали? Ещё пива? Ведь вы столько выпьете, что мне не унести. Деньги есть, не волнуйтесь. Зарплата у нас подходящая. Знаете первую заповедь? Если ты должен предать свой народ, чтобы спасти его, предай. А вторая? — карлик ещё раз показал широкий перстень:

— Копи золото и жди сигнала...

В кафе вернулся мужчина, которого хотели избить парни. Я махнул ему рукой, он увидел и сел к нам. Он где-то успел ополоснуть лицо, вытирался рукавом и глядел по сторонам трезвеющими красными глазами.

— Ты этих парней знал?

— Впервые вижу.

— Вот твоё теория, — сказал я карлику, — количество этих мальчиков сильнее мужика, так?

— Это совсем другая теория, — радостно сказал он, — это вопрос стадности, я же говорил...

— Кепку мою не видали? — спросил мужчина. Карлик спрыгнул со стула, быстрыми шажками сходил за кепкой.

— Спасибо, — сказал мужчина. — И только за то хотели убить, что нечаянно задел. Это уж до чего дошло? Хуже нас людей не осталось. Я пришёл выпить пива. Имею право.

— Д-да! — вскрикнул карлик.

Мужчина, будто впервые увидев его, долго смотрел.

— Ты какой размер носишь?

— Ой, только не надо! — заотмахивался карлик. — Только не говорите, что нам дешёво жить, наши женщины, представьте себе (он адресовался ко мне), нуждаются в мохере не меньше других и не носят детских колготок...

— Я своей покажу мохер, — сказал мужчина. — У них, конечно, одним пивом не обошлось, — сказал он о парнях.

— Всё — спецзаказ, всё — индпошив! — продолжал карлик. — Это дорого. Это безумно дорого. Никто не представляет себе, как дорого.

— Пенсию-то какую-то должны вам платить, — сказал мужчина. — Одежда дорого, зато на еду мало идёт.

— Вы ещё сначала заработайте эту пенсию.

— Тебя же не поставишь камни ворочать.

— Перестань, — сказал я мужчине. Пододвинул ему нетронутую кружку. Своим высоким голосом карлик стал говорить:

— Один энный, скажем так, человек нанимал меня для шпионажа...

Мужчина поперхнулся и долго кашлял. Я постучал мужчину по спине.

— ...для шпионажа. Он был страшный картёжник, ставки бешеные, вначале он хотел нанять вертолёт. Они играли в парке. Вертолёт зависает над ними, вертолётчик смотрит в двенадцатикратный бинокль и по радию сообщает данные. Но неудобно: вертолёт шумит, партнёр может пересесть, сядет спиной. Вот тогда игрок решил использовать мой рост. Он взял большую спортивную сумку, посадил меня в неё, принёс к месту игры. Но я всё же не молекула, не атом. Вдобавок партнёр сильно прижимал к себе карты. Так что мне даже ничего не заплатили.

— А знаешь, — воодушевляясь, сказал мужчина, — пойдём к тебе в гости. Пойдём к нему, — пригласил он меня. — Кровать, наверное, у тебя с этот столик. Или детская коляска? В ней и похоронят.

— Ничего интересного, — грустно ответил карлик. — Может быть, только перевёрнутая подозрная труба. Я смотрю через неё на улицы, и все вы кажетесь мне муравьями. Ещё, может быть, набор говорящих кукол: президенты, их жены, прочий аппарат. Иногда я на них проигрываю очередную смену правительств. Но и это не редкость. Пожалуй, единственное, что у меня есть, — свеча. Абсолютно с меня ростом. Стоит на полу. Пламя на уровне моих глаз. Боюсь зажигать, ощущение шагреновой кожи, то есть... объяснить?

С прежним шумом в кафе вернулась прежняя компания.

Одни пошли за стаканами, другие сели и стали звать карлика.

— Я пойду, — сказал он, — с тем условием, что вы будете знать мой научный интерес. Шагреновая кожа, — разъяснил он напоследок, — это вся наша жизнь. Я маленький, кровь во мне обращается быстро, я сильнее чувствую, быстрее живу, а вы наоборот, оттого мне любопытны ваши особи.

Он перешёл к парням.

— Их по одному надо убивать, — сказал мужчина. — Ну, свяжись я с ними сейчас со всеми. И что? И не жилец.

Слышно было, как карлик высоким голосом спрашивал:

— Вопрос на засыпку: как звали карлицу в романе Пушкина “Арап Петра Великого”? Считать до трёх? Бесполезно! Ласточка. Каков размер вершка? Вершок? Р-раз, два... три! Бесполезно. Сколько вершков росту были карлики, подаренные Голицыным (кто Голицын?) Петру Первому? Двенадцати! Стыдно, цари природы! Все цари имели карликов, а вы и без карликов мните себя царями.

Мы ещё посидели. Подходил один из парней, спрашивал, не обижали ли мы их нового друга. Звал к ним. Мужчину они не узнали.

Надо было спросить карлика про театр лилипутов. Если их немного, они могут знать друг друга. И тот мужичок с ноготок? Который пас гусей. Да нет, это было давно.

— Давай выпьем, — говорил мужчина. — Если что, кепку продадим. Но было уже поздно.

ЯНКИ, ГОУ ХОУМ!

Обычно фронтовики не любят смотреть военные фильмы. Даже не оттого, что в фильмах “киношная” война, а оттого, что слишком тяжело вспоминать войну. Мне кто-то рассказал про одного ветерана, бойца пехоты, который пристрастился смотреть всякие “Хроники низколетящих самолётов”, всякие сериалы, смотрел и плакал, и говорил соседу, тоже фронтовику: “Вот ведь, Витя, как люди-то воевали, какая красота, а мы-то всё на брюхе, да всё в грязи, да всё копали и копали...” Ветерану начинало казаться, что

он был на какой-то другой войне, ненастоящей, а настоящая — вот эта, с музыкой и плясками.

Мы, послевоенные мальчишки, прямо-таки бредили войной. Она была и в фильмах (“Подвиг Матросова”, “Голубые дороги”, “Подвиг разведчика”), она была и в наших играх, и в каждом доме. Там — отец не вернулся, там — вернулся весь искалеченный, там — всё ещё ждали. Мой отец, прошедший со своим единственным глазом ещё и трудармию (а что это такое, лучше не рассказывать), разговоры о войне не выносил, и я не приста-вал. Дяди мои, на мой взгляд, тоже не подходили для боевых рассказов. Уж больно как-то не так рассказывали.

— Дядь Федя, тебя же ранило, — приставал я. — Ну, вот как это?

— Как? А вот становись, я тебе по груди с размаху колотушкой охре-начу, вот так примерно.

Другой дядя, моряк, был даже офицер. После войны он вернулся к сво-ему плотницкому ремеслу. Мы крутились около, помогая и ожидая перекура. Спрашивать опасались, мог нас послать не только в сельпо — подальше. Но дядька и сам любил вспомнить военные денёчки.

— Ох, — говорил он, — у нас в буфете, в военторге, две бабы были — умрёшь не встанешь. К одной старлей ходил, к другой вообще комдив. Од-нажды... — Тут нам приказывали отойти, ибо наши фронтовики, в отличие от сегодняшней демократической прессы, заботились о нравственности детей. Но то, что нам позволяли слушать, было каким-то очень не героическим.

— Дядя, — в отчаянии говорил я, — ведь у тебя же орден, ведь ты же катерник, ты же торпедник, это же, это же!

— Ну, и что орден? Дуракам везёт, вот и орден, — хладнокровно отве-чал дядя, плыв на лезвие топора и вода по нему бруском.

— Ну, расскажи, ну, расскажи!

— Не запряг, не нукай. Уж рассказывал. Подошёл транспорт, надо по-топить.

— Транспорт чей? — уточнял я. Это больше для друзей.

— Немецкий, чей ещё? Послали нас. Как начальство рассуждало: пош-лём катер, загнуты четверо — невелика потеря, и рассуждали правильно: война. Четыре торпеды. Торпеды нельзя возвращать, надо выпустить. Кате-горически. Мы попёрли. Я говорю, дуракам везёт, на наше счастье — резко туман. Везёт-то везёт, но заблудились. Прём-прём да на транспорт и выпер-ли. С перепугу выпустили две торпеды и бежать со всех ног...

— Почему с перепугу?

— А ну-ка, сам вот так выпри на транспорт! Это ж гора, а мы около как кто? То-то. Бежать! Утекли. Еле причал нашли. Ну, думаем, будет нам. Торпеды приперли. Я с горя спирту резанул. Вдруг из штаба — ищут, вы-зывают. А куда я пойду, уже расколотый, мутный. “Скажите, — говорю, — что башкой треснулся, к утру отойду”. В общем-то кто-то всё равно настуч-чал, что я взболтанный. А почему вызывали — транспорт-то мы потопили! Вот мать-кондрашка, сдуру потопили. Так ещё как приказ-то звучал: “...ис-пользуя метеорологические условия и несмотря на контузию, и экономя, слышь, боезапас...” — вот как!

— За это надо было Героя дать, — убеждённо говорил я. Спустя малое время, окончив десятилетку, я стал работать литсотрудником районной газе-ты. И получил задание написать о Героях Советского Союза. Их у нас в рай-оне было четверо. Но один уже сидел в тюрьме за то, что надел свои орде-на и медали на собаку, а сам стрелял из охотничьего ружья в портрет отца народов: второй, инвалид, ездивший на трехколесной трещавшей инвалидной самоходке, был куда-то увезён, говорили, что в интернат для ветеранов. На самом же деле инвалидов просто убирали с глаз долой: была такая поли-тика, чтоб поскорее забыть войну, чтоб ничего о ней не напоминало.

Уже и холодная война заканчивалась, уже Хрущёв съездил в Америку, постучал ботинком по трибуне ООН, уже велел везде сеять кукурузу, уже подарил Крым своей бывшей вотчине, тут и фронтовиков решили вспомнить. И мне — не всё же кукурузу воспевать! — выпала честь написать очерк для нашей четырехполоски “Социалистическая деревня”. Редактор узнал, кто из двух оставшихся Героев передовик мирного труда, и выписал командировку.

Мы не ездили в командировку, а ходили. Так и говорили: пошёл в командировку. На юг района — сорок километров, на запад и восток — по тридцать, на север — шестьдесят; все эти километры я испагал и по жаре, и по морозу, и в дождь, и в метель. И какое же это было счастье — это только сейчас доходит до сознания! Как мела через дорогу узорная позёмка, как напряжённо и всё-таки успокаивающе гудели столбы, как далеко по опушке леса пролетало рыжее пламя лисы, как пронёсился, ломая наст, тяжёлый лось, а весной далеко и просторно разливалась река, и в заречную часть можно было попасть только на катерах сплавоконторы. А летние вечера, белые от черёмухи улицы деревень, а девичий смех, от которого туманилась голова и ощутимо билось сердце... Что говорить!

Герой будущего очерка был механизатором. В военкомате я выписал все данные на него и знал, что он получил Золотую Звезду за форсирование Днепра. Готовые блоки фраз уже были в фундаменте очерка: “В то раннее утро рядовой такой-то такого-то энского полка встал до соловьёв (мне очень хотелось про соловьёв!). Он подошёл к Днепру, умылся речной водой и вспомнил родную реку детства, своё село” (мне очень хотелось, чтобы на Днепре вспомнили Вятку и моё село)... Ну, и далее по тексту.

— А вы вспоминали в то утро свою родину? — спросил я, когда, найдя Героя, стал его расспрашивать.

— В какое утро?

— В утро форсирования Днепра.

— А, нет, мы ночью погребли.

— Но вспоминали? (Я мысленно переделал утро на тревожную ночь.)

— Может быть, — неохотно отвечал механизатор. — Тут баба с печки летит, сто дум передумает.

— Вы вызвались добровольцем?

— Да, вызвался.

— Почему именно?

— Дурак был. — Механизатор посмотрел на меня. — Вроде вас возрастом. Молодой был, вот и попёр. Там как заинтересовывают — сто первых выйдут на плацдарм, зацепятся, день продержатся — Герой. Кто? Ну, и пошёл — два шага вперёд.

— Но вы же потом не жалели, когда получили награду?

— Чего жалеть, вот она. Сейчас, правда, льготы за ордена и проезд бесплатной сняли, а так чего ж... в школу приглашали.

— Да, правильно (надо в школе побывать), дети должны стать патриотами.

Сделаю отступление. Мы выросли так, что умереть за Родину было нашей главной мечтой. О, сколько раз мы играли в Матросова, сколько же раз закрывали грудью амбразуру и умирали. Умереть за Родину было так же естественно, как дышать...

Я принёс очерк редактору. Отдал и встал навтыяжку. По лицу читающего очерк редактора я понял, что отличился. Только два места он похерил:

— Что это такое — вспомнил родину? А Днепр разве не наша родина? (Тогда не было позднее выдуманного термина “малая” родина.) И второе: “Прямо в песке закопали убитых товарищей”. Напишем: “После боя отдали воинские почести павшим”.

Я не возражал. Но за день до запуска очерка в печать редактор позвонил в колхоз, где работал механизатор, и узнал, что тот напился и наехал трактором на дерево. Редактор срочно послал меня на лесоучасток, где жил последний, четвёртый Герой.

Лесоучасток назывался красиво — Каменный Перебор, может, оттого, что стоял на берегу прозрачной каменистой реки Лобани. Этот Герой тоже был механизатором и тоже получил Звезду за форсирование реки. Но не Днепра, а Одера.

— Да и Вислу форсировали, — сказал он. Он всё-таки был хоть чуть-чуть поразговорчивей, чем сельский. — Потом всяких французов, датчан выколупывали.

— Как? — спросил я потрясённо. — Французы же наши союзники.

— Да ладно, союзники, — отвечал он. — Какие там союзники, все они

там повязаны. Европа вся сдалась немцам, они её не тронули, потом они им и отработывали. Ну-ка, сравни Минск и Париж, чего от них осталось?

— Но французское Соппротивление?

— Было. Но раздули, — хладнокровно отвечал он. — У них по лагерям лафа, артисты ездили, нашим — смерть. Это, братишка, была война великая, но помогать они стали, притворяться, когда мы переломили Гитлеру хребет. Ещё те сволочи, — неизвестно о ком сказал он. — Да вот хоть и американцы. “Встреча на Эльбе, встреча на Эльбе!..” — кукарекают. А что встреча? Вот я тебе про встречу расскажу. Мы пошли мая десятого-одиннадцатого по Берлину — уже везде американские часовые торчат, патрули американские — они большие мастера победу изображать. Зашли, сели в ресторане. Второй этаж. Внизу — лужайка. В углу — американцы гуляют, ржут. И чего-то в нашу сторону дали косяка, чего-то такое пошутили. Ну, мы и выкинули их в окно.

— Как? — спросил я потрясённо. — Выкинули в окно? Американцев?

— Ну! Да там же лужайка, не камни же. Потом туда им столы выкинули и стулья. И велели официанту отнести им, чего закусить и выпить.

— А... а дирекция ресторана?

— Эти-то? Ещё быстрее забегали. Мы так хорошо посидели. Серьёзно посидели, — добавил он, — и пошли. И идём мимо американцев. Те вскакивают, честь отдают. Вот это *встреча на Эльбе!* С ними только так. А то сейчас развякались: “Хинди-руси, бхай-бхай!” — это с американцами-то? Да эти бы Макартуры и Эйзенхауэры первыми бы пошли давить нас, если бы Гитлер перевесил. Вот немцы могут быть друзьями, это да.

Я был так потрясён этой крамольной мыслью, что зауважал фронтовика окончательно.

Вот такие дела. И ещё сорок лет прошло, протекло, как песок в песочных часах. Живы ли вы — мои милые герои? Я вспоминаю вас и низко кланяюсь всем вам, моим отцам, спасшим Россию.

И думаю: вы-то спасли, а мы продали. Продали, и нечего искать другого слова. Продали и предали. И вот я иду по оккупированной России. Через витрины, заваленные западным химическим пойлом и куревом, отравленной пищей и лаковой порнографией, смотрю на лица, искалеченные мыслью о наживе, смотрю, как ползают на брюхе перед американской помощью экономисты, как политики гордятся тем, что им пожал руку саксофонист, и думаю: “Россия ты, Россия, вспомни своих героев. Вспомни Александра, царя, который в ответ на какие-то претензии англичан к нам, высказанные послом Англии за обедом, молча скрутил в руках тяжёлую серебряную вилку, отдал послу и сказал: “Передайте королю”. Или, когда он ловил рыбу, ему прибежали сказать, что пришло какое-то важное донесение из Европы, а он ответил: “Европа подождёт, пока русский царь ловит рыбу”. Но ведь и наш, нынешний, тоже ловит рыбу. А вот интересно: он ловит, а ему бы прибежали сказать охранники, что зовёт Буш. Ведь бросил бы, чай, удочку...

Ещё могу добавить, уже от себя, что не только те, при *встрече на Эльбе*, американцы трусливы, но и теперешние. У меня есть знакомый американец, русист. Он с ужасом сказал, что все эти “марсы”, “сникерсы”, стиральные порошки, средства для кожи и волос — всё это жуткая отравка и зараза.

— Тогда спаси моих сограждан, — попросил я, — выступи по телевизору. Тебе больше поверят, чем мне.

И что же? Испугалась смертельно мой американец. Разве осмелится он хоть слово вякнуть против тех компаний, которые наживаются у нас? Не посмеет.

А ещё почему трусливы американцы? Они жадны. А жадность обязательно обозначает трусость. Давайте проверим: вот придёт в России к власти то правительство, которое любит Россию, не шестерит перед разными валютными фондами, верит в народ, в Бога, знает, что нет запасной родины, и что? И все эти “сникерсы” сами убегут.

В годы детства и отрочества, помню, часто печатались в газетах и журналах фотографии и рисунки из разных стран, на которых были написаны слова: “Янки, гоу хоум!” — то есть “Янки, уходите от нас”. Все беды мира

связывались с американской военной или экономической оккупацией. И наши беды отсюда. Так что на вопрос: “Что делать?” — отвечаем: писать на заборах и в газетах: “Янки, гоу хоум!” Не уйдёте в дверь, выкинем в окно. На лужайку. Перед Белым домом.

КРЫША ТЕЧЁТ

Старинный двухэтажный дом старинного села на старинном тракте. Ещё мощные стены, потолочные перекрытия, помнящие столыпинские времена. Вот крыша плоха, крыша течёт. Я живу на первом этаже — мне меньше достаётся осадков, а на верхних льётся с избытком. Но они, я заметил, не очень-то горюют. Живут весело. Там их, на втором этаже, три женщины. Про одну, с двумя ребятишками, сказать ничего плохого не могу, а две другие круглосуточно в вихре удовольствий. Одна вроде разведена, другая вроде с Кавказа: Гуля и Виктория. Вот они, вернее, их клиенты, доставляют мне много неприятностей. Главная неприятность — шум и ругань. Нашествие пьяной мужской части человечества усиливается к ночи, нарастает к полудню, стихает к утру, утихает до полудня, возобновляется с обеда. Столько мужичков в иную пивную не ходят. Под окном — забор. Некоторые посетители второго этажа бодаются с ним. Бодаются с переменным успехом: то забор валит мужичка, то мужичок — забор. По пьянке один парень ввалился ко мне. Покрутил головой, осознал, что попал не туда, но фасон держал.

— Вы старOVER? — сурово спросил он.

— Нет, православный.

— Дайте пять рублей. Лучше десять.

Я отдал, но не понял, за что плачу: за то, что я не старOVER? Или за то, что православный? Другой орёл, может, уже по наводке первого пришёл, постарался сесть прямо и сообщил, что много кой-чего знает. “Про Афган, имею в виду. Учти — это совсекретная информация”. Ничего из совсекретности я не узнал, но узнал, что он желает продолжения праздника.

Вскоре со мной перестали церемониться. Врывались и хрипели:

— Не дай помереть! (То есть выдай сумму.)

Умение состричь с меня нужную сумму бывало иногда изысканным. Не всегда же по нахалке просили. Вот взять Аркашу: всё умеет — плотничать, плясать, но главное — выпить. Моих лет, но рядом поставить — я выгляжу стариком, а его до сих пор жена ревнует. Не знаю, может, напрасно, может, нет, я расскажу о том, как Аркаша утончённо извлекает из моего кармана средства.

Вот я приехал, ещё и бумаги не разложил, а Аркаша уже сидит. Ничего не просит, только очень-очень сокрушается:

— Ёк-макарёк, что б тебе было вчера приехать, а? Аль погода задержала, аль другую любишь ты? Вчера не мог никак приехать, а?

— Значит, не мог. — И спрашиваю неосторожно: — А что вчера?

— Вчера, только вчера, — восклицает Аркаша, — я отдал ведро черники за бутылку! Ведро! Хоть бы кто подсказал литра бы два тебе оставить. Я ж дурак — и башка трещит, и черники нет. Оно бы, Николаич, твоё было, оно же для тебя предназначалось, это ж черника! Я Нине говорю: Нин, вот бы Николаичу это ведро, съел бы — сразу бы без очков газету читал. Это ж черника! Да-а!

Аркаша так убивается, что я понимаю, что должен как-то уменьшить его страдания. Получается, что я должен Аркаше бутылку. Одну, всего одну за целое ведро. Аркаша приходит через несколько дней и спрашивает, когда я уезжаю.

— Завтра? Точно? Обязательно надо? Конечно, дела. А остаться никак не можешь?

— Нет.

— Жаль! — почти радостно восклицает Аркаша. — Ведь у меня завтра будет ведро черники, тебе б за бутылку отдал. Это ж черника — цар-

ская ягода. Ведро за бутылку где купишь? Разве в Москве купишь ведро за бутылку?

— Смотря какая бутылка, смотря какое ведро.

Аркаша смеётся, шутка моя кажется ему очень остроумной. Ему смешно, а я опять ему должен бутылку. В самом деле, почему я уезжаю завтра, ведь послезавтра у Аркаши именно для меня будет целое ведро! Приходится платить. Уезжаю без черники, но всё-таки хоть Аркаше ничего не должен. Он, пьяненький, провожает меня, поёт:

“Ребят всех в армию забрали, хулиганов, настала очередь моя. Мамаша в обморок упала с печки на пол, сестра сметану пролила”.

— Николаич, приезжай за брусничкой! — И пытается плясать.

Когда я приезжаю осенью, история повторяется: никакой брусники нет. Но была вчера. Я же виноват, почему ж вчера не приехал. И грибов нет. Но будут. “Не уезжай ты, мой голубчик”, — говорит Аркаша, и я исправно плачу ему за такое усердие в деле добывания для меня лесных даров. А Аркаша, оказывается, и стихи для меня сочинил: “У лукоморья дуб спилили, златую цепь большевики пропили, на kota уж кандалы надели, в зоопарк свели, а сами к лешему пошли”.

Не всякий поэт отважится выступить в соавторстве с Пушкиным. Как не вознаградить такую отвагу?

Да, но домик наш старинный содрогается от грохотания пьяных ног по лестнице, от биения кулаками в двери, иногда не в те, от нечленораздельной громкой речи, в которой воспоминание о матерях — основное. Интересно, что, когда весь день играют под окном или в коридоре ребятишки, это мне не только не мешает, но и настраивает на работу, а этот пьяный шум расстраивает.

Но вот, чтоб не сглазить, третий день в доме тихо. Сижку, гляжу, как темнеют от короткого дождя и быстро сохнут тротуары, как возится под берёзой неугомонный пёсик Тотошка, как тихо и умиротворённо кольшутся ветви, — так хорошо! А всё кому спасибо? Спасибо Татьяне, Тане-капустихе, как она в шутку про себя сказала. Уж не знаю, надолго ли, но посетителей второго этажа она отвадила.

Пришла она, кстати, тоже не просто чаю попить, ей надо было добавить к имеющейся сумме ещё сумму. Но не тягостную для меня. Таня охотно согласилась выпить чаю и объяснила, что им с мужем надо поправить здоровье после отмечания дня рождения бабушки.

— Гулина Мария Самсоновна. Мне вместо матери. Мать у меня всю жизнь по тюрьмам. Сидела за аборт. Попалась за такой бизнес. Я вам скажу версию, вы поймёте: семимесячный аборт — это же убийство. На семь лет. Отец был, но молодой же, охота попить-погулять. Сапожник. Звали Вася-капустик. Остались с бабушкой: я — полтора года, братики — шесть и восемь. Да-а, мать загремела. А та-то сама просила. Нагуляла, некуда деваться, три дня у нас лежала. Не она — родные подали в суд. Они-то, вишь, хотели ребенка. “Чей бы бык ни прыгал — телята наши”. И мы остались с бабушкой. Бабушка на свою зарплату (она была санитаркой в морге, какая там у неё зарплата — минималка!), а нас подняла. Садимся чай пить: вот вам по конфетке, по печенюшке. Мы растягиваем их, понимаем, что такое конфета. Братики начали подрабатывать: жили рядом с базаром — кому чего поднести. Но ни в жизнь не воровали. Честно! Ходили рыбачить, продавали. Опять рубль или два бабушке несут. Я посуду мыла, пол, крыльцо мела. Жили вчетвером на тринадцати метрах. Семь лет кантовались, по-русски сказать. Мать пришла, привезла кучу денег, газету, там про неё — передовик труда. Меня снарядила в первый класс, одела, как куклу. “Таня, я не шлоха, не вор, я честно заработала”. Так одела, что я боялась на стул сесть, платье измять.

Таня вздохнула. Я ещё ей налил чашку.

— Полгода, полгодика с мамочкой, косы заплетала, бантики гладила, полгода. Опять к ней пришли, просят. Не смогла какая-то стерпеть, подставилась, в больницу боится. И тут — аборт со смертельным исходом. Снова семь лет. Когда второй раз вернулась, мне уж было пятнадцать.

Тут над нами раздались звуки пьяной разборки. Таня встрепенулась:

— Опять они! Ну!..

— Татьяна!

— Я не матерюсь. Никогда. Я молитвы читаю. Читаю “Отче наш” и свои: “Мать Пресвятая Богородица, помоги и спаси”, “Господи Всемогущий, дай мне хлеб насущный”. И есть всегда на хлеб. Но эти же другого языка не понимают. А мой поймут.

— Вообще, Татьяна, может, они не думают, что ругаются. Достоевский говорил, что у русских сквернословие есть, а скверномыслия нет.

— У них ничего нет, у них одно.

Звуки разборки усилились. Таня отодвинула чашку и решительно шагнула за порог. Наверное, так шли добровольцы на врага. Я шагнул за ней. Она уже резко считала ступеньки, резко и громко стала материть стоящую там мужскую компанию. Но нет, я неверно сказал — не материла, но так она их полоскала, не упоминая имени матери, что я изумился. Увы, это непечально. Пусть цензуры и нет, но есть же чувство белого листа. Как его очернить руганью? Я понял, что мне подниматься не следует, ибо после Таниного выступления наступила тишина.

Таня вернулась, я налил ей ещё чашку. Очень довольная, она позволила себе взять дольку шоколада и сказала:

— Крыша у них течёт, так кобелями сверху прикрываются.

— И много их там?

— У этих-то? А сколько вытерпят, — хладнокровно ответила Таня и продолжала про бабушку.

Я же с изумлением ощущал тишину в доме.

— Бабушка, конечно, выпивала, но, конечно, они выпивали не как мы. Берут красненького одну, их четыре старушки, ещё два старичка-инвалида, вынесут во двор стол, во главе — тётя Валя с балалайкой. Выпьют по стопке, и тётя Валя пошла на балалайке! Мы же вчера-то в честь дня рождения бабушки собрались. Детишкам — мороженое, печенье, нам чего другое. Муж закалымил сто двадцать: “Иди, Таня, за вином”. Сидим, я любимую бабушкину запела “Ой, мороз-мороз”, вот как сейчас спою. — Таня спела куплет. — Спела, муж говорит: “Дак ниче, песню не испортила, не орешь во всю глотку, — говорит. — Ак допой давай”. А-а, говорю, захотелось — допой. Ещё была у бабушки любимая, — Таня запела: “Вот кто-то с горочки спустился...” Муж говорит: “Ак, Тань, голос-то у тебя хороший”. Я говорю: а чего ему плохому быть, я ведь его не прошила, не прорала, я ведь женщина, должна меньше пить. Женщина, — сказала Таня назидательно, — за столом не присядет, постоянно в движении, принести-унести, кому закурить подать. А я сильная. Я вес чувствую, а тяжести не чувствую, я сегодня гроб с одной стороны одна подняла. С другой — двое мужчин. Со стороны ног легче: в головах — мысли, а в ногах — одна беготня. Я больше своего веса поднимаю. У меня одни мышцы. Я могу и литр, и два за ночь выпить и опять бегу работать. Женщинам меня не перепить. Только надо покушать. Суп, колбасу, консервы. Пью не залпом, не галопом. Выпила, поставила, закуски, разговоры, потом опять. С промежутками пьешь — и всё в том же состоянии, что вот сейчас и с вами сижу.

— Слушай, Таня, я так тебе благодарен, ведь сидим-то в тишине, ведь замолчали.

— А вы, если что, зовите. Их надо так вразумлять. Я перекрещусь, в три этажа загну, сразу, блин, понимают. Знаешь ведь: чем дальше лес, тем толще партизаны. Это присказанька такая.

В тишине я жил и следующий день. Осторожно ходил в магазин, на реку, зорко смотрел вперёд и по сторонам, не притаился ли в зарослях уличных деревьев и кустарников, как щука в осоке, Аркаша. Нет, видно, куда-то уехал. Подстерёг меня не он, а другой мужчина.

— К вам посоветовали обратиться, говорят, иди, он соображает.

— В чём я соображаю?

— Как с женой поступить.

— Ой нет, в этом я не соображаю.

— Да у меня просто. У меня сахар еся, мука еся, огород еся, поросёнок еся... Чего ей надо?

— Не хочет быть крестьянкой, хочет быть столбовою дворянкой?

— Этого не замечал. Всё же еся. Ну, не люблю я её, ну, и что? А ей вынь да положь какую-то любовь. Мука же еся, какая ей любовь?

— Женщине, — сказал я, — не только муки и сахару надо, а чтоб любовь была еся.

Вернулся домой. На крыльце — дамы со второго этажа. Трезвые, виноватые, прилично одетые.

— Ну, что, красавицы, не надо больше звать Татьяну Васильевну?

Они как-то смущенно похихикали и сообщили, что едут в деревню.

— Принудительно? Добровольно?

— Ну, если кто придёт, скажите, чтоб больше не приходили, — стали поручать мне дамы.

— Нет, я на это не гожусь, — сказался я. — Я Татьяну позову.

Они опять похихикали. На том и расстались.

К вечеру началась гроза. Далёкие, слабо озвученные молнии неслись параллельно линии горизонта, тут же их сверху вниз перечёркивали другие, словно десница Всемогущего крестила тёмное нашествие туч с запада. Гроза подошла вместе с ливнем, молния уже не отделяла свой высверк от удара грома, всё покорствовало стихии, деревья свежели, мокли, темнели, песчаная дорога набухла и запенилась, мальвы и георгины в палисадниках кланялись до земли.

И тут же — ещё не отдождилось — встала радуга! Такая чёткая, широкая, как в детстве на коробке цветных карандашей. Она будто показала, какое там, в потустороннем мире, сияние, будто её специально впустили в щёлочку неба, как солнечный лучик в темницу, для утешения и ободрения.

А ближе к ночи начались тихие, безмолвные зарницы. Они были с другой стороны от уходящей грозы, тянулись за ней. И гром, рождаемый молнией, что-то говорил зарнице, но ревнивая молния уводила его к востоку.

Как горько, как отрадн пахнут осенние флоксы, как безропотно вянут отцветающие гладиолусы, и пчёлы торопятся в последний раз навестить их.

Золото лугов, мелеющая река, тихие голоса светлых родников, серебристые ивы над мокрой тропинкой, неутомное шевеление и щебетание растущих птенцов... В небе — парящий крест чайки. А выше — облака, облака, за ними — небесная твердь. А за ней — вечное золотое сияние всех цветов радуги.

Ночью на тёмном небе — молодой месяц, будто начали промывать небесную твердь и уже процарапали золотую запяную. Как же хорошо жить, и за что нам, таким скверным по плоти и духу, дана такая радость?

ПО МЕСТАМ СТОЯТЬ

Самой пронзительной мечтой моего детства было стать моряком. А военкомат послал меня в ракетную артиллерию. Тоже хорошо. Но стремление дышать воздухом морей и океанов было всегда. Помню учения “Океан” 1970 года на Северном флоте, я писал о них и жил на эсминце “Отрывистый”. Тогда и познакомился с молодым выпускником морского училища, порывистым, вихрастым лейтенантом. Он не ходил — он летал по кораблю.

Тридцать лет прошло. Москва, патриаршая служба в память погибших моряков-подводников. Плачущий седой капитан первого ранга. Не чувствуя горячих капель воска, стекающих с горящей свечи, он отрешённо и горестно смотрит на алтарь. “Он! — толкнуло меня. — Он, тот лейтенант”. У выхода я подождал его. Мы встретились глазами.

— Североморск, — сказал я, — эсминец “Отрывистый”. Учения “Океан”.

— Писатель! — воскликнул он. — Есенина читал. Чего ж ты такой старый?

— А жизнь-то какая!

Мы крепко обнялись. Не слушая никаких возражений, капитан первого ранга, сокращённо, по-морскому — каперанг или капраз, повёз меня к себе.

— Море — это навсегда, — говорил он, лавируя на мокром шоссе за рулём “Жигулей”, как за штурвалом катера. — Навсегда. Это ж про нас, мореманов, шутка: “Плюнь на грудь — не могу уснуть без шторма”. Я после Северного флота везде поселился — и на Тихом, и на Чёрном, заканчивал в Генштабе. Сейчас... сейчас, ну, что сейчас, живу.

И вот мы сидим в его квартире. Она настолько похожа на корабль, что, кажется, пройдёт секунда — и каперанг прямо в шлепанцах отдаст команду: “С якоря сниматься, по местам стоять!”

— Сегодня мне одна команда осталась, — невесело говорит он, — команда эта: “Отдать концы!” И отдам. И все мы, моего возраста мореманы, тоже. Зачем нам жить? Чтоб ещё и ещё видеть позор и поругание флота?

Я стараюсь успокоить моряка, но, конечно, это бесполезно. На стене — карта “Мировой океан”. На карте синими флажками обозначены места трагедий, кораблекрушений, катастроф. На южной части Баренцева моря нарисован чёрный крест: тут потопили атомную подлодку “Курск”.

— Именно потопили, — говорит каперанг. — Сними с карты кортик, дай сюда. Нет, достань из ножен. Вот, кладу руку. Руби! Не бойся, руби. Я руку даю на отсечение, что “Курск” потопили американцы. Если у наших хватит смелости, это все узнают. У них, у натовцев, недавно был фильм “Охота за “Красным Октябрем” — это рассказ о потоплении подлодки типа “Курск”. Они, вопреки всем конвенциям, вошли в район учений, что уже за всеми пределами допустимого. И шарахнули, как акулы кита на мели. Шарахнули и добивали, чтоб никого в живых не осталось, чтоб без свидетелей. Чего ж не рубишь? Прав я, прав, с рукой останусь.

Каперанг тяжело дышит, глядит на стол. На столе по ранжиру стоят бутылка водки, фляжка коньяку и пузырьки с сердечными каплями. Подумав, каперанг берётся за самую маленькую ёмкость.

— Первым стал задницу америкашкам лизать Никита-кукурузник. Вроде смелый, по трибуне ботинком стучит, а новейшие корабли резали на металлолом, лучших офицеров увольняли. Помню, в газетах, в той же “Правде”, всякие статьи: вот, мол, как полковник счастлив, что пошёл в ученики слесаря на завод. Всё Хрущ лысый! А свою трусость и подлость списал на батьку усатого. Мне батька тоже не икона, но нас при нём боялись. Боялись дяди Сэмы, и слоны их, и ослы боялись. Другого языка эти животные не понимают. Америку же образвала европейская шпана, отбросы каторжные, уголовщина. На индейское золото купили европейские мозги, вот и весь секрет. Про индейцев создали фильмы, мозги придумали конституцию. У них национальные интересы Штатов — во всём мире. Я был у них на базе в штате Аризона, там огромный плакат: “Глобальная власть Америки — контроль за всем миром”. И не меньше. Леня ещё Брежнев, как бывший вояка, держался, а уж Горбач, а уж Боря-хряк — эти подмахивали НАТО, как могли. Заметил, что они ничего не выкали, когда парней пытались вытащить? И этот, теперешний, с ними встречается... Нет, пока он себя мужиком не проявит, ничего у него не выйдет. Слопают или сам по-русски пошлёт всех на три буквы и запьёт. Вон Бакатин, мне говорили, пьёт вмертвую. То есть совесть ещё есть. А! — Каперанг взялся за ёмкость побольше. — Давай не чокаясь — за парней. — Он выпил и, видно было, еле справился со слезами. Встал, подошёл к окну, поглядел на московскую осень. Пошёл к карте:

— Где ещё придётся крест рисовать? А я ведь, знаешь, и не думал, что ещё слёзы остались, а за это время сколько раз прошибало. До какого сраму дожили: поехал наш пьяный боров в Берлин оркестром дирижировать, когда с позором нас из Европы гнали! Эх! Коньяк — это несерьёзно, давай “кристалловской”. — Каперанг успокоился, сел, смахнул на пол стопку газет. — Если б не эта зараза, да не этот вот, — он показал на телевизор, — мы бы выжили. Я когда энтэвэшников смотрю, я весь экран заплёвываю. Думаешь, один я такой? Все бы эти плевки на них — они бы в них захлебнулись! Вот телебашня горела не просто, как объясняют, мол, от перенагрузки. От жадности! Грузили провода по-чёрному, они и задымались. Но главное — даже уже и башня не выдержала всего того срама, что её заставляли передавать. Вещи и предметы не безгласны — это, кстати, моряки лучше всех знают.

Да и вообще я к старости стал умные книги читать. Где я раньше был? Вот прочти у Иоанна Златоуста о зависимости погоды и урожая от нравственности общества. Это очень точно. Я, кстати, опять же с детства знал пословицу: “Что в народе, то в погоде”. Так ведь во всём. Вот я полощу начальство, вся страна полощет, но давай задумаемся: мы же их заслужили.

— Да! — резко вдруг сказал он, я даже вздрогнул. — Знаешь, когда мы первый раз серьёзно по морде схлопотали?

— В Сербии?

— Точно. Бандиты и хамы бомбили братьев, а мы только вякали протесты. Потом послали Красномордина замирать — ещё бы, умеет, перед бандитами Басаева в Будённовске шестерил... А, чего-то я совсем разволновался.

Я стал было прощаться, но каперанг заявил:

— Нет, я тебя в таком настроении не отпущу, нет. Я близко знал нынешнего адмирала, для конспирации назову Черкашин, мы с ним на Чёрном болтались. А уже началась горбачёвщина, он всем торопился доложить, что мы за мир, мы разоружаемся. Американцы трусы, поэтому слабину чувствуют. Стали к нам захаживать. Они и всегда-то в нейтральных водах паслись, тут стали наглеть: зайдут в территориальные наши воды, подразнят, потом хвостом вильнут. Мы докладываем: что делать? Нам: не конфликтовать. Ладно. Те хамяют, ходят по палубе в трусах, кричат: “Рашен, делай собрание, голосуй”. Ладно. А этот Черкашин был вторым на эсминце. Я тогда был начальником боевой части. Сидим в кают-компани, материмся. Черкашин командиру говорит: “Товарищ командир, вы же два года без отпуска, пора же вам отдохнуть. Оставьте на меня корабль”. Командир, золотой был мужик, вечная ему память, смеётся: “Нет, Коля, боюсь, больно ты горяч, как бы международного скандала не наделал”.

Ладно. А главком флота был — это был главком! — он тоже в Москве зубами скрипел, мы ему прямую картинку показывали, он же видел, как янки к нам голым задом стоят. И вот — слушай. Не знаю, как они договорились, но думаю, что Черкашин это всё сам проделал. Он заступил на вахту и ночью палубникам приказал все шлюпки, всё, что за бортом висит, прибрать. То есть остались с чистыми бортами. Утро. Те, на крейсере, кофе попили, прут в наши воды, внаглую прут. Гляжу, Черкашин сам у руля. Те прут, они же привыкли, что мы безгласны, у нас же гласность только тут, — каперанг ткнул рукой в направлении телевизора. — Прут. Наш эсминец спокойнѐхонько пошёл навстречу, сделал ювелирный маневр и навалился бортом на борт американца. Те охренели. Все их шлюпки захрустели, как орехи, бассейн на палубе расплескался. Мало того, Черкашин спокойно, но резко замедлил ход и ещё протѐр их по борту. А дальше — ещё мощней: отработал полный назад, потом — полный вперѐд, навалился на другой борт и его прочистил.

— Боже ж ты мой, — воздел каперанг руки, — что началось! Через десять минут Горбач обо всём знал и разродился: разжаловать, наказать, посадить виновных, извиниться! Но главком, повторяю, мужик был от и до, тут же докладывает: накажем, уже наказали, виновного офицера представляем к суду чести, списываем на берег. Да, суд чести был честь по чести, так скажу, Черкашина качнули. А с эсминца, точно, списали... на другой эсминец. Командиром. Ты знаешь, я уверен, америкашки это очень хорошо помнят. Тогда ж сразу уползли в Стамбул бока шпаклевать. С ними только так. Только так! Во-первых, они не за деньги не рискуют — жадны, во-вторых, трусливы. Но всё время теперь будут кусать, как шакалы льва, который слабеет. Пока не дашь отпор, будут приставать.

Мы простились. Кортик со стуком вернулся в ножны и водрузился на место, в центр Мирового океана.

Он вышел меня проводить до лифта. Лифта не было почему-то.

— Чубайс электричество отключил, — невесело пошутил каперанг. — А знаешь, как он умирать будет? Он даже не помирать, он подыхать будет. На вонючем тюфяке и при свете огарка. Да. Остальные приватизаторы — примерно так же. Я человек не злой, но знаю, что возмездие неотвратимо. Вот вы там пишете, что, мол, велика угроза Америки, это так, и мы об этом

поговорили. Но главная угроза — здесь. Не масоны окружили президента, а уголовники. За деньги накупили мест в Думе, депутаты у них — шестёрки, уже им и цена известна. Криминал — вот угроза. Но, как всегда, “наше дело правое, победа будет за нами!” У уголовников и нравы уголовные. Знаешь, как говорится: “Жадность фраера сгубила”, — этих тоже сгубит. При условии, что они до тех пор нас не сгубят. Давай. Топай по трапам пешком. Да! — воскликнул он. — Самое главное, что ж вы не написали, что Сербию бомбили самолёты марки “Торнадо”, и смерч “Торнадо” смёл тогда же многие штаты. Возмездие же было. И ещё будет. Держи пять, — сказал он, — как говорят на флоте. — Крепко пожал мне руку и засмеялся:

— Что же руку-то мне не отрубил, цела! А потому — прав я. Не бойсь, прорвёмся! Главное — по местам стоять!

ЗИМНИЕ СТУПЕНИ

Вятское село Великорецкое. Именно то село, где шестьсот лет назад явилась чудотворная икона Святителя Николая. В начале лета сюда идёт многолюдный Крестный ход из Вятки, и вообще всё лето здесь полным-полно приезжих — и молящихся, и просто любопытных.

Места удивительной красоты, взгляд с горы, на которой стояла сосна с иконой, улетает в запредельные пространства. Небольшая, похожая на Иордан река, источник и купальня около неё очень притягательны. В реке купаются, а кто посмелее, тот погружается в ледяную купель. Зимой купель перемерзает, но источник всё льётся и льётся. Только нет у него, как летом, очереди: пусто на берегу. Но в церковные праздники всё-таки вода льётся не только в реку, но и в баночки, и в бутылочки: это старухи после службы приходят за святой водой.

Пусто зимой в селе, заснежено, просторно. Даже и старухи эти, что стоят на службе в церкви и ходят за водой, не местные, а из районного центра, приезжают на автобусе, который ходит два раза в день, а иногда — ни разу. Но в праздники ходит.

Накануне Рождества двое мужчин, Аркаша и Василий, делают ступени к источнику. Оба одного года, обоим за пятьдесят, но Василий выглядит гораздо старше: судьба ему выпала нелёгкая. Всю жизнь, лет с четырнадцати, на тракторе, в колхозе. Нажил дом, вырастил детей. Дети поехали в город. Жена умерла. Дети уговорили продать дом, чтобы им купить квартиру. Купили. А недавно сын попал в одну историю, ему угрожала или тюрьма, или смерть от дружков. Надо было откупаться. Продали квартиру, сын сейчас живёт у родителей жены, а Василий здесь, из милости, у дальних родственников в бане.

Аркаша молод и крепок на вид, в бороде — ни одной сединки. Аркаша — городской человек, приехал сюда по настоянию жены, она певчая в церкви. Руки у Аркаши сноровистые, батюшка постоянно о чём-то просит Аркашу. Аркаша, конечно, руководит Василием.

Василий работает ломом, Аркаша подчищает лопаткой.

— Дожди на Никольскую ударили, экие страсти, — говорит Василий, — всегда Никольские были морозы, а тут дожди. Но уж рождественские своё берут. — У Василия на красных щеках — замерзшие слёзы. Теплогрейку он давно снял, разогрелся, Аркаша — в тулупчике. — Но уж зато сколько *спасиб* завтра от старух услышим, — разгибается Василий.

— Похвала нам в погибель, — рад поучить Аркаша, — нам во спасение надо осуждение и напраслину принять, а ты *спасибо* захотел.

— Не захотел, а знаю, что старухи пойдут, благодарить будут, какая тут погибель?

— Плохо ты знаешь Писание, — укоряет Аркаша. — Вот ты знаешь великое славословие? Нет, не знаешь. А завтра в церкви запоют, и ты будешь стоять и ничего не понимать. Но это-то должен знать: “Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение”. А? Ангельское пение в небе-

сах слышали пастухи. Пастухом был небось? Вот, а ангельского пения не слышал, так ведь? По нашему недостоинству. В мир пришёл Спаситель, и не узнали! — с пафосом произносит Аркаша. — Места в гостинице не нашлось, в ясли положили Богомладенца. Царя Вселенной!

— Я в хлеву часто ночевал, — простодушно говорит Василий. — Снизу — сенная труха, сверху сеном завалось, корова надышит, в хлеву тепло. Она жуёт всю ночь, я и усну. Утром она мордой толкает, будит... — Василий спохватывается, заметив, как насмешливо глядит на него Аркаша, и начинает усердно откалывать куски льда. Аркаша учит дальше:

— По замыслу Божию, мы равны ангелам.

— Нет, — решительно прерывает Василий, — это уж, может, какая старуха, которая от поста и молитв высохла, светится, — та равна, а мы — нет. Я, по крайней мере. Ближе к этому не стою. Ты — конечно. Ты понятие имеешь.

— Я тоже далёк, — самокритично говорит Аркаша. — Были б у нас сейчас деньги, мы б не ступени делали, а пошли б и выпили.

— Вначале б доделали, — замечает Василий.

— Можно и потом доделать, — мечтает Аркаша, но спохватывается:

— Да, Вася, в Адаме мы погибли, а во Христе воскресли. Так батюшка говорит. Христос — Истина, а учение Его — пища вечной истины. Это я в точности запомнил. У меня память сильно сильная. Вот и на заводе — придут из вузов всякие инженеры, а где какой номер подшипника, какая насадка — все ко мне...

Батюшка уже сходил в церковь, всё подготовил для вечерней службы, велел послушнику Володе не жалеть дров, вернулся в дом и сидит, готовит проповедь на завтра. Перебирает записи, открывает семинарские тетради. Так много хочется сказать, но из многого надо выбрать самое необходимое. Батюшка берёт ручку и мелко пишет, шепча и повторяя фразы: “Мы не соедемимся со Христом, пока не пробудим в себе сознание греховности и не поймём, что нашу греховную немощь может исцелить только Врач Небесный”. Откладывает ручку и вздыхает. Когда батюшка был молод, принимал на себя сан, дерзал спасти весь мир. Потом служил, бывал и на бедных, и на богатых приходах и уже надеялся спасти только своих прихожан. А потом думал: хотя бы уж семью свою спасти. Теперь батюшка ясно понимает, что даже самому ему — и то спастись очень тяжело.

— Ох-хо-хо, — говорит он, встаёт, крестится на красный угол, на огонёк лампадки и подходит к морозному окну.

Последнее на сегодня солнечное сияние розоватит морозные узоры. Тихо в селе. Из труб выходят сине-серые столбики дыма. “Так и молитвы наши, — думает батюшка, — яко дым кадильный”. Он возвращается к столу и записывает: “Благодатная жизнь возникает по мере оскудения греха”. “Нет, надо проще”, — думает батюшка. Но тут же возражает себе:

— Но куда проще говорил Господь Каину, а тот умножал свои грехи. Праведный Ной разве не призывал покаяться? То же и праведный Лот. И не слушали. И на горы приходили воды, и огненная сера падала на Содом и Гоморру. Проходили воды, смывавшие нечестие, но проходил и страх гнева Божия, опять воцарялся порок, плясал золотой телец, опять всё сначала. Господи, как же ты терпелив и многомилостив! Строили столп вавилонский, чтобы увековечить себя, свою гордыню. Господь смещением языков посрамил гордыню человеческую, они же стали воздвигать башни в себе. И опять Господь попустил свободу их сердцам, чтобы сердца их сами увидали гибель. Нет, не увидали. Через Моисея дал законы и обличил немощь человеческую, и опять: разве послушали?

Батюшка снова встаёт, снова крестится, кладёт три поклона и уже не замечает, что говорит влух:

— Пророки говорили и умолкли, дал время Господь выбрать пути добра и зла, жизни и смерти. Всегда-всегда был готов Господь спасти, но люди сами не хотели спастись. И когда прииде кончина лета, кончина обветшавших дней, послал Господь Сына Своего Единородного в палестинские пределы.

Мысли батюшки улетают в Вифлеем. За всю жизнь батюшка так и не смог побывать на Святой Земле, может, оттого так обострённо и трогательно он старается представить себе всю её: и Назарет, и эти ступени, которые вели к источнику Благовещения, и ступени к пещере, в которой, повитый пеленами, лежал Богомладенец и куда вела звезда, и неграмотных пастухов, и образованных волхвов, и ступени на Голгофу... Батюшка всегда плачет, когда представляет Божию Матерь, стоящую у Креста. Сын умирал на её глазах. Сын! Господи, только по Его слову сердце Её не разорвалось — ещё много Ей предстояло трудов.

— Дедушка, — влетает в комнату внучка, — а Витька говорит, что игрушки на ёлке — это слёзы, что это ты говорил. Какие же это слёзы?

— А, — вспоминает батюшка, — да, говорил. Видишь, Катюша, у нас — ёлочка, а на юге — пальма. Пальма же ближе к Вифлеему. Все деревья собрались славить Рождество Христа, а ёлочка опоздала, ей же далеко. Опоздала и заплакала. У нас холодно, слёзки замерзли. Господь ей сказал: “Все твои слёзы будут тебе как драгоценности”. Вот мы и наряжаем с тех пор ёлочку.

— А ещё Витька сказал, — ябедничает дальше внучка, — что Дед Мороз — это не Дед Мороз, а Санта-Клаус, американский, говорит. Да, дедушка?

— Нет. Санта-Клаус — это святой Николай, какой же он американский, он христианский, православный.

Внучка улетает. Батюшка облачается к вечерней службе. Он любит вечерние службы. У печки обязательно дремлет приехавший заранее старичок, которому негде ночевать, но который просыпается точно к елеопомазанию. Любит батюшка исповедовать именно вечером, без торопливости, спокойно, читая корявые строчки незамысловатых грехов: “Невестка обозвала меня, а я не стерпела и тоже обозвала, каюсь...”

Рождественское утро. Кто-то приехал ещё до автобуса, успел уже побывать на источнике.

— Ой, Аркадий, — благодарят громко женщины, — это ведь такая красота, прямо как в санатории ступеньки, а мы шли, переживали, как попадём.

— Думали, как Суворов через Альпы, да? — довольно шутит Аркаша.

И в автобусе народу — битком, и в церкви — стеной. Василий забивается в самый конец, за печку, видит, что вьюшка на печке хлябает в своём гнезде и около неё поддымлено, закоптилось. Василий вспоминает, что у него в предбаннике есть глина и белила, и решает завтра же починить печку.

Начинается служба. Конечно, Василий не понимает многих слов, не понимает всего пения, но ему так хорошо здесь, так умирительно глядеть на горящие свечи, слушать батюшку, согласный молитвенный хор, видеть, как открываются и закрываются царские врата, как летит оттуда, из алтарного окна, сверкание рождественского солнца, и вдыхать сладкий запах кадильного ладанного дыма. Василию становится жарко, хотя он заранее снял телогрейку и стоит в старом свитере сына. Он чувствует, что нос у него расклеивается, думает: “Где это я простыл?” Достает носовой платок, высмаркивается тихонько и ощущает, что у него мокрые глаза. Он понимает, что это от умиления, оттого, что так хорошо ему давно не было, что вот он, всеми брошенный, никому не нужный, нужен и дорог Господу, что Господь его не оставил, что ноги, слава Богу, носят, руки работают, никому не в тягость, голова соображает, что ещё? Может, ещё какую работу найдёт, чтоб сыну помогать. “Пусть бы всё на меня валилось, — думает Василий, — ещё же и мать, покойница, говорила: “Кого Бог любит, того наказывает”. И это, материнское, вспомнилось ему именно сейчас, в церкви, значит, жило в нём и ждало минуты для утешения. “Любит меня Бог, — понимает Василий. — Любит. Ведь сколько же раз я мог умереть, погибнуть, замёрзнуть, спиться мог запросто, а живу”. Василий украдкой вытирает рукавом слёзы.

Аркадий стоит впереди всех, размашисто крестится. Но ему не до молитвы — надо готовить ёмкости для водосвятия. Он выходит на паперть и кричит проходящему соседу:

— А по какому праву службу прогуливаешь?

— Ты ж знаешь, я в церковь не хожу, — отвечает сосед.

— Надо, — сурово назидает Аркаша. — А если в церковь не пошёл, ставь бутылку, я за тебя свечку поставлю.

Сосед смеётся и бежит дальше.

Аркаша разбивает лёд в бочке, начерпывает воды в ведра, несёт в церковь. Батюшка заканчивает проповедь:

— ...и каждому, и всем нам даётся время на покаяние. Долготерпелив, милостив Господь, не до конца прогневается, говорят святые отцы, но мыто, грешные, доколе будем полнить чашу греховную, доколе? Ведь уже через край льётся...

Батюшка долго молчит. Слышно, как потрескивают свечи. Звонят колокола. В морозном солнечном воздухе звуки их чисты и слышны далеко окрест.

БУМАЖНЫЕ ЦЕПИ

С годами всё обостреннее вспоминается детство, особенно Новый год. Ёлочных игрушек у нас было мало — терялись куда-то. Вот была картонная курочка, бронзовая, с крохотным красным гребешком, а принесли из чулана коробку с игрушками, разбираем — нет курочки. Клоун тут, самолётик тут, домик тут, где курочка? Начиналось следствие. Старшая сестра вспоминала сама и заставляла всех вспоминать: кто в прошлом году разбирал ёлку, кто? Никто не помнил. И вообще никто не любил разбирать ёлку, всем хотелось, чтоб она подольше стояла. Значит, родители. Но чтобы родители могли сделать что-то небрежно, такого и подумать было невозможно. Потерянная курочка становилась ещё дороже именно оттого, что была потеряна.

— К соседям ушла, на соседский сарай, — говорила мама, — там несётся. Ничего, к Пасхе вернётся, без яиц не останемся, не переживайте.

В заботах о новой ёлке курочка забывалась. Да если бы она и не пропала, всё равно надо делать новые игрушки. И фонарики, и цепи, и снег, и флажки. Оказывается, отец уже приготовил старые газеты, пузырёк клея, кисточку, краски. Все хотели клеить кисточкой, ссорились. Но мало-помалу налаживалась работа дружной бригады. Мама стригла газеты на длинные узкие полоски, их с одной стороны покрывали разными красками или тушью, они быстро сохли, их резали на равные частички — это для цепей. На фонарики — тетрадную бумагу. Для “снега” жертвовали разноцветные промокашки. Первое кольцо для цепи склеивалось сразу, второе, в виде полоски, продевалось в первое, потом тоже склеивалось. И так далее. Подбирали цвет, чтоб не было подряд двух красных колечек или двух синих. Клея к этому времени не оставалось, и вместо него пользовались варёной картошкой. Хорошо бы, конечно, сделать клейстер из муки, но если можно картошкой, то зачем тратить муку?

Мама доставала со дна швейной машинки “Зингер” шпульку ниток. Шпульку раскручивали, сматывая с неё столько нитки, чтобы её хватило на несколько раз от стены до стены. Это для гирлянд с фонариками и флажками. Гирлянды возносились на свои места самыми первыми, ещё до появления ёлки, чтоб потом её не тревожить.

А цепи, копящиеся около стола шуршащей грудой, всё удлинялись и удлинялись. И уже мне казалось, что хватит, нет, старшие продолжали трудиться, значит, и я с ними. Младшие засыпали прямо за столом. И на другой день, в последний день старого года, ещё все делали цепи. Но уже без нас со старшим братом — мы шли на лыжах за ёлкой. Брат по-мужички затыкал топор за ремень телогрейки, мне доверял только санки.

В лесу, в его тихом, белом сиянии, ожидающем восхождения солнца, ёлочек были целые заросли.

— Эту возьмём! — кричал я, хватая ту, которая ближе. Снег осыпался с ветвей, ёлка радостно зеленела. Любая ёлка казалась мне красавицей, мало того, я любую жалел и желал всем ёлочкам счастливого Нового года.

— *Маленькой ёлочке холодно зимой,* — говорил я, — *из лесу ёлочку*

надо взять домой... Давай побольше наберём, — предлагал я брату. — Все нарядим, им же обидно: вот одну возьмут, а они — так под снегом и жить?

Брат взглядывал на меня с непонятным мне интересом и всё искал и искал единственную из десятков самых разных. Уже и солнце всходило, уже я замерзал и хныкал, а брат всё продолжал поиски. Наконец, решался. Но уж зато и ёлочка у нас была! Ровно под потолок, шатёриком, веточка к веточке, а запах! Будто брат и запах выбирал — запах слышался уже в сениях. В чулане находили прошлогоднюю крестовину или делали новую, устанавливали ёлку и начинали наряжать. Младшие улепляли игрушками подол ёлочки, мне доставались ветки повыше, маме — ещё повыше, брат залезал на табуретку и украшал самый верх. Сестра подавала ему игрушки и командовала. Отец осуществлял общее руководство.

Начинали окружать ёлку цепями. Осторожно, чтоб не порвать, подавали брату, он закреплял первое колечко на лапку у звезды, потом переставлял табуретку, принимал от нас волны бумажной цепи, которая серпантинной спиралью опоясывала разноцветное зелёное чудо.

Особая доблесть была в том, чтобы цепь нигде не разорвалась. Если кто попадал между ёлкой и цепью, работа останавливалась. Попавший вылезал на свободу.

— Ой, не хватит, — переживала сестра, — ой, давайте реже окружать.

Но реже не хотелось, потому что когда много таких цепей, то вся ёлка становилась кружевной. И всегда всё сходилось в самый раз. Последнее колечко укрепляли на ветке у самого пола.

— Это как пельмени стряпаешь-стряпаешь, — говорила мама, — и боишься, вот теста или фарша мало будет, вот лишнее, а всегда выходит точно.

Мы любовались ёлкой. Отец начинал рассказывать, какие ёлки были в его детстве. Мы это, конечно, слышали. Ещё бы ему не помнить — делали фактически для него одного, он был один сын, а кроме него, десять сестёр, наши тётки.

— Один раз тятя поехал на Тихорецкую ярмарку, — начинал отец. Мы уже знали, о чём будет рассказ — о французской булке, но с радостью слушали, потому что таких булок мы не едали. — Поехал и привез всем калачей, сушек, а мне ещё отдельно — французскую булку. Бабушка говорит: “Съешь, Колошкa, половинку сейчас, а вторую половинку завтра”. — И разрежала булку. А мне это так обидно показалось, говорю: “Зашивай, и всё!” И она, что вы думаете, она...

— Зашила! — кричали мы.

— Баринoм рос, — говорила мама, — нечего говорить, баринoм.

— Да, — довольно хмыкал отец, — мне ногами до пяти лет не давали ходить, всё на руках таскали.

— Так уж до пяти? — сомневалась мама.

— Ну, до трёх, — сбавлял отец и вспоминал дальше. — А у нас в деревне были “микаденки”, прозвали их так по отцу; у них отец пришёл с японской войны и всё время говорил: “Микадо, микадо”, — это японское слово такое.

— Это — император, — говорила сестра.

— Семья большая, звали детей “микаденки”. У них был японский фонарь, ох, они им хвалились. Их тоже выслали. Их раньше, успели собраться, может, фонарь сохранили, а нас выслали — ни минуты на сборы, всё бросили. Игрушки пропали. А в Сибири игрушки делали из шишек. Навешаем кедровых, потом орешки щёлкаем.

— Ой, а корова, — вскрикивала мама. — Отец, пойло приготовил?

— Так точно! На моей фабрике ни одной забастовки. Вот как нас ёлка увлекла, даже про корову забыли. А у неё скоро будет телёнок, к ней надо чаще ходить.

Но как же не хотелось уходить от ёлки! Раньше мы наперебой, напередир, как выражалась мама, старались завоевать право нести фонарь, идти с мамой или с отцом давать корм корове, поросёнку, курам, а сегодня маме пришлось назначать себе спутника.

— Нет добровольцев? — спросила она и поглядела на ёлочку. — Ну, конечно, где ж корове против ёлки.

Да, но оставалось в деле украшения ещё одно — “снег”. И оставшуюся цветную бумагу, и промокашки резали мелко-премелко, потом в большом блюде этот “снег” — название “конфетти” мы узнали позже — этот “снег” перемешивался, брат опять залезал на табуретку, я на вытянутых над собой руках держал блюдо, брат пригоршнями черпал из него и обдавал нашу ёлочку, будто дождём. А последние заскрёбышки взлетали над нами и падали нам на головы, на плечи.

— Ой, — пищала младшая сестрёнка, — ой, на реснице сидит, ой, тихо! Ой, упала!

И она начинала реветь.

Младший брат пытался водворить “снежинку” на ресницы сестрёнки, но тут возвращалась мама. Мы ужинали и начинали ждать Новый год.

Не только “конфетти” — всё будет позже: будут папиным-маминым внукам, нашим детям дорогие заграничные ёлочные украшения, мигающие электрические гирлянды, шагающий игрушечный Дед Мороз, луноход на батарейках, трещачие, похожие на взаправдашние, автоматы и настоящий Дед Мороз, приносящий в оплаченное время оплаченный подарок — всё будет. И уж, конечно, съедобные подарки будут другими: фрукты, шоколад, конфеты всех мастей. “Нам бы в детство такие конфеты, — недавно сказала сестра, — мы бы из этой серебряной фольги резали “снег”. Да уж, вспомнили мы свои тогдашние подарки в пакетах из газет: печенишко, конфеты-подушечки, булочка. Пакеты вышли из моды, началась новогодняя упаковка из полихлорвинила, в виде матрёшки, сундучка, царь-пушки, золотого ключика, а то и вовсе в виде Кремлёвской башни...

Но всё-то мне кажется, что у нас было больше радости от Нового года. Больше. Мы сами созидали его. Сидя у керосиновой лампы, тычась от усталости носом в стол и всё равно ни за что не уходя, пока не будет полночь, пока не наступит этот щемящий, так томительно ожидаемый и тут же исчезающий миг — разве можно уйти спать, провалиться в сон? Да ни за что! Мы сидели, глядели на ёлку, кое-что ещё подправляли на ней, каждый раз обсуждая, как будет смотреться перецепленная игрушка на новом месте.

— Ты от порога посмотри, ты близко смотришь, — говорила сестра.

Старший брат брал в руки лампу, и мы торжественно обходили ёлку вокруг.

— Хороводы завтра, — строго говорила сестра. — Сейчас в “морской бой” или в “города”.

— В “пуговки”, — хныкал младший брат. Он уже совсем-совсем засыпал. Младшая давно спала.

Первое своё стихотворение я написал именно в новогоднем ожидании:

*Растёт история, и вот
Мы вместе с ней растём.
И пусть войдём мы в Новый год,
Как в новый дом войдём.*

А наутро так ликовало солнце, будто тоже понимало, что надо жить в новом году по-новому, оставив в старом всё плохое. И хотя мы по-старому ломали лыжи, бросаясь на них с Красной или Малаховой горы, по-старому обмораживались, но всё равно счастье продолжалось: дома нас ожидала ёлка, и её запах соревновался с запахом свежей стряпни. О, эти мамины плюшки, ватрушки, это зимнее мороженое молоко, эти пёстрые пузырчатые блины...

Самое загадочное, что на следующий год бронзовая картонная курочка находилась, и мы спорили, где ей лучше жить на ёлке. Ей на смену терялся домик, потом он тоже находился... И всегда-всегда делали мы бесконечные бумажные цепи, оковывали ими ёлочку.

И вот я, понимающий, что в моей жизни всё прошло, кроме заботы о жизни души, думаю теперь, что именно этими бумажными цепями я не ёлочку украшал — я себя приковывал к родине, к детству. И приковал. При-

ковал так крепко, что уже не откуюсь. Многие другие цепи рвал, а эти — не порвать. И не пытаюсь, и счастлив, что они крепче железных.

Правда, крепче. Детство сильнее всей остальной жизни.

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО

Ни разу в жизни я не вставал на коньки, но лыжи — душа моя. В местах, откуда я родом, младенцы из родильного дома убегают сами. На лыжах.

Среди нас, мальчишек, жила легенда о необыкновенном лыжнике. Он был из нашего села и бегал на лыжах с такой скоростью, что деревянная лопата, привязанная к ремню, поднималась и летела вслед, не касаясь снега. Мы точно знали, где он сейчас, — его выкрали специальные шпионы, увезли в Америку, загипнотизировали, во сне научили своему языку, и сейчас он выступает за команду Америки. Вот если бы увидеть его, он бы сразу понял обман и вернулся бы из-за “железного занавеса”. Но только надо, чтоб увидели его именно мы, кто бы ещё сказал ему названия: Красная гора, Малахова гора, Волчьи лого — как раз те, где пролетал он над сверкающим снегом, и те, где бегаем мы.

Привычка к лыжам была иногда из необходимости. Инвалид войны Кашин сделал себе для зимы коляску на полозьях и толкался палками. Мы бегали за ним, но недолго, он выпил, стал звать нас на штурм рейхстага и поехал к райисполкому. Что он там кричал, не помню, нас расхватили матери. “Не лезь!” — сказала мне мама, закрепляя запрет подзатыльником. Вскоре инвалид Кашин куда-то исчез. А в нашу мальчишескую компанию пристала девчонка — дочь Кашина, Галка. Мы спрашивали её об отце, она храбрилась и говорила словами матери, что язык довёл и ордена не спасли...

Зимой физкультуру в школе не преподавали. Было глупо учить нас ходить двухшажным, одношажным, попеременным или перекидным способом — все знали их наизусть, в основном изобретали свои. Я, например, бегал странным, неучтённым способом — пока левой рукой отталкивался один раз, правая успевала обернуть палку и отпихнуться два раза. Зимой наш физкультурник Николай Павлович (прозвище его было Колька Падкий) ставил всем пятёрки. Учеников, не выполняющих нормативы хотя бы третьего юношеского разряда, за людей не считали. В каждом классе пять-шесть человек ходили по второму, два-три — по первому разряду, и даже были бегавшие пятёрку и десятку по норме мастеров. Но это было известно только нам, ведь чтобы официально стать мастером спорта, нужно участвовать, как минимум, в республиканских соревнованиях. Наше село было так далеко даже от областного города, что и до него-то нам было не добраться. Даже на лыжах.

Но уж зато соревнования по лыжному спорту в школе были непрерывные, не только в воскресенья, но и в будни: внутри класса, по параллелям, по годам, между школами своего района, соревнования военкомата — приписные подростки, допризывники, призывники. Соревнования на значки БГТО и ГТО, соревнования на значки БГСО и ГСО в зимних условиях, и любое из этих соревнований было радостью. Всё село приходило к школе. Наверное, я тогда весь голос выкричал — так болел за своих. Мы бежали навстречу лыжникам по целине: ступить на лыжно считалось святотатством. После соревнований награждали Почетными грамотами. Грамоты выделял райвоенкомат. На них вверху были профили Ленина и Сталина и слова: “За нашу Советскую Родину”.

Раз в жизни и меня выдвинули на общешкольные соревнования.

Это было в конце февраля. Причём выдвинули не в запасные, не заткнули мной дыру, нет — я был в основном списке! На три километра.

— Только со старта уйди по-людски и перед финишем, понял? — сказал Колька Палкин. — А то с твоей иноходью все со смеха передохнут. — И выдал мне лыжи с ботинками.

Оставшуюся неделю я тренировался, засекая сам себе время по отцовским карманным часам.

Прошёл последний день зимы. Отметелило. Наступил март. Ожидание пятого числа было томительным. Как раз на пятое были назначены соревнования школы, а девятого, в воскресенье — районные. Вся наша большая семья жила в напряжении. Лучшие куски мама подкладывала мне.

В газетах со второго марта начали печатать сообщения о болезни Сталина. Передавали по несколько раз в день по радио. В конце сообщения перечисляли лечащих врачей, список замыкал доцент Иванов-Незнамов. Никто и мысли не допускал, что Сталин умрёт, я только одного боялся: что соревнования отменят. Утром пятого марта я встал вместе с мамой; ещё было темно, горела керосиновая лампа. Я натирал лыжи, мама ушла доить корову. Вдруг она вернулась, не закрыла за собой дверь и сказала:

— Умер.

Все проснулись и не знали, что делать. Включили радио — чёрную картонную тарелку, По радио шла траурная музыка и всё время передавали медицинское заключение о кровоизлиянии в мозг и параличе левой стороны. Пришла соседка, сказала, что Сталина отравили врачи. Она тихо говорила с мамой о том, что теперь будет, особенно рассуждали о том, кто заступит его место.

Я надел лыжные ботинки и пошёл в школу. Соревнования, конечно, отменили, хотя старт и финиш были обозначены и лыжня накануне провешена словыми ветками. Очень жалко было сдавать лыжи с ботинками — ведь их давали только на соревнования, а так мы бегали в валенках с веревочными креплениями. Я пришёл к старту, воображая, будто слышу команду: “Пошёл!” — посмотрел на часы отца, запомнил время и побежал. Вначале я думал просто сделать километровку и вернуться, но когда проскочил поворот, скорость все росла, дыхание было ровным, и с радостью понял, что бегу в полную ликующую силу. День, бывший с утра пасмурным, разгулялся, снега сверкали. Большая ветка стояла на повороте на три километра, я проскочил её и пошёл на пять. И поворот на пять прошёл. Лыжня обозначалась здесь похуже — мало ходили на десять, только призывники. Я стал уставать, но не сдавался, гнал себя. Тем более я боялся Кольки Палкина: вдруг он хватится меня, а я бегаю, изнашиваю казённые крепления, да ещё в такой день...

Что я знал о Сталине? Он — вождь всех времен и народов. О нём мы учили стихи о том, что Сталин не спит в Кремле, думает о нас; утром он закуривает свою трубку и выпускает колечко дыма. Это колечко видит лётчик и думает о Сталине, проплывает колечко над пастухом, тот тоже понимает, что Сталин закурил и начал рабочий, день. Мы пели много песен: “Артиллеристы, Сталин дал приказ...”, “О Сталине мудром, родном и любимом прекрасные песни слагает народ”, “Выпьём за Родину, выпьём за Сталина, выпьём и снова нальём”... На вечерах строили гимнастические пирамиды, самый верхний кричал: “Товарищу Сталину...” А мы, стоящие на плечах и спинах друг у друга, трижды кричали: “Ура, ура, ура!” Было и неприятное воспоминание. Совсем из детства. В сорок девятом году, в декабре Сталину праздновали семьдесят лет. Портреты его обычно печатались в каждой газете и почти каждый день, а тут стали выходить форматом в целые газетные полосы. Учитель сказал нам, чтоб мы выпустили к юбилею вождя стенгазету. Мы вырезали из газеты портрет. Я решил его украсить — обвел красной рамкой, щеки подрумянил, усы зачернил и приступил к волосам. Тут меня и застиг учитель. Оставил после уроков и долго страдал тюрьмой.

“Ты бы ещё очки нарисовал, — говорил он, — на, рисуй. — Он протягивал карандаш. — Рисуй — и пойдём отдадим тебя кому следует”. Когда я, наконец, понял, что я преступник, учитель велел сжечь портрет при нём. “Возьми спички. Зажги сам. Подойди к печке”. Портрет быстро сгорел. “Разбей пепел. Иди домой и никому никогда не рассказывай”.

...На одном из подъёмов прихватило дыхание и сжало в боку. По потом пошёл спуск, я катился и глубоко вдыхал, задерживая выдох, потом резко сибался. Не выдержал, посмотрел на часы и не поверил: пробежал больше половины, а время будто не шло. Тут уж я приналёг. Я и забыл, что никто не ждёт меня на финише, что некому засечь время, и побежал, как одержи-

мый. Прежнее чувство тревоги тоже подгоняло меня. Озираясь на окна школы, я проскочил финиш.

Нет, ничего в школе не случилось. Только я не осмелился сказать, что бежал на десятку и пробежал быстро. Почему-то казалось, что это нехорошо — умер вождь, а я ставлю рекорды.

Сдал лыжи и ботинки Кольке Палкину. Он был не один в спортзале. Лаборант учителя физики, другой Николай, был с ним и торопливо спрятали что-то звякнувшее, Палкин ничего не сказал, хотя видел, что вид у меня загнанный.

Занятий в тот день не было.

Через три дня, девятого, проходили похороны. Накануне в школе вязали еловые гирлянды. Мы без конца гоняли в лес за лапником. Шёл крупный снег, и создавалось полное ощущение запахов Нового года. Если бы только еловые гирлянды не перевивали чёрными лентами. Гирляндами обвешивали спортзал. Утром было два урока. На литературе учительница вызвала меня, задания я не знал. Я сослался на вчерашнюю занятость трауром и сказал, что мы думали, что урока не будет. “Как не стыдно, — сказала она. — В такой день!.. Ты вообще хоть что-нибудь знаешь?” — “Знаю”. — “Что?” — “Стихотворение — “Трубка Сталина”. Читать?” — “Не надо. А ещё?” — “А ещё стихи Суркова “Сталин — наша слава боевая”. Нет, эти стихи тоже не подходили к пятому марта. Я подумал и объявил:

— Шведов.

*Лети в Москву, соловушка,
На зори на закатные,
Привет от нас, колхозников,
Снеси в столицу Сталину...*

Учительница снова оборвала меня, повторила: “В такой день!..” — и поставила четвёрку.

Без десяти двенадцать по классам пробежали и велели всем идти на общее построение. Я задержался, так как просил учительницу поставить оценку в дневник: кто бы мне поверил, что я получил четвёрку? Помчался в спортзал, как раз Колька Палкин и Коля-лаборант втаскивали туда пожарную сирену. Я стал помогать. Приближался директор с чёрной повязкой, с ним заведующий роно. По радио шла трансляция с Красной площади. У нас время было раньше московского на час. Все замерли слушая. И стояли неподвижно. Прошли все речи, гроб с телом установили в Мавзолею, и наступил как раз полдень по московскому времени. На пять минут включались все гудки фабрик и заводов, так же, как в день похорон Ленина. А я как стоял около сирены, так и стоял, и вот ровно в час сирену включили. И она выла пять минут.

Я оглох.

Оглох я сильно. Потом постепенно стал слышать, но как-то заторможенно. Как-то запоздало услышал, что в Москве при похоронах были большие жертвы, люди давили друг друга — все хотели увидеть Сталина в гробу. Так же заторможенно воспринял я летом известие об аресте Берии. Мы шли с лугов через поле высокой ржи, и нам попался навстречу знакомый и рассказавший. Мы пошли дальше, особенно не веря в то, что Берия — американский шпион. Около школы, где летом был пионерский лагерь, валялись портреты Берии и уже бегала беспризорная Жучка, откликаясь на кличку Берия. И уже пели частушку:

*Что наделал Берия?
Вышел из доверия.
А товарищ Маленков
Надал ему пинков!*

Осенью прошла амнистия, названная почему-то ворошиловской. Была всеобщая радость, так как сидело много родных и знакомых. Но вернулись

в село только несколько человек, а в окрестностях появились выпущенные уловники. Инвалид Кашин не вернулся.

И ещё три года прошло. Я уже вступил в комсомол. Уже вовсю влюблялся, писал стихи, но стеснялся отдавать. Однажды я выступил на общешкольном собрании и подверг суровой критике комитет ВЛКСМ. “Когда же мы будем говорить о деле, о нашей школе, наших делах, видимо, никогда? Все слышали отчётный доклад? Вряд ли. Половина притворялась, что слушает. Да и половина ли? Не больше ли? Многие ученики закончили тракторный и комбайновый кружки, работали самостоятельно. Почему мы молчим об этом? Неужели вся наша работа состоит только в том, чтобы собирать подписи за мир? Это могут и пионеры! Наше дело — именно эта борьба. По-латыни говорят: “Хочешь мира — готовься к войне”. По-русски — “Парабеллум”. Почему нам не доверяют взрослые винтовки и автоматы, вот что должно нас волновать, а мы далеки от этих вопросов. Почему? Да потому, что сплошные трафареты, лозунги; партия, Ленин — это мы и в газете прочтём, надо брать быка за рога...”

Взять быка за рога мне не дали. Выступил директор школы, сказавший, что я допустил “аполитичную ошибку”. Незнакомое слово увеличило мою гордость. Директор предложил комитету ВЛКСМ взять меня под свод контроль. А он лично и коллектив педагогов подумает, что со мной делать.

На уроки меня на следующий день не пустили. Вместо уроков я ходил стоять в кабинет директора, утыкался в корешки многотомников. “И до чего ты додумался? — спрашивал директор. Я отмалчивался. — Ну, стой!”

На четвертый день я пришёл к директорскому кабинету, как на работу, — закрыто. Прождал час — директора нет, пошёл проситься на урок — нет разрешения. Остаток дня я болтался по коридорам, гремел цепью у питьевого бачка, помогал уборщицам тошить печи и чистить ламповые стёкла для второй смены. Последним уроком была история, я любил её, стоял под дверью, слушал. Учительница Маргарита Михайловна, когда рассказывала, то входила в такой раж, что ломала указки, особенно говоря о войнах. Так как вся история состояла из войн, то указок требовалось много. Особенно много указок переломала Маргарита, говоря про десять сталинских ударов, благодаря которым мы выиграли последнюю войну.

Я спрашивал Гальку, в каком из сталинских ударов отец потерял ноги, но она не знала. “Напиши, спроси”. — “Ты соображаешь? Куда я напишу?”

Так как я болтался без дела, ожидая наказания за аполитичность, меня прибрал к рукам Коля-лаборант. Приближались районные соревнования. Впервые они радиофицировались. Я помогал Коле тянуть провода, лазил на столб и нарочно долго сидел наверху. Зависть ко мне была общешкольная.

Колька Палкин в команду лыжников меня не записал, остерёгся, но мне даже лучше: Коля-лаборант окончательно взял меня в помощники. Аппаратура стояла в физкабинете. Перед окнами был старт и финиш. Бессмертную “Рио-Риту” включал я, когда мне в окно кричали, что финиширует кто-то из нашей школы, объявлял результаты. Наши побеждали. Я в восторге начинал допускать всякие вольности, например: “Горячо поздравляем наших товарищей!” Или: “Легенда о летающем лыжнике обретает реальность!” Или: “Мы ожидаем красных маек над снегами, как Ассоль ждала красных парусов!” Я был начитанным юношей. Мою самостоятельность не прерывали, я видел в окно, что директор доволен, — наши побеждали. Они были в красных футболках поверх курток. Оставался финиш “десяток”. Напряжение росло. Мальчишки лезли на деревья, бежали навстречу. Я держал адаптер над крутящейся “Рио-Ритой”. Вдруг в окно закричали, что идёт зелёный, ещё зелёный, а нашего не видно. Отчаяние меня охватило такое, что я неожиданно для себя переключил технику на микрофон и закричал то, что первым выскочило:

— Господа! Седлайте коней: в Париже революция!

Эти царские слова, сохранённые историей, я недавно прочёл в книге.

Примчался в физкабинет директор. Опережая его, влетел Колька Палкин, вырвал с корнем микрофон и протянул его директору. Я думал, со мной расправятся тут же. Директор схватил меня за шиворот и ткнул лицом в аппаратуру:

— Читай!

Я и сам знал, что там написано: “Осторожно, враг подслушивает”. Мне приказали завтра явиться на общее построение.

Общее построение было делом исключительным. Я думал так: ругань долго не выдержу, поэтому надо прийти в обрез. Сумку не взял, так как был уверен, что прямо с построения меня заберут в тюрьму. Больше чем угодно было тогда рассказов, как забирали за пустяк: за анекдот, а тут аполитичное выступление на собрании и ещё такая антисоветская выходка в воскресенье! То, что меня накажут, я не сомневался. Но как? Перед всеми — я выдержу. А если поведут в милицию и будут бить, как врага народа? Это было страшно. Я решил тогда броситься на того, кто будет бить, чтоб меня сразу убили. Во всех кинофильмах о наших разведчиках, попадающих в безвыходное положение, они так и поступали: не желая выдать тайны, кидались на врага, вызывая смерть. Тайны у меня не было, но положение было безвыходным. А если узнают, что мы собираемся у костра на берегу Волчьего лога, что я пишу стихи и читал их друзьям? Друзья оборжали меня, но сейчас это казалось сходкой, подпольным собранием. Я не имел права выдавать друзей.

Школа стояла в каре, я вошёл в него и остановился, глядя в землю. Палкин скомандовал “Смирно!” — и доложил директору. Надо было поднять глаза — я не мог. Что говорил директор, я не различал. Легко представить, что он мог говорить. Многие выскочили на построение без телогреек и зябли, и я чувствовал, что они злятся на меня. Звякнул, но не затрезвонил звонок. Я поднял глаза — на крыльцо вышла уборщица и стояла с поднятым звонком. Подскочил Колька Палкин, снял с меня шапку и сунул в руки. Я стал теребить серое полусукно. Уловил я ещё и то, что обвинялся не только в аполитичности, но и в моральном разложении. Оказывается, кто-то выдал, что я писал стихи о любви. “А разве это допустимо в школе?” — кричал директор. Школе ещё раз скомандовали смирно, хотя команды “Вольно!” вообще не давали, а зачитали приказ — я отчислялся. Комсомольской организации предлагалось исключить меня из своих рядов. Последнее было и обидным, и утешительным. Я так рвался в комсомол, еле-еле дотерпел до четырнадцати лет, но было и хорошее — значит, не сразу заберут, надо же вначале исключить. Я решил не отдавать билет, приготовив фразу из “Поднятой целины”: “Вы мне его не давали!”

В Москве в это время шёл XX партийный съезд. В один из дней было сказано, что с докладом выступил Хрущёв, но доклад не был напечатан.

Близилась последние морозы. Школьники их всегда ждали и утром бегали смотреть на пожарную вышку: если на ней вывешивали флаг, то в этот день занятия отменялись — значит, температура ниже тридцати пяти, боялись поморозить учеников. Но именно в эти дни все были на улице и никто не обморозивался, а в другие, более тёплые дни обморозивались сплошь и рядом. Повторяя обычный путь исключенияемых из школы, я стал курить и нарочно старался попасться на глаза учителям. Ждал вызова. Подстергал Гальку, но она всё время ходила не одна, и я притворялся, что иду по делам. Мне очень многое надо было сказать ей, и что стихи были для неё. Какой же это разврат? Галька же может сказать, что я ни с кем не целовался, я же никого, кроме неё, не любил. А потом, что это за свинство друзей, заложивших меня?

Однажды я подстерг Гальку одну около её дома. Она шарахнулась от меня.

Разыскал меня Коля-лаборант и привёл помогать делать проводку. Толстые белые провода “гупер” плохо обматывались вокруг хрупких изоляторов. Работали мы по вечерам, при керосиновой лампе. Школу должны были подключить к комхозовской “нефтянке” — старой, пять раз списанной электростанции.

Имелись в селе и другие электростанции, больше десятка. Мощные дизели были в леспромхозе и сплавной конторе — окна их домов светились ярче всех. К ним же были подключены квартиры работников райкома и райисполкома. Лесхоз, больница, химлесхоз, потребсоюз, сельпо — все имели свои электростанции, но все так себе. В клубе стоял свой двигатель, от машины ЗИС-5. Мы бегали смотреть, как работает “нефтянка”, как хлопает

на сшивах допотопный ремень. Лампочки еле-еле светились, иногда только тлела красноватая нить накала. Так что мы по-прежнему занимались при керосиновых лампах.

Пришли долгожданные холода, и занятия прекратились. В школе было пусто, только в учительской сидела новая учительница литературы и проверяла тетради. Она зябла и натягивала шаль на горло. Когда я ввернул лампочку и лампочка слегка осветила сама себя, учительница вдруг вскочила, взяла патрон в левую руку, правой сильно хлопнула по лампочке, и лампочка засияла. Так я тоже умел, но это был запрещённый способ — укорачивать нить накаливания, чтоб светилось сильнее, но и срок жизни лампочки сокращался.

— “Коль гореть, так уж гореть, сгорая”, — сказала учительница, снова кутаясь в шаль. — А ты, значит, кончил курс наук?

— Да вот, должны из комсомола исключить.

— И ты заранее хочешь осветить этот момент своей историей?

— А я знаю, что это из Есенина вы читали.

— Да уж пора бы и всем знать.

— А правда, — спросил я, — Есенин был запрещённый?.. Почему?

— По чочану, — отшутилась она и строго сказала:

— Мог бы, между прочим, и написать сочинение, мог бы и порадовать-ся вместе со мной, что можно писать на вольную тему: “За что я люблю свою Отчизну”. Эпиграфы подкажываю. Сразу два. “Люблю Отчизну я, но странною любовью” и второй: “Кто живет без печали и гнева, тот не любит Отчизны своей”. Напишешь? Ты ж сам стихи пишешь? Прочти. Я отвернусь.

Значит, уже и тут друзья выдали. Как я ни отпирался, учительница вынула. Глядя в пол, я прочел стихотворение. Оно заканчивалось так:

*Но я любил тебя. И верил,
Что и меня ты тоже ждёшь,
Когда ногами поле мерил
И убирал комбайном рожь.*

И объяснил:

— Я летом на комбайне работал.

— Я поняла, — сказала учительница. — А предмет любви получил эти стихи?

— Это как бы не человек, а Муза, — объяснил я.

— Я была бы рада получить такие стихи. Посвяти их мне.

— Пожалуйста, — обрадовался я. — Только их отобрали.

— А помнишь, — заметила она, — и ещё спрашиваешь, как сохранился Есенин.

Лампочка перегорела. Учительница пошла домой, я нёс тетради. Она жила рядом, и я не успел осмелиться сказать ей, что мой любимый предмет — литература. Я постепенно изменял истории.

Назавтра с утра тоже висел флаг над пожарной вышкой, неподвижные прозрачные столбы дымного тепла стояли над домами. Солнце вышло, охраняемое морозным кольцом.

До обеда я сидел дома, записывал по памяти свои стихи. Но мне казалось, что нехорошо отдавать их учительнице — ведь они были посвящены никакой не Музе, а Гальке.

После обеда за мной из школы прибежала уборщица. “Срочно приказали”. Все сжалось во мне — ведь не учатся! Мама заставила меня выпить молока. Я бросил в печку стихи и оделся.

Оказалось, что было велено провести свет в спортзал. Мы с Колей-лаборантом наспех тянули “гупер”, другие вызванные старшеклассники с Колькой Палкиным таскали скамейки. Вполголоса говорили, что будут читать письмо партийного съезда.

К семи, когда ещё было немного светло, собрались комсомольцы-десятиклассники и все учителя. Я уже не был учеником, но был комсомольцем и посчитал, что имею право.

Колька Палкин безжалостно вышибал любопытных из девятых и восьмых классов. Он хотел выпереть и меня, но Коля-лаборант сказал, что я помогаю.

Пришёл директор, с ним — бывший завруно, сейчас инструктор райкома. Ученики встали. Учителя встали тоже, переглядываясь.

Инструктор достал из портфеля и передал директору большой зелёный конверт.

— Включите свет, — сказал директор.

Свет зажжёгся и ярко осветил белую с изнанки бумагу. Это Коля не пожалел, вернул над столом стоваттку из школьного проектора.

— Проверено? Все, кому положено? — спросил директор.

— Так точно! — доложил Колька Палкин, вставший в дверях.

Началось чтение письма. Читал директор. Инструктор сидел неподвижно и так просидел всё время, а письмо было длинным. Письмо было о культуре личности Сталина. Тишина в зале стояла затаённая. Письмо оглушило нас, и это нас-то, еле-еле захвативших Сталина при жизни, но и то понимавших, что происходит что-то огромное... Что же испытывали старшие?

Какой-то священный ужас исходил от исторички, навьтяжку стоял Палкин, часто мигал, но не шевелился Коля-лаборант, литераторша всё тянула к горлу шерстяную шаль и обводила всех взглядом.

В середине чтения лопнула стоваттка. Она давно уже потрескивала. Вначале ослепило чернотой, потом проявились переплеты окон и деревянная решетка, защищающая стёкла от мячей. Оказалось, что уже поздно, но за окнами плыла луна.

Никто не пошевелился. Остальные лампы светились лёгким красноватым сиянием.

Коля-лаборант пробрался к сцене, вывернул цоколь лампы, вернул запасную, но очень слабую. Директор поднял к ней письмо, но видно было плохо.

— Надо встряхнуть! — услышал я литераторшу. — Иди, — сказала она мне.

— Можно? — спросил я директора.

Директор поглядел на инструктора. Тот сидел неподвижно. Директор кивнул. Я взялся за горячий патрон, ударил по лампочке ладонью. Плохо. В зале зашевелились.

— Мы этого не разрешаем. — объяснил директор вполголоса инструктору. — Но сейчас, понимаете?

Тот сидел окаменев.

Я ударил ещё раз и ещё, и добился — стряхнул вольфрамовые волоски с крючков, а потом соединил напрямую.

— На пять минут, — сказал кто-то из наших.

И вот эта заминка, это отклонение от заколдованной тишины, в которой звучал только пересохший хриплый голос директора — и никто не осмелился сходить за водой! — это напряжение исчезло. В зале зашевелились, стало просторнее. Побежали за водой, слышно было, как гремела цепь у бачка.

Остаток письма слушали свободнее, легче. Кто-то из учителей даже прошептал, и были всем слышны слова: “А мы-то, а мы-то...”

Лампочка не перегорела, но погасла, погасли и остальные. Не потянула “нефтянка”. Зажгли керосиновые лампы, висевшие на вбитых в стены гвоздях. Самую яркую — молнию — держал сзади директора Колька Палкин. Держал, а сам смотрел в сторону, чтоб видно было, что он не подглядывает.

Письмо дочитали. Инструктор встал. В зале тоже встали. Письмо инструктор положил в портфель и первым вышел из зала. За ним директор.

— Завтра в школу, — сказал он, коснувшись моего плеча.

На улице была такая луна, такая у неё была начищенная радостная глупая морда, что и мороза не чувствовалось. Началась возня, побежали на Малахову гору, стащили по пути чьи-то сани.

— Ты завтра в школу придёшь, да? — спросила меня Галька.

— А ты думала, в тюрьму?

Сани неслись всё быстрее, и всё быстрее неслась над лесом ослепительная луна.

— А правда, ты мне стихи писал? — тихо спросила Галька.

Ужас, сковавший историчку, оправдался через месяц. Историю исключили из числа предметов, сдаваемых на аттестат зрелости. Мы учились по истории, искажённой в угоду одной личности, а новой истории не было написано, хотя было сообщено, что для написания новой истории утверждён новый авторский коллектив.

В тот год впервые устраивали праздник проводов русской зимы и был массовый забег на лыжах. Коля-лаборант был пьян и включал “Рио-Риту” на полную мощность. Меня хоть и восстановили в школе, но к радио не допустили. И хорошо — был массовый забег, раннее морозное утро, и можно было бежать по насту даже без лыж — наст держал. Я вырвался вперёд, и мне казалось, что, привяжусь я к ремню деревянную лопату, она бы полетела.

Потом меня обошли.

А про лыжника мы ещё года три-четыре говорили, потом поняли — даже если б его и вернуть, он уже сейчас ведь постарел, наверное. Да и где записано, что американцы — чемпионы, надо же для этого собрать мировые состязания.

Будем готовиться.

“ТИХИЙ ВОЗ НА ГОРЕ БУДЕТ”

Пилить дрова — это наказание. Но колоть дрова — это радость. Колоть дрова — награда судьбы, продление жизни и полезное ликование плоти. Да, устаёшь, хнычет наутро спина, но какое же древнее, мужское дело — колка дров! Сколько удали в этом взмётывании топора над головой, сколько силы в ударе! А расчёт, а глазомер? Точность удара? Опытному работнику много чего говорит еле заметная трещинка на поверхности тюльки. Ставишь её как на плаху, осматриваешь со всех сторон. Где сучок, где извилина — всё надо учесть, чтобы, ахнув, развалить её с одного, много — с двух ударов на двое, а затем покрошить на поленья.

Вот привезли мне дров, свалили. И среди всех — сосновых, еловых, берёзовых, уже напиленных на чурбаки, — выкатили и скинули такой чурбанище. Такой пнище, что земля вздрогнула, когда это чудовище поселилось у меня на дворе.

С утра по морозцу звонко разлетаются берёзовые поленья; кряхтя, раздираются еловые; сосновые всяко сопротивляются, но всё равно рassaживаются и поддаются. И вот я колол дрова, колол, а сам понимал, что всё это у меня — репетиция, всё это у меня — учения перед боем, перед сражением с этим чудовищем, с этим смоляным, перевитым окаменевшими сухожилиями неохватным комлем. Доставало это дерево, наверное, до облаков, облетали его стороны самолёты, отдыхали на нём стаи перелётных птиц. Как его свалили, какой артелью, не знаю. Но мне предстояло порубить его на дрова и превратить скрытую в нём энергию в тепло для жизни.

И вот наступил день, когда я вышел к этому единственному оставшемуся пню в одной рубахе, вооружённый до зубов колуном, клинья, топорами, и сказал:

— Ты понимаешь, что нам двоим не жить. Или ты — или я. Или ты умрёшь — или я умру.

Потом я подумал, что надо с ним по-хорошему, и сказал:

— У меня на дрова больше денег нет.

Пень молчал. Так как все эти дни я на него поглядывал и мысленно примерялся, то стал колуном легонько потюкивать от трещины к трещине. Но это пню было легче щекотки. Я будто по наковальне стучал. Ударил с размаху. Колун отскочил. Хорошо — не в лоб!

У меня были клинья — и дубовые, и два стальных. Я принёс из сарая кувалду и вогнал ею клинья по намеченной линии. Но я как будто гвозди вбил, а не клинья. Стальные вошли целиком, дубовые расщепились и погибли.

Так прошло полдня. Обедая, я всё время помнил о пне, о его булыжниковом спокойствии. Я полежал. В глазах стоял пень. Надо идти. Пень пока-

зался мне ещё огромное. Уже и компромиссы стали мне воображаться: ведь какой хороший — можно устроить из него журнальный столик. Или на нём дрова колоть. Такой монолит, он меня переживёт. Но нет, отогнал я капитулянтские настроения, этот монолит должен сдаться, иначе я перестану себя уважать.

— А тебя не перестану, — сказал я пню. — Ты должен погибнуть, как боец. Но погибнуть. Иначе как мне жить? Ты чувствуешь, что ты делаешь меня первобытным охотником, я с тобой говорю, как с медведем, которого надо убить для продления жизни племени?

Пень молчал. У меня были топоры, которые я вогнал по новой намеченной линии. Пень и не крикнул. Я два раза ходил менять мокрые рубахи, пил чай и угрюмо что-то жевал — восстанавливал силы. Солнце пошло на закат.

Спал я плохо. Утром всё повторилось. И был момент, когда бы я мог отступить, но вспомнил уроки детства. Я всегда был торопыгой, и мама всегда меня осаживала, говоря поговорку: “Тихий воз на горе будет”, — то есть надо всё делать помаленьку-полегоньку. Вот я нацелился на выступ сбоку пня и отколол его. Потом другой, третий. Напряжение стиснутости пня ослабевало. Обошёл один круг, другой. Уже гора скорченных, перекрученных смоляных поленьев лежала вокруг, а пень всё ещё был громаден. Но, уже вогнав рядом с прежними ещё клин, помассивнее, я достал первые клинья и с их помощью пробил новую линию по нетронутому месту. Стал бить кувалдой, с наворотом, как мы выражались. И пень треснул. Вначале тихо, потом с утробными звуками раздиранья телесной плоти. Я загонял в щель всё новые клинья и топоры, всё бил и бил, и не заметил, когда и как порвал рубаху, но пень, наконец, раздвоился. И потом ещё почти весь день я трудился над гигантскими половинами. Потом сложил разделанные в поленья останки пня и поразился величине поленицы.

Великая эта мудрость — помаленьку-полегоньку. С бока, с краешка, по щепочке, по лучиночке. Топлю печь, смолой пахнет, и с какой же благодарностью я вспоминаю те дни, когда шла битва с пнём.

Так бы нам во всем — помаленьку, потихоньку. Куда торопиться, ведь не под гору катимся — в гору идём. “Тихий воз на горе будет”.

УТЯ

Когда ему было четыре года, пришла похоронка на отца. Мать закричала так страшно, что от испуга он онемел и с тех пор говорил только одно слово: “Утя”.

Его так и звали: Утя.

Мы играли с ним по вечерам в большом пустом учреждении среди столов, стульев, шкафов. В этом учреждении его мать служила уборщицей и ночным сторожем.

Утя не мог говорить, но слышал удивительно. Ни разу не удалось мне спрятаться от него за шкафом или под столом: Утя находил меня по дыханию.

Было у нас и ещё одно занятие — старый патефон. Иголки отсутствовали, и мы приловчились слушать пластинку, водя по бороздкам ногтем большого пальца. Ставили ноготь в звуковую дорожку, прикидали ухом и терпели, так как ноготь сильно разогревался. Одну пластинку мы крутили чаще других.

*Цыганочка смуглая, смуглая,
Вот колечко круглое, круглое,
Вот колечко с пальчика, пальчика,
Погадай на мальчика, мальчика.*

Потом патефон у нас отобрали. Два раза Утя напомнил мне о нём. Один — когда мы шли по улице и увидели женщину с маникюром. Он показал и замычал. “Удобно”, — сказал я. Он захохотал. Другой раз он читал книжку о Средневековье, и ему попалось место о пытках, как загоняли иг-

лы под ногти. Он прибежал ко мне, и мы вспоминали, как медленно уходила боль из-под разогретого ногтя.

Утя учился с нами в нормальной школе. На одни пятёрки, потому что на вопросы отвечал письменно и имел время списать. Тем более при его слухе, когда он слышал шёпот с последней парты.

Учителя жалели Утю. В общем, его все жалели, кроме нас, сверстников. Мы обходились с ним, как с ровней, и это отношение было справедливым, потому что для нас Утя был вполне нормальным человеком. Кстати сказать, мы не допускали в игре с Утей ничего обидного. Не оттого, что были такие уж чуткие, а оттого, что Утя легко мог наябедничать.

Мать возила Утю по больницам, таскала по знахаркам. Когда приходили цыгане, просила цыганок погадать, и много денег и вещей ушло от неё.

Ей посоветовали пойти в церковь. Она пошла, купила свечку, но не знала, что с ней делать. Воск размягчился в пальцах. Она стояла и шептала: “Чтоб у меня язык отвалился, только чтоб сын говорил...”

Когда хор пропел “Господи помилуй” и молящиеся встали на колени, она испугалась и ушла. И только дома зажгла свечку и сидела перед ней, пока свеча не догорела. И чем чаще мать ходила в церковь, тем больше верила, что Утя исцелится. Мы купались, и я его нечаянно столкнул с высокого обрыва в реку. Он упал в воду во всей одежде, быстро всплыл и заорал:

— Ты что, зараза, толкаешься?!

После этого ошалело выпучил глаза, растопырил руки и стал тонуть. Мы вытащили его, он выскочил на берег, плясал, кувыркался, ходил на руках и кричал:

*Цыганочка смуглая, смуглая,
Вот колечко с пальчика, пальчика!
Вот колечко круглое, круглое!
Погадай на мальчика, мальчика!*

Говорил он непрерывно, боялся закрыть рот: думал, что если замолчит, то насовсем.

Помню, мы особо не удивились, что Утя заговорил. Мы даже оборвали его болтовню, что было несправедливо по отношению к человеку, молчавшему десять лет.

Утя побежал домой, по дороге называл вслух всё, что видел: деревья, траву, заборы, дома, машины, столбы, ворвался в дом и крикнул:

— Есть хочу!

Мать упала без чувств, а очнувшись, зажгла свечку перед недавно купленной иконой.

Утя говорил без умолку. Когда кончился запас слов, схватил журнал “Крокодил” и прокричал его весь от названия до тиража.

Он уснул после полуночи. Мать сидела у кровати до утра, вздрагивала и крестилась, когда сын ворочался во сне.

Утром Утя увидел одетую мать, сидящую у него в ногах, и вспомнил, что он может говорить. Но испугался, что снова замычит или скажет только: “Утя”. Он выбежал из комнаты и залез на крышу. Сильно вдыхал в себя воздух, раскрывал рот и снова закрывал, не решаясь сказать хотя бы слово.

Он глядел на дорогу, отдохнувшую за ночь, на тяжёлый неподвижный тополь, на заречный песчаный берег, на котором росли холодные лопухи мать-и-мачехи, сверху затянутые тусклой скользкой зеленью, а снизу бело-бархатистые; он видел рядом с крышей черемуху, её узкие листья с красными со-сульками болячек, воробьёв, клюющих созревшие ягоды; печную трубу, над которой струился прозрачный жар, — он мог всё это назвать, но боялся.

Наконец, он вдохнул и, не успев решить, какое скажет слово, выдохнул, и выдох получился со стоном, но этот стон был не мычанием, а голосом, и Утя засмеялся, присел и стал хлопать по отпотевшей от росы железной крыше.

Его мать расспросила нас о том, что произошло на реке, и испекла много-много ватрушек. Мы ели их на берегу, и когда съели, я снова спихнул

Утю в воду, тем самым окончательно равняя его со всеми. Он, однако, обиделся всерьёз.

В сентябре учителя подходили к Уте, гладили по голове и вызывали к доске с удовольствием, чтобы слышать его голос. Но здесь голоса от Ути было трудно дожидаться: он почти ничего не знал, подсказок слушать не хотел и быстро нахватал двоек.

В конце концов, учителя стали его упрекать. В ответ он всегда произносил услышанную от кого-то фразу: “Я детство потерял!”

Он и матери так кричал, когда чего-то добивался. Например, появились радиолы, и он потребовал, чтобы мать ему купила.

Радиола стояла у них на тумбочке в углу под иконами.

Мать слушала только одну пластинку, заигранную нами, — о цыганке. А Утя накупил тяжёлых чёрных пластинок и ставил их каждый вечер.

Особенно любил военные песни, которые мать не выносила. Она просила не заводить их при ней, но Утя отмахивался. Когда он садился к радиоле, мать уходила на улицу.

Утя включал звук на полную мощность, и радиола гремела на всю округу...

УПРЯМЫЙ СТАРИК

На севере вятской земли был случай, о котором, может быть, и поздно, но хочется рассказать.

Когда началась так называемая кампания по сносу деревень, в одной деревне жил хозяин. Он жил бобылем. Похоронив жену, больше не женился, тайком от всех ходил на кладбище, сидел подолгу у могилки жены, клал на холмик полевые и лесные цветы. Дети у них были хорошие, работающие, жили своими домами, жили крепко (сейчас, конечно, все разорены), старика навещали. Однажды объявили ему, что его деревня попала в число неперспективных, что ему дают квартиру на центральной усадьбе, а деревню эту снесут, расширят пахотные земли. Что такой процесс идёт по всей России. “Подумай, — говорили сыновья, — нельзя же к каждой деревне вести дорогу, тянуть свет, подумай по-государственному”.

Сыновья были молоды, их легко было обмануть. Старик же сердцем понимал: идёт нашествие на Россию. Теперь мы знаем, что так и было. Это было сознательное убийство русской нации, опустошение, а вслед за тем и одичание земель. Какое там расширение пахотной площади! Болтовня! Гнать трактора с центральной усадьбы за десять — пятнадцать километров — это разумно? А выпасы? Ведь около центральной усадьбы всё будет вытоптано за одно лето. И главное — личные хозяйства. Ведь они уже будут — и стали! — не при домах, а поодаль. Придёшь с работы измученный, и надо ещё тащиться на участок, полоть и поливать. А покосы? А живность?

Ничего не сказал старик. Оставшись один, вышел во двор. Почти всё, что было во дворе, хлевах, сарае, — всё должно было погибнуть. Старик глядел на инструменты и чувствовал, что предаёт их. Он затопил баню, старая треснутая печь дымила, ело глаза, и старик думал, что плачет от дыма. Заплаканный и перемазанный сажей, он пошёл на кладбище.

Назавтра он объявил сыновьям, что никуда не поедет. Они говорили: “Ты хоть съезди, посмотри квартиру. Ведь отопление, ведь электричество, ведь водопровод!” Старик отказался наотрез.

Так он и зимовал. Соседи все перебрались. Старые дома разобрали на дрова, новые раскатали и увезли. Проблемы с дровами у старика не было, керосина ему сыновья достали, а что касается электричества и телевизора, то старик легко обходился без них. Из всей скотины у него остались три курочки и петух, да ещё кот да пёсик, который жил в сених. Даже в морозы старик был непреклонен и не пускал его в избу.

Весной вышел окончательный приказ. Сверху давили: облегчить жизнь жителям неперспективных деревень, расширить пахотные угодья. Коснулось

и старика. Уже не только сыновья, но и начальство приезжало его уговаривать. Кой-какие остатки сараев, бань, изгородь сожгли. Старик жил как на пепелище, как среди выжженной фронтовой земли.

И ещё раз приехал начальник: “Ты сознательный человек, подумай. Ты тормозишь прогресс. Твоей деревни уже нет ни на каких картах. Политика такая, чтоб Нечерноземье поднять. Скажу тебе больше: даже приказано распаивать кладбища, если со дня последнего захоронения прошло пятнадцать лет”.

Вот это — о кладбищах — поразило старика больше всего. Он представил, как по его Анастасии идёт трактор, как хрустит и вжимается в землю крест, — нет, это было невыносимо.

Но сыновьям, видно, крепко приказали что-то решать с отцом. Они приехали на тракторе с прицепом, стали молча выносить и грузить вещи старика: постель, посуду, настенное зеркало. Старик молчал. Они подошли к нему и объявили, что, если он не поедет, его увезут насильно. Он не поверил, стал вырываться. Про себя он решил, что будет жить в лесу, выкопает землянку. Сыновья связали отца: “Прости, отец”, — посадили в тракторную тележку и повезли. Старик мотал головой и скрипел зубами. Пёсик бежал за трактором, а кот на полдороге вырвался из рук одного из сыновей и убежал обратно в деревню.

Больше старик не сказал никому ни слова.

ЯПОНСКИЙ ЛИФТЁР

В далёкой Японии, на берегу озера Бива, нас поселили в старинной трехэтажной гостинице. Вся в зелени, с выгнутой по краям изумрудной и очень блестящей после дождя крышей, она смотрелась в озеро витражами стекол и была очень уютна. Ещё вдобавок она была знаменита: в ней, будучи ещё наследником русского престола, останавливался император Николай II.

По стриженным лужайкам бродили кричащие павлины, вздымая разноцветные фонтаны своих хвостов, меж павлинов перешлёпывали свои жирные тела белые и чёрные кролики, а на берегу совершенно неподвижно сидели терпеливые рыбаки, на дело которых я ходил смотреть ранним утром и уже с ними здоровался.

Возвращаясь к завтраку, восходил по коврам на резное крыльцо, дверь передо мной открывалась кем-то невидимым, и я входил под звяканье колокольчика на ковры вестибюля. Огромные аквариумы вдоль стен, свисающая с потолка неискusstvenная зелень, разноцветные бумажные фонарики — всё это было очень красиво. А ещё в вестибюле был лифт, в который меня каждый раз вежливо и приветливо приглашал мальчик-лифтёр. Но я жил на втором этаже, и было как-то странно ехать туда на лифте.

Лифт всегда стоял открытым, и проехать в нём очень хотелось. Очень он нарядно был разубран. Освещался гирляндами огоньков, зеркала во всю стену были расписаны такими цветами, что человек, отражаясь в них, чувствовал себя в райском саду. Тем более в лифте были ещё и клетки с разноцветными птичками. Лифт, думал я, сохранился, как реликвия, в нём возили всяких важных мандаринов или вот, скажем, нашего цесаревича. Но вообще я видел, что лифтом иногда пользовались, и отнюдь не мандарины.

И я решился. Вернувшись после долгой, счастливой утренней прогулки по берегу озера, умывшись его чистой водой и став свидетелем поимки двух рыб, я энергично вошёл в вестибюль и поздоровался с мальчиком-лифтёром. Он звал меня внутрь лифта. Я вошёл и оказался в дивном маленьком шатре. Лифтёр приветливо и вопросительно смотрел на меня. Мне по-прежнему казалось, что глупо ехать на второй этаж, и я показал три пальца: на третий. Двери закрылись, как дуновение ветра, птички зачирикали, и мы все враз поехали. Поехали так мягко, неслышно, так нежно, даже как-то трепетно, что это был не подъём, а какое-то вознесение на бережных ладонях.

Ну, вот — третий этаж. Двери растворились. Растворились в самом прямом смысле, так они воздушно исчезли, и я шагнул на узорные ковры треть-

его этажа. И что? И конечно, пошёл к лестнице на свой второй этаж. Но тут случилось вот что: мальчик-лифтёр догнал меня и, схватив за рукав, показал на открытый лифт. Мол, зачем ты пошёл пешком, если можно ехать. Ну, как ему было объяснить, что я живу на втором этаже? Я вернулся в лифт. Снова запели птички, снова я отразился в зеркалах среди райских цветов. И опять: не ехать же всего на один этаж, я показал один палец: на первый.

Приехали на первый. И я, естественно, пошёл на свой второй. И опять меня догнал мальчик-лифтёр и опять зазвал в лифт. И опять привёз меня на третий этаж. Я вышел, отошёл немного и притворился, что рассматриваю старинную гравюру — битву самураев с кем-то. Скосил глаза — лифт стоял. А время меня подпирало, надо было завтракать и идти на конференцию. Я повернул к лестнице. Лифтёр выскочил из лифта и кланялся. Тут уж пришлось показать ему два пальца — выдать этаж, на котором я живу.

Он, конечно, решил, что русский бородатый дядя не может считать до трёх, ибо зачем же я ехал на третий этаж, если мой номер на втором? Я понял, что мальчика очень насмешило мое поведение. Да ведь и я смеялся над собой. И в последующие дни мы с ним весело раскланивались, и я уже смело ехал с ним до второго, отражаясь в искрящихся разноцветными огоньками зеркалах.

Я попросил профессора Накамото, который превосходно знал русский язык, сказать мальчику-лифтёру, что русский дядя очень неграмотный, он даже не может сосчитать до трёх. Профессор, выслушав мой рассказ о поездках на лифте, очень смеялся. И конечно, ради шутки, исполнил мою просьбу. Я это понял, когда увидел, что мальчик, завидя меня, стащил с головы свою круглую шапочку и прыснул в неё, скрывая улыбку.

А однажды я увидел его, когда он меня не видел. Он сидел как маленький старичок в своём разноцветном укрытии и был очень печален. Да и то сказать, легко ли — он работал, самое малое, по четырнадцать часов в день, я и не видел, чтоб его подменяли.

Перед отъездом я подарил ему русскую матрёшку. Ах, как он обрадовался! Он побежал в лифт, в свой домик, и показал мне, что матрёшка будет стоять между клеток двух птичек. И что в его клетке будет теперь повеселее.

А когда мы совсем уезжали и вынесли вещи в вестибюль, он подбежал ко мне и подарил сделанную из лёгких перышек игрушку-птичку. Подошёл автобус. Мальчик вырвал у меня из рук нагруженную книгами и альбомами сумку и потащил к автобусу. Когда я протянул ему деньги, он прямо отпрыгнул от них. Накамото-сан сказал, что он нёс сумку не из-за чаевых, а из чувства дружбы. Автобус тронулся. Мальчик-лифтёр стоял на крыльце и кланялся, приложив руку к сердцу. Таким я его и запомнил.

Я улетел из Японии и стал жить дальше. И часто, бывает, вздохну и вспомню озеро Бива, гостиницу, лифт, этого мальчикашку и то, что моя матрёшка ездит с ним вверх и вниз. Может, и он иногда вспоминает бородатого русского дядю, который не умеет считать до трёх.

ОБЪЯВЛЕНИЯ НА СТОЛБАХ

Кажется, в Тюмени, услышал я об одном подростке. И он никак не ушёл из памяти. Хотя случай самый, к несчастью нашему, обычный — его родители жили немирно друг с другом, ссорились, дело шло к разводу.

Мальчик любил родителей и очень, до слёз, страдал от их ссор. Но и это их не вразумляло. Наедине с каждым из них мальчик просил их помириться, но и отец, и мать говорили друг о друге плохо, а мальчика старались привлечь на свою сторону. “Ты ещё не знаешь, какой он подлец”, — говорила мать, а отец попросту называл её душой. И вскоре уже и при нём они всячески обзывали друг друга, не стесняясь в выражениях.

О размене квартир они говорили, как о деле решённом. Оба уверяли, что мальчик ни в чём не пострадает: как была у него тут отдельная комната, так и будет. С кем бы он ни жил. И что он всегда сможет ходить к лю-

бому из них. Они найдут варианты размена в своём районе, не станут обращаться в газету, а расклеят объявления сами, на близлежащих улицах.

Однажды вечером мать пришла с работы и принесла стопку жёлтых листочков с напечатанными на них объявлениями о размене квартиры. Она велела отцу немедленно идти и их расклеивать. И клей вручила, и кисточку.

Отец тут же натянул плащ, схватил берет и вышел.

— А ты — спать! — закричала мать на сына.

Они жили на первом этаже. Мальчик ушёл в свою комнату, открыл окно и тихонько вылез. И как был, в одной рубашке, побежал за отцом, но не стал уговаривать его не расклеивать объявления — он понимал, что отец его не послушает, — а крался, прячась, позади него и следил. Замечал, на каком столбе или заборе, или на остановке отец прилеплял жёлтые бумажки, выжидал время, подбегал к ним и срывал. С ненавистью комкал объявления, рвал, швырял в урны, топтал ногами, как какого-то гада, или бросал в лужи кнзизу текстом. Чтоб никто не смог прочесть объявления.

Так же незаметно вернулся он в дом. Наутро затемпературил, закашлял. С ним родители сидели по очереди. Он заметил, что они перестали ругаться. Когда звонил телефон, снимали трубку, ожидая, что будут спрашивать о размене квартиры, но их никто ни о чём не спрашивал.

Мальчик специально не принимал лекарства, прятал их, а потом выбрасывал. Но всё равно через неделю температура спала, и врачиха сказала, что завтра можно идти в школу.

Он подождал вечером, когда родители уснут, разделся до майки и трусов и открыл окно. И стоял на сквозняке. Так долго, что сквозняк и они почувствовали. Первой что-то заподозрила мама и пришла в комнату сына. Позвала отца. Мальчику стало плохо. Он рвался и кричал, что всё равно будет болеть, что пусть он лучше умрёт, но не даст им разменивать квартиру, не даст им разойтись. Он бился в приступе рыданий.

— Вам никто не позвонит! — кричал он. — Я всё равно сорву все объявления! Зачем вы так? Зачем? Тогда зачем я у вас? Тогда вы всё вдали, да? Вдали, что будет сестричка, что в деревню все вместе поедет, вдали? Эх, вы!

И вот тогда только его родители что-то поняли.

МУСЬКА

Муська — это кошка. Она жила у соседей целых восемнадцать лет. И все восемнадцать лет притаскивала котят. И всегда этих котят соседи топили. Но Муську не выбрасывали: хорошо ловила мышей.

Муська после потери котят несколько дней жалобно мяукала, заглядывала людям в глаза, потом стихала, а вскоре хозяйка или хозяин обнаруживали, что она вновь ждёт котят, и ругали её.

Чтобы хоть как-то сохранить детей, Муська однажды окотилась в сарае, дырявом и заброшенном. Котята уже открыли глазки и взирали на окружающий их мусор, а ночью таращились на звёзды. Была поздняя осень. Пошёл первый снег. Муська испугалась, чтоб котята не замерзли, и по одному перетаскала их в дом. Там спрятала под плитку в кухне. Но они же, глупые, выползли. И их утопили уже прозревшими. С горя Муська ушла из дому и где-то долго пропала. Но всё же вернулась.

Хозяева надумали продавать дом. Муську решили оставить в доме: старая, куда её на новое место. Муська чувствовала их решение и всячески старалась сохранить и дом, и хозяев. Наверное, она думала, что они уезжают из-за мышей. И она особенно сильно стала на них охотиться. Приносила мышей и подкладывала хозяевам на постель, чтоб видели. Её за это били.

Утром Муську увидели мёртвой. Она лежала рядом с огромной, тоже мёртвой крысой. Обе были в крови. Крысу выкинули вороном, а Муську похоронили. Завернули в старое, ещё крепкое платье хозяйки и закопали.

Хозяйка перебирала вещи, сортировала, что взять с собой, что выкинуть, и напала на старые фотографии. Именно в этом платье, с котёнком на ко-

ленях она была сфотографирована в далёкие годы. Именно этот котёнок и стал потом кошкой Муськой.

МОЛОКО КИСНЕТ

Конечно, без прогресса никуда. Но в искусстве лучший прогресс — это следование традициям. Европа от того вознесла русский модерн, что уже пресытилась своими выкаблучниками. А так модерн бездушен. Козе понятно, что это выдрючивание есть обслуживание своего круга. Но “свой круг” хочет постоянно расширяться и влиять на все круги и внаглую доказывает, что, например, “Чёрный квадрат” — это гениально: куб, вечность, тайна, бесконечность, приход в Россию большевизма... Всего наплетут... А Васнецовские “Три богатыря”, “Алёнушка”, например, — “раскрашенные фотографии”.

Ну, ладно. Всё это было. Эренбург, например, называл статуэтку, изображающую спокойного слона, пошлостью, а скульптурку слона в период половой страсти, поднявшегося на дыбы, задравшего хобот, — гениальной (“Люди, годы, жизнь”). Всё им бури хочется!..

Тот же “Чёрный квадрат” — дикость же. Для дураков. Но горланят! И загнали же испуганное правительство в необходимость покупать эту черноту за миллионы!

Но ладно. Расскажу об опыте, проведённом недавно. Конечно, наши тэвэшники народу о нём ничего не рассказали. Опыт таков. На стене были помещены репродукции картин Нестерова, Левитана, Куинджи, Малевича, Шагала, Кустодиева, Кандинского, ещё кого-то. Перед каждой картиной был поставлен столик, а на него поставлен стакан молока. Молоко свежее, налитое в стаканы из одной банки.

Вопрос: в каком стакане молоко скисло быстрее всех? Подсказать? Зачем, все и так сразу сообразили. Конечно, у “Чёрного квадрата”. Всех позднее — у “Берёзовой рощи” Куинджи. Вспомним её радость, простор, свежее дыхание!..

ЛИСТ КУВШИНКИ

Человек я совершенно неприхотливый, могу есть и разнообразную китайскую или там грузинскую, японскую, арабскую пищу или сытную русскую, а могу и вовсе на одной картошке сидеть, но вот вдруг с годами стал замечать, что мне очень безразлично, из какого я стакана пью, какой вилкой ем. Не люблю пластмассовую посуду дальних перелётов, но успокаиваю себя тем, что это, по крайней мере, гигиенично.

Возраст это, думаю я, или изыск интеллигентский? Не всё ли равно, из чего насыщаться, лишь бы насытиться. И уж тебе ли, это я себе, видевшему крайние степени голода, думать о форме, в которой подано питьё или пицца?

Не знаю, зачем заикнулся вдруг на посуде. Красив фарфор, прекрасен хрусталь, сдержанно серебро, высокомерно золото, но завали меня всем этим с головой, всё равно победит то лето, когда я любил библиотекаршу Валю, близорукую умную детдомовку, и тот день, когда мы шли вверх на нашей реке и хотели пить. А родники — вот они, под ногами. Я-то что, я хлопнулся на грудь, приник к ледяной влаге, потом зачерпывал её ладошкой и предлагал возлюбленной.

— Нет, — сказала Валя, — я так не могу. Мне надо из чего-то.

И это “из чего-то” явилось. Я оглянулся — заводь, в которой цвели кувшинки, была под нами. Прыгнул под обрыв, прямо в ботинках и брюках брякнулся в воду, сорвал крупный лист кувшинки, вышел на берег, омыл

лист в роднике, свернул его воронкой, подставил под струю, наполнил и преподнёс любимой.

Она напилась. И мы поцеловались.

...И О ВСЕХ, КОГО НЕКОМУ ПОМЯНУТИ

От того, может быть, так тянет к себе кладбище, что оно означает для кого ближайшее, для кого отдаленное, но для всех неминуемое будущее. Ходишь по дорожкам, вроде как выбираешь себе место. Тихо, спокойно и на тесном городском, и, конечно, на просторном сельском. Кресты, памятники, оградки. Засохшие живые цветы и выпцветшие искусственные.

Особенно хорошо на кладбищах поздней осенью. Выпало немного снега, он лежит светлыми пятнами между могил. И всюду золотая пестрота умирающих листьев.

Но ни мрамор памятников, ни громкие фамилии лежащих под ними так не останавливают и так не волнуют меня, как безымянные холмики чьих-то могил. Кто там, в земле? Кто-то же плакал здесь, кто-то же приходил сажать безсмертники, поливать цветы. И почему больше не приходят? Где они? Умерли сами? Уехали? А, может, просто так задавлены жизнью, что и умирать не думают, и сюда не ходят.

В Димитриевскую родительскую субботу отец Александр служил поминальный молебен. Я ему помогал. Перед началом написал большущий список имён своих родных и близких, уже ушедших в глубины земли. Но у самого батюшки списки поминаемых были вообще огромными, целые тетрадки имён усопших, убиенных за Царя и Веру, за страну нашу Российскую пострадавших. Батюшка читал и читал. Молящиеся всё передавали и передавали ему через меня листочки-памятки. Торопливо взглядывал я на них: там значились имена воинов, младенцев, даже безымянных младенцев, погибших до рождения, и безчисленные ряды имён, имён, имён... Иногда грамотно: Иоанна, Симеона, Евфимия, Иакова, а иногда просто: Фисы, Пани, Саши...

Батюшка читал и читал. Вспомнил я иностранца, стоявшего со мною однажды на субботнем Богослужении. Сказал он: “У нас все службы не более двадцати минут”. А тут только зачитывание поминаемых имён заняло более получаса.

Так вот, зачем я всё это вспомнил? Именно — из-за слов батюшки. Заканчивая поминание, он, принимая в руки кадило и вознося его молитвенный дым, возгласил:

— Молимся Тебе, Господи, и о всех православных, кого некому помянути.

И вот это “некому помянути” довело до слёз.

Но как же некому? А мы? Мы, предстоящие престолу, в купели крестившиеся, как и те, безымянные для нас, но Господу ведомые? Мы же повторяем слова: “Имена же их Ты, Господи, веши”. Мы же с ними встретимся, мы же увидимся.

Будем помянать всех от века почивших. Как знать, может, и наши могилы травой зарастут. Вдруг да и нас, кроме Господа, будет некому помянути.

“ДЕДУШКА, Я ПОМОГУ ТЕБЕ НАЙТИ ДОРОГУ”

Мой милый, любимый, единственный! Как же я люблю приходить за тобой в детский садик. Это самое счастливое событие моего дня. Мне так хочется потихоньку подсмотреть, как ты играешь в своей группе, во что и с кем. Но разве можно прийти незамеченным! Ещё только покажешься в дверях, уже десять голосов кричат тебе и десять рук тебя теребят:

— За тобой дедушка пришёл!

Ты выходишь по-разному. То сразу выскакиваешь, жалуясь, что тебя обижают, то идёшь важно, тая в себе какую-то высокую мысль. И одеваешься то быстро, то медленно. А мне и так, и так хорошо. Я люблюсь тобою, ни за что на тебя не сержусь.

— А что ты мне принёс? — всегда спрашиваешь ты.

— А вот если бы я ничего не принёс, ты бы что, сказал “уйди обратно”, да?

Ты весело глядишь и, не отвечая, машешь свитером, как флагом.

Надев брючки и обувшись, ты бежишь вниз и прячешься. Несу твою курточку, шарфик, шапочку, ищу тебя. Ну, конечно же, я каждый раз не знаю, где ты, ведь первый этаж большой. Нахожу — вот где ты! — и радуешься. И ты радуешься.

А на улице — сплошные опасности: дороги, машины. Держу тебя за руку. И на высоком, выгнутом мосту через канал тоже держу. Ты кричишь сверху уткам:

— Эй, утки! Вам там не холодно?

Ты замечаешь новые промоины тёмной воды, бросаешь уткам кусочки приготовленного хлеба и не веришь, что уткам в воде теплее, чем на льдине.

По дороге заходим в магазины. Везде нас знают. Ты всем продавщицам рассказываешь, что было в саду, какая у тебя хорошая сестричка.

— Только она больше не принцесса, а я больше не принц, — сообщаем ты.

— А кто вы?

— Она — Василиса Прекрасная, а я — Иван-царевич. Я её от Кощея спасаю. У меня меч есть, и щит есть, бабушка подарила. Я бился со Змеем Горынычем, я его сломал, меч, а мама отремонтировала.

У нас начинается главная игра. Она называется так: “Дедушка опять забыл дорогу к дому”.

— Да, дедушка, — огорчённо говоришь ты, — ведь ты опять забыл дорогу, опять?

— Забыл, — сокрушённо признаюсь я, — что делать, забыл. Но ведь ты меня выведешь, да? Я без тебя заблужусь.

— Ну, конечно, — великодушно всплёскиваешь ты руками, — конечно. Я тебя не брошу.

По дороге сочиняем песни. Например: “Идём из садика домой, какая благодать! Уже рукой, уже ногой до дому нам подать!” Или: “Мы ходили, шли снега, увязала в них нога. А теперь кругом вода, вот какая ерунда”. Мы шагаем, как солдаты. Ещё бы, ведь мы поём “Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”...” Догоняем девочку из твоей группы. Она хохочет и рассказывает тебе, как у неё была собака, летала, рулила хвостом и улетела в зоопарк. Ты серьёзно слушаешь и одобряешь:

— Это был смешной рассказ.

А иногда замолкаешь и идёшь молча. Я знаю, что тебя нельзя в это время перебивать. Однажды что-то спросил, а ты очень строго заметил:

— Я же молось. Я у Боженьки прошу, чтобы папа и мама не болели. И бабушки, и дедушки, и Василиса Прекрасная.

Конечно, когда ты заинтересован в покупке какого-то лакомства, то тянешь в магазин, а когда надо купить что-то для дома, не очень-то спешишь помочь мне в этом.

— Я не хочу в магазин, я тут подожду.

— Разве я могу тебя одного оставить?

— Но я же богатырь! — говоришь ты.

— Вот поэтому ты меня и не оставляй одного.

Ты то зовёшь:

— Давай лучше пойдём по белу свету счастье искать.

А сегодня вдруг объявляешь о своём открытии:

— А солнце больше неба.

— Почему?

— Небо только вверху, а солнце везде. — Ты разводишь руками и показываешь на всё окружающее нас пространство, освещённое солнцем.

И спрашиваешь:

— А солнце далеко?

— Очень!

— Очень, очень?

— Да. Ещё никто до него не долетел.

Ты смотришь на меня, о чём-то думаешь, потом поворачиваешься лицом к солнцу, делаешь несколько шагов и объявляешь:

— А я уже ближе тебя к солнцу!

Мы идём дальше. Ты выучил звук “ш” и с удовольствием говоришь слова с буквой “ш”. И всё время вспоминаешь Машу, которая шла по шоссе.

— А чего это она, — спрашиваю я, — по шоссе идёт? Надо же по тротуару ходить.

Совершенно резонно ты отвечаешь:

— Тротуары же заняты машинами, вот ведь как. А скажи, бабушка, чем отличаются слова *сушка* и *пушка*?

— Пушка большая, сушка маленькая.

— Нет.

— Сушку едят, а пушка стреляет.

— Нет! — Ты начинаешь сомневаться в моих умственных способностях.

— У пушки колёса круглые, как у сушки, но со спицами.

— Да нет же! — кричишь ты. — Одна буква! С-с-с и Ш-ш-ш! — Тут же ты кричишь машинам:

— Эй, машины, вы что, разве мухи, что вы шумите? Или комары какие-нибудь?

Тебе ужасно хочется шлёпать по лужам, но этого делать нельзя, и ты терпеливо их обходишь.

— Всех лучше осень, — говоришь ты, — спасибо осени — осенью можно по лужам ходить.

Потом по твоей просьбе я пытаюсь объяснить, что такое Бог. Но как сказать о Его всеведении, всеприсутствии, всемогуществе. Пытаюсь. Ты слушаешь и неожиданно вразумляешь меня самым простым и точным определением:

— Да, да, я понял. Бог — это как воздух. Он везде есть, а мы его не видим.

Мы приходим домой, мнём руки, и начинается твоя бесконечная сказка про битвы с драконами, про похождения Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Мы поём самосочинённые былины о том, как обиделись богатыри на князя Владимира, что не посадил их за стол, и как потом напало на Киев Идолице Поганое да засвистал дурным посвистом Соловей Одихмантьев сын, тогда пошли богатыри, обиды забывши, стоять за землю Русскую, за веру Православную.

— Сколько голов у Змея? — спрашиваешь ты.

— Три, — говорю я, опасаясь, что если голов будет больше, то битва долго не закончится.

— Три! — говоришь ты презрительно, — три! Это и ты справишься. Сегодня двенадцать! Вот так вот!

Игрушек у вас с сестрой — на два детских сада. Но всё равно их не хватает. Понадобился тебе конь, чтоб посадить богатыря на коня. Где конь? Нет коня. Тогда ты, непобедимый выдумщик, хватаешь кубик, часть архитектурного конструктора, и кричишь:

— Вот и пал конь Ильи Муромца! И схватил тогда Илья Муромец камень, отломил его от замка, превратил в коня, сел и поскакал!

Долго ли, коротко ли сказка сказывается, не скоро, но всё же Змей-Горыныч побеждается. Я думаю, что заслужил отдых, я же тоже воевал, но ты вдруг говоришь:

— Ищи меня! Считай до десяти! — и убегаешь.

В большой комнате, которая становится маленькой из-за развала игрушек, появляется бугор из двух одеял. Под ними что-то шевелится. Конечно, это ты. Но разве можно бабушке так сразу найти внука! Я хожу по квартире, честно заглядываю во все углы и горестно восклицаю:

— И тут нет! И тут нет! А тут совсем нет. А тут и не было.

Наконец, ты высовываешь голову и сообщаешь:

— Я же клад. Меня надо откопать.

Мама приводит сестрёнку. Тебе уже не до меня. А уж если ещё и папа сегодня пришёл пораньше, тут дедушка окончательно становится лишним. Я прошу тебя перекрестить меня на прощание. Ты обращаешься к иконам:

— Боженька, помоги дедушке найти дорогу, сделай такую милость!

На сердце у меня тепло и немного грустно. Но что грустить? Бог даст, наступит завтрашний день, и опять, с радостью бросив все взрослые дела, я пойду за тобой.

Вдруг обнаруживаю, что заблудился. Конечно, ведь я же иду один, без тебя. Но ты меня перекрестил, благословил, и я обязательно найду дорогу.

ЮРИЙ ВОРОТНИН

ДО ПОСЛЕДНЕГО КРАЯ

* * *

Вот и кончилось время прощаний,
Обустроен последний приют,
Мы уходим туда не с вещами —
Вещи дольше хозяев живут.

Их удел — средь завалов подённых
Больше века из рук не сходить,
Чтоб ещё на земле не рождённых
И уже неживых породнить,

Чтоб спросонья в тягучем тумане
Слышал я сквозь столетний гранит,
Как у прадеда в чайном стакане
Колокольчиком ложка звенит.

СКОМОРОХ

Мне родина рюмку нальёт,
Я выпью и стыд потеряю,
Губною гармошкой рот
Расквашу от края до края.

ВОРОТНИН Юрий Иванович родился в 1956 году в поселке Пирово Тульской области. Окончил Тульский политехнический институт. Печатался в альманахе "Поэзия", в "Литературной газете", в газете "Московия литературная". Автор книг "Стихотворения" и "Осень в райских садах". Член Союза писателей России. Живет в городе Дедовск Московской области.

На слово последнее скор,
Подхваченный резвым мотивом,
На всех заведу разговор
О нашем житье терпеливом.

Под горку покатится речь
И враз опрокинет границы,
Коль слово от слова зажечь,
Всё дальше само разгорится.

И выгорит в памяти путь
Родной, изначальный, заветный,
Он рядом — ладонь протянуть,
Но вдруг зашатаюсь под ветром.

Не сдюжу раскачивать Русь,
Пожухну, как травы к Успенью,
И правду, которой боюсь,
Опять рассказать не успею.

С размаху шагну в забытьё
И стану в смятенье минутном
Следить, как дыханье моё
Густеет во времени смутном.

* * *

Не выдержу — в темнице,
Свечою разгорюсь,
Не ветхой плащанице —
Создателю молюсь.

И память держит цепко
Заученный урок,
Что церковь — только церковь,
А Бог — и вправду Бог.

Как мёртвый лес, корчую
Живое существо,
И страх бессилья чую,
И чувствую родство.

1612

С. Ю. Куняеву

Убежали из Рязани,
Укатали из Твери,
Вслед за нами, как цыгане,
Потянулись пустыри.
Мы бежали из Смоленска,
Из Калуги и Орла,
Нас в чужое тягло с треском
Смута горькая впрягла.

Вольность тёмного разгула,
Обращая нас в рабов,
Своротила Туле дуло,
Загнала в леса Тамбов.

А увенчанный расстрига
С беглым чёртом за плечом
Откровенья в Божьих книгах
Правил масляным квачом.

В эти дни я жил и не жил,
Небо попусту коптил,
И слезился глаз медвежий
И за мной из тьмы следил.
И одно меня держало,
Всем законам вопреки,
Знал я — Минин на державу
Собирает медяки.

* * *

Небеса надо мной то белы, то свинцовы, то сини,
А земля подо мной то прозрачна, то ярко черна.
И дрожит моя жизнь между ними, как тощій осинник,
И плывут мои дни между ними на лёгких челнах.

Загляжусь в облака, раскачает мне голову ветер,
Загулял бы с размахом, но спутаны ноги травой.
Кто за царство земное моею судьбою ответил,
Как за Царство Небесное сам я ответил с лихвой?

Как зависимо всё, как загадано — спаяно прочно!
Жизнь из праха встаёт и опять обращается в прах.
И трепещет осинник от света звезды полуночной,
И подземные воды качают звезду на весах.

* * *

Не то, чтоб сеял зло,
В необъяснимой страсти
Звериное число
Раскладывал на части.

Мне ночью не спалось,
Мне днём не просыпалось,
Я чувствовал, как ось
Земная напрягалась,

Как шли материки
Открыто друг на друга,
Как, Солнцу вопреки,
Сойти пытались с круга.

Я понимал: игра
Моя давно за краем,
И знал: земля сыра,
А рай необитаем.

* * *

Ласточки ниже и ниже,
Крыльями режут траву.
Я никого не обижу,
Если свой срок доживу.

Солнце уже не согреет,
Холод уже не возьмёт.
Что же всё ласточки реют?
Что же всё дождь не идёт?

Видно, небесная сила
Выдала нам оберег,
Чтобы мгновенье застыло,
Остановилось навек,

Чтобы все вместе присели
Перед разлукой гуртом,
Вспомнить, что было доселе,
Думать, что будет потом.

* * *

...до последнего края.
Юрий Кузнецов

Дует ветер с чужой стороны,
Завывает в нехоженных даях.
От рождения чувство вины
Растолковано мне на скрижалях.

Наградили, смеясь, ярлыком,
Расписали затылок ли, лоб ли...
И живу на земле дураком
И впрягаюсь в любые оглобли.

Но попробуй меня валуном
Докатить до последнего края —
Опрокинутся реки вверх дном,
И земля отворится сырая.

Оправданья судьбе не ищу,
И межой затянувшись уездной,
Жизнь свою обращаю в пращу
И с возмездьем взлетаю над бездной.

* * *

Даже если уже не проснуться без болей в суставах,
Даже если без боли в суставах уже не уснуть,
Погуляю во сне на проросших подшёрстком отавах,
Помытарю глазами росы зазеркальную ртуть.

Костяная нога достучит до полян костяники,
Но едва приголублю мерцающих ягод живьё,
Раскромсают мой сон петушиные крепкие крики,
И закатится явь леденцами под сердце моё.

Из угодий ночных, из оконца дворца лубяного,
Из-за веток стальных, из забытого всеми угла
Посмотрю на себя — и не мёртвого, и не живого,
Пожалею тебя, что меня до сих пор берегла.

АРХАНГЕЛЬСК

Не сыщет Господь виноватых,
Когда, как иголку в стогу,
С холмов среднерусских покатых
Заметит Архангельск в снегу.

Погладит копчёные срубы,
Болота слезой оживит
И спросит: “Начищены ль трубы,
В какие Архангел трубит?”

* * *

Спотыкаюсь, стреножусь на каждой версте.
Вбита в землю по горло верста.
А тому, кто хоть раз повисел на кресте,
Даже дня не прожить без креста.

Не жалею себя и к другим без щедрот,
И смотрю до окалин в глазах,
Как качается гать от совиных болот
До совиной звезды в небесах.

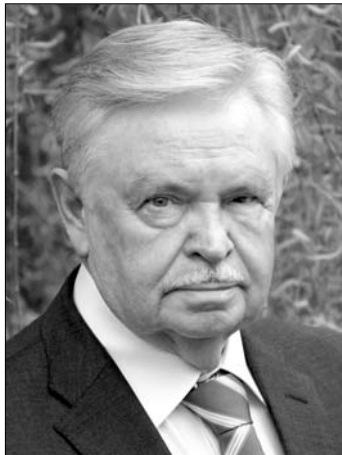
Ни прощеньем твоим, ни слезой на ветру
Не унять мне тоски ломовой,
И вбиваю с размаху в пространство версту,
Чтоб не кончился тракт столбовой.

* * *

Дорога старая ямская,
Польнь с обочин и репей...
Всё глуше боль во мне людская,
Всё ближе горе пустырей.

И страшно мне в местах бездонных
С совой когтистой на плечах
Смотреть в глаза домов бездомных,
Где стынет изморозь в печках.

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

ЦИРКОВЫЕ ЦИРКАЧИ

Повесть из цикла
“Русские мальчики”

1

Как я ждал отца с войны! Как трепыхалась моя душонка в ожидании сладкого мгновения: вот скрипит наша высокая калитка и на приступке — батя, в выцветшей пилотке со звёздочкой, с вещевым мешком на плече, а на груди взблёскивает медаль “За отвагу”. Он дважды лежал в госпитале, где работала лаборантом мама, — санитарные поезда везли его на восток, но шли-то они через наш город, и оба раза он уговаривал начальников этих удивительных поездов снять его, старшего сержанта, на нашей станции и отдать в местный госпиталь, и два раза являлось в нашу семью чудо: мама приходила утром на работу, а ей велели пойти в такую-то палату и взять там кровь у вновь прибывших.

Мама шла. И оба раза едва не падала со своими пробирками в обморок, потому что к ней вдруг поворачивался отец — то есть он мне отец-то, а её — муж! Будто с неба, что ли, слетел? Или вышел из чёрного месива человеческих фигур, грохочущих орудий, бомбовых взрывов, лошадиного ржання, теплушек, откуда выглядывают эвакуированные, из стопа, слёз, крика отчаяния — из всего того, что называются войной, и из чего вовсе

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии России, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака, М. Горького, многих других отечественных и зарубежных наград. Удостоен премии Президента РФ в области образования и премии Правительства РФ в области культуры. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

нелегко выбраться, пусть даже с ранением, и оказаться в госпитале одного города и дожидаться лаборантки, которая придёт брать кровь. И тут ей улыбнуться. А её зашатает. И она чуть не упадёт. Ох, нет, конечно, опустится на отцовскую койку и возьмётся, чтобы сердце унять, за голову обеими руками, отложив в сторону драгоценные пробирки с кровью, уже взятой у какого-то раненого.

Ну, так вот... Война кончилась, а отца всё не было, и даже письма от него приходиться перестали, а нетерпенье моё нарастало, и я всё чаще стал сам себя пугать: а вдруг вот он войдёт в калитку, а я его не узнаю?

Как так — допрашивал я сам себя. Его фотография висит на стенке — там мы все трое сфотографировались в декабре 1941 года, когда его под Москвой ранило первый раз — я в матроске, не совсем ещё серьёзный, — но мне же и тогда уже было шесть лет; во второй раз нам, правда, не удалось сфотографироваться по какой-то причине — но я же отца помнил, наизусть знал его лицо, а отчего-то теперь не верил себе. Боялся.

И не зря, оказалось.

Довольно долгое время спустя мы получили его письмо не треугольником, а квадратное, хотя в каком-то удивительно уменьшенном конверте. А в нём на тонкой, почти просвечивающей бумаге и карандашом, неровными буквами написанная короткая записка, в которой сообщается, что с самого что ни на есть Запада их часть перекинули на самый что ни на есть Восток и теперь его скоро не демобилизуют, потому что, как известно, идёт война с Японией.

Как затосковала моя душа от этого известия! Мама с бабушкой плакали почти навзрыд, а я себе не мог такого позволить. И самым главным среди причин этого непосволения было почти взрослое понимание: я теперь не малыш. Мне не шесть, а десять лет, а в десять лет ребята бывают и партизанами, и солдатами, и гибнут как взрослые.

Мама и бабушка плакали, и я справедливо думал, что это ведь, в том числе, от досады: поезд на восток, как писал отец, опять шёл через наш город, прибыл под утро, но стоял на запасных путях буквально пять минут и рванул дальше, потому что был приказ двигаться скорее.

Мне и самому хотелось разреветься во всё горло, что ли! Отец в теплушке, ночью на станции его родного города, но никто из нас об этом даже не догадывается, и мы спим тут спокойненько, не шелохнёмся, а он горюет.

Вот тут-то, когда отец проехал мимо, на новую войну, и стало на меня наседать это странное беспокойство: он входит в калитку, а я не узнаю его.

2

Была, конечно, ещё одна причина этой тревоги.

Бабушка, узнав, что отца перебросили на Восток, сдала одну из двух комнат квартирантам. С маминого, конечно, согласия.

Ненадолго, уверяла она, на каких-нибудь два или три месяца, до осени или до возвращения отца. А причину и объяснять не требовалось: одна война кончилась, и вторая тут же началась...

Нет, наверное, не так. Просто жить становилось не легче после войны-то. А может, и всё трудней. Все выдохлись — от горя, от лишений, от того, что давно продали и проели, что можно было продать и проесть. Слава продуктовым и прочим карточкам, по которым давали хоть какую еду, и нормы эти потихонечку, да увеличивались. Зато росли цены на рынке. Буханка хлеба — целое состояние. И молоко покупали там, и что ещё позволял заработок мамы и бабушкина грошовая пенсия. Так что деньги в добавку если не спасение были, то благом, и бабушкино решение мама поддержала, хотя сомневалась:

— Вот что это только за народ? Эти циркачи? Ненадёжная публика! Что за занятие! В цирке представлять!

Вот это новость!

Я, конечно, бывал пару раз в цирке, не один, ясное дело, с приятелями, и билеты мы сами покупали в кассе, выстаивая долгую очередь женщин

и бабушек с детьми, и нам почему-то всегда доставались места в последних рядах, далеко от сцены. Говорили, что сцена называлась манеж.

Конечно, сидеть вверху тоже было забавно: мы сразу принимались глядеть наверх, смотрели, нет ли дыр в брезентовой крыше, и, надо сказать, дыры эти находились в довольно немалом количестве, что нас удивляло простым вопросом: а если дождь? Но дождей не было, а мы не были привередами, и сверху разглядывали надстройку над выходом на сцену, где сидели музыканты в красных, нам казалось, бархатных, одеяниях и дудели в золотые трубы.

Все, что происходило на круглой сцене, издалека виделось мелковато, голоса, если говорили артисты, слышались не очень-то громко, и приходилось вслушиваться. Выходило, зал смеялся над смешными словами клоунов, а мы переспрашивали друг друга: “Что он сказал?”, “Что?” — и, разобравшись, смеялись тоже, правда, с некоторым опозданием. А кому это понравится? Нам самим не нравилось.

Словом, что такое цирк, я, в общем, понимал, конечно же, признавал, но... Не знал!

Может, оказывается, быть вот именно так. Даже любить можно что-то. А не знать! Признавать и понимать можно, но не знать. Да и узнавать-то, как окажется, никто требовать не станет. Смотри да смейся! Гляди да удивляйся! Вот и всё. Именно за это ты платишь свои рублики.

За удовольствие.

3

Они появились целым шалманом в девять человек и познакомились со мной и бабушкой как-то вскользь — мама-то была в госпитале — просто покивав и узнав, как нас зовут. Сами же распаковали деревянный, серого цвета, бывалый, видать, в разных передрягах, сундук большого размера, который притащили с собой, достали сразу два примуса и принялись варить в огромной кастрюле какое-то блюдо — то ли суп, то ли ещё что, неведомое нам, которое запахло незнакомыми русскому обонянию, но довольно приятственными ароматами. Продовольствие вынимали из ящика, обвёрнутое в газетки и тряпочки, кидали в бурлящую воду, мешали длинными, у нас невиданными, деревянными ложками...

При этом они не говорили, а странно покрикивали:

— Эй!

— Хоп!

— Уа!

Изредка получались фразы подлиннее: “Скорее сюда!”, “Шевели ногами!”. Или уж совсем невероятное: “Алле, гоп!”

И, странное дело, все эти люди чётко, мгновенно повинувшись, немедленно выполняли собственные же команды! Про покорных детей я уж не говорю, но сами взрослые двигались резко, точно и совершенно определённо, как заведённые и уверенно знающие, что делать, игрушечные солдатики.

Оба примуса — на втором шкварчало что-то мясное, опять же неизвестно чем-то властным ударяющее в мои ноздри, — постепенно обрастали мебелью. Из комнаты, в которую въезжали эти люди, вынесли три стула, один из которых скрипел от старости и жаловался на тяготы бытия, ящик из-под фруктов, залежавшийся с довоенных времён в сарае и покрывшийся уже паутиной, скамья, быстренько выдернутая из земли, несмотря на бабушкины сомнения, и даже тройка перевернутых старых ведёр — на них тоже можно сидеть.

К той поре вернулась мама, глаза у неё округлились от увиденного, на всякий случай она поджала губы, осторожно обходя всех новосёлов и ничегошеньки не понимая, но тут перед ней возник, видать, самый старший, но самый низенький ростом и худенький человек.

— Извините, дорогая! — сказал он — я тогда ещё в акцентах не разбирался — с каким-то неясным акцентом. — И, пожалуйста, не бойтесь. Мы сейчас приготовим стол и подробно вам представимся. А жить здесь будут только трое!

Худенький мужчина интеллигентно улыбался, карие глаза его лучились сиянием, от него так и плыло доброе желательство всем, к кому он обращался!

— Но как вас зовут? — спросил он вкрадчиво и, чтобы смягчить знакомство, представился сам. — Меня — Антон.

— Да нет-нет! — почему-то смущенно сказала мама. Она, наверное, хотела пояснить, что даже не имеет значения, как её зовут и как его зовут, этого Антона, пусть, мол, живут и готовят еду себе на радость, но получилось это у неё как-то не очень понятно. Поэтому она улыбнулась и назвала себя:

— Миля.

— Людмила? — уточнил вездливо Антон, хотя мог бы и не делать этого.

— Милица! — чуточку гордясь и чуточку смущаясь, сказала мама.

И вот тут весь это шалман резко повернулся к ней и стал в неё вглядываться.

— Милиция! — удивлённо спросил мальчишка из этой компании.

— Да нет! — рассмеялась мама. — Не милиция, а Милица! Это имя у меня такое. Редкое. Православное. Мама моя так меня окрестила.

— Конечно! — сказал от большой кастрюли чернобровый, повыше Антона, мужчина. — Такая черногорская принцесса была. Тоже православная. А Черногория — это на Балканах, возле Адриатического моря. Красота необыкновенная!

Вот тут всё и началось!

Мама постояла мгновенно, а потом стала подходить ко всем взрослым, протягивать руку лодочкой, довольно, кстати сказать, неумело протягивать, неопытно, и всем довольно дружелюбно представляться: “Миля!”

Потом мама ушла в нашу комнату, где жили мы втроем с бабушкой, долго зачем-то переодевалась и умывалась, пока Антон не закричал ей:

— Миля! Миля! К столу!

А стола и не было! Примусы — две кастрюли, и возле них круг разнородной мебели. И вот тут настал мамин миг. Она как-то быстро, одним махом освободила маленький столик, на котором всегда стояли большие часы и разные, с довоенных пор, побрякушки и пустые бутылочки из-под довоенных духов — мама их не выбрасывала, говорила, что это подарил отец — и вынесла столик во двор. Благо, что он был лёгкий, этот столик.

Такой её, в общем, обыкновенный поступок вызвал бурный восторг, в нашем доме никогда не бывавший: все эти люди, бросив дела, аплодировали маме и хором кричали: “Браво! Браво! Браво!” И улыбались, будто мама тоже артистка и совершила что-то необыкновенное.

Я её никогда такой раньше не видел. Худенькая, с лицом, склонным к желтизне от постоянного недоедания, мама сейчас раскраснелась и выглядела красивой и какой-то энергичной, готовой, пожалуй, к каким-то необыкновенным поступкам.

И хотя она долго отнекивалась, говорила, что сыта, да и сын не голодный, а уж про мою бабушку, её маму, так сказать, квартиросдатчицу, и говорить неловко, её компания циркачей и слушать не желала.

Переполох был, в общем, как в курятнике, шуму и гаму, как на толкучке, где все друг друга перебивают, разговаривая каждый о своём. Наконец, Антон разлил в тарелки суп из всё ещё кипящей кастрюли и объяснил:

— Это суп бараний, там жир, и его едят быстро, иначе он остынет и будет невкусно.

Все защёлкали ложками.

4

— А теперь, — сказал Антон, когда тарелки опустели, — давайте знакомиться!

И оглядел весёлым взором всю свою братию. А потом и рукой подтвердил: красиво так обвёл рукой это товарищество, даже слегка поклонился.

— Перед вами, — сказал он, глядя куда-то вверх, наверное, обращаясь к невидимым зрителям, — семья Антонио — воздушные гимнасты под куполом цирка.

Затем он опустил взгляд свой к нам, здешним жителям, и доверительно пояснил:

— Но мы не семья. Мы просто друзья и работаем — один — номер.

— Зато покрепче, чем любая семья, — негромко проговорил тот, чернобровый, который знал про Милицу даже больше, чем мама, носившая это имя.

— Вот именно! — воскликнул Антон. — Потому что у нас смертельный номер! Мы находимся под самым куполом! И не имеем права на ошибку! Понимаете!

Мы все кивали — и я, и мама, и бабушка, которая одна не сидела, а стояла, прислонясь к стене дома, и держала в обеих руках пустую чайную чашечку, в которую ей налили бараний суп.

— Но это позже! — выдохнул Антон. — Мы вас всех приглашаем в цирк. Бесплатно! Вы наши гости! А нашу работу надо увидеть. Словами её — нет! — он помотал головой, — не описать!

Он рассмеялся, оглядел свою команду и спросил сразу всех, ни к кому не обращаясь:

— Правда, ребята!

И его команда будто хором вскрикнула, хотя каждый прокричал своё.

Чернобровый крикнул “Хоп!” — я это совершенно точно расслышал. Второй крикнул “Уй!”, мальчишка издал звук “Э-э!”, обе девчонки выразились пояснее “Да!”. А три приезжие женщины будто кого-то окликнули хором: “Эй!”

И меня этот крик, это восклицание поразило. Ведь почти все произносили разное, а вышел эдакий громкий и очень общий восклицательный знак! Не команда, конечно, отклик на команду, а ещё точнее — сигнал, подтверждение, что это не просто тут люди собрались слегка пожрать, а команда, готовая в дело по первому восклицанию командира.

Больше он уже не смотрел вверх, на невидимых зрителей, а нам персонально и лично разъяснял, кто здесь находится — переводил взгляд свой с меня на маму, на бабушку и опять на меня.

— Меня зовут Антон, но в паспорте записано — Антонио. Наверное, мои родители, сразу как я родился, решили, что быть мне артистом. Поэтому и номер наш звучит по моему имени — семья Антонио, воздушные гимнасты! Красиво ведь звучит, правда?

Это он к нам обращался, не к своим же, но они закивали раньше нас, ну и мы тоже закивали — очень даже красиво звучит.

— Теперь про семью, — продолжил Антон. И склонил голову в сторону тощенькой и довольно не улыбочивой женщины. Она была в ситцевом сером халатике, похожем на больничный, ела без аппетита, а волосы у неё были обрезаны почти как у мальчишки, совсем коротко.

— Это моя жена, — сказал Антон торжественным голосом. Так, наверное, объявляют артистов в цирке. — Её зовут Леонида.

Хитреньким взглядом поглядел на меня, на маму, на бабушку.

— Вы, конечно, знаете, что есть мужское имя Леонид, но почти уверен, что не знаете про женское имя — Леонида!

— Леонида Антонио!

Циркачи захлопали, волей-неволей захлопали и мы, совсем не готовые к тому, что надо аплодировать — развесили, так сказать, уши.

А Леонида вдруг вскочила со стула — красиво отставила ножку и низко склонилась перед всем обществом, а вышло — перед примусами с двумя кастрюлями, причём одна уже была пустой, зато вторая выражала явное неудовольствие слишком долгим ожиданием: в ней что-то нетерпеливо шкворчало и издавало соблазнительный аромат.

Поклонившись, Леонида села на место и довольно неожиданно, не как артистка, а как брызгливая тётка, сказала противным заунывным голосом:

— И вечно ты, Антоха, театр устраиваешь! Мне спать надо! А зовут меня — просто Лена.

— Не театр, а цирк! — воскликнул Антонио, и заволновался: — Сейчас, сейчас! Но надо же представиться.

А дальше всё пошло гораздо скорей.

— Это, — указал Антон на блондинку, по комплекции своей точно отлитую с Леониды, — Джиди, а это её муж Сигурд, зовите просто — Сергей. Джиди и Сигурд Кобия, — воскликнул он, — то есть, все — Антонию!

Опять раздались аплодисменты.

— А эта пара, — указал он наконец на чернобрового, — дядя Вава-Штинц, в простонародье Георгий Тарабаров, и его великолепная жена Люка! Наша всеобщая покровительница! Наши костюмы, наш грим! Наши улыбки! Наша обувь! Наше настроение! Наш дух! Всё это Люка Антонию! А её Вава, — не вздумайте спутать с каким-нибудь Вовой, — погрозил он мне пальцем, — гроза под куполом цирка! Самый сильный из воздушных гимнастов, как и Сигурд — Сергей. Все — Антонию! Аплодисменты!

И все дружно захлопали. А Люка, которая, скажу прямо, сильно отличалась от двух других женщин своим построением, — уже раскладывала из второй кастрюли кусочки мяса с луком и ещё с чем-то, пахнущим пряно, не порусски. Да так аппетитно, что слюнки внутри меня просто растекались.

И тут я услышал голос Люки. Это был почти мужской голос: грудной, хрипловатый, тоже с акцентом. И с первых её слов стало ясно, кто тут хозяин.

— Вы, женщины, — сказала она, не глядя на маму и бабушку, но протягивая им тарелки с мясом, — должны понять! Что перед вами скромные люди! Но великие артисты! Их освободили от войны, чтобы они могли ездить по всей стране! И хоть немного веселить наш измученный народ! Моего Ваву, — она указала локтем на чернобрового, — даже на фронте нашли и отозвали. Представляете?! С фронта в цирк! Это значит, что цирк ничем не безопасней фронта. Особенно их номер. Каждый день — риск. Каждый вечер я выглядываю из-за занавеса, и моё сердце останавливается. То, что делают эти люди, ещё не делает никто в мире!

И тут она заплакала.

Она была толстая, эта Люка и совсем не походила на Джиду или Леониду, и как я узнал потом, никогда не выходила на манеж. Но она отвечала! Она переживала! И слова — “за всё!” — ровным счётом ничего не означали, потому что, как опять же я лишь потом понял, — она будто за всех за других выполняла все их действия под куполом цирка. В своём большом сердце.

А тут, за тем памятным обедом, она плакала прямо над тарелками, в которые раскладывала кусочки ароматного мяса, и слёзы капали прямо в них, но никто ей не делал никаких замечаний, пока вдруг Леонида, мигом преобразившись, выпрямившись, став гибкой и элегантной в своём больничном сером халате, не воскликнула:

— Главный вдохновитель и режиссер, управительница и старшая сестра, начальница и подчинённая, душа и тело семьи Антонию — Люка Антонию. Аплодисменты!

И все мы хлопали, и нам-то троим всё это было немножко чересчур, довольно непривычно, непонятно, не по-нашему. Однако мы тоже хлопали, сильно смущаясь про себя. И по маме с бабушкой, которые держали тарелки с вкусным мясом, довольно редким для нас блюдом, и по их выражениям я понимал, что, несмотря на всё это неожиданное веселье, они бы с удовольствием потихоньку удалились, а точнее говоря, сбежали с этой лужайки перед собственным домом.

А причина была не в неудовольствии этими людьми, а в неудобстве перед ними.

Ведь они появились вдруг, без всякой подготовки, неизвестно откуда, и так шумно стало, так непонятно и, скажем прямо, не по-нашему, что хотелось отодвинуться в тень, уйти домой, например, забиться в уголок и как следует подумать о том, что тут происходит. И, главное, зачем...

И видно, то ли по нашим лицам, то ли в воздухе вдруг расплылось это наше ощущение и передалось семье Антонию, но настала небольшая — очень небольшая — и неловкая пауза.

И тут их мальчик обратился к Антону.

— А мы?

И худенький кареглазый предводитель хлопнул себя по лбу и спросил, вдруг обращаясь лично ко мне:

— А ты, Коля, работаешь?

— Нет, — ответил я, смутившись. — Ещё учусь.

— Правильно, — серьёзно проговорил Антон. — А вот сын Вавы и Люки — Гриня Козлов, то есть Григорий Антонио, Елизавета — дочь Джиды и Сергея, и Анастасия, наша с Леонидой дочь, — и учатся, и работают! Представляешь — с четырех лет каждый. И у них уже приличный трудовой стаж в качестве артистов Союзгосцирка!

Мои мама и бабушка замерли. И тарелки на землю поставили. Глядели на двух девчонок и мальчика, как на чудо какое-то. А потом первыми захлопали. Закричали:

— Браво!

Ну и все остальные присоединились. А две девчонки и пацанёнок Гриня вскочили и раскланивались во все стороны. А девчонки ещё и приседали.

И всё это у них получалось не по-нашенски, не из нашей жизни, а как-то по-заморски, может быть. Ну там же водятся какие-нибудь принцессы и принцы. Может, вот там они так и кланяются. А у нас-то — зачем?

— И что? — спросила бабушка не детей, а Антона. — Они выходят на сцену?

— На манеж, старушка, — произнёс всё это время молчавший Сигурд, он же Сергей.

Бабушка аж содрогнулась. И все это заметили.

Деликатный Антон решил поправить положение и вмешался:

— Вы его извините, он, знаете ли, слегка грузин! У него и фамилия грузинская. Не очень говорит по-русски. Не очень точно, понимаете. — И обратился к Сигурду. — Ты же не это хотел сказать, Серёжа?

— Не это! — опустил тот голову.

— А что? — не унимался Антон.

— Я хотел сказать — бабушке, — с сильным акцентом произнёс Сигурд Кобия, он же Антонио.

Теперь бабушка моя дорогая опустила голову, улыбнулась, но я-то знал её улыбки — это была усмешка мудрой русской женщины, конечно, старушки, естественно, бабушки — но для своих, а для чужих, и для любых иных, вошедших в наш огород с улицы, она была Мария Васильевна и никому нет никакого дела до того — старушка она или бабушка.

Словом, конец получился скомканным. Леонида ушла спать, все остальные собрали имущество, оставив Антону с женой и Настей один примус, кастрюли и тарелки с ложками, в какие-то секунды закрыли ящик, оставив его во дворе, пока не заедет за ним цирковая машина, и исчезли.

Настя объяснила — по своим квартирам.

Все артисты номера располагались неподалёку, в частных комнатухах, и всем приходилось нелегко, потому что у цирка-шапито, который разворачивался каждое лето в нашем городке, общежитие отсутствовало.

— А на работу нам надо всегда идти, немного поспав, — по-взрослому сказала она мне. И предложила: — А на представление, Коля, мы позвоём тебя денька через два. Когда освоимся.

5

Когда мы оказались в своей комнате, минуту помолчав, как будто обдумывая вопрос или собираясь с духом, мама спросила свою маму, мою бабушку:

— А что это ещё за принцесса?

— Понятия не имею! — почти возмутилась бабушка. — Первый раз слышу!

— Не хватает ещё таких разговоров! — возразила мама. — За это знаешь что бывает!

Она будто бабушку отчитывала. И за что? За то, что она выбрала ей такое имя. В неразумном мамином младенчестве. И я решил разрядить обстановку.

— Мама! — сказал я. — А меня Николаем в честь кого назвали? Царя Николая Второго? Или Первого?

Она остановилась посреди комнаты и в меня вперилась, будто первый раз своего сына увидела. Воскликнула:

— Какой умный! Ишь ты!

— А все-таки! — приставал я.

— В честь Николы Чудотворца, — отмахнулась она ладонью, как будто разговор заканчивая.

— А ведь и он не наш, — сказала тут негромко, стараясь, видно, страсти не раскалять, бабушка.

— Как не наш? Русские его любят. — Потом что-то припомнила из своего детства, поправилась: — Ну да! Но он же древний! Святой! А тут... неизвестно что.

Эти рассуждения буксовали не от того, что ехать не хотели, а не могли. Не было у них двигателя, как, например, у машины. А что это за двигатель мог быть, я совершенно не понимал.

Может, потому перекинулись на меня.

— Сколько же этой Насте лет? — спросила мама. — Тринадцать, четырнадцать... И что же — десять лет стаж?

Бабушка тоже не понимала.

— Разве позволяется у нас детям работать? Да ещё с таких лет?

И я не понимал, чуточку даже уязвленный. Ведь как заметил дядя Антонио, я-то до сих пор не работал.

— Какой работник в четыре года? — спросил я сам себя. — И что они там делают?

Одним словом, после еды во дворе, первого, что ли, знакомства, в дом наш вполз какой-то туман. Довольно, надо сказать, плотный. Сквозь этот туман виднелись только очертания людей, только силуэты кастрюль, примусов, тарелок. Только слова сквозь него доносились, но складываясь между собой, эти простые и понятные слова оказывались совершенно незнакомыми знаниями. Даже, точнее, незнаниями.

К нам вступила чужая и чуждая жизнь, вот как можно было бы сказать. А чуждой она казалась потому, что мы её просто не знали.

Это узнавание приходило неровно. Будто вода в нашей северной реке — то идет тёплые струи, нагретые солнцем, то вдруг тебя обожжёт снизу холодным, почти ледяным слоем — это вышли из глубин воды, ползущие возле самого дна, и протечь им надо многие вёрсты, чтобы наполнить себя солнечной лаской.

Если, конечно, солнце не уйдёт за тучи.

6

В тот же день, пару часов спустя, во дворе появился дядя Антонио с блескучими глазами и широкой улыбкой, обращённой ко всему миру.

Вскинув голову и опять обращаясь к кому-то, сидящему высоко, он воскликнул:

— Ну что ж! С премьерой в этом славном городе!

Потом внимательно посмотрел на меня и прибавил:

— А ты, Коля, на эту премьеру приходи!

— Настя сказала... — начал я, но дядя Антон не дал мне договорить.

— Вот с Настей и приходи! Сначала иду я! Надо присмотреть за аппаратурой. Потом пойдёт Леонида — ей надо размяться. И последней мы ждём Анастасию.

И тут он опять торжественно воскликнул:

— Анастасия Антонио!

Настя испуганно приоткрыла дверцу, спросила довольно заунывно, видать у матери чему-то училась:

— Ну что ещё, папа!

— А как звучит? — спросил меня Антонио. — Два “а”. Представляешь! Два больших “А”. Анастасия Антонио! — И добавил, сбросив пар, совсем

обыденным голосом, обращаясь к Насте: — А ты Колю не футбол! Он нам сегодня очень пригодится! Во-первых, приведёт тебя к цирку, ты ведь сама-то город совершенно не знаешь! А во-вторых, будет первым нашим городским рецензентом.

— Это как? — спросила Настя, а даже не я.

— Ну! Коля скажет, как ему наш номер. Просто понравится? Или он придёт в восторг! Мама и бабушка отпустят?

Я закивал, конечно.

— Ну, скажи, что я пригласил! А в воскресенье и их приглашаю!

Он исчез, а ещё через пару часов из двери их комнаты вышла Леонида, совершенно не похожая на ту женщину в сером халате, что хлела из тарелки бараний суп, устроившись на старом, с драной спинкой, стуле.

Сейчас это была женщина в туфлях на невысоких каблучках, в облегающем её стройную фигурку спокойно-зеленоватом платье и в шляпке с короткими полями. В общем-то, ничего особенного я не заметил. На улицах городка, дождавшегося конца войны, уже стали появляться женщины в платьях, сшитых из материй, невиданных ранее, в кофточках, отличающихся от серых одежд военных дней — как будто бы что-то стало чуточку — но ещё не очень заметно — меняться. И вот в этот меняющийся город Леонида в платье светло-салатного цвета вполне вписывалась. Но вот её походка, весь неспешный вид указывал на её, пусть и привлекательную, инородность.

Шла по улице не своя, не местная, а откуда-то прибывшая. Из иных далей.

Настя смотрела вслед своей матери спокойно, не понимая моих колебаний, и где-то через полчаса мы тоже отправились к цирку.

Цирк-шапито разворачивал, напомним, свою круглую крышу каждую весну, а поздней осенью её сворачивал, оставляя до лета деревянные и тусклые за зиму голые деревянные стены. Двери закрывались, даже, кажется, забивались досками крест-накрест, чтобы не лазал туда наш брат, озорные мальчуганы, и этот наш брат уважал цирковой остов, мёрзнувший в крепкие морозы. Вездесущее мальчишество и даже хулиганье на цирк зимой не зарилось, уважая, видать, его за летние заслуги. А стоял этот цирк в большом сквере поблизости от крутого спуска к реке, на пространстве, всем в городе известном и всем же доступном.

Для меня это место, как я уже говорил, было известно, понятно, вызывавшая самые добрые чувства, и я шёл сейчас с Настей летучей походкой старожилы, открывающего неведомые пути вдруг явившейся приезжей.

Она меня никак не интересовала. Выше меня почти на голову, года на три старше, выглядела Настя-Анастасия совершенно непривлекательно: худая, плоскогрудая, с довольно большим носом, занимающим пол-лица. И глазки у неё были маленькими, неясного цвета — ползулёмые, полусерые.

Сначала мы шли молча, потом я вспомнил, о чём надо спросить.

— А как ты работаешь? — спросил я. — С четырёх-то лет?

— Потерпи, — почти оборвала она, — сам увидишь.

Я, конечно, не обиделся, просто кивнул и спросил снова:

— И как же ты учишься?

— А вот это целая проблема! — ответила она по-взрослому. — Меняю школы по четыре, по пять, по шесть раз за один год. Потому что мы всё время переезжаем. Понимаешь?

Я, конечно, не понимал. Даже представить не мог, как, например, пять или шесть разных математиков будет? Тут и так-то с одним бьёшься-бьёшься, чтобы понять, да и правильно решить задачку, а если — пять учителей математики? Пять — литературы? Пять — физкультуры?

Я её прямо спросил:

— Ну, раз ты гимнастка, да ещё воздушная, тебе, наверное, хоть по физкультуре-то одни пятёрки ставят?

— Ого-го! — проговорила она. — По физкультуре ставят одни двойки! Или чёточки, знаешь? Такую чёточку, что я физкультурой не занимаюсь. — Она вздохнула. — Да и какая физкультура! На лыжах я ходить не умею! На коньках — родители запрещают и тётя Люка!

— Почему? — удивился я.

— Бояться, что упаду на лёд и руку, например, сломаю. Весь номер к чёрту!

— Какой номер? — совсем не по-цирково спросил я. Потом вспомнил — номер, это их представление, воскликнул запоздало. — А-а!

И всё равно я ни черта не понял. Это я у Насти её взрослое выражение тут же присвоил: неплохо звучит — “ни черта!”.

Да уж, веяло от этой Анастасии Антонио чем-то совершенно взрослым и мне непонятным.

7

И вот тут она стала преображаться у меня на глазах, эта Анастасия.

Сперва я просто обронил вроде как сочувственную фразу, и сразу получил урок.

— Да-а, — сказал я добродушно, — тяжело вам приходится, циркачам!

Настя остановилась и строго уставилась на меня. Я даже испугался: чего случилось-то? А она, разделяя слова, проговорила, каждый раз будто указкой, помахивая перед моим носом длинным и тонким своим указательным пальцем.

— Мальчик! — махала она пальцем. — Запомни! Слово! Циркачи! Не-хорошее слово! Мы! Не циркачи! Мы — артисты! Одни артисты! Работают в театре! Другие! В кино! Мы работаем в цирке. Мы! Цирковые! Артисты!

Я немножко рассердился. Чего тут останавливаться-то? Чего мне пальцем указательным тыкать! Чего ко мне обращаться, как к маленькому — “мальчик”. Нет, что ли, других обращений?

Но смотрела эта Настя на меня не зло, вроде как, подумал я, она от чего-то защищала себя и свою семью. И я успокоился.

— Конечно, — сказал я, соглашаясь, — а как иначе! Цирковые артисты!

Она сморгнула, утешилась, пояснила:

— Можешь говорить просто, — цирковые, понял! И мы не обидимся! Но не говори — циркачи!

— Я же не знал! — воскликнул я.

— Поня-ятно! — протянула она. — Да почти никто не знает.

— Ну вот! — обрадовался я.

— Но теперь-то ты знаешь?

Вот в таком несколько разогретом состоянии мы подошли к цирку, а дальше вперёд, взрослой походкой, зашагала Анастасия. Она уверенно, будто бывала тут не раз, обошла круглое здание и приблизилась — и я вслед за ней — к служебному входу. Там стоял дядька-вахтёр, и он, было, попробовал её задержать.

— Вы к кому, девушка?

Но она даже не повернулась к нему, бросив через плечо:

— Я из номера Антонио!

Дядька разинул рот, чтобы ещё что-то спросить, но увидел меня и крикнул:

— А мальчик? Тоже из номера?

И она ответила, слегка повысив голос:

— Мальчик со мной!

Честно сказать, я не был силён в таких воинственных проходах, но инстинкт подсказал, что надо прибавить шагу и самоуверенности — и я в три шага догнал цирковую Анастасию.

О, это закулисье шапито! Тут чем-то пахло ни на что не похожим! Тут слышались звуки, непонятные обычному слуху. В общем-то, цирковые зады оказались полукруглой же, но широкой пристройкой к круглому зданию с брезентовым шатром. Вдали были клетки и кто-то ревел. Но мне не дали разобраться в этой сумятице и в непонятном переполохе. Настя подвела меня к фанерной стене и постучала в неё. Открылась маленькая дверца, из неё вышел Антон в тёмно-коричневом бархатном халате с золотой вышивкой на груди — “АА”. Настю он молча пропустил мимо себя, а меня горячо приветствовал крепким рукопожатием и спросил:

— Ты раньше бывал за кулисами цирка?

Я помотал головой — откуда?

— Ну, давай, — сказал Антон Антонио, — я немножко тебе покажу. Ведь наш номер не скоро.

И мы пошли, довольно неторопливо, по этому полукругу, и необыкновенный этот человек с добрыми глазами со всеми весело разговаривал, а ещё и весело представлял меня.

Сначала, перед изнанкой бордового бархатного занавеса, он подошёл к огромному дядьке во фраке и с галстуком-бабочкой, воскликнув:

— Маэстро! Познакомьтесь, это мой друг Коля, любезно предоставивший мне апартаменты своего скромного дворца.

— О! — крикнул маэстро басом. — Тогда какой же он Коля? Здравствуйте, месье Николая! — И протянул руку.

Пришлось ответствовать. И трепетать!

Я весь прямо трепетал, будто бабочка, ей-Богу! Я чувствовал себя рыбой, по ошибке брошенной на раскалённую сковородку. Но при этом я же знал, что мне ничто не угрожает: ведь ведущий меня Антонио не мог допустить ничего страшного. Надо было только следовать за ним.

— Ой, Машенька, — воскликнул он, обращаясь к молодой красавице, наверное, фее, одетой во всё белое и серебристое, с круглой короткой юбкой, торчавшей во все стороны. — Простите, королева Марго!

Та остановилась и, зыркнув на меня, спросила его довольно невежливо:

— Курить есть?

— Ну ты же знаешь, Марго, — воскликнул Антон, — я не курю! Вот лучше познакомься! Мой друг Николая!

Она глянула на меня с интересом и бухнула совсем не по-королевски:

— Мальчик, признайся, ты ведь куришь! Угости старую шутовку!

— Что вы, — испугался я, — нет!

— Какого чёрта! — крикнула она зло и раздраженно, но тут же расхоталась и на цыпочках поскакала куда-то в цирковое чрево.

— Заслуженная артистка! — вздохнул ей вслед Антонио. — Лауреат всесоюзных конкурсов! Акробатка международного класса!

— А вы? — спросил я.

Он внимательно посмотрел на меня, усмехнулся:

— И мы ничего себе!

И вдруг проговорил совершенно мной нежданное в этом полукруглом, шумном, неудобном коридоре для людей и животных.

— Пока шла война, нам досталось. Нас и за артистов-то никто не держал. Так, шуты гороховые! Вас, детишек, развлекать да раненых после госпиталей.

Он уже не улыбался, этот добрый Антонио. Сказал очень серьёзно, и с какой-то силой, с какой-то, может, чрезмерной уверенностью:

— Ну, ничего! Всё кончилось! И сейчас цирк расцветёт. Придут фестивали! Конкурсы! В Европу поедем! В Америку! Ведь цирк обходится без языков! Он всем понятен! Он людей соединяет, понимаешь?

Нам навстречу двигались два клоуна — длинный и маленький. Антон снова засиял:

— Представьте, друзья! Это мой юный друг Николая!

Оба эти клоуна были с красными носами и в белых перчатках, и лица вымазаны чем-то белым. Они протянули свои руки сразу, и я их тоже пожал обеими руками.

— Пат! — сказал один.

— Паташон! — сказал другой.

— Пат и Паташон, — подтвердил я им своё знание цирка.

— Антонио, — спросил Пат, — ты что, резерв формируешь?

— Да у него этих резервов, — ответил за Антона Паташон, — куры не клюют!

Длинный Пат спросил Антона:

— Вы куда двигаетесь? Небошь, к зверям?

И сразу на меня посмотрел:

— Николая, а кто лучший четвероногий друг человека?

Я уже рот открыл, чтобы назвать, да тут и задумался, кого назвать — собаку? Но ведь и кошки мне тоже нравились, один такой, по имени Тимофей, жил у меня и был моим лучшим другом. Но Пат улыбнулся и с выражением произнёс, разделяя слова:

— Лучший — четвероногий — друг — человека! Кровать!

И все эти три дядьки захохотали, как маленькие. Пришлось и мне к ним присоединиться.

— А вот ещё вопросик! — воскликнул теперь Паташон. — На засыпку, Николая! Ты знаешь, как отличить левую ногу от правой?

Я даже стараться не стал, помотал головой — она у меня почти что кружилась от всего, что свалилось на неё.

— Ха! Ха! — крикнул Пат. А Паташон сказал, отгородившись ладошкой от других, будто это только мне адресовалось:

— На левой ноге большой палец справа! А на правой — слева!

И снова они все захохотали, и в эту минуту я вдруг почувствовал какое-то непонятное равенство с этим Патом, с Паташоном, да и с Антонио даже, и не потому что я вдруг вырос в мгновение ока или ещё что-нибудь со мной неожиданное случилось. А потому что они стали похожи на меня. Со мной выровнялись. Не ростом, а чем-то другим. Может быть, душой?

Ведь взрослые каждым шагом и словом подчёркивают, что они старше, мудрее, и, следовательно, им надо подчиняться. Ну, могут чуточку подурачиться, когда ты совсем маленький. Но дальше! Дальше с ними во всем надо соглашаться. Кивать, что взрослый старше, значит, он за всё отвечает. Взрослые лучше всё знают. Это они одни обо всём заботятся. Если они говорят, значит, спорить бесполезно. Вот такое равенство, ха-ха! Неравное равенство. Бесконечное подчинение! А с этими троими подчиняться не приходилось. Они были, вдруг показалось мне, точно такие же, как я, только ростом выше.

Что-то во мне новое шевельнулось, какое-то радостное предчувствие. Мне вдруг захотелось изо всех сил согласиться, что я понимаю и принимаю это равенство взрослых и невзрослых, в конце концов, цирк ведь придуман, наверное, для детей, и ничего страшного, что дети, или лучше сказать, не дети, а маленькие люди со взрослыми на одной ноге. Да ещё с такими добрыми взрослыми, как Пат и Паташон и мой хороший друг Антонио.

И я воскликнул, с жутким страхом ощущая, как теряю скромность и набираюсь нахальства. Я воскликнул:

— А знаете, что такое танцы?

Все трое переглянулись — разом пожали плечами.

— Это! — воскликнул я, бухаясь во взрослую пропасть. — Трение двух полов! О третий!

Клоуны и Антонио замерли, а моя душа скатилась в низ живота. Замереть-то они замерли, но глаза переводили друг на друга — таранились, таранились... И тут, будто по команде какой, захохотали все втроём и наклонились прямо до полу, и такой у них громогласный получился хохот! А я стоял перед ними, испытывая ощущение чего-то неведомого... Может быть, славы?

Они хохотали и шатались, наклонялись и разгибались, а я всего-то отпустил заезженную школьную шутку, услышанную от старшеклассников в нашем ученическом коридоре. Сам-то я ничего бы про танцы сказать не мог, потому что танцевать, ясное дело, не умел, не стремился, на эту тему не думал и вот просто услышал, мне понравилось и я запомнил: действительно, мужчины — пол, женщины — пол, и то, где они пляшут — тоже пол, вот и выходит такая шутка, впрочем, не очень-то, конечно, культурная или ещё как там... На уроке бы я этого не произнёс. А здесь, за кулисами цирка, среди друзей...

В общем, они хохотали и хохотали, и вокруг нас стал собираться народ, одетый для представления, — какие-то факиры в оранжевых шароварах и с белыми тюрбанами на головах, гимнасты в блестящих брюках, мелькнул маленький человек с цилиндром на голове, это был заместитель фокусника по лёгким фокусам, а сам фокусник, высокий человек в таком же цилиндре и чёрном плаще — виднелся вдали, но к нам не подошёл...

Артисты спрашивали, что за смех. Пат, Паташон и Антонио быстро пересказывали им мою глубокую мудрость, и они тоже смеялись, может быть, не так громко, но всё-таки смех стоял в коридоре, пока вперёд не вышел полный человек в лакированных сапогах и сиреневом костюме, опять же с блёстками, но очень немногими, размещёнными с большим вкусом и даже, пожалуй, достоинством, и, глядя на нашу компанию, произнёс:

— Правильно, ребята! Представление надо начинать, смеясь! Весело! Цирк придуман, чтобы хоть чуточку развеселить людей, которым не до смеха.

Он похлопал Антонио по плечу:

— Смех и отвага все наши горести отводят в сторону. Смех — это форма благородства, друзья.

Он приобнял меня и пошёл в другой конец закулисья — потом повернулся и поманил меня.

Меня лично, понимаете?

Но рядом со мной стоял Антонио, и мы двинулись вместе.

— Это, — шепнул он мне, — знаменитый дрессировщик животных. Орденосец Дуров!

Всё, что происходило со мной, просто в меня влетало. Потребуется много времени, чтобы эти блёстки происходившего со мной счастья сложились если не в большую картину, то в картинку моего детства, помогающего понимать других. Но я был ещё страшно далёк от таких рассуждений.

Я просто двигался, точнее, летел, я просто таранился или, вернее, глазел, просто глотал происходящее, как глотают самые вкусные вкусности или самые сладкие сладости.

Мы догнали Дурова, он полуобернулся и сказал:

— Сидоров, там, с животными, мои ребята! Ты сошлись на меня, расскажи мальчику, что следует! Только недолго! Устают не только люди! Но и звери!

И исчез.

Я сперва поглядывался — где тут Сидоров, но никого рядом не было, и тут же утешил себя: наверное, мне послышалось.

Вместо ребят к нам присоединилась немолодая недовольная женщина. Сначала она подвела к клетке, где сидел медведь, довольно скучный, хотя и большой. Ему не нравились люди, казалось, что он хочет спать, и, поэтому, поглядев на нас, он отвернулся. За мелкоячейстой сеткой толкалась целая стая мышей, и Антон сказал, что я сегодня увижу специальный номер Дурова, известный всему миру — звериная железная дорога, и мыши там будут главными. Впрочем, в этом поезде, пояснил он, поедут и зайцы, — ведь ясно, что в каждом поезде есть безбилетники — которых зовут зайцами. А ещё гуси, петух и прочая мелкая разная живность.

В дальнем углу, за высокой изгородью стоял верблюд. Он тоже был почему-то невесел, но хотя бы чего-то жевал, в отличие от медведя. И если медведь к нам с Антоном был равнодушен, то верблюд глядел как-то свысока и был преисполнен необъяснимого презрения. А ведь ничего мы ему не сделали плохого, даже словечка дурного не сказали.

Просто Антонио произнёс:

— Вот верблюд. Корабль пустыни.

И тут этот корабль плюнул. С ума сойти! За всю свою последующую жизнь я не видел, чтобы так харкались! С такой силой! На такое расстояние!

И этот харчок, целый блин, попал точно в цель, если этот верблюдище такую цель имел: в бархатный халат Антонио. В левую его полу, ниже вензеля “АА”, что означало, конечно же, “Антон Антонио”.

Антон чертыхнулся, отскочил в сторону. С халата текла какая-то густая масса, катила на пол, но след всё-таки оставался жёлтый и липучий, похожий на замазку.

Антон причитал с тоской, как тяжелораненый:

— Ай-йй-йй! Что же ты, друг! За какие такие мои грехи! Мне же на манеж! В чём я пойду!

Антон переменялся. Он как будто забыл про меня и побежал к своему закутку. Потом остановился. Сказал:

— Иди к Пату и Паташону! Они тебя устроят!

И исчез.

Между тем, прозвенел звонок. Время, я понимал, ещё было, закуток с верблюдом пустовал, в отличие от всего остального закулисья, и я зачем-то вернулся посмотреть на злодея.

Но верблюд, которого, как оказалось, зовут Яша — об этом гласила табличка на клетке, — по-прежнему жевал, совершенно ни в чём не раскаиваясь. Я пытался заглянуть ему в глаза, но это оказалось невозможно — слишком неравны мы были ростом. И все же, сообразил я, вражина эта что-то имела в виду, когда плевалась таким безобразным образом. Я-то был ей неинтересен, и сейчас горбатое существо это отворачивалось от меня, не желая слышать моих укоров, если бы они и последовали. Но я не собирался никого не в чём упрекать. Я просто хотел заглянуть ему в глаза и понять — по злему он умыслу плюнул, или просто так.

Как он ни отворачивался, но всё-таки раза два взглянул мне в глаза. И мне показалось, что он прячет смех. Если бы умел смеяться, то сделал бы это. Но он просто окатил меня таким лукавством, которое сверкнуло в его огромных чёрных глазищах. Будто хулиган какой-то, а не солидный верблюд.

— Да он и есть мальчишка, — будто услышала меня та неприветливая пожилая женщина, которая отстала возле мышиных клеток, а теперь подошла. — Всего три годика!

И рассмеялась. Вот интересно — лицо ее мигом переменялось и вдруг оказалось совершенно добрым и приветливым.

— Так он это нарочно? — испуганно спросил я.

— Конечно! — сказала женщина. — У них ничего случайного нет.

— Но за что же непременно Антонию? — поразился я.

— Сидорова-то? — переспросила она. — А вот этого я не знаю.

Покачала головой и объяснила непонятно:

— За что-то! А может, и ни за что! Халат не понравился! Может, он зелёный любит! Или подумал что-нибудь про него нехорошее, Антон-то! Возьми и подумай, а Яша всё несказанное понимает. Вот и разрядился! Подумаешь!

8

Пат и Паташон куда-то исчезли, и самое начало я пропустил. Загремела музыка, на манеже послышались громкие голоса, я приблизился к занавесу с обратной его стороны и почти прижался к стенке, чтобы никому не мешать и всё видеть.

При выходе грудилось довольно много людей, по-разному наряженных, но в этой как будто неразберихе был свой порядок. Не сразу, но довольно быстро я понял это. Кучками, распаваясь и снова сливаясь вместе, группки артистов поочередно выходили вперёд. Тот дядька во фраке и с бабочкой, который изменил моё имя на Николая, входил и выходил в щель между лапами занавеса, как только приближался конец предыдущего номера, выкликал следующих артистов, они довольно громко рапортовали о готовности — при этом говорили это по-разному: “Есть!”, “Здесь!”, “Всё готово!”, “В полной готовности!”. Он кивал, уходил к манежу, и как только отработавшие номер получали свои аплодисменты, кланялись, снова получали овации, выбегали на манеж, возвращались на площадку перед занавесом, и вот навывбежавшись так и накланявшись, уходили окончательно за занавес, он появлялся перед зрителями и громогласно объявлял следующих.

Впрочем, время от времени он задерживал представление ожидавших артистов, и на манеже шутили, дурели, выполняли всякие номера Пат и Паташон. Поэтому я и не увидел их, как велел мне Антонию. Они уже были там, рядом с конференсье, и зал хохотал от их шуток-прибауток, как велел орденосец Дуров. Им, конечно, было не до меня.

Кроме артистов, в коридоре толпилась ещё одна группа. Это были взрослые парни, скорее, мужики, все одетые в одинаковые бордовые мундиры с золотыми пуговицами. Они толпились перед самым занавесом на манеже, за толстенные канаты закрывали, если нужно, манежный круг, они же его

открывали. Эти мужики таскали всякие сценические подставки, приспособления и всё другое, нужное артистам.

Одни заносили всё это и выносили, а другие, уже одетые совершенно обычно, словно муравьи, тут же растаскивали это имущество по разным углам, подчиняясь уже самим артистам.

Время от времени конферансье кричал, заскочив вовнутрь:

— Униформисты! Униформисты!

И те сноровисто бежали, чтобы выйти к манежу, как ни в чём не бывало.

Словом, Пата и Паташона я не дождался, но вдруг увидел тётю Люку. Она шла среди артистов, готовящихся к выходу, ступая, как цапля: осторожно поднимая одну ногу и выбирая, куда её поставить, потом вторую и так далее.

Она обошла всех и скромно пристроилась сбоку. Когда возник конферансье, она ласково протянула ему платок, чтобы он промокнул лоб. И пока тот промокал, что-то шептала ему на ухо, в то же время показывая в мою сторону. Я сжался от непонимания.

Знал ведь, что ничего плохого мне не грозит, а всё-таки сжался.

Конферансье, названный Антоном маэстро, выслушал Люку, посмотрел, куда она указывала, разглядел меня и кивнул один раз, потом другой. И исчез в складках занавеса.

Тётя Люка, трясясь своими телесами, совсем неосторожно и не как цапля подбежала ко мне, схватила за руку и потащила к незаметному выходу в зал. Маэстро вернулся, пока на манеже разворачивался какой-то номер, отыскал глазами Люку и показал ей сначала один палец, потом три. Она махнула ему рукой, потом передала воздушный поцелуй и шепнула мне:

— Пройди и сядь: первый ряд, третье место, оно свободно! Но ждём окончания номера!

Она высунулась вместе со мной из-за кулис, отыскала взглядом свободное место, раза три шёпотом переспросила, вижу ли я, куда надо пробежать, и подтолкнула меня вперёд, когда раздались аплодисменты, означающие, что очередной номер завершён.

Я проскакал свой путь при ярком свете прожекторов, и пожалуй, никто, кроме соседей, среди которых я поместился, не обратил на меня внимания.

С одной стороны от меня сидела солидная пожилая женщина, похожая на учительницу, а с другой — черноголовый пацан такого же, как я, роста.

Он поёжился от моего прибытия и убрал локти с ручек кресла. Учительница тоже отодвинулась вбок.

9

Я обрёл своё цирковое пространство и победно осмотрелся. Ведь я же выбежал из цирковых кулис, а это не так просто!

На первом ряду! В цирке! Наверное, каждый поймёт, что это не на первом ряду в кино. В кино на первый ряд, если сеанс детский, с билетами без мест, всякую малышню стоняют. Они сидят, неудобно задрав головы, но кто про их удобство станет спрашивать, я и сам сживал там, задрав башку, — ничего, всему своё время, потом сядешь, куда захочешь!

Но на первом ряду в цирке! Туда всякого случайного не пустят! А на билет в таком ряду у кого же столько денег наберётся!

И я сидел, наслаждаясь изо всех моих небольших и возможных сил! Прямо передо мной носились всадники на конях! И опилки летели в людей, сидевших на первом ряду. Все шарахались, уклоняясь, ахали и охали, но были довольны — это же опилки из-под красиво упряжённых цирковых коней с цветными султанчиками над их головами. Совсем рядом со мной акробаты показывали свои номера и та самая заслуженная артистка, которая просила закурить даже у меня! Она упёрлась одной рукой в какую-то ручку, и та стала выдвигаться вверх из специального устройства, и эта артистка, одетая во всё блестящее, как вы помните, стала кружиться, и всё освещение выключили и только в неё упирались лучами три прожектора из разных углов. Она сияла, серебрилась, прибор крутил её всё сильнее, и она превратилась в се-

ребриный пропеллер. И так крутилась, пока ошалелые зрители не догадались заплодировать — только тогда она сбавила обороты, наконец, встала на ноги и даже не пошатнулась. Вот молодчина!

Между номерами выходили на манеж Пат и Паташон, очень смешно чего-то говорили и представлялись, а потом Паташон подошёл к краю манежа, взобрался на ограждение и протянул мне руку в белой перчатке.

Что оставалось делать? Я пожал ему руку, а он сказал:

— Здравствуй, Никола!

Я ответил негромко:

— Здравствуйте!

— Тебя ведь Колей зовут?

Я кивнул.

— А тебя зовут Изя? — спросил он соседа, и тот тоже кивнул.

И тут он пошёл по всему первому ряду и всем ребятам пожимал руки, и уже не отгадывал, а просто спрашивал, как кого зовут и громко, на весь цирк, повторял это имя.

Возбужденный тем, что мне пожал хоть и знакомый, но настоящий же клоун, увлечённый тем, как он здороваётся с ребятами из первого ряда по всему цирковому кругу, я и внимания-то особого не обращал на то, что происходило на манеже.

А там униформисты и мужчины в халатах натягивали сетку, потом наверху, из-под самого купола, спускались и закреплялись блестящие никелированные трубы, и вообще шло приготовление к следующему номеру. Да ещё черноволосый сосед меня вдруг спросил негромко, слегка обернувшись:

— Сколько за раз платят? Рублей десять?

Я не возмутился, не удивился, а просто ничего не понял. Тарасился на этого, довольно уверенного в себе, мальчишку, и ничего не говорил. Потом пожал плечами.

— А! — сказал он разочарованно. — Значит, ты не подсадная утка! Просто случайная личность!

Этот Изя развернулся ко мне и шепнул, приблизясь:

— А я — подсадка! Хотя и бесплатная. У меня тут отец администратор. А то они и приплачивают, если надо.

Откинулся в своём кресле, прибавил погромче:

— Ерунду всякую! По мелочи! А дожидаться тут надо — ох, сколько!

Судьба нас с Изей познакомила без всяких наших желаний. Имена наши назвал Паташон, вот и всё, и потом, встречаясь в цирке или на улице, мы свободно говорили друг с другом на любые разные темы, будто старые знакомые, и Изя почему-то знал всего больше, чем я. При этом его знания свободно проникали во взрослый мир, вынося приговоры и поощрения с удивительной уверенностью.

Вот и тут, едва закончился переполох, затеянный Паташоном — и без Пата дело не обошлось, — Изя заметил, что это они дурачились специально, чтобы затянуть время и затянуть паузу, пока готовятся воздушные гимнасты.

Слова эти были мне очень знакомы, и я обругал себя за то, что проглядел важную часть подготовки номера моих друзей.

Загремела музыка, конферансье в бабочке вышел вперед и торжественно проговорил:

— Под куполом цирка! Воздушные гимнасты! Отважные артисты! Семья Антонио!

Опять заиграла бравурная музыка, и на арену выбежали две грациозные девушки. В блистающих плащах, в сверкающих трико, с шапочками, тоже сверкающими под цирковыми огнями, они походили на двух ящериц, вызвав долгие овации. Они встали в элегантные позы, подняв руки и лица к полутемному куполу цирка, но вдруг там вспыхнул свет, и будто в луче света слетело такое же, как девушки, существо. Сначала показалось, что существо это прыгнуло, но нет — оно быстро летело по почти невидимому шнуру или проводу — как поймёшь! И его со всех сторон освещали лучи прожекторов. С такой высоты — и откуда оно взялось, как туда залезло? — существо спустилось между девушек — во всём блестяще-голубом. Красота невиданная!

Музыка вновь взвилась вверх, эти трое протянули руки уже к занавесу, и оттуда вышли мои знакомые. Но в том-то и дело, что я их не узнавал!

Две стройные женщины в прозрачных пелеринах за плечами и в костюмах, похожих на купальники, следом за ними Сигурд, он же Сергей, и дядя Вава — этих я сразу признал. И за ними, в конце, Антонио.

Мужчины были одеты проще и скромнее. Узкие белые брюки, белые же — только на плечах что-то взблёскивало — туники, эдакие рубахи без рукавов, заправленные в брюки. И у всех на майках золотые “АА”, не очень-то, впрочем, разборчивые издалека.

Я понял, что не успеваю за произошедшими переменами. Антона-то я видел в халате, а на манеж даже он вошёл совершенно неузнаваемым — в белом одеянии, торжественный и далёкий.

Они прошли под сеткой, захватившей побольше половины манежа, выстроились полукругом, подняв головы к куполу, и здесь я сообразил, почему Антонио иногда говорит, закинув голову. Он просто смотрел на последние ряды цирка — они ведь вверху, ближе всех к куполу: такова привычка артиста.

Я разглядывал женщин и с трудом отличил Леониду от Джиды — так они были похожи. Но теперь это были писанные красавицы, а не тётки, одетые по-домашнему. Совершенно молодые, с чёрными, разлётистыми бровями и розовыми, просто-таки цветущими щеками.

Но больше всего меня поразили девчонки! Одна была Анастасия, Настя, другая — Елизавета, Лиза. И правда, смахивающие на ящериц, они, как и матери их, совсем на себя не походили. Выпирающий Настин нос издалека казался очень подходящим к торжественной обстановке — что было бы делать тут какой-нибудь курносой, да ещё, не дай Бог, толстухе. Нос и худоба вообще хорошо у Насти совпадали. И тонкие ноги, и тонкие руки — всё это, упакованное в блестящее зеленоватое трико, всякое занудство Настино, всякие её особенности — хорошие и не очень, будто бы затушевывали, прятали, да и вообще ни у кого не вызывали никакого интереса. Не было до них дела! Никому! И мне тоже!

Но главным, кто потряс моё воображение, был мальчишка в голубом сиянии. Тоже блестящий Гриня, сын Люки и Вавы, имел ещё за спиной короткий плащ или, может быть, мантию, и пока он спускался с высоты по железному тросу, откуда-то снизу дула струя воздуха, и плащ трепетал за ним. Выходило, с неба спускается какой-то воздушный маленький рыцарь, вот это да!

И его, этого Гриню, я тоже едва признал.

А дальше было вот что.

Сигурд и Вава по ступенькам блестящих железных стволов, расположенных друг против друга, полезли под самый купол цирка, поклонялись оттуда публике, а потом сели на площадочки, устроенные наверху, друг к другу спиной. Откуда-то к ним приблизились трапеции — металлические перекладины, подвешенные на тросы. Они умело всунули ноги в толстые мягкие петли по их краям, да ещё охватили трапеции согнутыми ногами и отлетели от площадки, раскатались, а потом опустились — каждый — вниз головой, да так, что увидеть друг друга они могли только в верхней точке своего раскачивания.

Получалось, качаются на своих качелях, зацепившись за них, пусть и надёжно, только ногами, а руки у них свободны.

И вот к Ваве поднимается Леонида. Как красиво поднимается! Под музыку, на каждой ступеньке узкой лестницы одну ногу отбрасывает, руку отводит, пелериной играет — будто бабочка по железному стеблю движется вверх. Наконец она поднялась, пелерину отцепила, и она улетела плавно вниз, Вава взял её ладони в свои и вдруг — р-раз! — опрокинулся вниз вместе с ней. Народ охнул! И я тоже. Как тут не охнешь?

Вава качнулся и раз, и два, и три — и выпустил Леониду из рук. Вернее-то, она сама полетела и, сделав несколько сальто-мортале в воздухе, попала в подставленные ладони Сигурда. Теперь вместе с ней раскачивался он и, раскачавшись, перекинул Леониду Ваве.

Все, конечно, видели, и ни от кого это не скрывалось, что Леонида, прежде чем кинуться вниз, пристегнула к своему серебряному поясу карабин от металлической нити, подтянутой куда-то совсем под купол. И не все замечали, что другая часть этого шнура в руках двух униформистов, а перед ними стоит Антонио и слегка придерживает страховку.

Все эти слова, вроде страховки и лонжерона, я услышал позже, а их значение узнал в самом конце этой истории, тогда же, как и все, я восторженно глядел на летающую Леониду, которую сменила такая же бесстрашная Джидида, а потом и на их обеих, перелетающих навстречу друг другу. Какая же точность требовалась, чтобы этот мах двух мужчин, бросающих женщин навстречу друг другу, не сорвался, не опоздал ни на мгновение или не оказался хоть чуть поспешным. Риск был невероятным, но и красота необыкновенная. Ведь всякий раз, чтобы поймать партнёршу, летевшую ему навстречу, каждый мужчина сам должен был качнуться в противоположную сторону — и выйти обратно, ей навстречу.

А потом настала очередь Антонио.

Женщины не спустились вниз по лесенке, а спрыгнули на сетку, растянутую внизу. И я сразу понял: если прыгать на прямые ноги — сеть подкинет тебя вверх, а если ноги согнуть, то эту упругость сетки прыгун поглощает. Очень красиво действовали тут законы физики, до которой пока что ещё не добралось моё образование. Однако, чтобы понять, часто достаточно увидеть. А уж потом узнать правила.

Так было и тут.

Но над сеткой теперь летал Антонио. Как он летал! Он переворачивался не один, не два раза, как женщины! Он ухитрялся, поджав колени к подбородку, перевернуться раз пять, пока летит из рук Вавы в руки Сигурда или наоборот. Вот это было да! Вот это были смелые люди!

В какое-то мгновение я посмотрел вниз и увидел, что сейчас перед униформистами стоит Люка! В каком-то балахонистом одеянии, чтобы скрыть полноту, она держалась за трос, переступая то вперёд, то назад, и ничего вокруг себя не видела — не могла видеть — потому что следила за переворотами Антона.

И я удивился — тут бы надо стоять мужику, а не женщине! Но за её спиной тросе униформистов, тоже задрав голову, держали окончание троса, упакованное в материю, и у этого троса имелись большие петли. Но всё равно Люка держала трос Антонио. Страховала его.

Словом, семья воздушных гимнастов Антонио вовсю крутилась под куполом цирка. Наконец, музыка умолкла. Заверещали барабаны, предвещавшие особого рода опасность.

Вперёд вышел конферансье и произнёс:

— Смертельный номер под куполом цирка. Полёт без страховки!

Антонио, стоя на площадке с Вавой, демонстративно отцепил трос. В тишине я услышал, как он сказал:

— Хоп!

Похоже, это означало — порядок. Вава ухватил его за запястья и ответил:

— Готов!

Тот сделал стойку на руках Вавы, крикнул: “Пошёл!”, и они понеслись вниз, на три четверти круга, потом полетели назад, и на самой высокой точке полёта Вава выпустил Антонио из рук, и тот, совершив три красивых кульбита, попал в руки Сигурда.

Тот принял его, крикнув: “Хоп”. И только тут до меня дошло, что их короткие команды, тогда, во дворе, за нашей общей едой, это просто-напросто их правила, их язык, их, в конце концов, жизнь и порядок, нарушать которые нельзя-я!

Крутанув Антонио пару раз и снизив скорость, Сигурд, он же Сергей, аккуратно отпустил Антонио и он, распластавшись всем телом в воздухе, раскинув руки, изобразив ласточку, полетел вниз. Все ахнули! Но он аккуратно и твёрдо упал на сетку и взлетел снова, довольно высоко, почти до уровня двух, его подававших друг другу партнёров. Снова опустился, чуть согнув но-

ги, и отскок получился ниже. Ещё разок, и, наконец, совсем остановился, шагнул к краю сетки и, аккуратно перевернувшись, встал рядом с детьми.

Сверху прыгнули Вава и Сигурд.

Гремела музыка. Стонали аплодисменты.

А Изя сказал:

— Ох, этот Сидоров! Опасно! Но красиво!

10

Царило лето, и хоть время было позднее, наверное, часов под одиннадцать, никто, похоже, в нашем городке этого не замечал, словно вечер только начинается — таковы обманчивые северные правила.

После цирка я шёл удивительно неспешно для своего торопливого характера, будто снова и снова пересматривал картинки с сегодняшними событиями.

Ну да, я бывал в цирке и раньше, конечно же удивлялся и хлопал в ладоши, но мы сидели с приятелями в последних рядах шапито и только теперь я понимал, какая здесь таится великая разница — ряды последние и самый первый ряд!

И эти люди, конечно, наши новые знакомые! Наши квартиранты, да и все Антонию, вся эта неродная семья воздушных гимнастов под куполом цирка!

Самый первый мальчишечий вопрос, который лез в голову, был простым, будто гвоздь:

— А ты бы так смог?

Я даже жмурил глаза, чтобы представить себя под самым куполом цирка! В голубом, как у Грини, костюме! Перелетающим от Вавы к Сигурду — ну что и за имена такие?

И ничего у меня не получалось! Нет, даже просто в воображении моём не хватало у меня отваги вот так перелететь от одного дядьки к другому, пусть даже прицеплённым к тросу и без всякого риска для жизни! Не получалось, и всё тут! Страшно было даже подумать!

Но как же они-то? Почему даже Гриня пролетел, я уж про взрослых не говорю. Они-то как это делают? Тренировки без конца? А страх? Куда его-то денешь? Ведь без него-то невозможно!

Дома меня встретили с напряжённым подозрением. Мама спросила:

— Ну как, доволен?

— Обалдеть! — ответил я одним всеобъемлющим словом.

— А наши? — поинтересовалась бабушка.

— Я про них и говорю, — задумчиво ответил я.

Моя задумчивость маму насторожила. Наверное, она откуда-то знала, что из цирка с таким настроением не возвращаются.

— Значит, покорили тебя наши циркачи? — спросила она с некоторой долей ревности в голосе.

Я посмотрел на неё с печалью. Ещё подумал: она говорит именно так, потому что не видела всего, что видел я. Но ответил-то совсем по-другому. Как эта Анастасия мне внушила:

— Мама, — сказал я, — они не циркачи. Артисты.

— Какая разница? — удивилась она.

— Цирковые артисты, понимаешь, — мягко настаивал я. — И надо говорить не циркачи, а цирковые.

— Циркачи, цирковые, — нахмурилась мама, не придавая значения разнице этих слов. — Раз работают в цирке, значит, циркачи!

Спорить с мамой я не любил. Частенько это боком выходило — она сердилась, а я расстраивался, что меня не понимают. Потому сказал ей:

— Как хочешь! Но лучше при них слово “циркачи” не говорить.

— Учту! — усмехнулась она. Но не учла ведь.

Цирковые вернулись поздно, в первом часу ночи, и бабушка ждала их на улице. Они старались не шуметь, но это неважно получалось: то вдруг Леонида повышала голос, то хихикала Анастасия, а то и голос Антона прорезался. Хорошо, что хоть остальных-то они после представления сюда не привели.

Не глядя на поздний час, они снова вышли на лужайку перед домом, и засипел их примус. Там, во дворе, они говорили, голос не понижая, и я бы с удовольствием к ним присоединился, если бы не мама.

Она приказала мне довольно сухим голосом:

— Спи! Поговоришь завтра.

Но я был возбуждён увиденным. Снова и снова ко мне возвращались разные картинки и слова, услышанные в цирке, и я как будто катался по невысоким и пологим горкам, опять и опять рассматривая необыкновенные события, произошедшие со мной.

Большой дядька с галстуком-бабочкой говорит мне:

— Здравствуйте, Николая!

Паташон глядит серьёзными глазами:

— Кто самый лучший четвероногий друг?..

Орденоносный дрессировщик кивает мне, как взрослому:

— Не только люди устают, но и звери!

И снова его немолодое лицо и костюм с редкими блёстками:

— Смейтесь, ребята, смейтесь!

И, конечно, верблюд! Высокомерно жующий жвачку и хитро поглядывающий с высоты. Лукавый Яша.

Наутро я, как огурчик, едва допив чай, выскочил во двор в надежде встретиться с отважными друзьями. Но там никого не было, только моя бабушка драила гимнастическую кастрюлю, как будто вышедшую из тяжёлых боёв с противником: бока её обгорели черным, словно это и не обыкновенная кастрюля, а танк, обожженный взрывами.

— Срамота да и только, — ворчала бабушка, — взрослые люди, а грязница, как в свиарнике.

Впрочем, её ведь никто не просил драить чужие кастрюли. Но я знал вполне определённо — всё, что в бабушкином дворе не соответствовало порядку, тут же исправлялось её руками.

Я нетерпеливо бродил по сто раз истоптанному пространству, выполняя бабушкино указание, сходил за хлебом, и получил его по карточкам, а дверь квартирантов была всё закрыта и оттуда не вылетало ни звука. Пришлось высказать беспокойство, вроде того, что, мол, живы ли они или не ушли ли куда пораньше, но бабушка махнула рукой и мудро сказала:

— Поздно ложатся — поздно встают! Рано ложатся, рано встают!

Пришлось выступить на защиту интересов новых друзей.

— У них представление до ночи! Вечером только работа начинается!

Бабушка посмотрела куда-то наверх, как Антонио смотрел на верхние ряды в цирке:

— Я и говорю: циркачи!

И было в этих её словах что-то новое для меня. Какое-то странное пренебрежение. Она его объяснила — для себя неожиданно:

— Приедут — уедут! Сегодня здесь — завтра там! Поедят — не уберут! Насорят — не расчистят! Всё на минуточку! Никакого постоянства!

— Зачем же ты пустила их? — спросил я. И ещё сказал: — Разве они виноваты, что выбрали цирк!

И взорвался:

— Бабушка, да ты знаешь, какие они смелые!

И тут раздалися аплодисменты. Я испуганно обернулся. У дверей в свою комнату стоял Антон и негромко говорил:

— Bravo, Николая! Спасибо тебе за твой отзыв. А вам, Марья Васильевна, сама Леонида спасибо скажет!

Он отодвинулся, из-за его спины выступила Лена в своём затрапезном халате и всплеснула руками:

— Ой, Марья Васильевна! Поедьте с нами! Вы будете убираться, а мы вас станем обожать! Всю страну увидите! Будете кататься, как сыр в масле!

Бабушка хотела сначала улыбнуться, но чем дольше слушала все эти предложения, тем больше пугалась. Наконец, махнула на Леониду тряпкой, остановила её красноречие:

— Ну, подумаешь, почистила им кастрюлю! Просто больше не запускайте!

— Ой, Марья Васильевна, — запричитала Леонида, подходя и протягивая ей свои руки, — посмотрите на них. Если бы вы знали, как я ими дорожу! Сколько им достаётся! Понимаете, это наш хлеб, наш суп, наша одежда! И его руки, — она схватила Антона за локоть, — то же самое!

И поклонилась бабушке:

— Приходите, пожалуйста, на представление! Посмотрите, какая у нас работа! Вы всё сразу поймёте!

II

Как-то всё подпортила эта вычищенная кастрюля.

Я хотел квартирантам нашим выразить восхищение, задать свои многочисленные — но не до конца придуманные — вопросы, удивиться тому и этому и расспросить про увиденное за кулисами — но после сцены у кастрюли всё утихло, увяло и пошло по другому пути.

Леонида разожгла примус, поставила чайник, вылезла неумытая, заспанная Настя, и я снова понял, что нос у неё всё-таки слишком велик для обыкновенной жизни. Мне расхотелось изъяснять вчерашние восторги, и я не придумал ничего другого, как спросил Антона:

— А чем верблюд плюётся?

Тот пожал плечами, присел на скамейку, кем-то врытую в землю, сказал:

— А чёрт его знает! Вроде слоной! Но ещё и какой-то жвачкой. Он, наверное, в пустынях-то наелся всяких колбочек, пережевал, спрятал их в горбу своём, а теперь вот от скуки отрывает и жуёт.

— А потом плюётся в воздушных артистов, — серьёзно сказала Леонида.

— А в клоунов? — понял я её юмор.

— В клоунов он — ни-ни! А то засмеют до смерти, — всё так же грустно ответила Леонида.

Мне понравилось её чувство юмора.

— Ну ладно вам, — сказал Антонио и повернулся ко мне. — Итак! Вырази своё впечатление.

— Впечатление? — переспросил я. И тут сказал совсем по-взрослому: — Да разве это впечатление? Это — восторг! Это — восхищение! Это — фантастика! Это... это... это, — брякнул я, ликуя, — сумасшедший дом!

— Вот, — воскликнула из-за спины Анастасия. — Наконец, слышу правдивые слова! Сумасшедший дом!

И все они покатались по нашей зелёной траве, как я, когда был совсем маленьким. Леонида свалилась с коленок, на которых стояла перед примусом, Антонио свалился со скамейки, конечно, нарочно, Настя каталась, задрав ноги и показывая совсем не артистические, без всяких блёсток, трусы.

Один я стоял, зирался и не понимал, что происходит со смелыми людьми и взрослыми артистами.

Не видел я раньше, чтобы люди так радовались. Или они дурачатся? И даже издеваются! Надо мной?

Обедать они ушли к Джиде и Сигурду, по-русски — Сергею, а потом собирались идти на репетицию. Вернулись часа за три до представления и ушли спать. Мне хотелось поспрашивать, пошутить, поговорить о том, о сём, но они миновали меня скучные, собираясь на сон, как на работу.

Назавтра всё повторилось. Поздно встали, позавтракали, поболтались без дела, ушли обедать к дяде Ваве с Люкой, оттуда на репетицию, потом домой и вечером на представление.

Опять ужинали ночью во дворе — хорошо, что погода была отличная и прятаться не приходилось, ведь их комнатка была слишком мала.

Общий обед пришёлся на воскресенье, мама была с утра дома, и снова цирковые стали звать нас к столу, снова запахло не по-нашенски вкусными ароматами, однако бабушка и мама наотрез отказались. Мама твёрдо сказала: “Неудобно. Пора и честь знать. Ещё война не кончилась, а мы тут...” Она не договорила, а я не понял, при чём тут война, и немножко огорчился, но здесь в наше окно постучали, вошёл Антонио, очень серьёзный, и сказал, что если обедать мы не хотим, то это наше дело, но весь но-

мер просит нас на минуточку выйти. И когда мама, бабушка и следом я вышли на лужайку, всё тот же Антонио заявил, обращаясь к моим женщинам:

— Дорогие Милица и Марья Васильевна! Сегодня воскресенье! У нас в цирке полно народу, но мы договорились с администрацией, что нам выделят три самых почётных места для вас!

— Мы очень хотим, — продолжал он торжественно, — чтобы вы увидели наш номер и поняли нашу работу! Ей-Богу, мы не бездельники! Конечно, мы гастролёры! Но мы не гастролёры в переносном смысле слова, сегодня здесь, а завтра — там! Напротив, мы хотим остаться в ваших сердцах, Милица и Марья Васильевна!

Это была серьёзная сцена. По всему её виду я понял, что бабушка откажется! Что-нибудь придумает! И она придумала:

— Вот пусть Миля с Колей! А я не могу! У меня же кот! Тимофей! Он же всюду за мной ходит! Я даже поэтому на базар не хожу, он за мной бежит.

Но это же было несправедливо, нехорошо! Люди зовут показать своё искусство — и какое опасное! — а тут выдумывают какого-то кота! Он, конечно, и взаправду обожает свою хозяйку, мою бабушку, но он же и меня любит, этот наш любимый Тимофей. Так неужели же!.. И я пожертвовал собой. И бабушку от неловкости уберёг.

Я выступил вперёд и сказал:

— Мама! Бабушка! Вы идите, а я с Тимофеем-то посижу. Не беспокойтесь! Да я ведь и уже видел! Номер-то!

Таким вот простецким манером узелок развязался, потрясённая моим самопожертвованием, бабушка мелко кивала, соглашаясь, а мама громко поблагодарила за приглашение, и все мы вошли в комнату. Я, чтобы взять книжку и уткнуться в неё, уклоняясь от лишних слов, а бабушка и мама, чтобы скрипеть дверцей шкафа и проверить, какое платье из двух возможных надеть каждой по этому торжественному случаю.

Потом во всём доме стихло. Артисты ушли раньше, бабушка и мама, чтобы только к представлению попасть, и я провожал их с Тимофеем на руках, который громким голосом мурлыкал, балдея от моей неожиданной ласки и вообще не печалась по случаю отбытия своей главнокомандующей хозяйки.

Мама взглядывала на меня смешанным взглядом. Ей вроде что-то хотелось сказать мне, но в этом намерении таилась некоторая неуверенность. Это говоря очень мягко и деликатно. Прямо же выражаясь, она предполагала выразить мне соображение о некоторой моей необдуманности — когда я переступаю незримую черту, разделяющую взрослых и незрелых, отправляя бабушку в цирк против её воли.

Но мама мудро воздержалась от выражения своей мысли. Ведь я, в конце концов, веду себя благородно, давая возможность бабушке посмотреть цирковое представление собственных же квартирантов! Да и вообще, ничего плохого в моих рекомендациях пока что не содержится.

Они ушли, а я усеялся читать, кажется, “Остров сокровищ” Стивенсона, и Тимка грел мои ноги, не уставая громко мурлыкать. Настоящий солист.

А когда они вернулись, я их не узнал. И мама, и бабушка с сияющими глазами рассказывали мне об увиденном такими словами, будто я взрослый, а они — дети, впервые попавшие в цирк, — какая это красота и какие там чудеса. Но Антонио! Антонио! Воздушные гимнасты под куполом цирка их покорили своей смелостью.

— И правда! — воскликнула наивно бабушка. — Надо пожалеть их руки-то!

Мама кивала, охала, переодеваясь за дверцей шкафа, соглашалась:

— Да разве только руки? Сколько сил они расходуют! Сколько нервов! А с костями что делается! Я же всё-таки медик!

В ту ночь, несмотря на то, что впереди был понедельник и маме спозаранку бежать в госпиталь, все мы дождались возвращения семьи Антонио.

Мама бросилась первой к Леониде и крепко обняла её, как родную.

— О, Господи! — говорила мама. — Просто не понимаю, как это у вас получается! И Настенька! Какие вы молодцы! Чудеса какие-то!

А бабушка обнимала Антонио. И он тут сказал:

— Вот мы этого и хотели! Чтобы вы поняли, что у нас за работа!

Дальше засипел примусок, забурлил чай, появилась разная еда, и день снова закончился пиром, где мама и бабушка оказались почётными гостями, и по случаю такого почёта меня не отослали спать. Так что я стал не просто свидетелем, но и участником вечера любви и дружбы.

Когда чашки и ложки были отложены в сторону, неторопливо заговорила Леонида. В отличие от Антонио, она не восклицала, не поднимала голос, а рассказывала, как женщины рассказывают свои истории в магазинной очереди.

Я не раз стоял в таких очередях рядом с бабушкой — маме было некогда, она же работала в госпитале, — и вот мы стояли, например, за мукой, целыми часами. Муки чаще всего не было, только ещё ждали, когда придёт машина, груженная мешками, да потом начнут развешивать по два килограмма на человека, а деятельные тётеньки ходят вдоль очереди и просят плюнуть самому себе на ладошку и по этой мокрой ладошке пишут химическим карандашом твой номер. Ты можешь куда-нибудь сходить, потом вернуться, но твоя очередь не пропадёт, потому что написана на руке. А перед самой раздачей муки всё те же женщины, чаще всего сами из конца очереди, стоят и проверяют, правильно ли идут номера.

Ну, так вот, пока выстоишь эту очередь, столько заунывных историй слушаешься от женщин, одинаково одетых, в чёрных и серых пальтишках, все до единой с платками на головах, — ни о каких шляпках никто тогда даже не помышлял, потому что засмеют исподтишка, окружают молчаливым презрением, а потом ещё кто-нибудь и ляпнет что такой мадаме-то, в шляпке!

И вот одинаковые женщины — и старые, и не очень — любили поразговаривать между собой. Негромко, невыразительно, без красивых слов и громких выражений, рассказывая, как принесли похоронку, как обокрали квартиру, как потерялись карточки или как эти карточки вырезали в какой-то толчее — вместе с карманом, как сажали картошку за городом, как её убирала и таскала на собственном горбу не за один километр, и какую досаду приносят в своих портфелях детишки этих несчастных женщин — вместо пятёрки — двойки, угрожающие переэкзаменовкой на осень...

Я, бывало, слушал, слушал эти истории, и всё во мне будто останавливалось. Кровь в жилах не текла от уныния, безрадостным казался даже солнечный день. Я покачивался, устав от долгого стояния, прислонившись к стене, и бабушка, глянув на меня разок-другой, отправляла домой — поучить уроки целый час, а потом всё-таки вернуться: жаль, если муку станут выдавать, а моей ладошки тут не окажется.

Я всё это долгое отступление пишу для сравнения.

Леонида медленно и тягуче рассказывала, как они переезжают из города в город и какое это мучение — ехать дальше, почти каждые три месяца, не успев устроиться и привыкнуть хоть к какому-нибудь местечку.

— Мы, наверное, объехали сто городов, — сказала Леонида, — но они все во мне соединились в один. Знаете, выхожу из цирка, иду по знакомой как будто дороге, знаю, что вот тут должен быть поворот! А поворота нет! Я перепутала города! Понимаете! Похожие улицы в разных городах сливаются в одну, совершенно неправильную.

Потом она говорила о стирке.

— Это выше моих сил! Руки у нас испытывают тяжёлые нагрузки! Мне нельзя съесть лишнего! Какие-нибудь полкило лишнего веса боком выйдут Ваве и Сигурду. Они и так страдают растяжениями. Чуть-чуть надорвался — и надо отменять номер. У нас все незаменимы! Понимаете! Каждый бросок и каждая передача рассчитаны, будто мы конструкторы!

Тут она увидела Анастасию.

— Вот Настя! — кивнула на неё. — Считается, что учится в седьмом классе. Но не учится! А когда? Она работает, мы говорили. У неё трудовая книжка с четырёх лет, это в цирке разрешается, дети включаются в номер. Сначала просто выходила с нами в костюмчике. Срывала аплодисменты. Сейчас готовится к серьёзному номеру. Лиза с Гринеёй тоже. Но надо пройти тех-

комиссию, это непросто. Гриня прошёл, но ограниченно. Вот наша замена.

Мама попробовала выразить восхищение Настей, но Леонида махнула рукой:

— У неё беда в школе! Меняем одну за другой! Ей бы надо подтянуться! У вас нет хорошего учителя математики-физики? С остальными справимся, а тут мы отстаём!

Мама горячо вызвалась найти учительницу, а бабушка ответила, что берётся стирать им бельё.

— Мы всем заплатим! — воскликнула благородная Леонида. — Господи! — подняла голову к последним рядам. — Какие добрые люди!

12

Добрые люди сильны задним умом. Сначала взваливают на себя обещания, а потом сами же мучаются и себя проклинаят. Добро вообще не бывает лёгким, иначе — оказывается легковесным и не добром вовсе, а обманом. В лучшем случае, самого себя.

Настоящее добро — тяжёлая ноша, мучительное обязательство, безрадостная тягота. И бесконечное терпение.

Всё это я уже узнал потом, взрослея, а когда у нас жили цирковые циркачи, даже не догадывался о таком правиле.

Не догадывался, но видел.

Бабушка таскала ведрами воду, грела её тазами на примусе. В результате мне приходилось ходить в керосиновую лавку раза в три чаще, чем всегда, и хотя лавка эта располагалась неподалёку, в конце нашего квартала, не ощутить этого было невозможно, потому что в очереди за керосином приходилось проводить самое малое час.

Бабушка моя милая, Мария Васильевна бездельницей никогда не слыла, но теперь мне становилось её жалко. Налив горячей воды в старое деревянное корыто, она тёрла это чужое бельё о стиральную доску, хозяйственное мыло, чёрное цветом, пузырилось без всякого удовольствия с его стороны, потому что было плохим, самодельным, с рынка, и бабушка, отирая пот со лба и взглядывая вокруг, смотрела каким-то замученным, загнанным взглядом, потому что конца и края этой стирке не предвиделось.

При этом Леонида отдыхала, в лучшем случае, готовила еду на той же лужайке, и лишь вежливо кивала бабушке, одобряя — подбрасывала сухих щепочек в очаг её добродетельности.

Анастасия — Настя тоже испытывала благородное содействие. Сначала к ней пару раз пришла учительница из нашей школы Людмила Николаевна, но в комнате воздушных гимнастов было тесно и душно. Они позанимались во дворе, под шум примуса и плеск корыта, Людмила Николаевна, обращаясь к Леониде, сказала, что отставание действительно далеко зашло, и предложила, чтобы Настя приходила к ней домой: там потише.

Анастасии днём теперь спать не приходилось, может быть, ещё потому она возвращалась от учительницы усталая, в растрёпанных чувствах, как однажды выразился Антонио. Один раз дочка даже кинулась отцу на шею, заплакала и запищала:

— Зачем это нужно? Я ничего не понимаю! Я буду работать номер, и этого хватит!

— Э-э! — сказал ей папа, как будто отдавая гимнастическую команду. — Так не пойдёт! Без аттестата зрелости жизни нет!

Я навсегда запомнил эту фразу, не правда ли, вполне замечательную: “Без аттестата зрелости жизни нет!” Я ещё не раз её вспомню! А тогда...

Тогда светило солнце над головой, неслышно, будто лёгкие облака на небе, шло моё детство, и единственная настоящая тревога жила во мне — где мой отец?

И тут пришёл среди бела дня, а не по расписанию регулярных обедов дядя Вава-Штинц вместе с женой Люкой и сыном Гриней, Сигурдом с Джидой и Лизой. Вава держал в руке газету, свёрнутую трубочкой, был тороплив и радостно улыбался.

— Ура! — говорил он всем нам. — Наверное, война кончится!

И когда его окружили все остальные воздушные гимнасты, объяснил громко, чтобы было лучше слышно: американцы бросили на японцев две какие-то очень большие бомбы, и теперь, похоже, всё!

— Американцы, не наши? — уточнил Антонио.

— Не наши, — кивнул Вава.

— Ну, это ещё ничего не значит, — отозвался из-за Вавиной спины Сигурд. — Может, как раз всё снова начнётся.

— Ужас! — сказала бабушка. И в её бессильном восклицании слышалось отчаяние от того, что предсказывал Сергей. И, наверное, от груди мокрого белья, лежавшего на краю корыта.

Взрослые разместились на траве и притихли.

— Хоть бы скорее конец! — вздохнул Вава и, опустив голову, сказал: — Я как вспомню — нас везут в теплушках к Москве... Декабрь, холодрыга, шинелишки тепла не держат. И задача — винтовку добыть в бою.

— Ты добыл? — спросил Гриня.

— Добыл! — усмехнулся Вава и вдруг задрал рубаху. — Ты же знаешь!

От живота до спины, по боку, тянулся шрам с широкой стёжкой, и тётя Люка заплакала в голос.

— Не реви, — сказал ей Вава. — Реветь поздно, я уже здесь.

И вдруг, обращаясь к моей маме, разговор резко развернул:

— Миля! А знаете, как ещё вашу Черногорию зовут? — И не дав маме даже моргнуть, торжественно проговорил: — Монтенегро! Красиво, а? Горы! Чёрные!

Мама выдохнула из себя весь воздух — то ли от смущения, то ли от возмущения — и почти прошептала:

— Да не знаю я никакой монтенегры!

И скрылась за дверью, будто её обидели.

А Вава будто ничего не заметил, отвалился на спину, проговорил в восторге:

— Вот бы где побытывать! А заодно покупаться!

Все промолчали, только переглянулись зачем-то.

Но весть о близком конце войны что-то переменяла в бабушке и маме. Как будто выдохнув из груди застоявшийся воздух, бабушка с новой силой принялась стирать их бельё, хотя и выбиваясь из сил, мама же какими-то невидимыми путями выясняла, что Настя чуточку окрепла в своих знаниях, однако когда хлопотунья попробовала заикнуться ещё об одной, о Елизавете, репетиторша начисто от предложения отказалась.

И маме вроде как шепнула, что многие дети учатся по математике и физике дурно, материал не понимают, и тогда перед экзаменами лучше всего писать шпаргалки. Во-первых, утверждала где-то за стенами школы опытная учительница, шпаргалки — это сквозной конспект за целый год, письменная подготовка. И это главное. А во-вторых, за шпаргалки ещё никого из школы не выгнали. Так что конспект полезен для знаний, а риск невелик, особенно если учитель не хочет шуметь и скандалить. К тому же он отвечает на успеваемость.

Всё это я услышал краешком уха из разговора, понятное дело, не предназначенного для меня. А ведь такие тайны звучали для нас наивно, давно всё понявших. Да и как ещё жить по-другому, когда после каждого класса надо сдавать экзамены, а после старших классов, начиная с седьмого — так целый их ворох.

13

А потом настала школа.

Все как будто двигалось по-прежнему: и солнышко над головой, и почти летнее тепло, и бабушка на лужайке, без конца склонённая над корытом.

Но всё же кто-то немножко отодвинул от нас это солнце — оно уже утишало свой пыл, когда выходишь из школы после пяти уроков. А я учился в первую смену.

Ничего особенного не происходило в классе, просто притирались к своим насиженным прошлой зимой партам, обнюхивали вкусно пахнущие учебники, если, разумеется, именно тебе доставались новые, вслушивались в подзабытый голос учителя и будто с чистого листа записывали в свою память неизвестные, пусть не ахти какие сложные знания.

И снова грянула радость. После перемены быстро вошла наша любезная учительница, упёрлась кулачками в свой стол и проговорила:

— Все! Полная и безоговорочная кашитуляция! Война закончилась.

И снова мы кричали, как в мае, и хоть не бегали по классу, но все вскочили со своих мест, и я думал про папку, про отца, который, — ну, наконец-то! — должен теперь вернуться домой! Раз и навсегда! И никуда никогда ни за что не уезжать!

Все уроки, конечно, пошли насмарку, и наша Анна Николаевна уже, наверное, пожалела, что не сделала сообщение в конце уроков. Но как бы она смогла? Кто бы вообще такое смог?

Я прилетел домой по солнечной улице, хотел обрадовать бабушку, но она уже всё знала и бросила свою стирку, стояла, уперев руки в боки, и что-то весело говорила Леониде.

— Не горюй в такой день! Не стоит! Вы же скоро уедете? Ну, так в новой школе скажете, что в старой недоучили! Кто же вас не пожалеет?

— Эх, Мария Васильевна, — кручинилась Леонида, — хватит уж того, что я неучёная! Что дома у нас нет! Что скоро вот поедем куда-то! И нас аплодисментами встретят, как всегда!

И мотала головой, лицо опустив.

— Может, и аплодисментами жив артист! Но хочется уверенности, понимаете? Надёжности. Всю жизнь гастролировать — тяжкая доля! И вот Настя... Она же не виновата!

Ни Насти поблизости не было, ни Антонио — они убежали к Ваве и Люке, решили сегодня не спать. И вот бабушка разговаривала с Леонидой.

— Леночка, — говорила, — вы ещё молодая, вам теперь-то, после войны, все дороги откроются, цирков, наверное, настроят в каждом городе! Станете знаменитыми на всю страну!

— Да, да, — говорила Леонида и почему-то плакала. — Только доживёшь до одного, требует другое. И так всё лезешь, лезешь! Под самый купол! А вот сорок лет! У цирковых — это старость, вы знаете? И что дальше? Без образования, без крыши над головой! И все силы истрачены! Страшно!

Не всё мне было интересно в этом разговоре, но я сообразил, что Леонида очень серьёзный человек. И что она очень много знает — больше, чем бабушка моя любимая, например. А может, и больше, чем мама. Она знала про жизнь, нам неизвестную, и видела то, что не видели они.

И ещё — она что-то предчувствовала.

14

В бабушкиной стирке бывали перерывы. Корыто с мыльной пеной стоит во дворе, бельё просохло на солнце, и она, бедолага, уходит домой, чтобы бельё это выгладить.

Перед тем, ясное дело, раздувает утюг. Про утюг электрический в ту пору и, по крайней мере, в наших местах не слыхивали и бельё гладили тяжёлыми железными утюгами, в которые надо сперва положить древесных углей, потом, как в печке, кинуть бересты, раздуть огонь и качать-качать этот утюг, пока он не разогреется так, что плюнь ему на его гладкую поверхность, которой по белью водят, он зашипит, признается нехотя: “Готов! Готов к употреблению!” Так что для глажки надо было готовиться особо, уважительно относясь к утюгу с дырочками по бокам, долго размахивать им, да побыстрее пошевеливаться, пока гладишь, чтобы он не выбился из сил, не остыл, не устал, как живое существо.

Поэтому бабушка всегда приговаривала разные разнообразные похвалы своему утюжищу, уговаривала его быть потерпеливее, погорячее, будто с котом Тимофеем беседовала про общую жизнь, когда горемычную, а когда

и ничего себе. Вот и война кончилась, толковала она утюгу, глядишь, жизнь наладится и не будет нужды тебе, престарелому, надрываться в своих бесконечных трудах, обихаживая людскую одежду, а выдумается что-нибудь другое, полезное и прогрессивное.

Именно в такую паузу, когда бабушка общалась с утюгом на кухне, и двор был свободен от взрослых глаз и ушей, произошло событие малозначительное, но неприятное, даже, можно сказать, мерзкое и вовсе не из жизни людей, ещё не вполне самостоятельных.

Из своей комнаты вдруг, озираясь, вышла Настя и подошла к корыту, поманив меня пальцем. Я охотно приблизился, чтобы поговорить о разных разностях, но она поднесла палец ко рту, мол, молчи, и достала из кармана своего платяца спичечный коробок. Оглянувшись, она повернулась спиной к дверям — и коробок открыла. Оттуда она двумя пальцами вынула что-то скользкое и развернула это, брезгливо кривясь при этом. Я даже на шаг отступил, но она прошипела, кивнув, чтобы я прикрыл её своей спиной, если приблизится кто-то из взрослых.

В руках у артистки повисло что-то похожее на резиновый палец, только побольше. Анастасия налила туда воды из мыльного корыта, и эта оболочка стала похожа на часть мужского тела, которой писают.

Я попробовал взглянуть в Настино лицо и поразился её выражению. Горбатый нос обострился, зубы ощерились в какой-то истерической гримасе, а в глазах стояли слёзы.

Она вылила воду в траву, торопясь и поэтому дёргаясь, засунула резинку в коробок, неумело, по-девчачьи, размахнулась и изо всех сил кинула его в сторону кустов. Но коробок был лёгкий, до кустов не долетел, и она схватила его ещё раз, снова кинула, и опять он не долетел, а только с третьего раза скрылся в зарослях крапивы у самого забора.

Она вернулась к корыту и долго мыла свои руки, потом ополоснула своё лицо, повернула его ко мне. Хлопья мыльной пены сползали у неё по подбородку, и она спросила озлобленно:

— Где чистая вода?

— В кране, — логично ответил я.

Но она топталась, похоже, не хотела входить в дом, где спали родители, и тогда я побежал на кухню бабушки, откуда вынес ковшик с чистой водой.

Настя ополоснула лицо, руки и как заправская крестьянка вытерла их подолом своего платья, совершенно не стесняясь меня и задрал этот подол как ей удобно.

Потом уселась на лавочку, вздохнула, будто сделала тяжёлую работу, и сказала, чтобы, может быть, хоть что-то сказать. Или объяснить мне всё происшедшее.

— Вот! — проговорила она усталым голосом, — даже детей им иметь нельзя.

— Почему нельзя? — удивился я. — А ты?

— А меня они из детдома взяли. Совсем маленькую. Я не знаю, кто мои родители!

— Вот ещё! — удивился я. — Откуда ты знаешь, если была совсем маленькая!

— Ты плохо понимаешь, что такое цирк, Коля-Николя! — выдохнула Анастасия. — Там всем про всех известно. Съезжаются и разъезжаются. Если даже не знакомы друг с другом, то и за тысячу километров сплетничают о тебе.

Она по-мальчишечьи сплюнула и проговорила:

— Это называется цирковое братство.

Настя встала, чтобы идти, и глянула на меня:

— Помнишь, — спросила, — я тебе говорила, что мы не циркачи, а цирковые? — Посмотрела куда-то вверх, как все Антонио, и тяжело проговорила: — Но когда артисты цирка сплетничают друг о друге за тысячи километров, они — циркачи. Понимаешь?

Я кивнул, не очень, конечно, понимая, но возразил для утешения, что ли:

— Так, наверное, у всех?

Она не ответила, пожала плечами, но в дом не ушла. Говорить было не о чем, и я спросил просто так, на всякий случай, почему Дуров её отца Сидоровым назвал? Перепутал?

— Да нет, — просто ответила Настя, — это наша настоящая фамилия. Антонио — для цирка. Для красоты.

Тут с треском, как в цирке, распахнулась наша бедная одностворчатая дверь и на пороге, красиво изогнувшись, появилась прекрасная Леонида, а за ней подтянутый Антонио. Он воскликнул:

— Доченька!

Анастасия сорвалась с лавочки, кинулась к ним, подпрыгнула и повисла руками на шеях взрослых. Прямо цирковой номер!

15

И наконец, грянул гром нашего счастья!

Мама после работы прибежала бегом, запыхавшись, и ещё от калитки крикнула:

— Папка возвращается!

Воздушные гимнасты Антонио в полном составе были во дворе, и бабушка тоже, и я, конечно же, взвизгнул и ринулся навстречу маме. А она подходила к компании и громко говорила:

— Пришла телеграмма. Начальнику госпиталя номер такой-то передать лаборанту такой-то! Демобилизованный старший сержант такой-то возвращается сменными эшелонами. Просьба не встречать и не беспокоиться!

— Поздравляем! Поздравляем! — закричали артисты, а Сигурд тут же удивился.

— У вас какой-то особенный старший сержант! Телеграммы про него шлют!

Мама махнула рукой, ответила:

— Этому-то я как раз не удивляюсь. Он же оружейный мастер. Чинит всякое оружие на фронте. Может, починил пистолет большому командиру! И попросил телеграмму послать!

— Такое может быть, — подтвердил дядя Вава, — и развернул целую картину. — Вообще в жизни всё может быть!

— Как и в смерти! — проговорила Леонида, а Антон разъярился. В первый и последний раз я увидел его таким.

— Зачем убиваться! К чему тосковать! Мы и так ходим по острию ножа! Я хожу! Хватит одного! Теперь вот она жаждет!

Он кивнул на жену, и из бурного обсуждения, которое развернулось на лужайке, я понял, что Леонида — Лена требует, чтобы ей разрешили то же, что делает Антон — номер без страховки. И оказалось, что она написала заявление в какую-то таинственную и всемогущую техническую комиссию, не спросив руководителя номера, а комиссия выразила по этому случаю удивление именно Антону и тоже в письменном виде.

В наставшей тишине Леонида объяснила, что их номеру давно пора выходить на новый уровень! Получать признание начальства! И повышать категорию, которая принесёт другую зарплату, репутацию, авторитет!

— Вы же знаете, что я могу, — говорила Леонида. — Да, Антон боится рисковать мной. Ну что ж, мы все рискуем!

Я ушёл в дом за мамой, они остались во дворе, громко разговаривая, а я понял, что Леонида хочет летать под куполом цирка без страховки.

Цирковые события развивались стремительно, и дня через три снова в ночном нашем дворе не стихали громкие возбуждённые голоса. Во время представления Леонида исполнила трюк под куполом без троса, который прикреплялся к поясу. А Настя — со страховкой. Анастасия-то махала рукой с лавочки, она, оказывается, давно уже репетировала свои кульбиты, и сегодня произошло просто выступление при зрителях, официальная премьера. Леониду же все обнимали особенно почтительно. Выходило, что она переступила какую-то черту, за которой начинается новая история воздушных гимнастов Антонио.

А я всё ждал отца. И мама ждала. И бабушка. И это ожидание — предвестие счастья, так надолго затянувшегося, слегка отодвигало нас от радостей и побед наших квартирантов.

Зрители благодарили их аплодисментами, а они старались для зрителей, и хотя я потихоньку уже начинал понимать, что такое цирк, всё самое серьёзное мне только ещё предстояло.

16

В неожиданной телеграмме про отца прямо говорилось, что его встречать не надо, но какая же сыновняя душа безропотно подчинится такому странному требованию?

Наутро я соврал, что пошёл в библиотеку и посижу там, в читальном зале, а сам отправился на вокзал.

Это решение я обдумывал полночи и ничего особенного не придумал, однако вынул из копилки несколько бумажных рублей и положил их в карман. Вот это я знал точно — вход на перрон нашего городского вокзала платный, и прежде чем подойти к поездам, надо купить билет. Денег не брали только с тех, кто собирался ехать. Тогда пассажир подавал охранникам проездной билет, те глядели, каким номером поезда человек уезжает, и, если до отхода был час, пропускали.

Сейчас можно заявить, что это всё лишние строгости, но я сомневаюсь в этом. Поезда на нашей станции были только проходящие. Они шли с запада на восток и с востока на запад, а у нас только останавливались, чтобы сменить паровозы или заполнить их водой — на водочаке в полуверсте, или пополнить углем паровозный кузов, который называется тендер. И вот пока состав стоит, люди грузятся в него — если есть свободные места. Про эти места становилось известно, только когда поезд приходил.

Народу, желающего куда-то ехать, было всегда полно, он толпился в вокзале, строился в очереди — одна на восток, другая на запад, но, повторю, билеты на свободные места начинали продавать, только когда поезд уже приходил. И вот тут начиналось!

Купив билеты, люди передвигались на перрон со своими мешками и чемоданами. Но поезда, бывало, приходили почти сразу или один за другим и становились параллельно друг другу на соседних путях — один паровозом на восток, другой на запад. И тогда в том, который поближе к перрону, открывали двери с обеих сторон, напролёт, чтобы люди могли пройти к другому поезду.

Начиналась паника — от лёгкой, до серьёзной, когда побегав вдоль состава, народ начинал лезть под вагонами. И молодые, которым это давалось легко, и немолодые, особенно тётки, которые становились на колени, тащили своё барахло, визжали от страха, пока, наконец, не выбирались из-под ближнего состава и не бросались к дальнему.

Наверняка, поэтому на перрон пускали только по билетам — купленным, входным, которые покупали встречающие и провожающие, и проездным, по которым садятся в вагоны. А те, кто хотели ехать, давились в вокзале, оставляя до поры пространство перед рельсами совершенно пустым и на удивление чистым. Когда нет поездов.

Я вот в такой тихий момент и купил билет на перрон. Строго глянув на меня, тётка-охранница мой картонный билет надорвала, отдав обратно, но о чём-то заговорила с другой, такой же, и я деловито отправился к рельсам. Они уходили в две противоположные стороны, и по ним где-то мчались тысячи поездов с людьми и грузами. Но здесь и сейчас выпала тихая минутка.

Пустой перрон подметал старик в фартуке, да вдали маячила женщина в малиновой красной фуражке.

Не зная, что спросить, я двинулся к старику и встретился с ним взглядом. Он остановился и вопросительно разглядывал меня. Наверное, это был нерусский старик, потому что у него была редкая бородка, сквозь которую блестел подбородок, а на лоб спускались седые, полукругом остриженные волосы. Он и заговорил с акцентом, довольно вкрадчивым голосом, сразу вызвав во мне доверие:

— Кого ищешь, мальчик?

— Встречаю отца, — ответил я довольно неуверенно.
— Ва! — проговорил негромко старик, будто к себе самому обращаясь. — Хороший сын! — спросил, уточняя: — Какой поезд?
— Сменный эшелон, — вспомнил я мамин пересказ телеграммы.
— Сименный эшелон? — удивился перронный дворник. — Не слышал!

Первый раз слышу!
Я вздохнул, кивнув, разве я сам-то знал? Ни день, ни час не указывались в телеграмме про отца, да я и телеграмму-то не читал — мама только сказала. И вот пришёл, видите ли, деньги за вход заплатил! Таким я себе попался в ту минуту глушом, что, наверное, это стало заметно, и старик затрепыхался, захотел, похоже, утешить меня, а тут как раз подошла к нам женщина в красной железнодорожной фуражке. Её лицо было густо усеяно веснушками, и я подумал, что в детстве она была, наверное, веселой и смешливой.

— Раисванна! — обратился к ней старик. — А что это сименный эшелон? — Указал на меня: — Мальчик встречает.

— Сменный? — удивилась женщина. — А кого ты встречаешь?

— Папу, — ответил я. — Он едет с войны.

Она чуточку прищурилась — спросила, показав рукой на рельсы:

— Откуда? Отсюда?

— С востока, — ответил я грамотно.

— Ясно! — сказала она. — И времени ты не знаешь! — проговорила утвердительно.

Я кивнул головой.

— Эшелоны, — проговорила она почти как учительница, — идут с разной скоростью. Одни обгоняют другие. Например, поезда с ранеными называются литерными и проходят быстрее других. Им уступают дорогу, понимаешь? Как здоровые уступают больным! — И улыбнулась. — Вот и всё.

Объяснила совсем серьёзно:

— Некоторые пассажиры, если у них есть предписание, могут переходить из эшелона, который идёт медленно, в другой, который идёт быстрее. Человек меняет эшелоны. Для него эти эшелоны — сменные.

Я кивнул, соглашаясь и стораю от каких-то чувств, незнакомых мне раньше.

Ну, конечно, мне было как-то стыдно. Но и не стыдно. Мне объяснили неизвестное раньше, но ведь это неизвестно и другим людям, очень взрослым. И ещё меня охватывало какое-то удивление, что эта веснушчатая женщина в железнодорожной фуражке и старик, подметающий перрон, не обругали меня, не прогнали, возмущившись, а терпеливо разговаривают со мной, хотя я, наверное, в их глазах полный несмышлёныш и недотёпа. Да ещё женщина сказала:

— Ты иди домой, не волнуйся. Раз твой папа едет, значит, приедет.

Я ответил ей:

— Спасибо!

Наверное, голос мой дрогнул, потому что женщина улыбнулась мне очень доброй улыбкой — наверное, из своего детства, — и кивнула. А дворник, — я услышал, — уже за спиной проговорил негромко:

— Счастливый солдат!

А она ответила, вздохнув:

— Все дети ждут! Да не все дождутся!

17

Когда я вернулся, двор наш совершенно переменялся. Не было деревянного корыта на двух табуретках. И стулья, и чурбаки, и даже перевернутые ведра — всё это исчезло, встав на свои привычные места. Даже скамейка, которую врыли на краю лужайки, когда приехали цирковые, вернулась на место и стояла возле стены дома.

Там и сидела моя милая бабушка, очень даже похожая на взъерошенного воробья, точнее, воробыуху. Она торопливо рассказала, что вдруг пришла машина с молодыми парнями в кузове — наверное, это были цирковые уни-

формисты, — из кабины выскочил Антон, и они в десять минут перенесли всё имущество семьи Антонио, все кастрюли, примусы, ну, понятное дело, бельё, сняли с верёвки даже непросушенное, а артист сунул ей в карман пачку денег. И за постой, и за стирку, и за заботу, и за дружбу.

Когда бабушка сказала, что деньги ей дали за дружбу, я поморщился, а она пожала плечами.

— Объяснил, что им сняли другую комнату. Потому что к нам-то возвращается отец.

Я побродил по двору, сходил в дом, даже попробовал посидеть в комнате и почитать, но ничего мне не шло в голову и всё валилось из рук. Я опять вышел на улицу.

Бабушка шмыгала носом, то ли начиная, то ли заканчивая плакать, сама же объясняя свои слёзы:

— Может, мы их обидели чем?

Я задумался. Ничем мы не обижали семью Антонио. Даже наоборот. Они ещё придут. Не могут не придти. И они пришли.

Правда, в калитке возник только один Гриня и, не входя во двор, крикнул:

— Николая! Приходи вечером в цирк! Сегодня дебют у Лизы. Позовёшь меня, если что!

Гриня, Гриня! Так я и не подружился по-настоящему с этим цирковым мальчиком. Девчонки заслонили его, точнее, Анастасия — Настя отодвинула нас друг от друга своим каждодневным мельканием во дворе, своей нестыдливостью, горбатым носом, историей своей жизни, которую сама же считала сплетней. Я и Лизу-то толком ведь не узнал. Училась она почему-то лучше Насти, говорила меньше, тоже находилась в некотором отдалении, как и Гриня, хотя и пыталась Анастасии не перечить и подражать.

Их я и встретил, когда пришёл минут за сорок до начала и заявился, как опытный друг цирка, в заднюю дверь, где меня остановили. Но Гриня и Лиза, переодетые, в костюмах, были в коридоре, недалеко от входа, и стоило мне их окликнуть, как я оказался в их кругу.

— Тебя надо поздравить? — спросил я у Лизы, но она замахала на меня двумя руками, потребовала сплунуть через левое плечо.

— В цирке все очень суеверны, — шепнул Гриня, — так что сплунь, не ёрся!

Я троекратно подчинился. Почему-то попросил их:

— А можно верблюда увидеть!

— Который в Антонио плонул? — спросила Лиза.

— К нему лучше не ходить, — вздохнул Гриня. — Он что-то расплевался. Уже в троих плонул. В лучших наших артистов. Его Дуров уволить хочет.

— Как это уволить? — удивилась Лиза. — Он что — на работе?

— А как же! — засмеялся Гриня. — Его кормят! Его поят! За ним убирают! Возят из города в город! А сейчас его нельзя выпустить на манеж. Вдруг в зрителей плонет!

Я смеялся и ничего-то по-прежнему не понимал в цирке. Верблюд казался мне чудачком, что уж тут поделаешь? Ему же не запретишь плевать! И я спросил Грину:

— Как же его уволишь?

— Очень просто, — ответил он. — Сдадут на мясокомбинат.

Я чуть не споткнулся:

— Убить верблюда! — воскликнул я. — Сдать на мясокомбинат! — И удивился не тому, чему бы надо. — Да кто будет есть верблюжье мясо?

Кто-то положил мне руку на плечо. Я поднял голову — это был Паташон, знакомый мне любимец публики. Вынырнул откуда-то сзади, услышав мои восклицания:

— А его в колбасу добавляют, — проговорил он невесёлым голосом, — смешают с говядиной да свиной, и съешь за милую душу! Ничего не поймёшь!

— Да как так! — сказал я, оборачиваясь к клоуну. — Верблюда надо защитить. Заявление заявить!

— Во-во, — сказал Паташон, — а вы заходите после представления. Сходим вместе к дрессировщику. Объединимся вот с Антонио, например, а?

Он подмигнул Грине с Лизой. Тут зазвенел звонок, и он поднял палец: — О! Пора на работу!

Он сделал два или три быстрых шага, потом развернулся и так же быстро подошёл к нам:

— Да он ещё переживёт нас с вами, этот замечательный верблюд Яша! Вы не поняли? Это розыгрыш — насчёт увольнения! Яша просто готовит новый номер. Сенсация! Плевков в мишень! — И он захохотал во весь голос.

Грина с Лизой недоумённо смотрели ему вслед, а я их спросил:

— Это такая дурацкая шутка?

18

Дурацкие шутки часто предшествуют вовсе не дурацким событиям. Не буду описывать разные номера, почти все мне известные, бравурную музыку, сопровождающую представление, слепящие лучи прожекторов, начну сразу с Антонио, наших хороших друзей.

Все началось как в прошлый раз, Сигурд-Сергей и дядя Вава поднялись на свои площадки, отцепили от них трапеции, закрепились в них ногами и, повернувшись друг к другу, полетели вниз, работая сначала с Леонидой. Они приближались, перекидывали её, Лена легко перелетала из рук в руки, улыбаясь, красивая, элегантная, в сверкающем блёстками костюме. При этом она была пристёгнута, и Антонио в халате вместе с униформистами страховал её, удерживая в руках — не ослабляя и не натягивая страховою лонжерон.

Потом то же самое сделала Джиди. Понятное дело, гремели аплодисменты, а когда женщины прыгнули на сетку, наверх поднялись девочки — Настя и Лиза.

Я, конечно, и Настю-то видел в роли её матери впервой. Она перелетала как пушинка от Вавы к Сергею и обратно, все перевороты и пируэты совершались будто играючи, легко, и она мельтешила там, на высоте, словно мотылёк какой-то, а не девчонка, не человек. Елизавета тоже удивила меня. Если говорить о зрителях, то, может, один я тут и знал-то, что она исполняет свою программу впервые! Уверенности и лёгкости ей даже у Насти было не занимать! Получилось, подумал я, что прямо у меня на глазах две девчонки стали настоящими воздушными гимнастками, артистками без всяких оговорок.

Когда я увидел их в первый раз, они просто двигались по манежу, просто красиво блестя своими костюмами и, конечно, подпрыгивали в сетке, достигая большой высоты. Но сейчас они сделали то же самое, что Леонида и Джиди. И это получилось у них просто здорово!

Я отхлопал все ладони, аплодируя вместе со всем цирком. И тут начался смертельный номер Антонио. И он улыбался там, вверху, летая, освобождённый от всякой страховки. И я снова видел его улыбку, вместе с ним радуясь, а без него — замирая от страха.

Наконец снова заверещали барабаны. Конферансье прокричал:

— Впервые в мире! Женщина-виртуоз! Номер, не исполнявшийся нигде. Смертельная опасность! Просим соблюдать тишину!

И после паузы:

— Воздушная гимнастка Леонида Антонио.

Лена отщёлкнула карабин страховки, Вава ухватил её за запястья, и они сделали первый качок. С другого края купола, уцепившись ногами за трапецию, нёсся в их сторону с протянутыми руками, мощный Сигурд.

Расстояние между мужчинами составляло метра три, из них какую-то часть занимало тело Леониды. В определённый миг она должна выйти из рук Вавы и, сделав кульбит, попасть в руки Сигурда.

Лена красиво развернулась ласточкой, вовремя протянула свои руки, и партнёр её принял. Раздались аплодисменты.

Теперь Леониду раскачивал Сигурд, внизу серел прямоугольник сетки. В неё прыгали все они сверху. Но прыгнуть и упасть не было одно и то же, потому что разные получались линии полёта. И человек, летящий под углом, вылетел бы за пределы сетки.

Сигурд передал Леониду Ваве. Вава исполнил свою задачу мастерски. Даже снизу было видно, как он бережно направляет Леониду в другую сто-

рону, как до последнего сантиметра отмеряет линию направления, как он всем телом своим придаёт её полёту точность и аккуратность.

И тут все видят, как Леонида, отрываясь от рук Вавы, делает один кульбит и сразу же — второй! Это, конечно, чудо! Невиданное и опасное!

Но она не вписывается в пространство, остававшееся между Вавой и Сигурдом.

А налетает на Сергея. Трапеция, за которую он держится ногами, меняет ход, а вместе с ним и положение его тела. Он хватается одной рукой запястье Леониды, но вторая рука мужчины другую руку Лены достать не может.

И она выскользывает из его руки.

И падает вниз.

Я услышал, как кто-то закричал. И это был отчаянный мужской голос. Я узнал его: это кричал Антонио.

Леонида ударилась о край сетки, а это был металлический прямоугольник. Она не издала ни звука! Вскочила, выбежала на свободную часть манежа перед сеткой. Стояла и улыбалась.

И шквал аплодисментов обрушился на неё!

Все вскочили, мало что понимая, и я тоже.

Она упала, это видели все, но вот она стоит, улыбается, и никто ничего не понимает, кроме её партнеров.

Антонио подбежал к ней, сверху прыгнули Вава и Сигурд. Их опередили две девочки и Гриня.

Так она и упала в это семейное объятие.

И семья в сияющих костюмах укрыла её от цирка, который продолжал аплодировать и кричать.

Слаженно и ловко, будто и всё это отрепетировано до последней мелочи, цирковые артисты бегом вынесли Лену с манежа.

Из-за занавеса приглушённо послышался то ли крик, то ли плач.

И снова это был мужской голос.

19

И тут на манеж выбежали Пат и Паташон! Заиграла не к месту весёлая громкая музыка, я уже был готов сорваться, чтобы рвануть за кулисы. Но ко мне вдруг почти бегом приблизился Паташон, перелез через барьер и закричал, схватив за руку:

— Как тебя зовут, мальчик?

Я выдёргивал руку, но он держал меня крепко, и крикнул:

— Коля?

Я кивнул.

— Вот видите, — визгливо закричал Паташон, — его зовут Коля! И я всякого отгадаю! Кого как зовут!

Цирк засмеялся, к Паташону потянулись ребята — меня ведь опять пристроили в первом ряду — и я поразился, как все тут же забыли о только что происшедшем. Будто ничего не случилось! Сетку уже убрали униформисты, трапеции они отвели тросами и закрепили снизу. И представление продолжалось, как ни в чём не бывало.

Я кинулся к двери, ведущей в закулисы, но путь мне преградил дежурный охранник. И как я ни шептал и как ни объяснял, что я тут не чужой, он молча, уперев пятерню мне в грудь, только качал головой, не желая ни впускать, ни слушать.

Пришлось дожидаться конца следующего номера. Я сидел на корточках перед барьером, возле входа за кулисы, и меня просто поражало происходящее: цирк не остановился, он продолжал смешить и барабанить. Да вот только, кажется, именно барабаны трещали громче, чем всегда. Будто этим грохотом, похожим, порой, в какие-то секунды на бой громадного циркового сердца, они хотели заглушить что-то совсем другое.

Номер кончился, я кинулся вокруг манежа, выскочил из цирка с парадного подъезда, обежал шапито и подскочил к служебному выходу.

Съёжась, будто от холода, там стояла урёванная Люка, девочки и Гриня, так и не переодевшиеся, в блестящих костюмах. Они молчали, а когда я подбежал, Настя посмотрела на меня чужим и взрослым взглядом.

Наверное, весь вид мой выражал вопрос и бесполезное сочувствие, поэтому Гриня взял меня за локоть и отвёл в сторону.

— Её увезли в больницу. Все взрослые убежали туда же! А ты уходи!

И отвернулся от меня, будто что-то перерезав, какое-то пространство между мной, а может, всеми нами и всеми ими.

20

Тем вечером мы долго не ложились спать, и я уже в пятый раз, наверное, пересказывал события вечера маме и бабушке.

Потом мы улеглись, и взрослые, было слышно, долго ворочались, не в силах уснуть.

Под утро послышался гром. Со сна я подумал, что на улице гроза, но в окно вливались солнечные лучи, и только тут я сообразил, что это стучат в дверь.

Послышался крик, опять мужской, а потом женский, это кричала мама. Я выскочил из кровати в ожидании беды, кожа моя покрылась мурашками от страха, я выбежал на лужайку и увидел, как человек в гимнастёрке, без пилотки на голове, крутит вокруг себя маму, крепко обняв её и оторвав от земли, а она, в ночной рубашке, визжит, как девчонка.

— Папка! — неуверенно прошептал я.

И уже закричал громким криком:

— Папка!

Он отпустил маму на землю, мой папка, и я кинулся ему на шею и укололся о его щетину. Он даже побриться не успел перед приездом! Но какое это имело значение? Вот он, вот! А я только вчера пытался его встретить, ошибся всего на день, на одни сутки, как говорят военные, ну, может, чуточку поменьше. Но он, оказывается, уже подъезжал, пересаживался, может, с предпоследнего эшелона в последний эшелон, потому что имел на это разрешение, и вот кончилась, наконец, моя война: папка вернулся!

Это было небывалое счастье. Оно затмило собой совершенно всё — все четыре с лишним года войны: мороз по утрам, когда приходилось, завязав ушанку и обернувшись шарфом, брести тёмными утрами на уроки, горькие, не очень-то понятные ожидания чего-то, скорее беды, чем радости, возвращение раненого отца в наш город и в мамин госпиталь, а потом его горький отъезд снова на войну, наши концерты перед ранеными, уроки, выполненные в тетрадках, сшитых из газет, голодные обмороки и столовка для дополнительного питания...

Но детство не умеет сравнивать, потому что, к счастью, не имеет опыта за спиной. И даже беды не кажутся окончательными бедами, кроме, конечно, голода, несвободы и смерти. Поэтому всё, что было со мной, все мои малые радости и пока небольшие печали враз померкли с этой моей личной победой: папка вернулся!

Для одних война кончилась весной, для других — осенью, а для меня кончилась вот в тот самый миг, когда она вернула мне отца, совершив великую милость и одарив небывалым счастьем!

Я не отходил от него.

Я разглядывал, как он собирает никелированный бритвенный станок, мылит пушистой кисточкой щёки и шею, сбрасывает щетину. Как перед этим аккуратно снимает гимнастёрку с медалями, размещёнными слева, и тремя жёлтыми полосками справа, означающими три ранения средней тяжести.

Я прыгал и радовался, когда отец доставал подарки с войны — маме отрез китайского крепдешина на платье, который он купил на рынке в Маньчжурии, и вытянутую коробочку с невиданными овальными кусочками туалетного мыла, которые, — восхищались все мы, — пахли жасмином. Надо же!

И ещё он привёз мне пачку тетрадок с иероглифами на обложке. А тетрадки оказались довольно чудными. Все в линейку, страницы в этих тетрадках с одной стороны были белыми, лакированными, как будто сделанным из мела, а с другой стороны — желтоватыми, обычными.

Я тут же уселся за стол, вынул из портфеля ручку, обмакнул пёрышко в чернила и начал писать какую-то фразу, начинавшуюся со слова “папа”. Может, я хотел написать “Папа приехал” или “Папа привёз эту тетрадку”, но! Чернила под пером на этой гладкой, блестящей и очень нарядной страничке вдруг стали расплываться и туманиться. Слово “папа” оказалось размытым и нечётким, и я, конечно же, вскрикнул от удивления. Отец поглядел и чертыхнулся. Он осмотрел тетрадь на просвет, сказал, чтобы я попробовал с другой стороны, и жёлтоватая, ненарядная сторона странички спокойно выдержала моё перо и мои чернила. Мама утвердила:

— Ну так и пиши только с этой стороны.

Но всё это — так, мелкие подробности!

А в те дни я ликовал с утра до ночи. И даже ночью мне снились только счастливые сны розового цвета: деревья, травы, машины, которые являлись мне во сне, были если и не розовыми, то двигались и сияли в каком-то постоянно праздничном освещении.

Наверное, это был мой собственный рассвет.

Я всё ждал отцовских рассказов о войне. И каждый вечер он охотно начинал свой рассказ, но потом мама или бабушка, или даже сам я спрашивали что-нибудь уточняющее, и отец отвлекался, говорил про другое, и война куда-то уходила, уходила... И так всякий раз.

Однажды, грешный, я даже подумал, что отец не очень-то хочет говорить про войну. А повзрослев, понял: так и есть, он говорить не хотел.

Она была страшной. А главное, позади...

21

И снова в те дни послышался стук в нашу дверь. Его даже не услышали взрослые — они о чём-то громко и радостно говорили. Я открыл дверь, за порогом оказалась Настя.

Она была в чёрном платке и вообще походила на старуху с горбатым носом, выступающим на похудевшем лице.

Не входя в дом, она сказала:

— Мама умерла, завтра утром похороны! — И добавила: — Прощание в цирке!

Отец поглядел на девочку, скользнул по нашим лицам, понял, что речь о неизвестном ему, и опустил голову.

Мама и бабушка молча встали. Всё наше веселье сразу смыло. А Настя сказала:

— Вы извините. У вас радость...

22

Да, к одним приходит радость, а к другим беда. И всё это сразу, почти в один день.

Как же странно устроена жизнь! Не останавливается, не даёт передышку для радости или беды — совсем как представление.

Утром мы с бабушкой отправились к цирку.

Маме надо идти на работу, отец отправился в военкомат, а мы пришли в цирк и вошли в широко распахнутые главные двери.

Эти двери, в которые, наверное, можно было бы завести слона, точно приглашали: давайте, дорогие зрители, входите сюда, где на манеже сегодня утром не представление для школьников. А простой гроб, на деревянном помосте, и там лежит человек, служивший вам своим искусством.

Леонида была, наверное, загримирована, лежала, пылая красотой, совсем молодая женщина, не боявшаяся риска.

Бабушка наломала огромный букет флоксов. Эти цветы некоторые люди зовут кладбищенскими за их какой-то печальный запах. Но я этот запах люблю, мне он кажется просто осенним, просто последним.

Попробуйте положить цветочек флокса или его небольшое соцветие в книгу, поставьте на полку, пусть пройдёт время, и зимой распахните эти

страницы: вокруг, за окном, будет снег или стужа, а в вашу комнату ворвётся печальный запах — не раннего лета, а поздней осени. И вот только тогда вы по-настоящему почувствуете, что природа перевернула страницу. Но позволяет вам вспомнить запах осени, запах прощанья.

Мы вошли в цирк, поднялись в пустые ряды, слушали речи. А перед тем бабушка велела мне положить в ноги Леночки-Леониды наши флоксы.

Я взял благоухающий букет, поставил ногу на барьер и шагнул на манеж. Ноги утонули в опилках, от которых пахло влагой и ещё чем-то неуловимо цирковым. Я сделал шаг, другой, вступил на ковёр и опустил цветы в гроб.

С одной стороны гроба, на табуретке сидела Люка, все остальные из семьи Антонио стояли и смотрели на меня. Я повернулся к ним, не зная, что сказать и как поступить. Но Антонио спас меня. Он сказал:

— Иди сюда, Коля!

И я сделал шаг к нему. И он обнял меня и прошептал:

— Спасибо, мальчик!

Я подошёл к Насте, Лизе, Джиде и Сигурду, к тётке Люке и дяде Ваве-Штинцу. И все они меня или похлопали по плечу, или пожали мне руку, хотя это я должен был бы пожать им руки.

23

А потом случилось самое потрясающее.

Я не знал, что так бывает. Что так, оказывается, должно быть. И, конечно, именно потому я горько, словно малыш, не переживший войны, заплакал. Громко, навзрыд.

В какой-то миг униформисты раздвинули за канаты стенки манежа, выходящие к главному входу. Антонио, Сигурд, Вава и ещё какие-то взрослые люди подняли гроб и понесли его к выходу.

Там, ещё не переступая циркового порога, они остановились, и весь народ обошёл их и выбрался на улицу.

Потом это и произошло.

Едва гроб показался за пределами цирка, раздались аплодисменты.

Я даже не понял сначала, что это значит! Почему люди хлопают! Надо, наверное, молчать, плакать и стоять смирно? А они плакали и аплодировали!

Плакали и хлопали!

И только тут я понял, что так провожают не всяких, а только артистов! Ведь аплодисменты — это способ восхищения их искусством! Признания таланта!

Признания всей жизни!

24

Вот и вся история про семью воздушных гимнастов под куполом цирка.

Фамилия Антонио исчезла с афиши перед нашим цирком. Наверное, уехали в другой город.

Жизнь пошла своим ходом. А я, хотя это может показаться неправильным и странным, разлюбил бывать в цирке.

Может быть, потому, что знал — за блеском, шутками клоунов и отвагой артистов скрывается очень много того, в чём мне никогда не разобраться.

Впрочем, скорей всего, это просто признание всего лишь обыкновенного зрителя, на минуточку, да и то в послевоенном детстве, заглянувшего за кулисы цирка.

И узнавшего, что цирковые — это не циркачи.

25

Минуточку! Минуточку! Занавес ещё не задёргивается, и я хочу дорассказать ещё об одной артистической судьбе. Из тех, с кем я познакомился.

Однажды в библиотеке я столкнулся нос к носу с парнем по имени Изя. Я сразу вспомнил, что его отец ведь работал в цирке администратором. Изя тоже узнал меня, мы пожали руки друг другу и топтались, не зная, как завязать разговор.

— Ты чего-то не появляешься в шапито, — сказал он со знанием дела.
— Да! — сказал я. И уклонился от правды. — Много разных забот!
— Артисты ведь всё время меняются, — поманил он, — и без конца новые номера!

Мне хотелось переменить тему, и я сказал просто так, уже прощаясь:

— Ну, передавай привет верблюду Яше.

— О! — воскликнул Изя. — Яша уехал в Москву! Теперь работает в Уголке Дурова. Поедешь в столицу, зайди к нему. Он присмирел и перестал плеваться!

Эта была приятная новость. Значит, Яша жив и здоров! И все разговоры, что его отправят на колбасу, просто дурацкие шутки.

И вот прошло немало лет. После девятого класса мы с мамой поехали в Москву. И как-то я отпросился у неё в Уголок Дурова. Ну, не отпросился, просто сказал — я хочу туда сходить, у меня там знакомый верблюд.

Она посмеялась, и я поехал.

Уголок Дурова состоял из клеток, в которых жили разные животные. Они дурачились, плакали, смеялись, словом, вели себя как люди, но я шёл мимо них, всё время спрашивая у служащих:

— Где верблюд Яша?

Никто не удивлялся, мне указывали дорогу. И вот я, наконец, пришёл к небольшому загону. Верблюд смотрел на меня совершенно равнодушно и не узнавал. Я вежливо, правда, шёпотом, поздоровался. Он никак не отреагировал. Тут я, конечно, ругнул себя. Да разве может он узнать меня. Я ведь и сам-то переменялся до неузнаваемости. Тогда мне было десять лет, только кончилась война, а сейчас я отсчитываю шестнадцатый год. Да и одет я был по-другому, и город другой. Я вздохнул, ещё раз взгляделся в верблюда, перечитал табличку, всё правильно: “Яша”. Постоял ещё минутку, прежде чем проститься, пристальнее взгляделся в физиономию когда-то капризного существа и вдруг понял, что я тоже не узнаю его. В его глазах, по-прежнему больших и выразительных, отсутствовало лукавство. Он, как и всегда, жевал жвачку, но люди, стоящие за решёткой, и я среди них, не интересовали его. У этого верблюда личная гордость превышала всё остальное.

Ну что мне оставалось? Я вздохнул и повернулся, чтобы идти. Но у меня за спиной оказалась женщина в рабочем халате. Похоже, она убирала клетки. Конечно, не та, не из шапито моего детства, а совсем другая, но её лицо тоже излучало ещё что-то, кроме усталости, может быть какую-то снисходительность ко всему. И я спросил её:

— Скажите, а этот верблюд Яша? — и придумал. — Ему сколько лет?

— По-моему, три, — ответила она.

Мои опасения оправдались. Ведь того Яшу я видел ровно пять лет назад. И я как мог, рассказал уборщице про Яшу, виденного мной после войны.

— Да-да! — ответила она, весело открывая истину. — У нас все верблюды — Яши!

26

Я возвращался на Зацепу, где мы ночевали, с лёгкой грустью.

Москва была пустыня, троллейбус полупуст. Теперь такой Москву ни когда не увидишь, даже ночью.

Я ехал в тишине и чуточку улыбался, вспоминая цирк-шапито в нашем городе, артистов, с которыми лишь чуточку познакомился, и своенравного верблюда из моего детства.

Ничего этого уже не было, по крайней мере, в моей нынешней жизни, всё моё не такое-то и далёкое прошлое, оказывается, незаметно отодвинулось от меня...

27

Я, может быть, впервые подумал о времени, которое, оказывается, коснулось и меня.

И чуточку повзрослел в это мгновение.

Июль 2013 года.

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ

НИ ВРЕМЕНИ, НИ СМЕРТИ НЕТ

* * *

Золотой зверобой
и горячее поле душицы,
И обвивший смородину
сказочный алый цветок.
И родник под скалой —
тот, который доньше мне снится,
И сиреневый полог тумана
вдали от дорог.

Я мальчишкою знал:
ты должна здесь вот-вот появиться,
Вся из солнца и трав,
из ручьёв, от рассвета хмельных.
Побелели виски.
Замолчали в отчаянье птицы.
Я оставил тебя,
как венок из цветов полевых.

Я готов был припасть
к первой встречной зелёной травинке,

СКВОРЦОВ Константин Васильевич родился в 1939 году в Туле. Отрочество и молодость поэта прошли на Урале. Первые книги стихотворений “На четырёх ветрах” (1966 г.), “Стихи. Поэмы” (1970 г.), “Ущелье крылатых коней” (1975 г.) вышли в Челябинске. В разные годы на сценах театров России были поставлены 20 его стихотворных пьес. Живёт в Москве.

Потому что в тумане
 всё время мерещилось мне:
Может быть, это ты
 в серебристой, как сон, паутинке,
Той, что ветер принёс,
 словно птица на сизом крыле.

И уехал я в город,
 оставив и горы, и поле...
И в ущелье домов,
 где не встретишь живого огня,
Ты по улице шла
 в золотых светляках зверобоя.
Я узнал тебя сразу.
 Но как ты узнала меня?

* * *

В эти дни в незнакомой Отчизне,
Где сместились закат и рассвет,
Мы прожили с тобой столько жизнью,
Что хватило б на тысячу лет.

Ну, подумаешь: лошади в поле
Или птица, летящая ввысь.
Всё, что было знакомым до боли,
Обрело нераспознанный смысл.

Так на свет появляется гений,
Вещим словом становится бред.
Ради этих счастливых мгновений
Мы с тобой и явились на свет!

Кто-то скажет, что буря в стакане
Наши чувства, но ты их прости.
Мы с тобою примерными станем.
Боже, только б с ума не сойти!

* * *

Осенний лес и неба синева.
Огонь осин и вспышки дикой вишни.
С деревьев тихо падает листва,
В глухом лесу она казалась лишней.

И солнца золотые кружева
Разлиты по земле, как Божья милость...
И где-то хохотнула вдруг сова
Средь бела дня... Что это с ней случилось?

Зачем она, природе вопреки,
Вперяет глаз прозорливый и меткий
Туда, где расписные лоскутки
С девичьим страхом покидают ветки.

И между нами, как меж двух страниц,
Лишь этот удивительный гербарий.
И пахло от дерев, лежащих ниц,
Сухой травой и свежими грибами.

Любимая! Вот жизни краткий миг...
И, к нам не проявляя интереса,
Прошёл с корзиной полною грибник —
Ему мы показались частью леса!

С корзиной полною — вот счастья знак.
Какого мы ещё искали знака?
И никогда я не смеялся так...
И никогда, друг мой, я так не плакал!

МИРОНЕЖЬЕ

Сегодня очень рано рассвело,
И всплыло в море памяти безбрежной
Затерянное русское село —
Овеянное сказкой Миронежье.

Глядится в лес с кривою крышей дом,
Застыли совы, словно изваянья,
Но сердце наполняется теплом
От одного старинного названья.

Что нас с тобою так туда влечёт,
Где пахнет только елью и Онегой?
Да здесь река молочная течёт,
И белые грибы растут под снегом!

Здесь мы смолили старенький баркас,
Морошки съели не одно лукошко.
С тобою мы бездомны, но у нас
Есть в Миронежье добрая сторожка.

И если я скажу тебе не то
Иль ты меня окатишь фразой снежной,
Мы убегаем в наше Миронежье
И ставим самовар на круглый стол.

* * *

Сосна горела, как свеча,
Закатным пламенем играя.
Я пил из горного ручья,
Бегущего к воротам Рая.

И я задумался: “Неужто
Предела Вышнего достиг?”
Но, словно ходики, кукушка
Не умолкала ни на миг.

Гора, готовая зардеться,
Укрылась тенью до зари.
Кукушке в лад стучало сердце,
Не нарушая общий ритм.

За Аваляк свалилось солнце
В метель черёмух и снегов.
Чья песня раньше оборвётся —
Кукушки ль, сердца ль моего?

В болоте чахнет мелколесье,
Но ели набирают цвет.
И в этом вечном равновесье
Ни времени, ни смерти нет!

* * *

Теперь не надо запрягать коней.
До петухов поднявшись спозаранку,
Я мчался к речке юности моей,
Держа в руках не вожжи, а баранку.

Была дорога мягкою, как холст, —
Моих колёсных прадедов наследство...
Я так хотел увидеть старый мост
И окунуться в речку, словно в детство.

Острожный столб, что вбили земляки,
Мне сообщал табличкою неброской:
“Река Весна”. Но не было реки.
Цвела осока жёлтою полоской.

Вдоль дома, что дымился в стороне,
Прошла старушка, тихо, как преданье.
Перекрестясь, она сказала мне:
— Деревни нет, осталось лишь названиее.

Я прочитал на сломанном кресте,
Блуждая на заброшенном погосте,
Что на земле мы временные гости,
Как изморозь на фиговом листе.

И не узнав родимой стороны,
Я атлас взял, сработанный навечно.
Название есть, но нет моей страны,
Где дом стоял и щебетала речка.

Дорогой друг! Поздравляем тебя с большим юбилеем! Желаем, чтобы твои стихи по-прежнему были милы сердцу наших читателей, чтобы вдохновенье всегда осеняло тебя, чтобы удача сопутствовала тебе на охоте и на рыбалке и, конечно, в поэзии.

Твои друзья из журнала “Наш современник”

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

БАБЬИ КАМНИ

РАССКАЗ

В октябре просветы и радости так редки, что с нетерпением ждёшь-не дождёшься Покрова — главного осеннего праздника.

По той поре у запасливого мужичка на дворе и кудахчет, и похрюкивает, и мычит, и ржёт. Амбары доверху набиты сеном, за огородом — не один стожок соломы, в закромах — мучица нового помола, в достатке и пшенички, и ячменя. Почему ж не поприбавить? Самое времечко.

Полевые работы с дождями схлынули, а по первопутку можно и сани опробовать, в гости к сватьям-кумовьям прокатиться. А коли те опередят, подсуеются, пораньше запрягут да нагрянут ни свет ни заря, так крепкого хозяина врасплох не застанут. Пока разгорячённых лошадок оботрут, к коновязи пристроят, овсеца зададут, пока мужички степенно перекурят, пока хозяин похвастается перед гостем племенным гусаком, а то и сторгуются тут же обменять, пока гость прикинет вес “заводской” крольчихи, подивится её крупнющему выводку, хозяйка, благо не надо наскоро рядиться (сами ж в гости собирались!), метнётся по хате и в считанные минуты накроет такой стол, что станет ясно: гости заживутся с неделю, не менее. А для кого же такие запасы заготовлены, как не для родных-близких!

В чулане как раз сальцо морозцем прихватило, а в погребе такие разносолы, что зиму зимовать — в ус не дуть. В закромах, на полках, да прямо на земляном полу — кадки, кадушки, кадушечки, бочки, бочонки, бочоноч-

ГРИБАНОВА Татьяна Ивановна родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка в сельской школе и в Орле. Автор двух поэтических книг “Апрель” и “Прощённый день”. Член Союза писателей России. Живёт в Орле.

ки, вёдра и кастрюли, кубаны и банки. А в них! Капустка квашеная, огурчики-помидорчики солёные, антоновка мочёная, маслята-рыжички с вишневым и смородиновым листом, с укропчиком и хренком. Выбирай на любой вкус! Хоть каждый день праздники устраивай. Не соленья, а вкуснотища!

А чтобы сохранить всю эту замочку-засолку, у проворной хозяйки с лета на завалинке не один десяток валунок просушивается, своего часу дожидается. Ведь для сохранности урожая, чтобы соленья хрусткими да вкусными оставались до поздней весны, а то и до новины, в бочки-кадушки гнёт укладывают.

Ни одна бабонька деревенская не упустит удобный гладышек. Да чтоб потяжелее, повесомее. Да чтоб из песчаника или кремния. Ни в коем разе не известняк, поскольку он для “кухарских” дел не годится: рассол закишей капусты или огурцов — и глазом моргнуть не успеешь! — разьест непригодный камушек, в прах рассыплет.

Величали этот “бриллиант”, а он и впрямь в хозяйстве драгоценен, в разных местностях по-разному: и гладок, и гнеток, и увальень, и тяжёдава, а то и просто — давок. Названия эти от работёнки его (такой простой, но такой необходимой на крестьянском подворье) — давить, придавливать, прижимать, утаптывать, жать да теснить. Коли камушек ладный, так и огурчики в рассоле пребывают, не пустеют, не всплывают. И рыжички в самый аккурат, и капустка так под ним сомлела, что сок её и не сок вовсе, а какой-то божественный напиток: и бодрит, и силушки придаёт. А силы мужичку ой как надо за зиму поднакопить, к работам весенним полевым поднабраться.

Где бы мужичок такой камушек ни заприметил: на берегу речушки ли, на лугу ли, в перелеске, валунок тот на телегу вскинет да жене в подарок и преподнесет. Хоть и зовутся увальни “бабыми камнями”, но собирают их испокон веку только мужчины. То ли потому, что тяжеловаты, то ли оттого, что не простые они. С какого места подобрал, оттуда же и энергетику на свой двор принёс. А с этим не шути. Бабоньки побаиваются что ни попадя в дом нести, а потом ответ перед мужем держать. Пусть уж сам хозяин рискнёт. Камень через некоторое время, как пить дать, себя покажет. Потому исстари к выбору его народ подходит серьёзно.

Упаси Господи поднять гнеток у просёлка! Ещё запретнее собирать “бабы” камни на росстанях, где пересечённые дороги образуют крест. Знамо дело, самое колдовское место — росстани. Всякая уважающая себя ворожея шмыгает под ночным покровом на это злосчастное место. Сколько её змеиного сглаза да шёпота легло на камушки, что к несчастью своему закатились на перекрёсток полевых дорог? Сколько бед и хвороб легло на их седые, порою даже замшелые, обветренные головушки? Приподарит непосвящённый в тайну “бабьего” камня жёнушке такой валунок, ан глядь — в подвале потоп. Обручи на кадушке от тяжести неведомых ни хозяйке, ни её мужу, впитанных в голышок чужих грехов лопнули, бока-днища рассыпались, рассол ушёл. Огурцы пустили такой дух — хоть вон беги. Капустка прогоркла. А грибы — плесень-плесенью. Все труды хозяйские — поросят в кормушку, а то и вовсе в навоз.

Предусмотрительная бабонька, как подъедятся разносолы, кадушки — прямиком на реку. Промоет, утопит в омутке на всё лето. А валунки сполоснёт да отдыхать пристроит. И камушки до поры засыпают. Вылежатся они к осени, дождями выполощутся, солнышком прожарятся. Принохаешься: вольным духом пахнут да свежей проточной водицей. Ошпарит их хозяйка кипяточком — разбудит. И хоть сразу в кадку.

Другое дело — увальень-находка. Хозяин несёт его, не давая в руки жене, в баню. Прокаливает, пропаривает, смывает всевозможные колдовские чары. А перед этим, не переступая порога, снаружи бани, “вычитывает” над камнем:

“Снимаю с тебя, царь-камень-каменище, дремоту лесную, тяготу земную! Не режь ребром, служи добром! Станешь давить — не раздави, из рук скользнёшь — белых ног не трожь. А сунется ворище, не сдвинет каменище! Аминь”.

После пропарки хозяйка поджидает остывший и обсохший камень с холстинкой. Входит в горницу, чтобы каменюгу “умаслить”. Конопляным или

подсолнечным маслом на него поливает, со всех сторон натирает. Ещё наши предки считали, что валунок может хранить память долгие годы (быть злопамятным или добропамятным), и потому перед тем, как доверить ему ответственную работу — хранение продуктов на зиму для всего семейства, — новый камень “умасливали”, завоёвывали его расположение.

Коли приснится хозяйке, что она гнёт-валунок в кадуюшку укладывает, возрадуется сердешная (как душечка-то не ёкнет?): клад, по весу с приснившийся камень, в самом недалёком будущем същется.

Это теперь банки-склянки, а раньше (веками!) соленья-квашенья хранились в бочонках да под гнетком. Камушек каждый раз подбирали на глазок. Вес его зависел и от величины кадки, и от того, какой продукт в неё укладывался.

К примеру, для огурчиков сойдёт средней тяжести грузец, а помидор — овощ нежный, и обращения к себе такого же требует, потому и валунчик в помидорный бочонок отбирают самый наилегчайший. Грибы же да капуста — ребята простецкие, и камень аккурат по ним — поглубе да потяжелее приберегают.

Прежде чем гнёт уложить на дощатый дав-кружок, принято ошпаривать и камень, и круг крутым кипятком, споласкивать солёной водицей. Бабушка моя, дочка знаменитого на всю округу бондаря, суеться по осени в погребце у наполов-кадушек, каждый раз прищёптывала известную любой деревенской бабе присказку: “Не сеяно, не молочено, в воду обмочено, камушком пригнетено, к зиме приблюдено”. Прохлопочет, бывало она до темна в подвале, “уберёт напольчики в зиму”, перекрестит каждый не один раз, а как выберется на свет Божий, подопрёт дверь да напоследок и прочтёт: “Помидорчики-огурчики во соку, что красна девка на боку: лежат — не маются, спят — наслаждаются. Будет нечистому пусто, а нам зимой густо. Аминь”.

И по сю пору известна хозяйкам эта нехитрая присказка. Выслушает её камушек-валунок, закричит, поднатужится — холода-то ещё только подкапывают, работы невпроворот! — и станет ладно справлять своё дело: следить, чтобы грибочки-яблочки из рассола не выскакивали, чтобы круги чинчином поверх солений возлежали. Тогда и зиму перебедовать — что с горы камушек скатить.

ПОЛЕННИЦА

РАССКАЗ

Лет пять как в наши края провели газ. Мужики поднатужились, собрали денюжат, понимая неоспоримое удобство, и за одно лето деревня лишилась великой ценности — русской печи.

Кучи ломаного кирпича громоздятся на подворьях. От них тянет золой, топлёным молоком, томлёной гречкой. Иногда пройдёт мужик мимо, кинет взгляд на останки, что угревали его когда-то в холода лютые, угощали борщечком с разварочки — и защежит сердечко хозяйское, ан деваться-то уж некуда, дело сделано. Да и жена не нарадуется — ни копоти, ни сажки. Чистота и порядок.

На краю Коноплянок, у самой околицы, коротает восьмой десяток дед Прохор. Раньше, как при силе был, служил он в лесничестве. За лесом приглядывал, за зверьём, за птицей. Несговорный был! Отловит в неурочное время охотника — ни за какие коврижки не умолит. Ружьё отберёт, штраф наложит, и не пикни! Но всё по справедливости. За каждого чирка бился, за каждую корявую сосенку. Упрямый — не приведи Господь!

Как надумали трубу газовую вдоль деревни тянуть, тут Прохор снова зафордыбачился. Не могу, мол, с печкой расстаться, и всё тут. Рука, мол, изничтожить не подымается. Так и остался лесовик “не газифицированный” по сей день. Посмотришь на зорьке с крутояра на село: лишь над Прохоровой крышей дымки курятся.

Уж и болезный дед стал, а всё упирается соседа—шофёра сговорить дровишек подвезти. Сам да сам. На своём престарелом Воронке. Хозяйства он, кроме несушек, не держит: “На кой ляд, коли лес—батюшка сполна кормит”. Времени потому — хоть отбавляй. Заготовит загодя топлива и похрапывает на печи, косточки прожаривает.

Встанет летом до солнца, прихватит топорик и с Воронком айда в лес. Тут он — дома: каждую сухостойну помнит. Подвалит возок. Выедет на опушку, остановится передохнуть: “А куды гнать-то?” Распряжёт конягу по-пастьи: “Нехай травкой лесной поддержитесь”. А сам издаlech на деревню лобуется.

Выплывает солнышко, будто газовый шарик Алёнки, соседовой внучки, зависает над Лёхиной хатой, зажигает зелёное полмя в Савельевой роще. Избы только-только просыпаются. Изредка икнёт робкий кочеток, гамкнет, засышая, наблудившаяся за ночь псинка. Улочки тихие-тихие, чуть розоватые спросонья, покойные, отдохнувшие.

Конёк похрумкивает, клеверок в самую силу вошёл. Дед приваливается на сенную охапку, лежит-дожидается, когда калитка первая очнётся, когда у Маринкиной хаты бадья в колодце ахнет. Не хочется ему будить тележным скрипом додрёмывающую деревеньку.

Надышится старик родимым лесным духом, пощуняет пустозвонку-кукушку, что, заприметив его, без умолку битый час старается. Хлебнёт водички из алюминиевой кружки (года два назад повесил на разлапистый крушинник у родника). Напоит из картуза Воронка (избаловал когда-то, теперь и отучать ни к чему) и с Божьей помощью — до хаты.

В дальнем углу придворка у Прохора пристроены козлы. Жизнь, проведённая в лесу, наловчила деда обходиться без помощников. Перепилит он в одиночку на двуручке сваленный посередь двора сухостой, поколет на поленья. Для такого дела имеется в хозяйстве огромный дубовый пень. Помашет дед тупорылым колуном, а уж потом пустит в ход лёгонький топорик. Им заниматься — что в игрушки баловать.

Переносит лесник дровишки охапками под сарай да в поленицу сложит. Подворье у Прохора старое, ветхое, дождями промытое, серое да мшистое.

К вечеру умается дед, присядет на крылечные порожки, смотрит: а дровишки в сумерках желтеют, свет от них мягонький лучится. И почудится старику: поленица — не поленица вовсе, а распахнутая дверь в хату. Тепло и уютно станет старику на душе. Выйдет он нарочно за калитку, снова вернётся к своему бобыльскому двору, и кажется, будто кто-то его встречает — двери настезь.

С холодами натаскает Прохор дровишек в хату, просушит в печурке загодя, разведёт огонь. Заструятся в небо из трубы над его крышей белые дымы. Потянет печным теплом. И отгаёт одинокая стариковская душенька. Не может он объяснить ни себе, ни людям, почему так дорог ему берёзовый дух, отблески пылающих поленьев на стенах его полужилой хаты. Только знает Прохор навяряка, что без леса, без поленьев этих смолистых, без ласкового мерцания малиновых угольёв, без предрассветных поездов на уставшей от жизни, как и он сам, коняге за сушняком, без опушки, с которой деревня — как на ладони, — и жизнь ему не жизнь.

Подсядет дед к огню, протянет заскорузные ладони, обогреет. Щёлкнет-треснет уголёк, а Прохору будто выстрел в глуши лесной почудится. Прислушается: лист в осиннике шелестит, дятел в соснячке дробью сыплет.

Бушует январская вьюжина, вертушок в сенцах срывает, лютым зверем-ветрищем воротинами лязгает, а в каморке Прохора-лесника самовар на можжевеловых веточках гулит. Мёдом диким да черёмуховыми почками пахнет.

Светлые воспоминания да возок-другой дровишек поддерживают тепло в одинокой Прохоровой хате и в незачерствевшей старческой душе. А недавно объявилась неожиданная радость на его пороге: зачастили односельчане к нему на огонёк. То от радикулита на печи его спасаются, то холодец, оказывается, не такой духовитый на плите газовой стряпается, а то напроятся просто так, посидеть за чайком, подбросить в печку своими руками парочку полешек.

Видать, и впрямь светится в ночи его поленица, словно распахнутая дверь. А Прохор и рад теплом поделиться.

ЗА ЧАС ДО РАССВЕТА

РАССКАЗ

Исход марта. Вчерашний тёплый дождь подхлестнул усталые стада зачуханных снегов. И они, наблудившись по оврагам да балкам, суетясь и толкаясь, рванули резвыми ручьями в пойму реки Кромы, чтобы там бесследно затеряться среди таких же, как они, чумазых и грязных...

Павлуше скучно одному на хуторе. Мать с утра до вечера по хозяйству, а отец и соседский Лукич пропадают второй день в Савином урочище — готовятся к тетеревиному току. Лукич — заядлый охотник. Несколько лет назад сманил отца с собою. Известно, кто побывал хоть раз на тетеревиной охоте, заболевает ею навсегда. И вот теперь из разговоров, а порою и жарких споров отца и Лукича Павлуша знает всё об этих замечательных птицах.

Иногда отцу удаётся подстрелить парочку тетеревов, и бабуля готовит такое жаркое! Небольшие ломтики мяса по какому-то волшебному рецепту запекает она в гоголе-моголе и щедро сдабривает подмороженной калиной.

В конце марта — начале апреля на вырубке, на лесные поляны слетаются тетерева потоковать. Самое время помериться силой, похвастаться опереньем перед самочками.

Таких токовиц в наших краях несколько. Дед Лукич рассказывает, кроме Савина леса, встречал он тетеревов и в сенокосах у Большого лога, и в Копытцах, где они облюбовали небольшое местечко в зарослях лещинника.

Сколько Павлик ни кланчил, сколько ни умолял взять его взглянуть на диковинные тетеревиные танцы, охотники не соглашались. “На следующий год обязательно”, — отнекивались каждый раз.

По всему видно, схрон готов. Ещё с вечера отец переговорил с Лукичом, почистил ружьё, просмотрел патронташ, собрал тормосок.

Павлик решил во что бы то ни стало увязаться за охотниками. Из дому они выйдут до свету, и чтобы не прозевать, парнишка улётится на ночь в горнице. Он уже знал, что тетерева начинают токовать в полнейшей темноте, за час до рассвета.

Не успел отец подняться с постели, Павлик в полной амуниции уже сидел на кухне, дождался. Деваться некуда! Сколько раз отговаривались.

— А ты куда это, пострел, наострился? — подивился Павликовой прыти появившийся на пороге Лукич.

— На токовище, за тетеревами, — ничуть не смущаясь, выпалил Павлик.

— Ну, что ж... За тетеревами, так за тетеревами... Только не распужай ненароком, — крикнул недовольный Лукич и с надеждой посмотрел на отца.

У Павлика замерло сердце... Сейчас отец передумает и отправит досыпать!

Но тот будто не заметил ворчания старика, перекинул тормосок через плечо и вышел на крыльцо.

Павлуша с облегчением вздохнул, нахлобучил предусмотрительно, чтоб уж не возвращаться в дом, кроличий трюх на голову и шмыгнул за дверь. “Колька с Ромкой дрыхнут и ни о чём не догадываются! Обзавидуются пацаны!” — радостно промелькнуло в голове.

Зрелая мартовская ночь дышала лёгким морозцем. Двинулись гуськом: впереди Лукич, следом — Павлуша, а отец, чуть поотстав, замыкающим.

Из перелесков тянуло перепрелой прошлогодней листвой, из оврагов — талой водой и размокшей глиной, с обочин — польнью, а с дороги, от расхристанных там и тут охапок силоса — прогорклостью и прокисшими щами.

Шли молча. В этот час малейший шёпот слышно за версту. Павлик поотстал и зашушукался с отцом, но Лукич цыкнул на них, и мальчишка до самого леса уже не смел открыть рта.

Луна белая-пребелая, словно застывший круг топлёного смальца, выкапталась было над Глиняной дорогой, но то ли от пара, поднимающегося из Марьиной ложины, то ли от дыхания споро движущихся людей начала заметно таять. А когда остановились передохнуть у росстаней, от неё почти и след простыл. Истончилась. Не луна, а чуть приметная дымка.

Справа из полумрака вышел кособокий омет. Запахло мокрой мякиной и мышами. “Уху!” — послышалось над головами охотников, и, сверкнув хищными зелёными звёздочками, тяжело взмахнула сова. “Уху!” — послышалось уже со стороны сосняка.

— Мышкует плутовка, — шепнул отец мальчишке на ухо.

Лукич подал знак, и, притаив дыхание, охотники вошли в Савин лог. Павлик старался ступать так, чтобы не хрустнула веточка, не щёлкнул камушек. Первый раз на тетеревиной охоте! Не мог же он подвести отца. Кажется, у мальчишки даже сердце остановилось. И забилося опять лишь после того, как услышал: “Всё. Пришли”.

Павлик огляделся. Шалаш так ловко запрятан, что никакая птица его не распознает. Берёзовый хмызник переплетал вбитые в талую землю колья. Шалашик притулился под густой развесистой сосной. Мохнатые лапы её служили надёжной крышей. Постарайся — ничего не разглядишь. А уж тетеревам додуматься ума точно не хватит. Да и не до того им. В этой поре они полуглухие, полуслепые, настолько токованием увлечены.

— Главное, чтобы понизу схрон неприметным был. Высоко-то они сейчас не заглядывают, всё по земле вытанцовывают, — пояснил Павлику отец.

Лукич дело своё знает. Всё предусмотрел. Шалаш как раз в самом центре токовища сладил. И обзор из замаскированных лапником бойничек-окошек — что надо! Даже ольховые пенёчки-сиденья имеются. Павлик устроился на одном таком круглячке и замер.

Кажется, чуть посветлело. А может, просто глаза пообвыклись. Утро в лесу наступает после того, как слетятся старые петухи-тетерева на токовище. И для почину оттокуют около часа, заманивая на свои весенние турниры молодняк, а вместе с ним и рассвет.

Боясь пропустить появление петухов, Павлик изо всех сил вглядывался в березняк.

Старый тетеревятник Лукич ходил в байкальской тайге на глухарей, на Сахалине брал рябчика. По молодости бывал в Приполярье. Там водится ещё одна родственница нашего тетерева — белая куропатка. Каких только охотничьих баск-небылиц о тетеревиных не знает старик!

“Птица эта не простая, — говорит он, — для царской охоты. В старые времена государи наши выезжали в марте-апреле полюбоваться токовыми тетеревами. Блюда из дичи у них завсегда не сходили со стола, а уж тетерева были украшением любого пира”.

Все тетеревиные неприхотливы, питаются, чем Бог послал. Зимой из-под снега какой корм добудешь? Перебивается птица в холода с веточек на почки, с почек на хвою. Иногда, правда, посчастливится полакомиться в орешнике серёжками.

Летом, конечно, попривольнее: и травка, и цветочки. А коли комарик-паучок под клюв попадётся, так и он согдится.

Осень — самая сытная пора. И ягодка любая, и грибы — клюй, не хочу. Отъедаются тетерева, запасаются впрок.

Вспомнилось Павлику, как ходили они с отцом на лыжах под Новый год за ёлкой. На поляне в Ярочкином логу прямо из-под ног у него тетеревок выпорхнул. Подивился Павлик, узнав, какое необычное зимовье устраивают эти птицы. Выкапывают в снегу лапами и клювом камерку-жилище размером

чуть побольше себя, чтобы места хватило оперенье распушить, “утреться”.

Проехались они с отцом по березнячку и обнаружили несколько дырочек в снегу.

— Это трубы тетеревиных хаток, — пояснил отец. — Спит тетеревок и в ус не дует. Под снегом тепло, минус два, не больше. Проголодается, выпорхнет, пообклюёт почки-веточки и опять — нырь домой, в сугроб.

Только представил Павлик, как он в школе об охоте друзьям расскажет, слышит: “Фр-р-р, фр-р-р, фр-р-р!” — опускаются на полянку три петуха. Оперенья не разглядеть, слышно лишь, как шипят друг на друга, “чуфыркают”. Подпрыгивают, подлётывают и поют-бормочут, словно вода в котле булькает-кипит.

А как забрезжило, рассмотрел их Павлуша: чуть поменьше деревенских, аккурат с курочку-несушку. Сами иссиня-чёрные, а хвостики — в белых кружевах. И на крылышках — манжеттики белые. Головку алая шапочка-гребешок украшает.

Прошло около часа, заметно посветлело, и на поляне можно было рассмотреть до двух десятков птиц. Явились и молодые самцы. Заслышали призывное бормотание старых петухов и слетелись на турнир. Да и перед тетёрками не грех покрасоваться. Буровато-рыжие, невзрачные, в чёрненьких веснушках самочки заинтересовались песнями петухов и не заставили себя ждать.

Восхитительно зрелище! Около десяти самцов, напирая друг на друга, квохчут, чуххх-ххыкают, булькают, бормочут. Вот два ближних петушка разодрались в пух и прах. Развёрнутые веером хвосты подняли вверх. Вытянув шеи навстречу друг другу, бойцы раскрыли крылья и опустили их вниз будто для того, чтобы размахнуться и с ещё большей силой броситься в атаку. Тот, что покрупнее, оттеснил соперника на край поляны, и несчастный петушок, чуфыркавая и всхлипывая, закондылял подальше от обидчика.

Победитель, горделиво вышагивая, направился к курочкам. А те, не подозревая о присутствии людей, разгуливали под носом у охотников. Петух шёл прямо на шалаш.

Павлик мог отчётливо видеть, как тетерев пританцовывал на месте, делал какие-то замысловатые коленца, нежно булькал навстречу самочкам, опять танцевал то подбирая, то распуская опущенные крылья. При этом хвост его выдерживал вертикальную стойку. Цветочек на склонённой голове то становился пуццово-красным, то бледнел, распускаясь на два лепестка. Иногда ухажер задирает головку и издавал такие отчаянные звуки, что его, наверно, было слышно на краю леса.

Петушок подобрался так близко, что на лапках и пальчиках было видно густое оперенье, как говорил дед Лукич, “лыжи”. Это благодаря им тетеревок не проваливается в рыхлом снегу, не промерзает в морозы. Сидит на них, словно на тёплой подстилочке. Из ноздрей тетеревка торчали мелкие щёточки. “Чтобы снег не набивался, когда бултыхнётся в сугроб”, — вспомнил Павлик. Он мог любоваться этими чудесными птицами бесконечно.

Совсем рассвело. Важный петух вытанцовывал для самочек, распевая их любимые песни. Чуть поодаль несколько других тетеревов подтягивали ему в лад и кружили вокруг курочек.

Лукич молча указал отцу на ближнего петушка, а сам прицелился в того, что токовал у поваленной коряги.

Павлика обожгло. Он должен что-то сделать! Сейчас эти великолепные птицы умолкнут навсегда, и эта поляна никогда уже не услышит их волшебного токования. Павлик вскочил и ломанулся вперёд, сминая хмызник. Закричал, захлопал в ладоши, стараясь произвести как можно больше шума.

Птицы шарахались от шалаша, вспархивали одна за другой и исчезали в рассветном лесу. Павлик носился по поляне и орал что есть мочи. Сейчас он не думал ни об отце, ни о Лукиче, только о том, чтобы тетерева поскорее улетели с токовища.

Отец выскочил из укрытия и кинулся к мальчику. По щекам Павлика катились слёзы. Он прижался к отцу, и тот сквозь всхлипывания смог разобрать: “Никогда не стану охотником... Пусть живут!”

ВИКТОР МАКУКИН

А РОДИНА БЫЛА ОДНА...

* * *

Весна!
Щавель, крапива, лебеда...
В росу обуты детские года...
К ушедшему прилипчиво живу
и хлеб,
как дар Всевышнего,
жую.
Была бы соль,
Ещё — водица к хлебу.
Мне ни к чему занудное нытьё.
Стоит на страже
прошлое моё.
Что есть — то есть,
и лишнего не требуй!
Храню в душе счастливые года,
слова “щавель”, “крапива”, “лебеда” ...

МАКУКИН Виктор Павлович родился на Брянщине. С шести лет — воспитанник Суземского детского дома. После десятилетки уехал на Урал, где учился в металлургическом профтехучилище, а затем трудился в цехах Северского металлургического завода. Служил в армии радиотелеграфистом. Окончил литературный институт имени Горького, работал в газетах Свердловской, Оренбургской и Брянской областей, в Казахстане и на Украине. Член Союза писателей России. Опубликовал четыре книги стихотворений.

* * *

Меня жалели:

— Сиротинка!..

Вот вспомнил и — стыжусь:

— За что?

...Перелетело паутинкой
через Чуковского с Барто
всё, что корабликами плыло,
звало Снегурочкою в лес...

...Мне —

“буря мглою небо” крыла,
и... бомбы падали с небес.

Шептала бабка:

— Шлёт, постылый,

подарки к Рождеству, никак...

...Мне тех подарков не хватило.

На мамке кончились.

Вот так...

* * *

Приплывут, словно лодочки,
были,
не нарушив души окоём.
Вроде жили, а вроде — не жили,
если памятью только живём.

Если снова на тёплом вагоне,
затаившись, как сераямышь,
убегаю на юг от погони...
Только с крыши куда убежишь?!

Память детским волнением дышит,
я её усмирить не хочу.
И лечу у вагона на крыше,
меж землёю и небом лечу.

В край, где волны баюкают тело
и жратвы по базарам — река!
И детдом моё “Личное дело”
на меня ещё “лепит” пока...

* * *

Словно о крышку гроба,
глухо стучит антоновка
о шифер замшелой крыши
и скатывается к ногам
любимого Русью Спаса —
трудяги и жизнелюба.
И я кричу ему:

— Здравствуй!

Ты не был для нас медовым.
С оскоминой вечной был...

* * *

У русских сказок нет концов плохих.
Ты их не устаёшь читать,

как стих.

Читай, моя любимая, читай,
чтоб ночь твоя была, как Первомай
знамённый,

что далёко-далеко...

...Перечитать всё это — нелегко.

ПИСЬМО

“Ты меня

к Октябрьским не жди.

Думал вот приехать — куда!..

Залили дороги дожди.

А дороги наши — беда.

Словом, ты

к Октябрьским не жди:

если можешь, сам приезжай.

Залили округу дожди,

а буряк не выкопан, жаль...

Эту воду в ступе толочь

я не буду, сижу, как в дыре.

Нониче гремело всю ночь,

а уже октябрь на дворе...

Ну, пока...” —

Задумался вдруг,

вновь блокадный увидев ад...

Надписал:

“Санкт-Петербург...”

Перечеркнул:

“Ленинград...”

В КИНО

Такая осень на дворе!

Такая мерзкая погода...

Да, я родился в октябре,

но не 17-го года.

И потому я уцелел,

когда из всех углов строчили,

когда “Аврору” под прицел

самой истории тащили.

Движок на улице стучит.

А по экрану, с перекурором,

на нас всю лавиной мчит

гражданская война аллюром.

В последний бой спешащий люд,

который лют, красив и страшен...

И снова наши

наших бьют.

И, значит, хлопать будем нашим...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Выстрел!
И — улетела
душа...
В небеса? —
В кусты?
А ведь у этого тела
ходил в охранниках ты!

Падать беспечно в мире
За Сеньку, за Ромку, за...
Как падает то в сортире,
на что не глядят глаза...

* * *

Меня пытали:
— Откажись,
за что держался!
Я посмотрел на эту жизнь
и отказался.

Всё отдал:
дом свой и жену...
По-над рекою
ушёл.
Вздыхнув,
назад взглянул,
махнул рукою.

Всё взяли,
глазом не моргнув.
Я был бессилен.
Ну, ладно б — только дом, жену...
А что — с Россией?

Ушла из памяти жена.
Другую встретил...
А Родина была одна!
Одна на свете...

АНДРЕЙ РЕБРОВ

ПО ВОЛЕ НЕБЕСНОЙ...

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

*Архиепископу Константину
(Горянову)*

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах, сумняшеся ничтоже,
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаную вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,

РЕБРОВ Андрей Борисович родился 1 июля 1961 года в Ленинграде. Детство прошло в самом центре старого города: в Александровском саду, у Львиного мостика, близ Николо-Богоявленского собора. Работал в Публичной библиотеке, на почте и т. д. После возвращения из армии — в Экспериментальном вычислительном центре, машинистом-кочегаром в котельной, что, благодаря свободному времени, позволяло заниматься литературной учебой и работой. Гл. редактор журнала “Родная Ладога”, директор “Издательского дома “Родная Ладога”. Живет в С.-Петербурге.

Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятах танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.

Шел монах без усталости и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.

* * *

Никольский собор закружил куполами.
И чудится в каждом витке листопада,
Что осени русской кленовое пламя
Бушует в ветвях Гефсиманского сада.

Да будет по вере твоей! И не сетуй,
Да было ли то, и на самом ли деле
Мгновенье тому на промокших газетах
Библейские ангелы тихо сидели.

Есть в осени невольской такие мгновенья,
Когда этот город кружит в поднебесной,
И разных времен и пространств совмещенье
Вершится как будто по воле небесной.

* * *

Цвели целительные травы
Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава,
Дышал иссопом русский лес.

В душистой дымке золотистой
Ягненок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый,
Смолистый хворост к очагу,

Где, до поры тая дыханье,
Заветно тлел огонь костра,
И старец, будто в ожиданье,
Стоял у ветхого шатра...

И голубь реял крестоносно,
И шло служенье муравья...
Все было значимо и просто,
Как в вечной книге Бытия.

КСЕНИЯ БЛАЖЕННАЯ

Смолк гомон городской.
В ночи разносит ветер
Гуденье фонарей, горящих надо мной,
И я спешу во храм —
в звучащем этом свете —

На дальний ясный звон,
на тихий огонь свечной.

И, временной предел душой одолевая,
Я вижу в звонной дали вековой,
Как вдоль Смоленки

Ксения,
сияя,

Идет в юдольной мгле по мостовой.

Грядет,
сквозь годы,
в образе беднячком,
Всю Русь вместив
в ладонях — на груди.

И я спешу,
спешу,
но не угнаться —

За ней,
идушей тихо впереди.

ПРЕД МОГИЛОЙ ПУШКИНА

Просветлел небосвод на востоке,
Источилась луна над жнивьем.
У горы пред могилой высокой
Постою — между ночью и днем.

В этот час сокровенный, эфирный,
Схожий с тонкой реальностью сна,
В чутком сердце — по-ангельски мирно
Совмещаются времена.

И тогда сердцу слышится — где-то
В горной рощице стук посошка
И смиренная поступь поэта,
Чьи шаги сохранили века.

И парят над стернею осенней,
И зовут в ночедневной тиши
Светлокрылые строфы — к спасенью,
А не к грешной свободе души.

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ЖАРА

РАССКАЗ

Поначалу в то, что ещё одно лето будет без дождей, не верил никто. К июню народ занервничал. Жара навалилась тяжелее прошлогодней. На глазах высыхали окрестные озера, пруды и мелкие речки. Выгорели луга, и скотина осталась без корма. На некоторых полях зерно не взошло вовсе. И тут стало по-настоящему страшно...

1

Местный поп Василий сидел у себя в сараюшке за домом и плёл корзинки. Корзинки он научился плести, памятуя, что дело сие апостольское. Оно, и правда, во всех отношениях оказалось полезно: во-первых, занимало самого отца Василия, отвлечённая от мирских забот мысль его могла часами бродить в совершенно иных мирах и сферах, предаваясь рассуждению и любознательности; во-вторых, супружница отца Василия приспособилась продавать мужнины плетёнки на местном базаре, где их с удовольствием разбирали, особенно приезжие грибники. В этом году и лесная кладовая оскудела, так что плоды рукоделия отца Василия копились в углу той же сараюшки. И это слегка огорчало отца Василия. Деньги его не волновали, всё, что получала матушка от торговли, шло в специальный милостивый церковный ящичек. А так тут было хорошо: в погребе был ледник, и оттуда тянуло прохладой,

ГРОМОВ Александр Витальевич родился в 1967 г. в г. Подольске Московской обл. Служил в Афганистане, награжден медалью "За боевые заслуги". Окончил Литературный институт. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Самаре.

в доме же, несмотря на всю его статность и добротность, с утра уже становилось душно и тяжело.

Отец Василий собирался просидеть за рукоделием до обеда, однако не прошло и часа, как из дома позвала жена:

— Отец, а, отец, ты где?!.. Подь, ты к аппарату.

Ничего хорошего от телефонных звонков, особенно в понедельник, да ещё с утра, ждать не приходилось. Так оно всегда бывает: начальство в понедельник выйдет на работу, посоветуется, решит чего-нибудь про себя и давай искать, кому эти решения претворять в жизнь. Дети звонят вечером. Требы — со вторника. Да и голос у жены официальный какой-то.

Выйдя из сараюшки, отец Василий зажмурился — так обдало жаром. Разлепив глаза, потряс головой, потихоньку втянул раскалённый воздух. “Ужас какой, осерчал Господь на мир-то”, — подумал он о мире как о чём-то отстранённом, словно о картинке в телевизоре, и побрёл к дому.

— Кто там? — спросил отец Василий, взойдя в дом.

— Молодая какая-то, — почти шёпотом доложила супруга.

Отец Василий снова вздохнул. Жил он себе мирно и тихо, доживая в небольшом домике у кладбищенской церкви, и в мирские дела старался не впутываться. Одно время он чайл передать церковь детям. Но подававший большие богословские надежды сын неожиданно ударился в мирскую науку, перебрался в Москву и теперь работал в важном научном центре; дочка же, отправившись на регентские курсы в область (она и правда замечательно пела), вместо того чтобы выйти за священника, оказалась замужем за директором строительной фирмы. С тех пор, кстати, как дочь вышла замуж, отец Василий и принялся за корзинки.

Он поднял трубку и голосом недовольного человека, оторванного от важных дел, произнёс:

— Аллё?

— Василий Георгиевич? — пропел в трубке приятный голос.

— Ну, я, — откликнулся отец Василий.

— Вас приглашает к себе глава администрации Семён Алексеич.

— Когда?

— Желательно прямо сейчас, — мило произнёс приятный голос, при этом слово “желательно” быстро растаяло, как сладкая вата, а “прямо сейчас” застряло колом. И, словно закрепляя этот кол, трубка спросила: — Прислать за вами машину?

— Нет-нет, — ещё больше испугался отец Василий, — я уж сам подойду, соберусь сейчас и подойду, — хотя страшно не хотелось никуда идти, тем более в администрацию.

— Хорошо, Семён Алексеич вас ждёт.

2

Не то чтобы отец Василий не любил властей, но и добра особого от них не ждал. Поэтому старался держаться подальше, рассуждая: “У них свой мир, у нас — свой”.

— Господи, как на судилище иду, — проворчал отец Василий и глянул на жену. — Ну, чего, давай собираться, чать, Господь милостив.

Поданную праздничную рясу пришлось отвергнуть — она даже на вид была тяжела. “Спекусь я в ней”, — решил отец Василий и, подтянув повыше на тонкие икры носки, облачился во всё будничное, немножко потёртое, но лёгкое и привычное, и сразу почувствовал себя увереннее, словно собрался на службу.

А служил отец Василий исправно и с удовольствием. Вечернее богослужение растягивалось у него на три часа, а литургию подводил так, чтобы причащать непременно за полчаса до полудня. Хор, состоявший из старух, был под стать ему: протяжно растягивал слова, и порой старухи сами забывали, с чего начинали петь, и с хоров слышалось их бранчливое шипение. Особенно нравилось отцу Василию служить вечерни посреди недели, когда храм был почти пуст и ничто не отвлекало от молитвы.

Ему нравилось представлять, как он, оставив земное служение, сможет только молиться и готовиться к будущей жизни, пристроится возле какого-нибудь монастыря, а то и вовсе, даст Бог, уйдёт с матушкой в монахи. Эти мысли нравились ему более всего, ими он и утешался, идя сейчас по раскалённому селу. На подходе к новому из красного кирпича двухэтажному зданию администрации он изнемог окончательно, а когда потянул на себя тугую дверь, дверная ручка выскользнула из рук, и вход в администрацию захлопнулся. Священник от неожиданности замер: “Это — знак!”

На помощь поспешил охранник, он открыл дверь и замер с приглашающим жестом. Отец Василий всем существом ощутил тянувшийся из открытой двери холодок, сглотнул наполнившую рот слюну и шагнул внутрь.

3

В кабинете главы за столом сидели три удивительно похожих друг на друга, словно братья, круглолицых загорелых крепыша в одинаковых белых рубашках с короткими рукавами и суховатый седой мужчина, лицо которого отцу Василию вроде бы встречалось прежде. Сам глава Семён Алексеевич подскочил из-за стола и подкатился к отцу Василию. Был он черняв, невелик ростом и, конечно, обладал руководящим животиком, который, казалось, только подчёркивал его энергичность и стремление двигаться, катиться, куда надо, и решать возникающие проблемы.

— Проходите, Василий Георгиевич, проходите, мы вас давно ждём. Садитесь, — глава усадил священника за длинный стол напротив братьев и сам, выдвинув стул, демократично сел рядом. — Ну, не будем тянуть, — после секундной паузы начал он. — Мы тут посоветовались, — глава сделал жест в сторону братьев, — и решили, в смысле, подумали: а не организовать ли нам крестный ход?!

Он сказал это так бодро и даже весело, словно речь шла о дискотеке. Отец Василий и не сообразил сразу, что предлагает глава.

— Вы как на это смотрите, Василий Георгиевич?

— На что?

— Ну, на крестный ход, так ведь правильно это называется? — И он посмотрел на сидящую за столом группу поддержки.

— Простите, вы хотите организовать крестный ход?

— Ну да.

— А в честь чего?

Снова повисла пауза. Глава недовольно посмотрел на суховатого дядьку — видимо, с крестным ходом была его идея.

— Простите, — отец Василий понял, что ляпнул что-то не то, — я хотел спросить, в честь какого святого или праздника?

— Да какого праздника! — подскочил глава. — У нас поля горят. Всё скоро сгорит на... — тут глава осёкся, одёрнул себя, словно поправил одежду, и сел. — На корню всё сгорит. Вот мы и решили... подумали... — глава подбирал и никак не мог произнести слово, — ну, вы же понимаете, Василий Георгиевич, о чём я... Раньше, как в старину, ходили же люди на поля, просили там о дожде... об урожае... молились, — слово само выскочило из уст главы, и тот облегчённо вздохнул. — Вот!

— А-а, — улыбнулся отец Василий и снова ляпнул: — Допекло, значит. Глава обиделся.

— Что значит “допекло”? Мы тут днями-ночами не спим, люди с полей не уходят, делаем, что можем, а вы ещё и радуетесь?

— Нет-нет, что вы, это я неудачно выразился, — поспешил оправдаться священник. — Сам ничего с этой жарой не соображаю. Простите.

— А мы вот тут соображаем, — глава сделал упор на слове “мы” и ещё больше надавил:

— За всех, между прочим.

— Да-да, — отец Василий подумал, что лучше будет молчать, но все смотрели на него. — И как вы хотите пройти по селу?

— Да ну его на... — глава опять загнулся и прокашлялся. — На кой нам село. Нам на поля надо. Поля горят, а село — потерпит.

— Что ж, крестный ход — это хорошо, — произнёс отец Василий, подумал, не сказал ли опять чего лишнего, и, так как все продолжали смотреть на него, спросил:

— И когда вы планируете?

— Завтра! — выпалил глава.

— Э-э, как завтра? — отец Василий никак не был готов к таким темам. — Тут ведь подготовиться надо.

— А чего готовиться? — удивился глава. — Народ мы организуем. Встали утром — и пошли. Мы вот тут уже и маршрут прикинули: выйдем из села и пойдём на “Путь Ильича” — там у нас больше всего яровых пропадает, километров пять пройдем до первого отделения, там... — он опять загнулся, но выговорил:

— ...помолимся и вернёмся.

— А ещё можно после молебна со святой водой объехать основные поля и окропить, — добил сухощавый, и отец Василий вспомнил, что видел его несколько раз в церкви: он стоял у входных дверей и принимал на руки ребёнка, которого подносила ему после причастия молодая, такая же суховатая и твердоглазая женщина. По глазам-то и узнал.

— Нет, — сказал он, но не так твёрдо, как хотелось бы, — крестный ход — дело серьёзное, не всё так просто...

— А в чём проблема? — спросил глава.

Отец Василий задумался: а в чём, и правда, проблема?

— Надо найти людей, которые будут нести хоругви и икону Богородицы.

— Это мы спортсменов подключим, — мгновенно отреагировал глава.

— Надо ведь несколько смен, чтобы люди менялись.

— Ничего-ничего, их там целая команда, а то и две, не всё им мячик гонять, пусть послужат обществу.

— Надо ещё икону из киота достать, там у нас всё прочно вмонтировано...

— Это Петрович бригаду пришлёт. Что ещё?

— Вот! — едва ли не обрадованно воскликнул, вспомнив о главном, отец Василий. — Надо у владыки благословение взять.

— Это что, в область ехать, что ли?

— Да нет, — растерялся отец Василий, представив, как его прямо в стареньком подряснике отправляют к владыке, — можно и по телефону.

— Так позвоните.

— Прямо сейчас? — на лице отца Василия отразился неподдельный испуг, который несколько позабавил главу.

— Прямо сейчас.

— А у меня телефон дома, — нашёлся отец Василий.

— Так это не проблема. — Глава поднялся и подошёл к телефонам, нажал на кнопку селектора. — Наташа, узнай телефон владыки. Как — какого? При чём здесь губернатор... Эх, какой поп у нас главный? — и посмотрел на священника. “А ведь и правда, это всё равно, что меня бы заставили губернатору звонить”, — подумал он с опаской.

— Нет, — на этот раз отец Василий произнёс достаточно твёрдо, да и Семён Алексеевич, представив губернатора, поостыл и сказал в селектор:

— Не надо. — А отцу Василию: — Ну, так позвоните?

— А нельзя ли, — тот несколько приободрился, — потом свернуть с “Пути Ильича” и вернуться другой дорогой? Не подумайте, что я против этого геройского совхоза, просто крестный ход должен делать круг, как бы замыкаться, освящая место...

Глава посмотрел на братьев.

— Можно отсюда свернуть и уйти на Дмитровку, потом выйти на Высокое и там по шоссе — в село, — предложил один из них.

— Но это километров двадцать будет или даже поболее, — сказал другой. Третьему добавить, видимо, было нечего, и он кивнул.

— И хорошо, — неожиданно согласился отец Василий. — Крестный ход — это труд. Нам ведь потрудиться нужно, и те, кто крестным ходом идёт, не зря зовутся сотрудики, потому что вместе трудятся.

— Во как! — глава весело посмотрел на братьев. — Сотрудики вы мои. — И поставил во всём этом деле точку. — Значит, завтра.

Обратно отца Василия отвезли на машине.

4

Конечно, архиерею отец Василий звонить не стал, но благочинному доложить надо было, к тому же сидело где-то: а вдруг не благословит?

Благочиние возглавлял сравнительно молодой протоиерей Александр — деятельный и неспокойный человек, от чего случалось терпеть и отцу Василию. То зашлёт по благочинию группу артистов, а ладно бы только кормить и поить их, так ещё полный зал народу собирай. А уж суеты от этих артистов: то не так, это не эдак! Но, надо признать, и концерты получались чудесные, отец Василий, бывало, и всплакнёт, сидючи в первом ряду. И всё же всякий раз, когда появлялась машина из соседнего прихода, дабы забрать группу, он облегчённо вздыхал и незаметно быстро и радостно крестился. То благочинный придумал к Пасхе выставку детских рисунков и обязал приходы, а что у него здесь — художественная мастерская, что ли? Однако и тут обошлось, нанесли бабушки картинок, а одна девочка даже почётную грамоту получила. Сейчас благочинный организовал детский православный лагерь и полностью завяз там, говорят, что и в храме перестал появляться, всю службу на второго священника свалил. Но это ничего, к молитве, как считал отец Василий, расположение нужно, придёт ещё времечко. И он искреннее молился за благочинного.

Отец Александр, услышав про крестный ход, обрадовался, сказал, что сам подумывал, да вот никак не может вырваться из лагеря, и что надо обязательно организовать крестные ходы в каждом приходе. Словом, благословил.

5

Весть о том, что во вторник будет крестный ход, разнеслась по селу быстрее огня. Народ затеребил отца Василия. Он сначала ворчал, обзывал всех надоедами, но постепенно радость и надежда, которые чувствовалась в каждом звонке, в каждом вопросе приходящих людей, в каждом желании быть полезным, захватили и его.

Собравшийся народ доставал и раскладывал церковную утварь. Присланные администрацией мужики вынесли из алтаря большую икону Спасителя.

— А Казанскую, неужто и Её достанут? — заволновались старушки.

По преданию, метровую, в богатом серебряном окладе икону Казанской Божией Матери преподнёс при открытии храма тогдашний архиерей. Икона особо почиталась народом, а у областных краеведов числилась в особо важных каталогах. С тех пор как ремонтники поставили её в специальный иконостас и закрыли стеклом, икону открывали лишь по большим праздникам, а из иконостаса не доставали вовсе. Оказалось, что икона держится в нём на каких-то хитрых приспособлениях и просто вытянуть, как это пытались сделать присланные администрацией мужики, причём со всё нарастающим упорством, её так просто не удаётся.

— Стойте! — остановил отец Василий ретивых помощников. — Так нельзя. Вы бы ещё с молотком на Божию Матерь пошли.

Мужики переглянулись. Один спросил:

— А где молоток?

Отец Василий вздохнул.

— Идите сюда, — и вокруг него неожиданно собралось человек тридцать. — Давайте помолимся, — сказал отец Василий. — Принесите-ка подставочку, — и сам сходил в алтарь за акафистником. Вернувшись, торжественно пропел: — Благословен Бог наш, всегда ныне и присно и во веки ве-

ков! Аминь. — Потом оглянулся на прихожан и взмахнул рукой: — Царю Небесный...

Прихожане подхватили, и эта дружность так умилила отца Василия, что он почувствовал подступивший к горлу комок и следующие молитвы читал тонким, почти юношеским ломающимся голосом. По ходу акафиста голос его креп, и в какой-то момент он заметил, что почти не заглядывает в книгу, а слова идут сами, некоторые из них он повторял, другие усиливал голосом, особенно трепетно вышло, когда акафист подходил к концу. За спиной слышались всхлипывания.

— Со умилением сердец коленопреклоненно Пресвятой Богородице помолимся, — отец Василий упал на колени и за ним прошелестело, слово шум крыльев.

После молитвы, поднявшись с колен, он подошёл к иконостасу, припал к иконе, обнял её и вдруг руки сами нашли то ли крючок, то ли защёлку. Отец Василий надавил попавшуюся штуковину и почувствовал всю тяжесть сходящей на него иконы.

Больше всего, конечно, были поражены тягавшие до этого икону мужики. Старушки крестились и плакали. Все подходили и целовали Заступницу. К вечеру для Казанской сколотили особые носилки, а для Спасителя приготовили красивый рушник.

6

С утра на улице было благодатно и радостно. Тени были длинные, трава в них не выглядела такой пожухлой и жёлтой, обдувал лёгкий ветерок, а поднимающееся солнце не казалось злым. Отец Василий вышел к храму в семь часов, чтобы ещё раз проверить приготовленное накануне. Вчерашние заботы неожиданно принесли ощущение праздника. И это праздничное настроение несколько смущало батюшку: вроде как беда, собрались идти Бога молить о заступничестве и спасении, а тут — праздник.

Подойдя к храму, отец Василий изумился — там уже кучковался народ, рассеявшийся в теньке кладбищенского забора. Завидев батюшку, люди поднялись и потянулись под благословение.

— Вы чего в такую рань-то? — спросил, благословляя, отец Василий.

— Так мы самые дальние в округе, а дальние быстрее всех доходят.

Через полчаса изумление отца Василия выросло ещё больше — столько народу и на Пасху не собиралось. Ровно без пятнадцати пришёл отряд из спортивной школы, которому предстояло посменно нести носилки с Богородицей и хоругви. Без пяти приехало руководство района. Машины пришлось оставлять в стороне и, пока шли к храму, почти сливались с народом, если бы, конечно, не въевшаяся унифицированность в одежде, словно соблюдался некий дресс-код: тёмные штаны, пёстрые серенькие рубашки с короткими рукавами и белые бейсболки с длинными козырьками, закушленные, видимо, накануне в сельмаге.

Семён Алексеевич ощущал себя несколько непривычно. С одной стороны, было нормально, что его узнавали, здоровались, давали дорогу, кто-то попытался пожать руку, кто-то благодарил и невольно, само собой, отмечалось, что хорошее и нужное мероприятие организовали в районе. С другой стороны, несмотря на то, что вчера, и правда, пришлось вплотную позаниматься оргвопросами, даже распоряжение по доскам для носилок, на которых сейчас стояла большая икона, пришлось отдавать самому да ещё до позднего вечера теребить глав поселений по явке и т. д. и т. п., он не чувствовал себя здесь хозяином. Ему уже ничто не подчинялось, даже ребята из спортшколы. Иная сила главенствовала тут, и он никак не мог понять, в чём эта сила, перед которой невольно возникал трепет. Но страха, как, например, полгода назад, когда в район приезжал губернатор, не было.

Вышел отец Василий, в золотом облачении по-царски торжественный. Но и он не был главным, а лишь видимой частью невидимой силы, вовлекающей всех в общий поток. И Семёну Алексеевичу тоже захотелось стать ей сопричастным. Он встретился глазами с отцом Василием, тот слегка кивнул,

и радостно-удивлённый взгляд священника, показалось, говорил о тех же чувствах, что переживал глава района. И напряжение ушло. Надо просто слиться с этой силой, стать её частичкой — и всё разрешится само собой. А что именно разрешится, Семён Алексеевич додумать не успел — начался молебен.

Когда отец Василий кропил сельчан водой, Семён Алексеевич невольно потянулся за всеми, капли щедро упали на него, и он неожиданно вспомнил детство, когда собирались на майскую демонстрацию. Бывало так же весело и радостно. Весна, и все ждали чего-то нового и хорошего. А как здорово было пройти по небольшой площади, где на маленькой трибуне стояли начальники и тоже в ответ весело махали руками, и видно было, что и они ждут нового и хорошего. И вот это ожидание неизбежно хорошего, что должно непременно случиться, объединяло людей. Потом мужики напивались, ребята убегала за село, а вечером матери бранились то ли на них, то ли на мужей, то ли вообще на всё окружающее, и продолжалась обычная жизнь.

А теперь... Теперь перед кем они идут? Семён Алексеевич невольно посмотрел на небо.

Нет, хорошо, что он согласился на крестный ход. Предложил-то Иван Петрович, старый партиз, который, сколько помнится, при всякой власти сидел в администрации. Против выступил главный врач больницы, которого за глаза называли Пилолькиным: “Хватит дурью маяться, лучше бы мелиорацией занялись”. Вечером, когда окончательно согласовывали маршрут, Пилолькин явился и опять стал шуметь: он категорически против, потому что погоду обещают за сорок и не исключены случаи тепловых ударов. Иван Петрович отмахнулся, как от мухи: “Ишь, как бесёнок нервничает”. Семён Алексеевич посмотрел на своего главного врача, как тот крутится вокруг стола и дёргает за руки то одного, то другого, и рассмеялся.

Крестный ход дружно двинулся по селу. Казалось, всё село вышло, только старые да малые оставались стоять вдоль дороги. Старухи крестили идущих, дети махали руками, старики смотрели из-под руки. “Как на войну провожают”, — подумалось Семёну Алексеевичу.

В самом же крестном ходе, к удивлению, многие общались, обменивались новостями, как будто не виделись по нескольку лет, хотя жили-то в одном селе. Но это поначалу, потом подхватили “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”, и так ладно получалось, что невольно хотелось петь вместе со всеми. Семён Алексеевич покосился по сторонам — никто на него внимания не обращал, только Иван Петрович, шедший недалеко, кивнул головой: вот, мол, как здорово идём! — и он прошептал слова молитвы отчётливее. И опять ничего плохого не случилось, и дальше глава администрации запел вместе со всеми.

Крестный ход вышел из села, свернул с шоссе и пошёл лесом, за которым начинались поля.

7

Не заметили, как оказались на месте первой остановки крестного хода, после которой утверждённый маршрут поворачивал на Фёдоровку. А по часам выходило, что шли полтора часа. Там уже ждали сельчане из совхоза “Путь Ильича”, и эта встреча получилась радостной, словно два крыла армии замыкали кольцо.

Снова служили молебен. Отец Василий сиял. Всю дорогу он восторженно пел со всеми и недоумевал: откуда эти люди, приходящие в храм в большинстве своём разве что на Рождество и Пасху, могут так дружно петь? Сейчас, казалось, с ними можно горы свернуть, победить любого врага, хоть на Москву иди, как в Смутные времена.

Многие подпевали и во время молебна, а когда отец Василий начал читать молитву ко Спасителю, то все встали на колени и, казалось, перестали дышать, так далеко были слышны слова, которые произносил священник.

Отец Василий освятил несколько бидонов с водой, опять обильно кропил. Народ пил освящённую воду, хвалил её сладость, умывался ею, благодарил. Потом поднялись и пошли на Фёдоровку.

Но этот отрезок, хотя были те же пять километров, оказался труднее. Солнце поднималось всё выше и после десяти часов пекло уже немилосердно, и если теперь случался ветерок, то он обдавал словно жаром из открывшейся печки. А печка — вся раскалённая степь — стояла перед глазами и производила гнетущее впечатление. Потрескавшаяся земля напоминала кожу изработавшейся мёртвой старухи, которую надо хоронить, а некому. Так недавно случилось на дальних выселках, где бабка пролежала на полу несколько дней, и увиденное долго мучило Семёна Алексеевича. Жалкие худые былинки, торчавшие из земных трещин, казались неживыми, а ощущение мертвенности окружающему придавало отсутствие какой-либо живности. Ни тебе жука, ни кузнечика, ни даже мухи.

Первыми присмирели дети. Они больше не носились вдоль крестного хода, не забегали вперёд креста, держались бабушек и родителей. Стало казаться, что народу убавилось.

Впрочем, после молебна, действительно, несколько машин, забрав освящённую воду, разъехалось по отделениям, уехали некоторые начальники — всё-таки день был рабочий. Семёна Алексеевича тоже ждала машина, но его не отпускал удивительный восторг, которого он никогда не испытывал раньше, и ему хотелось длить и длить это чувство. “Сами справитесь”, — бросил он замам и даже посочувствовал им.

Вскоре Семён Алексеевич начал жалеть, что не уехал. Зря вообще пошли дальше. После молебна надо было возвращаться в село. Дело сделалось, в душах остались бы радость и восхищение, и люди запомнили бы. А сколько бы потянулось в церковь, чтобы вновь испытать эти чувства!.. Нет, отец Василий не политик, зря его послушали, зря...

Семёну Алексеевичу досаждала не столько жара, хотя пот ручьём тёк из-под бейсболки, сколько собственные ноги. Начинало поламывать при каждом шаге под левой коленкой, и Семён Алексеевич с ужасом представил, что вот он, глава района, сейчас на виду у всех захромает, не сможет идти, придётся вызывать машину, а все будут смотреть на него и про себя ухмыляться... С правой ногой тоже не всё было в порядке — там жал ботинок, и Семён Алексеевич никак не мог понять, то ли у него ноги разные, то ли неудачные ботинки. А тут ещё несносный пот, который достал везде, до самых неприличных мест. Больше всего страдали ляжки, которые казались одной большой мозолью, и швы брюк с методичной непреклонностью терзали эту огромную рану, как ворон — печень провинившегося героя.

Каждый шаг давался с трудом и болью. Семён Алексеевич перестал обращать внимание на то, что происходит вокруг, только следил за тем, как ставит ноги. Он давно уже косолапил и опирался на палку, которую кто-то, скорее всего, Иван Петрович, любезно подеунул ему, и клял себя за то, что вообще поддался на то, чтобы идти на этот крестный ход, людей, которые его уговорили, людей, которые шли, всех священников, придумавших это измывательство, а особенно — отца Василия, потащившего их кружным путём. Он сильно отстал, плёлся в конце, но и сам крестный ход не представлял уже того единого целого, каким он был вначале, — он вытянулся по неширокой дороге, и слабое пение от креста еле доносилось до середины его. Впереди Семёна Алексеевича шла тётка с крупными, по-слоновьи отёкшими ногами, обутыми в домашние тапочки, рядом с ней семенил не поспевавший мальчик, загребавший сандалиями пыль, отчего носки на ногах его стали серыми. Через каждые три-четыре шажка мальчик подпрыгивал, чтобы попеть за женщиной. За спиной слышалось невнятное бормотание. “Молятея, — понял Семён Алексеевич. — И мне молитесь надо”. Он стал про себя повторять то, что пели вначале: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”. Как-то само собой молитва сократилась до “Господи, помилуй”, подстроившись под каждый шаг. В какой-то момент Семён Алексеевич даже удивился, что перестал обращать внимание на охромевшие ноги и потёртости. И как только он об этом подумал, тут же оступился, и все болячки разом впились в тело. “Господи, помилуй, Господи, помилуй”, — заторопился Семён Алексеевич и более уже не отвлекался.

Вдруг прошелестело, словно по цепи пронеслось: “Дошли! Слава Богу! Привал”. Семён Алексеевич остановился, опёрся на палку и смутно увидел, что иконы и хоругви остановились возле берёзового колка, а за колком стоит несколько машин, среди которых он узнал свою “Волгу”. Оглядевшись, он признал и место: отсюда дорога расходилась на Фёдоровку и Большаково, а если немного посмотреть влево, то виднелась посадка, за которой шла шоссейка, по которой крестный ход должен был возвращаться в село.

8

— Ну, ты герой, Семён Алексеевич, — хлопал по плечу главу района Иван Петрович, и это панибратство не оскорбляло — сейчас все окружающие казались ему братьями. Семён Алексеевич выпил несколько кружек воды, проковылял в тенёк и рухнул на заботливо расстеленное одеяло. Несмотря на гудящие ноги, он весело подумал: “А ничего, дойдём!” — и сам удивился, как хорошо и легко ему стало. Он блаженно прикрыл глаза и не стал подниматься на начавшийся молебен.

С другой стороны колка, где стояли иконы и хоругви, послышались шум и вскрики. Семён Алексеевич приподнялся на локте и спросил, как если бы сидел в кабине и услышал шум с улицы:

— В чём дело?

— Икона плачет, — так же просто ответил шофёр, словно чья-то коза прибрела к администрации, и охранник пугает её.

— Как это — плачет? — не понял Семён Алексеевич.

— Слёзка у неё потекла, — объяснил шофёр.

— Это отец Василий сейчас на всех брызгал, вот на неё и попало, — сказал кто-то. — А народ-то сразу заволновался: мол, к беде, наивные, блин, как чукчи.

— Да нет, — отмахнулся шофёр, — это она долго под стеклом стояла, а тут на жару вынесли, вот и отпотела.

Семён Алексеевич поднялся, он уже пришёл в себя, и сознание, что он тут глава и это его обязанность — знать, решать, направлять и не допускать никакой паники, вернулось к нему.

Перед ним расступились. Богородица скорбно смотрела на него, и глаза Её были наполнены влагой. Это не могли быть ни капли от кропила отца Василия, ни какие-то другие физические явления, пришедшие извне: правый глаз Богородицы был наполнен влагой по самому нижнему окоёму именно так, как появляется слеза у всякого нормального человека. Что-то колыхнулось в пространстве, и слеза покатила по окладу, оставляя за собой влажную бороздку. Секунду стояла тишина, а затем люди бросились к иконе целовать оставленную бороздку.

— Тише вы, тише! — кричал отец Василий. — Не толкайтесь. Да остановитесь! Что же вы делаете? — Он старался протиснуться к иконе, отгородить её от вмиг ошалевшей толпы. — Помогите!

На крик бросились спортсмены, пробились к иконе и подняли носилки с нею. Семён Алексеевич поднял глаза на Богородицу — взгляд Её был по-прежнему скорбен, но сух.

Отец Василий отодвигал людей:

— Что ж вы так-то? Надо благочестиво... Богородица жалеет вас, а вы набросились, как же так...

Все стояли поражённые, присмирившие и растерянные, никто не мог объяснить общее помешательство и никто не решался что-либо делать дальше. “И я не знаю, что делать”, — подумал Семён Алексеевич, и ему опять стало тоскливо, что не уехал после первого привала.

— Давайте помолимся, — произнёс отец Василий.

Следом за ним на колени встали все. И Семён Алексеевич встал. Невольно оглянувшись — встали и приехавшие, и его шофёр тоже стоит. Только с той стороны колка кто-то переругивался и, кажется, курил.

— Пресвятая Богородица, прости нас! Царице преблагая, Заступница благих и сирых утешительница, зриши нашу беду, зриши нашу скорбь... — На

этих словах отец Василий ударил себя в грудь, потом, словно стон, разнеслось над стенью: — Пресвятая Богородица, спаси нас!

Наступила пауза. Многие плакали. Отец Василий продолжал стоять, опустив голову, плечи его подрагивали, потом он поднял руки и лицо.

— Пресвятая Богородица! Владычица! Спасибо Тебе, что Ты не оставляешь нас. Спасибо, что скорбишь вместе с нами. Мы прогневали Сына Твоего. Помоги нам, объясни, вразуми, как нам вернуть Его милость. Как... — Он замолчал и снова опустил голову.

Такой напряжённой тишины Семён Алексеевич ещё никогда не слышал. Все ждали, что ответит Богородица. В том, что Она ответит или подаст какой знак, не сомневался, наверное, никто. И если бы Она сейчас зримо кивнула головой, перекрестила бы их или, сойдя с иконы, встала посреди всех, никто бы не удивился и не воспринял бы это как чудо.

Тишина длилась с минуту. Потом отец Василий тихим голосом сказал:

— Сейчас я прочитаю общую исповедь. Кто в чём грешен, повторяйте за мной.

— Что, что сейчас будет? — спрашивали с задних рядов.

— Исповедь.

“Как исповедь?” — чуть было не спросил Семён Алексеевич.

Отец Василий встал рядом с Богородицей, развернул походный амвон, похожий на складной столик, положил на него Евангелие, крест. Народ придвинулся к нему и хором повторял за ним: “Каюсь”.

“Почему я должен каяться в том, чего не делал?” — подумал Семён Алексеевич и вернулся в тенёк.

— Это надолго, — сказал его шофёр.

— Раньше двух не кончат, — уточнил кто-то рядом и бросил окурок.

— Вы как, Семён Алексеевич? Может, поедем?

На какую-то секунду Семён Алексеевич не то чтобы задумался, а словно поискал оправдание своему отъезду, но в то же время он обрадовался и удивился: почему никто раньше не предложил ему уехать?

— Поехали, — кивнул он шофёру, бросил посох, сделал решительный шаг к машине и тут же охнул — без посоха ходить уже не получалось.

Шофёр поддержал его.

— Осторожнее, тут ямка.

Но Семён Алексеевич уже справился, отодвинул подставленную уже руку и, стиснув зубы, заковывал к машине.

В машине работал кондиционер, и царил невероятная после всего пережитого прохлада. “Вот оно, блаженство, — подумал Семён Алексеевич. — Попрощаться бы надо”. Он оглянулся, увидел сквозь тонированное стекло отца Василия, покрывавшего голову епитрахилью пригнувшейся старухе, и махнул рукой:

— Поехали.

Теперь уже хотелось уехать как можно быстрее, а машина, как назло, дёрнулась и заглохла. Шофёр поворачивал ключ, жал на газ, чертыхался, но машина стояла. И тут сквозь стрёкот стартера Семёну Алексеевичу послышался посторонний шум, словно гул какой-то.

Шофёр ошарашенно оглянулся.

— Слышали?

У шофёра было такое изумлённое лицо, что Семён Алексеевич растерялся.

— Что, что такое?

— Да это же гром! — шофёр замер с выставленным вверх пальцем, и Семён Алексеевич ясно услышал далёкий рокот, который и в самом деле напоминал гром.

Шофёр открыл дверцу.

— Ей-Богу, гром, Семён Алексеевич! Слышите!

— Слышу, — устало согласился глава района. Слишком много необычного свалилось на него сегодня, да и из машины уже выйти сил не оставалось. — Поехали.

И машина завелась.

Людьми же гром был воспринят как ожидаемый знак. Словно разрешилось что-то над людьми, словно они получили прощение. Все возбуждённо тыкали в небо пальцами, прислушивались, дальние раскаты грома встречали радостными громкими криками, кто-то даже различил появившиеся на горизонте облака, и уже начинало казаться, что в конце поля клубится что-то белое и долгожданное.

Исповедь пошла бойчее. Но отец Василий не торопился, был последователен, строг и отпустил последнего кающегося, когда время подходило к двум часам. Наступил самый жар. Все сбились в колке, разморённые, но довольные. Обсуждали гром, доедали присланные из села бутерброды и ждали, когда двинутся куда-нибудь дальше.

9

Приехав домой, Семён Алексеевич никак не мог успокоиться: словно червяк в яблоке, грызла его непонятная досада, будто что-то не так сделано или вовсе осталось недоделанным. И всё хотелось задавить этого червяка, погрузиться в текучку и забыть о своём бегстве.

Он принял душ, надел привычный костюм и поехал в администрацию. Тело поламывало, но в этом была своя прелесть, словно и впрямь хорошо поработал. Он попытался читать сводки, делать телефонные звонки, решать вопросы, но никак не мог уловить в этом смысла, будто он играл в странную игру, и стоило чуть отвлечься от неё, как тут же перед глазами вставали поднятые вверх руки отца Василия, звучала молитва, которую повторял, когда ковылял до второго привала, смотрела влажными глазами Богородица. И он уже никак не мог отделаться от того, что постоянно думает о людях, идущих сейчас в самое пекло по асфальтовой шоссе.

Сначала отправил к крестному ходу “газельку”, чтобы подбирать отставших людей. Потом распорядился, чтобы с крестным ходом постоянно ехала машина с питьевой водой. Не утерпев, вызвонил главного врача и велел послать к крестному ходу машину “скорой помощи”. Что он мог ещё сделать? Пару раз порывался поехать встречать крестный ход, но как? Хлебом-солью? Цветами и почётными грамотами? Может, встать на колени и просить прощения? И он тут же представлял себя стоящим на коленях и морщился — всё это отдавало фальшью. Да, он слаб, да, он не готов к таким подвигам, но вот он тут, на своём месте и делает то, что в его силах. Надо признать, не очень-то и больших.

Позвонил помощнику, которого посадил на “газельку”.

— Ну, как?

— Идут.

— Далеко ещё?

— Так-то нет, но медленно всё, привал делали.

— Ты уж собирай там тех, кто устал, уговаривай, там народ упёртый.

Хотел спросить про “скорую”, да побоялся. В конце концов, плохие новости, как показывала практика, долетают пулей.

А “скорую”-то глава не зря выслал. По раскालённому асфальту идти оказалось невозможно. Ноги чуть ли не вязли в размягчённом асфальте, а те, у кого была крепкая подошва, оставляли на шоссе следы. Крестный ход сбился на обочину и двигался медленно, но упорно. Как только появилась “газелька”, туда попрятали детей. Тяжелее всех, наверное, приходилось спортсменам, несшим носилки с иконой и хоругви. Им помогали на подменке мужики, но мужиков было немного. Стали отставать старухи. Сделали один привал, дожидаясь отставших.

Подъехала машина “скорой помощи”, и отец Василий предложил тем, у кого совсем не осталось сил, уехать.

— Нельзя, — говорил он, — стремиться совершить подвиг паче сил. Это гордость.

Спортсмены переглянулись.

— А сам-то ты, батюшка, как идёшь? — спросил кто-то.

— Не знаю, — честно признался отец Василий. — Иду за Богородицей. Её слезу вижу.

— Вот и мы так же...

Отец Василий окропил всех водой. Все, кто хотел, в общем-то уехали ещё от колка. В крестном ходе оставалось чуть больше сотни человек да десятка полтора детей ехали в “газели”.

Спортсмены подняли носилки с иконой, и крестный ход двинулся дальше.

Отец Василий, и правда, не понимал, как идёт. Его терзали сомнения, правильно он поступил, начав исповедовать в поле, из-за чего теперь приходилось идти в самый жар. Но уж больно силён оказался порыв. А ведь были и такие, кто исповедовался первый раз, а многие не исповедовались по году и больше. Отец Василий и обычную-то исповедь переносил тяжело, в большие праздники старался поисповедовать прихожан с вечера, но всё равно оставались те, к кому приходилось выходить после “Отче наш...”, и потом батюшка несколько минут сидел в алтаре и приходил в себя, прежде чем подойти к чаше.

Да ведь завтра же литургия! Как хорошо было бы причастить тех, кого он исповедовал сегодня! Откуда только взять силы?

Как же тут разобраться, Господи, где воля Твоя? Как узнать-то простому человеку? Чьи эти слёзы, которые все видели? И этот гром, который слышали все? Ты ли это? Или это Твой противник лукаво глумился, а теперь потешается в сторонке? Господи, не оставь нас! Даже если впали в грех — не оставь. Как мы доверчивы, податливы... А я-то, я-то, старый дурак, обрадовался: Господь мне чудо явил... Да кто я такой-то! Господи, как же мне людей привести... Господи, не дай пропасть. Вот они, без сил, а идут. За Твоим Крестом, Господи, идут, верят. Не оставь, Господи! Пусть будет воля Твоя!

Только крестный ход поднялся со второго привала, как тётке Вале, досиживающей предпенсионный год на почте, стало плохо. И вроде тётка-то крепкая, огород у неё, скотина, сама кого хошь погоняет, а тут завалилась набок, беззвучно хватая ртом воздух. Тут же, как ждали, подскочили медики из “скорой”, упрятали тётку и увезли.

Отец Василий, шедший впереди, и не обратил сразу внимания на мешкотню сзади, и только когда “скорая” с сиреной просвистела мимо, остановился.

— Как же так, что же меня не позвали, надо было водичкой, водичкой окропить...

— Да мы сами не поняли, она шла-шла и вдруг давай падать... А эти подхватили и увистали...

Через полчаса ещё двум женщинам стало плохо. Их уложили на обочину, отец Василий окропил святой водой, поднесли икону Богородицы. Дождались “скорой”. Как женщины ни убеждали, что им полегчало, их отправили в село и двинулись дальше.

“Господи, сохрани, — мысленно повторял отец Василий. — Я — грешен, я — виноват. Меня забери, а их, которых Ты дал мне, сохрани”.

Словно за толстым гнутым стеклом вдали показалось село. Отец Василий объявил привал.

— Дети, простите меня, — обратился он к лежащей на обочине пастве. — Простите за то, что я вам скажу сейчас. Я скажу, а вы поступайте, как подскажет совесть. Вот мы приближаемся к родному селу. Я знаю, вам трудно, но ведь на то мы и трудники. Для чего мы ходили с вами в крестный ход? Мы просили дождя. Потому что знаем, что если не будет дождя, погибнет урожай, и у нас не будет хлеба, погибнет всё, на чём зиждется наше материальное благосостояние. Вот об этом своём благосостоянии мы и шли просить. Мы шли просить за себя. А как надо было? Надо было всё делать ради Бога. Вы спросите, а зачем Ему нужно, чтобы вот так мы изнуряли себя? Ему это не нужно. Но Он видит нас, видит, что мы ради Него, а не ради себя готовы претерпеть, и Он, конечно, состраждет нам. То есть мы о Нём страдаем, а Он — о нас. Простите, и сказать толком не умею. В общем, не дождя нам надо было просить, а чтобы Он не оставлял нас.

И тогда мы увидим, что Он среди нас, вот здесь идёт вместе с нами. А когда с нами Бог — кто против нас? Давайте войдём в село как победители.

10

Они входили в село как победители. Это было израненное, измученное, истрёпанное, но устоявшее войско. Они и сами не понимали, в чём и кого победили, но дух победы сам собой разносился по округе. Их встречало почти всё село. Выносили воды, благодарили, ребятя вылезла из “газели” и неслась впереди, слава возвращение.

Когда отец Василий служил в церкви повечерие, многие люди лежали на полу. В конце он напомнил, что завтра литургия, потом он ещё минут двадцать благословлял людей и каждому говорил: “Благодарим Тебя, Христе Боже наш”.

Домой его вела матушка. Хорошо хоть дом сразу за церковной оградой, а дальше — кладбище. Добредя до дома, отец Василий сел у крылечка и так просидел в оцепенении, пока матушка не окликнула его. Она стянула с него ботинки, а отцу Василию казалось, что у него отдирают часть тела. Потом принесла тазик с тёплой водой и поставила туда ботинки. Он слабым кивком поблагодарил.

Матушка не знала, как ещё услужить супругу, но чувствовала, что всё человеческое, что она приготовила — ужин, баня, — для него не имеет сейчас никакого значения. “На всё воля Божия”, — решила она и не стала тормозить отца Василия, вернулась в дом и принялась читать вечернее правило.

Отец Василий не понимал своего состояния: хорошо ему или плохо? Скорее всего, ему было всё равно.

Понемножку он начал чувствовать ступни ног, потом заломило в коленях и отдало в поясницу. “Живой”, — подумал отец Василий и решил, что это телу плохо, а ему хорошо. “А ведь ещё каноны читать”, — вспомнил он, и тело заныло, словно легион бесов сидел в нём. “Что ж, надо и для других пожить”, — согласился он и простонал:

— Господи, зачем Тебе эти муки?!

Потом позвал жену.

Та всё же сводила его в баню, затем отец Василий выпил чашек шесть чаю с мёдом и только тогда сообщил жене:

— Сколько на завтра исповедников, страсть.

— Каноны-то завтра будешь читать? А то ложись, а я тебе почитаю.

— Ни-и, у меня после твоего чаю силы обрелись.

Сид отцу Василию хватило ровно на каноны, ему даже казалось, что последний “Аминь” он произнёс, уже лёжа в постели.

А ещё ему явственно слышался дождь, он даже хотел выскочить на улицу, но было лень вылезать из уютной постели. Капли тихонько шлёпали по крыше, их лёгкий шелест складывался в ласковую тихую песню то ли из детства, то ли ещё из какого далека, и отец Василий ясно видел, как преобразался, впитывая влагу, садик возле дома, и что удивительно: дождик продолжал идти, а кругом разливался свет. И кладбища за домом не было. Был чудесный сад, и там были люди, которые так же, как и он, отец Василий, радовались дождю и поздравляли друг друга. И все благодарили Бога. Отец Василий прислушался, стараясь разобрать слова, до конца так и не понимая, но всё равно радуясь, что столько людей собралось и все благодарят Бога. “Как хорошо, что люди научились благодарить Бога. Это последнее, что нам осталось. Каяться-то мы, как допечёт, научились, а благодарить Бога — нет”. И всё яснее и яснее становилась лившаяся песня. “Да ведь я в Раю”, — догадался отец Василий. И тут же резкий посторонний звук вонзился во всё существо отца Василия, стал ломать, корёжить его, он очумело отбивался, крутил головой, махал руками, но звук наседавал, что-то ещё грохнулось рядом, и сквозь всё это знакомый родной голос сказал:

— Батюшка, ты что? Что с тобой? Это ж будильник, ты чего так испугался-то?

Когда отец Василий вышел на улицу, светало, мир, прикрывшись утренней дымкой, казался свежим и умытым. Но отец Василий сквозь обманную дымку увидел и пепельно-коричневую землю, жёлтую пожухлую листву и безоблачное небо — никакого дождя ночью не было.

Он остановился, взглядываясь в мир и ещё не веря в его реальность. “Как же так, Господи! — Он коснулся ветки и укололся твёрдым листком. — Как же всё это понимать... А стоит ли?... Надо довершить то, что начал. Может, это последняя литургия в моей жизни. Так, в общем-то, и каждый день надо проживать, будто последний”.

Следом за отцом Василием пришли бабушки на клирос и старик Корней, который не столько пел, сколько следил за порядком и шикал на старушек, если они начинали петь не тот стих, который он указал. Пришли алтарники, мальчики Серёжа и Лёня, оба невыспавшиеся, по-взрослому высохшие, но с горящими глазами, возбуждённые и порывистые. Отслужили утреню, отчитали часы... Отец Василий всё ждал, что люди ещё подтянутся и случится то единение, которое восхитило вчера во время крестного хода, но когда он открыл Царские врата, то невольно замер и несколько секунд оглядывал пустой храм. Не совсем пустой, конечно, но столько приходит на литургию, если на будний день выпадает праздник.

Чувство досады промелькнуло в душе отца Василия. Для кого и для чего он старается тут? У него даже руки сжались и дрогнули, словно руки сами по себе захотели затворить Царские врата, мир оказался не достоин и не заслуживал чуда претворения вина в Кровь. Для кого?!

“Для Бога” — словно волной качнуло его сзади. Он ещё постоял немного, отгоняя морок, потом опустил руки от врат и повернулся к алтарю:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа...

Началась литургия.

— Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света. Сказав это, Иисус отошёл и скрылся от них. Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаии Пророка: “Господи! Кто поверил слышанному от нас? И кому открылась мышца Господня?” Потому не могли они верить, что, как ещё сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце своё, да не видят глазами и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нём. Впрочем, и из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедовали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию. Иисус же возгласил и сказал: “Верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня. И видящий Меня видит Пославшего Меня. Я свет пришёл в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме. И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришёл не судить мир, но спасти мир”.

Отец Василий закрыл Евангелие и ещё какое-то время звучавшее “спасти мир” стояло в храме и дрожало в самом отце Василии, словно его только что правильно настроили, и он теперь зазвучал во весь данный ему от начала голос в унисон со всем окружающим миром. Он вдруг услышал песню, которую слышал ночью, и теперь ясно разобрал её, и снова ему стало легко и радостно.

Отец Василий стал читать записки, и опять волна со спины, только теперь исходящая из храма, коснулась его. Он невольно обернулся и увидел, что храм полон.

Так ведь это все поминаемые! — изумился отец Василий.

— А ты чего в стороне? — обратился он к уставшей женщине и тут же призвал в ней ту самую тётку, которую вчера первой увезли на “скорой”. — Вот те на, неужто за упокой? Я ведь и звать не помню как, — и снова неожиданно пришло, словно само собой: Валентина. — Да-да, помню, говорили ещё: “Валентину увезли, плохо стало”. — Стало быть, Валентину, упо-

кой, Господи, рабу Твою Валентину. — А те-то двое, которых окропил, живы? — Живы, живы, — успокоительно отозвалось в сердце.

Когда для Бога — так всё просто. Не для людей, а для Бога. А ведь если ради Него, а не для себя, не для ближнего даже, не для человечества, то, в конце концов, и получается, что для всех — для человечества, ближнего, себя. Ведь Он как раз для всех и для каждого этот мир и устроил... И получается, что только живя для Бога, мы по-настоящему начинаем жить для других. Почему я раньше не думал об этом?

Теперь надо молиться об оглашенных. Это обо всех тех, кто не пришёл в храм. Они назвали, исповедовались, шли вчера крестным ходом — они ещё в пути. О них молиться надо, пусть все они, где бы ни были: на полях, заводах, конторах — пусть все почувствуют, пусть хотя бы почувствуют прикосновение Бога. А они хорошие, все хорошие, им только надо не забывать то чувство, которое они испытали, когда Господь коснулся их, и их воля, силы, желания стали Его силой, волей и желаниями. Какая это радость — говорить: “Да будет воля Твоя!”

Когда отец Василий вынес чашу, он снова увидел полный храм. С ума, наверное, сходя, мелькнуло в голове. А какое ангельское пение! Словно архиерейский хор приехал. Что ж, пусть так и будет! Так чудесно служить, когда храм полон, когда ангелы поют, и ты словно лёгкие кнопки нажимаешь, а пение само льётся и льётся...

После “Отче наш” отец Василий опустился на колени перед алтарём:

— Господи! Я не знаю, о чём просить!

Пусть никогда не кончается эта служба!

Но на этот раз волны не обняли его. Понятно, не по чину прошение... Прости, Господи! Научи просить! А впрочем, что всё просить, просить... Научи благодарить, Господи! За всё. За людей. За мир. Господи, как хорошо с Тобой!

И снова он почувствовал тёплую волну, которая теперь поднимала его. Да-да, надо принять Тело и Кровь. Надо соединиться. Надо стать одним.

После службы матушка тянула отца Василия домой, но тот проявлял непонятное упорство: “Подожди, подожди”, — и отводил матушкину руку, за чем-то обошёл церковь, потом долго стоял на крыльце.

Все уже разошлись. Заперли храм, а отец Василий всё чего-то ждал. И дождался. Сначала вдали показалась чёрная точка, она стала расти, и скоро нарисовались несколько женщин и долговязый мужик. Мужик был сыном Валентины Егоровой, он только махал руками и открывал беззубый и беззвучный рот, и оттого был ужасен, словно ожившее немое кино, а буйствовала, в основном, сноха и поддерживающие её женщины.

12

Весть о том, что Валентина Егорова, увезённая из крестного хода в больницу с тепловым ударом, умерла, прибила село. И самое ужасное, что никто особо-то и не убивался по покойнице, а в голове чуть ли не каждого, услышавшего новость, пронеслось: “Что же теперь будет?” Тут же вспоминались слёзы Богородицы, и отголоски грома воспринимались уже как роковое предупреждение.

Как ни странно, один Пиллюлькин, в больнице которого, собственно, и произошла смерть, ходил чуть ли не гоголем, всем видом своим показывая, что вот, мол, он предупреждал, а его не послушали, теперь и расхлёбывайте. Глава района ходил мрачнее тучи. Пережитое в крестном ходе ещё не отпускало его и мешало решиться на резкое и непоправимое. А делать что-то было надо.

Вечером волостные начальники, понурые и безвольные, собрались в кабинете главы. Семён Алексеевич озвучил поступивший прогноз и с досадой отшвырнул листок.

— А недалеко от райцентра, — сказал, наконец, кто-то после долгой паузы, — ливень был.

— Это смерчи, — объяснил главврач. — Такое по жаре бывает, но это единичное явление.

— Да и бестолковый, — поддержали его с другого конца стола, — на поля ни капли не упало, всё над детским лагерем пролилось.

— Это который понам отдали?

— Ну.

Опять наступила пауза.

— Наш-то, говорят, занемог, — произнёс кто-то за столом, и это “наш-то” больно отозвалось в сердце Семёна Алексеевича: никто раньше так не называл отца Василия, а тут все поняли, о ком речь. Все молчали, и начавший говорить продолжил:

— Служил сегодня. А потом пришли родственники Егоровой и чуть не избили его.

— Дикость!

— Злые все...

— Как он?

— Говорят, плохо. С постели не встаёт.

— К нему “скорая” ездил. Никаких следов побоев не обнаружили. Обычное переутомление. Да ещё психический срыв. В смерти-то Егоровой его обвиняют.

— Да при чём здесь священник!

— Ну, а кто же? Кто-то же должен быть виноват? Я вот сразу был против этого крестного хода и предупреждал...

— По-вашему, я виноват, что ли?

— Я этого не говорил.

— Вы хоть помогли ему? Медикаменты, может, надо какие...

— Да нет там ничего страшного. Отдохнёт и опять пойдёт кадиллом махать. А насчёт медикаментов, так там дочка уже приехала и такого навезла, что нашей больнице и не снилось.

— Хватит. Что делать-то будем?

— Надо не допустить, чтобы похороны Валентины Егоровой из скандала переросли в трагедию...

— Да ладно тебе, Иван Петрович... Ну, хорошо, хорошо... Сходите завтра, поговорите с родственниками, успокойте, помогите... В общем, надо, чтобы не было резонанса. А как, кстати, двое других, которых увезли на “скорой”?

— Эти нормально, домой уже ушли.

— Вот ведь та, которую сразу увезли, померла, а те, которые полчаса на жаре “скорую” ждали — ничего. Может, и ту дёргать не надо было? Ну, ладно-ладно, не кипятись... Это я так, теперь не вернёшь, а вот всё же, что нам с хлебом делать?

— Ещё три-четыре дня такой погоды — и всё вообще пропадёт, а сейчас хоть скотине на корм соберём...

Опять все замолчали.

— Ладно, чувствую, ничего мы сейчас не высидим. Давайте завтра, утром вечера мудренее...

13

Белый джип, словно падшая с неба луна, в сумерках медленно прокатил по селу к домику священника. Из него выбежала женщина, следом за ней шофёр занёс в дом пакеты, вернулся к машине, и та быстро исчезла. Наступила ночь. А в доме священника забрезжил свет.

До приезда дочери матушка пребывала чуть ли не в отчаянии, а тут словно лучик ворвался. Матушка, обняв дочку, расплакалась, но тут же собралась, задвигалась, захлопотала, начала было пересказывать, что пришлось вытерпеть за последние дни, но Маша, поцеловав мать, подошла к постели, на которой лежал отец, взяла его горячую руку, нагнулась к покрытому потом лицу и шепнула:

— Папочка, здравствуй.

Он открыл глаза, постарался улыбнуться и тихонько сжал руку дочери.

— Всё будет хорошо, — сказала Маша.

Отец качнул головой и закрыл глаза. Маша почувствовала, как слабеет и выскальзывает из её руки рука отца.

— Кажется, уснул, — сказала через несколько минут стоявшая рядом матушка. — Первый раз тихо лежит, а то всё метался, стонал. Ужас, что было... Ты посиди с ним, дочка...

Маша просидела, поглаживая руки отца и любовно глядя на него, с час. Вспоминалось детство. Благодарно, но отстранённо, будто не о себе вспоминалось, а о другой чудесной девочке. Вдруг рука отца дрогнула, и он открыл глаза. От его неожиданно строгого взгляда у Маши по спине побежали мурашки.

— Ко мне сейчас придут, — сказал он тихо и твёрдо.

Маша вспомнила, как в детстве, случалось, отец отгонял её, когда она лезла поиграть с ним. “Погоди, я Евангелие читаю”, — говорил он и так же строго смотрел на неё. Маша в эти минуты ненавидела Евангелие!

— Кто? Кто придёт?

Отец не шевелился, будто вслушивался в окружающее. “Да он бредит, — решила Маша. — Бедный папа, а я думала, что ему стало лучше”. И тут она услышала, как к дому подъехала машина, и неестественно оробевший голос матери:

— Здравствуйте, вот не ждали. Только он ведь больной совсем. Изматался. Всё бредил, а час назад уснул.

Маше показалось, что она смотрит ужасный фильм: ночь, домик у кладбища, очнувшийся, словно с того света, отец, приехавший незнакомцем. Мистика какая-то! И она перекрестилась.

— Пусть, — ясно услышала она голос отца, а дальше не разобрала: то ли “войдёт”, то ли “уйдёт”.

Но он уже входил — дверь отворилась, и незнакомец оказался вполне знакомым, по крайней мере, именно так он выглядел на плакатах при въезде в село — это был глава района.

Семён Алексеевич поставил на стол пакет, в котором виднелись снесь, сок, в общем, что обычно приносят больным, и немного смутился.

— Узнал, что Василий Георгиевич приболел, решил проведать...

— А это дочка наша — Маша. Из города как раз приехала...

— Очень приятно... — Семён Алексеевич слегка поклонился. — Наслышан...

— Садитесь, — услышали все и посмотрели на кровать.

Отец Василий, только что бывший белым и истончённым, порозовел, словно в него влили краску, и, приподнявшись на подушках, смотрел на всех совершенно осмысленно.

— А мне тут понаговорили всякого, — вырвалось у Семёна Алексеевича, — мол, чуть ли не при смерти. Нет, я не в этом смысле... то есть я хотел сказать: а вы молодцом! — а про себя подумал: “Точно Абрамыч говорил: дочка лекарств из города привезла и, поди, вколола чего-нибудь”.

— Садитесь, — повторил отец Василий. — Маша, дай стул.

Ух, как она сейчас не любила главу района! Прямо как в детстве Евангелие. Зачем он приехал?

Она поднялась с кровати и придвинула стул.

Семён Алексеевич сел и вдруг задумался: и правда — зачем он приехал? Чего он сорвался к сельскому попу? Теперь вот сиди и вымучивай слова, не молчать же...

— Говорите, Семён Алексеевич, я вас слушаю...

“Как на исповеди”, — пронеслось в голове Маши, и она отошла, увлекшая маму в другую комнату: “Пойдём, расскажешь...”

Семён Алексеевич оглянулся, потом опять задумался.

— Да вот не знаю, с чего начать...

— А что вас сейчас больше всего волнует?

— Убирать хотя бы этот хилый хлеб для скотины или всё же надеяться на дождь? — неожиданно для самого себя выпалил он и тут же подумал: “Чего я несу, какой ему хлеб, какая скотина, он что, агроном, что ли?”.

— Это — не главное...

— А что?

— Главное — благодарить.

— Кого?

Отец Василий молчал.

— И за что Его благодарить?

— За всё.

— И за жару?

— И за жару.

— Гм, за то, что гибнет зерно, за то, что люди останутся без урожая, и зимой элементарно многим нечего будет есть?

— А как ещё люди узнают, что Он есть?

Теперь надолго замолчал Семён Алексеевич.

— Не кажется ли вам, что это слишком жестокий способ для милостивого Бога?

— Видимо, другие не действуют. А если впереди пропасть, то что будет большей милостью: молчать, не тревожа совести, или не давать покоя, напоминая о ней?

Опять помолчали.

— Не факт, что подействует.

— Не факт.

— Тогда зачем всё это?

— Потому что Он любит нас.

— Бред какой-то. Это не любовь, это варварство, самое настоящее варварство.

— Ну, мы же наказываем своих детей, желая, чтобы они стали лучше.

— Ладно, мне тогда кого наказывать?

— Вам-то зачем? Лучше похороните по-христиански Валентину.

— Какую Валентину?

— Ту, что умерла сегодня.

— Боюсь, как бы вам сказать, мы ходили к ним, там... там дома, скажем так, неоднозначно относятся к Церкви.

— Я знаю. Она исповедовалась. Там. Пред Богородицей. Я знаю, что у неё дома. Знаю, что она собиралась страшно согрешить... Я не могу вам всего сказать. Пути Господни неисповедимы, а так она ушла чистой. Позовите благочинного, отца Александра из Степного. Он всё устроит. Он хороший. У него всё обойдётся. Он и меня проводит.

— Что вы опять говорите? Да он, кажется, бредит!

Семён Алексеевич поднялся, и тут же к больному метнулась молодая женщина. Она принялась целовать гаснущее лицо отца Василия, потом повернулась к гостю:

— Да идите же!

Семён Алексеевич повернулся и пошёл к двери.

— Убирай, — услышал он за спиной.

— Что? — не понял он.

— Зерно убирай, — снова чётко донеслось до него.

Он обернулся. Отец Василий недвижно лежал на кровати, дочь держала его за руки, у изголовья стояла матушка.

Семён Алексеевич постоял немного, удивлённо вслушиваясь в пространство, потом толкнул дверь и вышел.

14

К утру отцу Василию стало совсем плохо. Он задышался, лицо его то пеклось испариной, то вдруг остывало, и капельки пота поблёскивали, словно льдинки морозным утром.

После обеда приехал благочинный.

Отец Александр был худ и бороду имел длинную и прямую, будто витую из тонкой медной проволоки. Худоба вместе с бородой делали его выше и строже, на самом же деле батюшка слыл добрейшей души человеком.

В годы студенчества, увлѣкшись православием, он взревновал о подвигах. И Великим постом говел по запискам древнего синайского пустынника. Про разговоры пустынник никаких записей не оставил, и разговлялись чисто интуитивно, как подсказывала общага и экономленные за семь недель поста запасы. Дня три общага славила Христа, а на четвѣртый будущего батюшку увезли в больницу, где пришлось делать срочную операцию на желудке. Потом он ещё месяца два провалялся по всяким лечебным учреждениям, бросил институт и поступил в семинарию. В общем, спасся, но желудок испортил на всю жизнь. Более того, когда отца Александра рукоположили, к нему прилепилось искушение, которое весьма тяготило батюшку: каждую весну у него случалось обострение желудочной болезни, и он должен был ложиться в больницу недели на две. Самое неприятное во всѣм этом, что обострения приходились всегда на Великий пост, и отец Александр просил только, чтобы случались они не на первую и последнюю недели. И Господь пока миловал. Видимо, от постоянного ощущения болезни, которая денно и нощно напоминала отцу Александру о зыбкости всего земного, он к скончанию века относился весьма спокойно и даже радостно. При этом надо заметить, что, при всех его болячках, у него имелись четверо детей, рождѣнных в законном браке. Вот и думай тут, кто больной, а кто здоровый.

Отец Александр пил чай и рассказывал, как прошли похороны. В доме Егоровых, и правда, затевался скандал, но тут обнаружили записку Валентины, в которой она просила у всех прощенья и просила никого не винить в своей смерти. Записка была явно написана до крестного хода, а пока сноха соображала, как повернуть новые обстоятельства, пришли люди из администрации, взяли на себя все хлопоты с похоронами, поминками и пообещали устроить мужа на работу. Не успели порадоваться, как появился отец Александр. Тут со снохой случилась истерика, и отец Александр, недолго думая, вызвал “скорую”, на которой сноху, видимо, по чьей-то подсказке, увезли аж в область, и весь мрак вокруг дома Егоровых рассеялся, яко дым ото огня, и отпевание, и сами похороны прошли мирно и пристойно.

Отец Александр допил третью чашку чая и подошёл к недвижно лежащему отцу Василию.

— Так что упокоил я её, и ты за неё не скорби. Слышал?

Отец Василий, непонятно даже — как, то ли бровями, то ли кожей на голове, — но все поняли: поблагодарил.

— Вот и ладно. Давай теперь тобой займѣмся.

Это прозвучало так обыденно, словно отец Александр работал могильщиком на кладбище. Одно дело сделал, сейчас другим займѣтся. Маша хотела возмутиться, но сдержалась и, как матушка, опустила голову.

Соборовал отец Александр хорошо. Голос у него суховатый, надрывный, словно человек несѣт что-то важное и тяжѣлое, и по дороге со своей ношей разговаривает. Он обильно мазал отца Василия елеем, и казалось, то ли пот проступал на его лице, то ли слѣзы текли. И отец Василий словно оживал, только выглядел сильно уставшим. Вместе с ним тихо плакали женщины. Когда отец Александр подносил частичку, отец Василий открыл глаза, рот и затем поцеловал чашу.

— Вот и слава Богу, — сказал отец Александр, потом присел к отцу Василию и осторожно, словно боясь кого-то спугнуть, спросил:

— Ну, как ты, отче?

И отец Василий ясно ответил:

— Не знаю.

— Это хорошо, что не знаешь, — обрадовался отец Александр. Он, наверное, любому ответу отца Василия сейчас обрадовался бы. — Это только дураки всё знают.

— И хорошо, — сказал отец Василий, а после паузы добавил:

— И плохо.

— И правильно, — опять поддержал отец Александр. — Так оно и должно быть. Нам ведь когда по-настоящему хорошо бывает? Когда мы приближаемся к Богу. Вот отсюда и хорошо. А когда приблизимся, понимаем, что дальше-то уже сами приблизиться не можем, потому что кто мы

и что́ мы? Недостойны. Глаза поднять недостойны. А не то что в радость войти. Вот отсюда плохо. Теперь только Бога молить. Правильно, плачь, плачь — самое то. У тебя, отец, хорошие слёзы. Не свои. Ты, может, и не хочешь сейчас плакать, а они текут. Это Господь тебе помогает. Часто ведь бывает: хочешь о грехах своих поплакать, а слёз нет. А тут видишь, как Господь сподобил тебя, ну, плачь, плачь — это хорошо тебе.

Отец Александр посидел ещё немного и поднялся. Перекрестил отца Василия, словно разгладившегося от слёз, и шагнул к женщинам.

— Поеду я.

— Куда вы? — всполошилась матушка. — Ночуйте у нас.

— Ни-ни, — замахал руками отец Александр. — Тут я пока не нужен, — смутился немного сорвавшимся словом “пока” и, словно извиняясь, объяснил:

— Там у меня лагерь, дети, их тоже так-то не оставишь. Я приеду, обязательно приеду. В воскресенье отслужу литургию и приеду. — В дверях остановился. — Эх, а у вас-то кто литургию служить будет? И попросить некого. Ладно, что-нибудь придумаем.

С тем и уехал.

15

В пятницу к обеду приехал вызванный телеграммой сын.

Андрей, неприметный молодой человек, и в родительском доме появился тихо. Он измучился, пока ехал в тряском прокалённом автобусе двести вёрст из областного центра, а до этого была ещё бессонная ночь в аэропортах, полузабытьё в самолёте, во время которого тревожные чувства не оставляли его. Словно он направлялся во что-то неизвестное и роковое, где сам уже никак не мог повлиять на обстоятельства. И эта неясность и чувство иной управляющей силы сразу придавили, и ощущение своей малости и беспомощности не оставляло всю поездку. Сестра, позвонившая днём, ничего толком не объяснила, да, видно, и не могла, он понял только, что отец при смерти и что всё очень серьёзно, но как, отчего? Сестра сказала, что доктор велел готовиться к худшему. Так ведь вот только что весной на Пасху виделись, и отец выглядел весьма крепко и бодро. И опять это осознание хрупкости мира и невозможность изменить в нём самое важное и необходимое больно сжали сердце.

Тяжести на сердце добавила Москва. Конечно, и в подмосковном научном центре, где он жил, знали о пожарах, ощущение беды докатывалось то неприятным запахом, то перебоями со свежими продуктами. Всё это вызывало, скорее, досаду, а в Москве ему вдруг показалось, что он попал на съёмки апокалиптического фильма. И он ещё долго не мог отделаться от того, что это — реальная Москва, а не киношная площадка.

И дело было даже не в изматывающей жаре, усиленной и многократно отражённой асфальтом и камнями столицы, а в общей атмосфере растерянности и безумства. Люди, словно отравленные крысы, метались из угла в угол, готовые сожрать друг друга даже не из-за того, что кто-то мешает или отнимает кусок, а просто оттого, что сам окружающий мир погибал, и зараза уничтожения вместе с дымом проникала всюду, как невидимый психотропный газ. Каждый смог почувствовать, как ненадёжен мир и всё, что в мире, и как близок конец. Страшно...

В провинции, несмотря на ещё более жаркую погоду, страха почти не ощущалось. Здесь к концу света относились благодушно и во всём винили местные власти. По крайней мере, такое впечатление сложилось, когда Андрей сел в автобус и до него со всех сторон стали доноситься новости. Автобус трясло и порой так подбрасывало, что ясно слышалось, как все его детали подлетают в воздух, дребезжат каждая по-своему, но каким-то чудесным образом опять составляют в единое целое и продолжают катить по дороге.

В автобусе Андрей услышал и про крестный ход, и про слезу Богородицы, и про смерть женщины, и как после всего этого заболел батюшка. Его жалели... Потом снова разговор пошёл про власти, огороды, про какого-то

Петьку, которого покусали пчёлы, но вслушиваться уже не было ни сил, ни желания, так покойно и хорошо было ехать в тряском автобусе, что он с удовольствием прикрыл глаза и отстранился от внешнего мира.

16

Странно, почему мы так страшимся смерти? Ведь даже если здраво рассуждать, то мы считаем, что после смерти окажемся у Бога. Обязательно у Бога, потому что кто, если не мы? Мы же и в церковь ходим, и свечки ставим, и причащаемся... Так кто же тогда?.. Так ведь у Бога должно быть лучше! Он отрёт всякую слезу... А мы боимся. Вот взять сестру, мать — отчего они плачут? Им жалко отца? Так ведь они должны радоваться! Он прожил хорошую, добрую жизнь, так отчего же плакать, коли Господь забирает его? И почему мне самому страшно от всего этого? Нет, я не думаю, что завтра умру, мне всего двадцать шесть, мне ещё жить и жить, и хотя умом-то я понимаю, что эти тридцать-сорок лет пролетят, как единый миг, я не верю, что это будет мигом, мне кажется, это будет тянуться долго, это никогда не кончится. Да если и кончится, то чего же бояться? К Отцу отойду. Воскликнуть бы сейчас: “Смерть, где твой жалко?!” Ан нет — боюсь. Не верю... Неужели я не верю? Господи, неужели мы все не верим, что придём к Тебе?! Господи, Господи, что с нами, почему мы (ну, хорошо, я!) держимся за этот мир, хватаемся за любую соломинку, только бы удержаться тут ещё на год, на день, на миг... Почему смерть так страшна? От того, что мы точно не знаем, что там, после смерти? Но пусть это у тех, кто не верит в Тебя, кто упёрся в обезьяну, в прогресс, ну, а те, кто верит? Ведь для верующего нет смерти? Неужели мы все не верим? Ладно, я. А сестра, мать? Господи, а отец?

Андрей открыл глаза и посмотрел на отца. И снова, как в первые минуты, когда женщины пустили его к нему, он вздрогнул: настолько явственно было присутствие смерти, будто она была живое существо и сейчас сидела здесь же, у постели, терпеливо ожидая своего часа.

Андрей много видел покойников. Будучи мальчиком и юношей, он помогал отцу отпевать их, да и сама жизнь возле кладбища, казалось, должна была сделать смерть обыденным делом. Но вот ведь только что, не так давно, отец разрезал пасхальный кулич, и его мягкие, пухлые руки раздавали кусочки за семейным столом, а теперь почерневшие кости торчали из-под одеяла, на лице — матовая плёнка с жутким зелёным оттенком, под бородой ясно ощущаются провалы, словно там уже нет щёк, рта, а бородой только прикрыли пустоту. Андрей, как загнипнотизированный, не мог оторваться от созерцания лица батюшки и всё впитывал, впитывал страшный образ, как вдруг веки отца дрогнули, и он шевельнул рукой, словно хотел дотронуться до сына. “Он всё понимает и видит”, — подумал Андрей, глядя на закрытые глаза отца, и, преодолевая страх, взял его руку в свою. Тот благодарно дрогнул пальцами.

— Почитай, — вдруг шевельнулись губы отца.

Это прозвучало так ясно, что Андрей снова и неожиданно радостно подумал: “Да он и впрямь всё соображает”.

— Что почитать? — спросил он.

— ...стырь, — донеслось уже не так чётко, но Андрей понял, поднялся, взял лежащую у изголовья книгу. “Видимо, Маша, читала”, — и раскрыл на заложенной странице.

Это был 104-й псалом. Андрей представил, как, прочитав предыдущие (он хорошо знал их, это были благодарственные псалмы, часто читавшиеся во время службы), Маша расплакалась и закрыла книгу.

— Славьте Господа... — голос его дрогнул, он снова ясно увидел плачущую Машу: как славить Господа у постели умирающего отца?! А каково ему?! Он посмотрел на отца, и показалось, что тот слегка качнул головой, давая знак, чтобы Андрей продолжал.

— ...призывайте имя Его; возвещайте в народах дела Его; воспойте Ему и пойте Ему; поведайте о всех чудесах Его... Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда.

Андрей задохнулся от того, как точно стих совпал с его мыслью, прочитал его про себя ещё раз и снова посмотрел на отца. Лицо его было спокойно, безмятежно и бесстрастно. “Вот оно...” — только подумал он и тут же отмахнулся от мысли, чтобы не мешала: читать, читать...

17

Андрей был прав — отец Василий всё понимал. Он переживал странное состояние: тело не мешало ему, оно ощущалось, скорее, как нечто уже не своё, но без которого никак не обойтись, если нужно было общаться с миром. Не любил, например, отец Василий телефона, а хочешь голос дочки услышать — так берёшь трубку, да ещё просишь при этом: “Давай, милая, давай, соединяй, пожалуйста”. Так и с телом — его приходилось просить и натягивать на себя, как новые жмущие сапоги. Вот и сейчас отцу Василию пришлось вернуться в тело, чтобы утешить сына. Он так и понимал, что это он, бездвижный, поддерживает его. И всякий раз отец Василий решал: вернуться ему окончательно или нет? Вообще без тела было хорошо. Как только отец Василий забывал о нём, становилось легко и радостно. И он готов был лететь, парить, но страх, жуткий страх неизвестности всякий раз сковывал полёт. Что там?

Однажды дикая мысль посетила его: “Неужели я в Бога не верю? Ведь, если бы верил, я бы стремился к Нему, а я боюсь. Я ведь не суда боюсь, я боюсь, что не будет никакого суда”. И, когда он так подумал, вселенский холод, не тот, который чувствуешь, когда съёшь руку в холодильник, а тот, в котором отсутствует тепло, коснулся умирающего отца Василия. И некуда ему, прикованному к кровати, было убежать. Тогда он стал скороговоркой повторять: “Господи, помилуй, Господи, помилуй”. Через пару минут уже повторял размереннее: “Господи, помилуй мя, грешного”, потом стал молиться ещё спокойнее: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного”.

“Что это было?” — думал отец Василий и сам себе отвечал:

— Дыхание ада. Но если есть ад, тогда есть и рай. Тогда отчего же так страшно? Неужели оттого, что я просил, а Он не услышал? Нет, как Он мог не услышать, просто Его воля в другом. А в чём? Господи, как узнать волю Твою? А если Он откроет... А я не смогу понести... Не смогу, потому что слаб и немощен... Я всё время мечтал о тихой и мирной жизни. И в храме всегда на службе старательно возвышал голос о мирной кончине. Да и катилось всё к этому: под крылом отца тихо-мирно взошёл на амвон, потом так же тихо-мирно служил, крестил, венчал, отпевал... когда звали. Если не звали, то и не напрашивался... А вот теперь так страшно... А может, страшно оставлять жену и детей, которые, конечно, переживают и будут ещё долго переживать. Так ведь это временно. Дети пристроены, с женой пожилы... Да и сами понимать должны. Поплачут, поплачут и перестанут. А люди? Люди и не заметят, пришлют другого священника, который будет и моложе, и деятельнее... Бог с ним, с этими миром.

И ему уже хотелось уйти отсюда, пусть даже в страшную неизвестность, но пусть скорее это перестанет быть неизвестностью, в которую тянуло, как тянет в пропасть.

Но почему обязательно в пропасть?

Ему всё чаще вспоминалось, как страдал, уходя к Богу, его отец — протоиерей Георгий. Слёзы постоянно текли из его ослепших глаз, и он деревенеющим языком всё корил себя: “Как же я тогда, грешный, крестом-то по двери... Святым крестом! Прости, Господи, не вмени, в помрачении был, в помрачении”.

Отца Василия тогда поразили не столько постоянные слёзы умирающего человека, это даже являлось для него признаком чуть ли не святости. Такой плач Бог даёт не каждому, и он радовался, что отец так угодил Ему, а поражало, что отец Георгий, проживший такую трудную, полную страданий и мученичества жизнь (голод после революции, выламывание крепкого крестьянского хозяйства, каторжный труд на поселении после раскулачивания,

война, послевоенная разруха, уход в церковь, когда начались хрущёвские гонения, служение при богоборческой власти), кается за поступок, который считался одним из подвигов отца Георгия, прочно вошёл в историю села и с гордостью пересказывался приезжим.

В начале девяностых в одно тихое июльское утро на селе появились адвентисты какого-то дня, купили дом в самом центре рядом с администрацией и собрались открыть молельню. Отец Георгий, произнеся проповедь, где он, в основном, рассказывал, как защищал Отечество от немца, сошёл с амвона и двинулся в центр села. Прихожане пошли за ним, по дороге всё более и более прирастая людьми, так что к дому адвентистов подошла уже внушительная толпа, а впереди — отец Георгий: брови сдвинуты, взгляд решительный, борода развеивается, крест в руке сверкает, словно молния, в общем, Победоносец, да и только. Адвентисты забаррикадировались и не высовывались, пренебрегая, как поняла это толпа, общественным мнением. Отец Георгий поначалу стучал в дверь вежливо, но там, видимо, решили держать осаду до конца, как турки в Измаиле. Тогда батюшка, осерчав, стукнул крестом по двери, и та неожиданно раскрылась. Настолько неожиданно, что толпа притихла. И отец Георгий шагнул внутрь. Не было его минут пятнадцать. Что там происходило, никто не знает, но вышел отец Георгий такой же грозный.

— Всё, — объявил он. — По домам.

— А эти-то как же? — спросила какая-то тётка.

— По домам, — повторил отец Георгий.

— Чё, не будем мочить? — спросили ещё огорчённо. — Обещали же...

— Я сказал: марш по домам, — рявкнул батюшка, поднял крест, и все шарахнулись от него, словно он не крест поднял, а гранату.

Адвентистов никто больше в селе не видел. Не видели даже, как они исчезли, собственно, никто не видел и того, как они и появились в селе. Слово дух какой-то: материализовался и растаял, яко дым.

“Отчего отцу были дарованы такие слёзы, а мне — нет? — думал умирающий священник. — Страха Божия нет во мне... Привык, что всё хорошо да гладко: ни голода, ни холода, ни войн — всё какое-то обыденное тягло. Но ведь вот отец, он на адвентистов пошёл в мирное время. Скорбел потом, но какие слёзы дал Господь! А не делай отец тех поступков, были бы такие слёзы?”

18

Вечером приехал муж Маши Виктор — высокий красивый молодой человек с русыми вьющимися волосами, высоким лбом и большими наивными глазами — больше похожий на актёра, чем на бизнесмена. Одет он был неброско, но настолько элегантно смотрелись чёрная рубашка с еле уловимыми белыми нитями, отливающая кремовым цветом тёмные брюки и даже ремень с отполированной до зеркального блеска чёрной пряжкой, что невольно хотелось найти в нём хоть какой-то изъян, и Андрей подумал: “Белое ему подошло бы лучше”.

Жена подошла и поцеловала его. Он чуть приобнял её и тоже поцеловал, и Андрей снова, как тогда, на Пасху, когда они первый раз встретились, с некоторой завистью отметил, что они по-настоящему любят друг друга. В движениях, жестах, взглядах всё было так естественно, что не могло не восхищать, как восхищают лес, река, поле, незапятнанные цивилизацией. На какую-то минуту они даже забыли, зачем приехали сюда, а просто радовались тому, что они муж и жена и что они вместе.

Виктор заглянул в комнату, где лежал отец Василий. Там читала Псалтырь матушка. Она оторвала взгляд от книги, посмотрела на зятя, и его поразили её строгие глаза и лицо. “Ничего себе, как хорошо держится, — отметил Виктор. — Вот молодцы православные!” Матушка кивнула зятю и продолжила чтение, получалось у неё ровно, только частые придыхания немного разбивали фразы, и не выходило Машиной напевности. “Ну, так Маша-то у меня специалист, на регентшу училась”, — лишний раз похвалить жену было Виктору в удовольствие. Он посмотрел на отца Василия и ещё

раз удивился: он не заметил в нём высохшего тела, а только довольного маленького ребёнка, которому долго обещавшая мама наконец-то взялась читать сказку перед сном. “С чего решили, что он умрёт?” — подумал Виктор и вышел из комнаты.

Маша разбирала привезённые сумки.

— Перекусишь или подождёшь, пока ужин соберу?

— Подожду, — Виктор подошёл к столу, отрезал кусок колбасы и принялся жевать, расхаживая по кухне. — А чем он всё-таки болен?

— Толком ничего не объясняют. Главврач говорит про тепловой удар и психическое истощение. А больше давит на то, что у него психологическая травма: мол, просил у Бога дождя, народ за ним, как за Моисеем, пошёл, а он Моисеем не оказался — Бог его не услышал, вот он и надломился.

— Чуть это всё, — сказал Виктор, подошёл к столу и отрезал ещё колбасы. — Он же знает, что Бог не каждую просьбу исполняет. Ведь так?

— Так... Там, во время крестного хода, ещё икона плакала. Все видели, как у неё слёзы текли.

— Вон оно что... Надо же. Жалко, не видел. Давно хочу чудо увидеть. А мне всё не даётся. Почему так, Маш, а? Хотя нет, ты у меня — чудо. Я вот, знаешь, и правда думаю: это же чудо, что Господь нас свёл. Я сейчас уж и не помню, зачем тогда в храм зашёл... а ты там пела... Мне, Маш, иногда страшно бывает, когда вдруг представляю, что я тогда мог мимо проехать. А тут велел остановиться. Зачем? Да я говорил тебе уже об этом, да... Может, всё-таки отвезти его в область?

— Давай подождём до утра.

— Как скажешь. Видишь, я стараюсь быть послушным. А когда ужин? Ну, ладно, ладно, я ещё кусочек отрежу и пойду посмотрю кое-какие бумаги...

19

К ужину поднялся Андрей. Он выспался, тягостное состояние ушло, родной дом вернул забытое чувство уюта, было даже неудобно, что он чувствует себя так хорошо. “Вот как у Господа, — думал Андрей, — надо было приехать к умирающему отцу, чтобы в душе немного успокоилось...”

После ужина мужчины вышли на улицу. Солнце уже село, наползавшие сумерки всё больше скрадывали окружающее, а главное — тянуло желанной прохладой.

Идти было некуда, они сели возле дома на лавочку, и Виктор спросил:

— Ну, как дела, химик?

— Да не химик я, — улыбнулся Андрей семейной шутке, которую быстро усвоил Виктор. — Я — физик.

— Всё равно. В молекулах ковыряетесь?

— Ковыряемся...

— А я вот всё спросить тебя хотел: почему ты в священники не пошёл? Сейчас бы служил здесь — смотри, благодать-то какая, тихо, хорошо, ни министров, ни налоговой, на накатов, ни откатов...

— Не скажи, тут тоже не просто, сам видишь, какие тут страсти. А я, между прочим, ни одного священника старше сорока, у которого не было бы седого волоса, не встречал. А потом — это же призвание. Господь каждому даёт талант по силе и разумению. И мне кажется, счастье каждого человека — открыть этот талант, а не пытаться заниматься не своим делом. Мне всегда было интересно знать, а как оно там происходит внутри? Не на механическом уровне, а глубже. Как это Бог мог так всё гениально устроить и обо всём подумать. Иногда мне кажется, что я хочу объяснить Бога с помощью науки. Себе — в первую очередь.

— Если ты пытаешься объяснить себе Бога, получается, что ты и не веришь... Прости, конечно.

Андрей помолчал.

— Наверное, ты прав. Страха Божия у нас нет. Всё за запретными плодами стремимся... Эх, вот ты не застал нашего деда — вот где вера была.

— А как же твой отец?

— Мне кажется, он только сейчас к ней приходит.

— Тогда Бог не должен его забирать! — Виктор подскочил с лавочки, сделал пару шагов туда-сюда и решительно рубанул:

— Мне кажется, что он не умрёт!

— Дай Бог... — ответил Андрей, и опять ему стало стыдно, что вот человек, только недавно вошедший в их семью, так искренне переживает за отца, а ему, единственному сыну, в общем-то не так уж и важно, останется жить отец или нет. Не совсем, конечно, всё равно... но вот же сейчас вместо того, чтобы переживать за отца, он наслаждается покоем и даже где-то глубоко-глубоко рад, что смертная болезнь отца вырвала его из привычной суеты. “А что дальше?” — подумал он.

— А какой у меня талант? — не дал додумать шагавший перед лавочкой Виктор.

“Он тоже о себе думает, — отметил Андрей. — Смерть вообще заставляет думать о себе. Так что же дальше?.. Приносит ли мне радость то, что я делаю?”

— Приносит ли тебе радость то, что ты делаешь?

Виктор остановился.

— Ты меня спрашиваешь?

— Ну да.

— В общем-то да, совесть особо не мучает. Мне интересно что-то организовывать, строить. Это здорово: вот пустое место, и ты видишь, как на нём поднимается дом или завод, или вот, например, мы сейчас уникальный объект пробиваем... А вообще хочется в Сочи влезть — вот где можно по-настоящему поработать...

— Что, там больше воруют?

— Там платят нормально.

20

На следующий день Андрей еле поднялся с кровати. Просыпался и снова погружался в дремоту, и так не хотелось вылезать из удобной постели в мир (а что там, собственно, делать?), что даже когда заломило в спине, он всё равно продолжал лежать, прикрыв глаза и закинув руки за голову.

Всё же лежать надоело, пришлось подниматься. Но сонное ленивое состояние не отпускало, Андрей зевал, спотыкался, за столом, откусив бутерброд, выронил кусок изо рта, чем рассмешил Машу. Она, в отличие от брата, была бодра и энергична. Под утро, когда сменила за чтением Псалтыри Андрея, она заметила, что папа спит. Это был сон совершенно здорового человека, с ровным дыханием, чуть приоткрытым ртом и безмятежным выражением лица, какое бывает разве что у детей и вышедших недавно замуж молодых девушек. “Витя был прав, — отозвалось в ней, — папа не умрёт”, — и теперь это чудесное настроение, что всё будет хорошо, не покидало её.

Накормив брата, она занялась с мамой приборкой дома. Виктор сидел в папиной сараюшке с бумагами и ноутбуком, только Андрей маялся без дела. Он пробовал читать, но книга валилась из рук, пробовал помогать женщинам, но только мешал им, пробовал выйти на улицу, но там снова пекло, так что опять пришлось браться за папины книги, которые перечитал ещё в юности. “Хоть бы скорее обед”, — Андрей совсем не знал, куда деть себя, но с обедом никто не торопился, и он уже начинал ворчать: “Так и забудут про меня”.

— Андрей! — позвала Маша, и тот аж подпрыгнул и бросился в коридор. — Тебя отец Александр к телефону.

Андрей несколько удивился и взял протянутую трубку.

— Благословите, батюшка.

Из трубки побежал весёлый говорок отца Александра:

— Бог благословит. Ты вот что, Андрей Васильевич, поможешь мне завтра? Ага, хорошо. Службу-то не забыл? Отлично. Я что думаю, приеду я к вам завтра, у меня тут есть кому послужить, а я — к вам. Только я пораньше приеду, мы и утреню отслужим, а потом — литургию. Ну, и хоро-

шо. Я часикам к восьми приеду, а ты пока, Андрей Васильевич, приготовь там всё, ну, ты знаешь...

Звонок отца Александра разбудил Андрея — наконец-то нашлось ему дело. Он взял у матушки ключи от храма. Казалось, он так давно тут не был, а ведь только на Пасху помогал служить отцу. Прощёл в пономарку, стал раскладывать уголь, кадило, ладан, долго не мог найти Апостол, нашёл на клиросе, а ещё надо приготовить свечи, потом захотелось прибраться в алтаре, сходил домой за ведром и тряпками.

Не заметил, как в храме появились люди — две женщины и мальчик. С минуту недоумённо смотрели друг на друга.

— А служба будет? — спросила одна из женщин.

— Завтра в восемь — утренняя будет, потом литургия, — ответил Андрей и добавил:

— Благочинный приедет служить.

Женщины потоптались у дверей.

— Может, помочь чего?

Андрей задумался:

— А вот свечи приготовьте...

Потом почистили лампадки, умыли иконы. Пришла мама с сестрой, принесли ещё ведро и тряпки — началась настоящая уборка, как перед Пасхой. Ещё появились люди, все что-то делали, каждый вносил свою лепту, и этот совместный, хоть и не великий труд приносил радость. Потому что любое, пусть малое усилие на Божьем поприще — это отдых душе и утешение.

21

На следующий день храм наполнился с самого утра, а народ всё прибывал, к началу литургии уже невозможно было втиснуться внутрь, и люди стояли у раскрытых окон, крестились и подпевали.

После службы был ещё молебен, а потом отец Александр пришёл пить чай.

— Ну, как ты? — спросил он отца Василия.

— Да ничего, слава Богу... — Отец Василий полулежал, приподнятый на подушках, и радостно оглядывал вошедших.

— Гм... А как решил-то?

— Хорошо мне, — ответил отец Василий. — Воскресение сегодня...

— Да, малая Пасха. Эх, отче, знал бы ты, сколько нынче за здоровье отца Василия я записок прочёл! Так что ты уж народ не подводи, поднимайся потихоньку. Жатвы много, а делателей, как всегда, не хватает. Разве что вот Андрея твоего рукоположить, а? Он славно помогал сегодня. А уж как Апостол читал! М-м, песня!

Андрей смутился и опустил глаза, а отец Василий благодарно улыбнулся.

— А как Маша твоя на клиросе пела! Вот талантище! — продолжал восторгаться отец Александр. — А зять твой, как встал у иконы Богородицы, так и глаз не сводил с Неё. Я всё видел! А народу-то сколько в храме было! И правда — самая настоящая Пасха сегодня. Видишь, какой Господь нам праздник даровал. А ведь это всё на земле ещё. Что ж ты плачешь-то? А-а, ты же дождика просил — вот тебе и дождик Господь послал. Всеуму, видишь, своё время. И ты давай, поднимайся потихонечку — наша-то с тобой командировка ещё не закончилась...

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ

НА СВЕТЕ СЧАСТЬЕ ЕСТЬ...

* * *

На свете счастья нет...
А. С. Пушкин

На свете счастье есть — на берегу Оки,
Пока с тобой блесна и верная тетрадка.
Там в лодочках своих притихли рыбаки,
Там на душе светло, и радостно, и сладко.

На свете счастье есть — о том шумит камыш
На окском берегу, да квакают лягушки,
Ритмично бередят взволнованную тишь
Протяжные стихи пророчицы-кукушки.

На свете счастье есть и будет, и всегда
Лучиться будет свет с высоких звёзд небесных.
На донышке сверкнёт хрустальная вода,
И масляных стрекоз обрушится слюда
На племена живых, на семьи бессловесных.

На весь подлунный мир обрушится строка
Барочным потолком и звёздною извёсткой,

ЭРАСТОВ Евгений Ростиславович родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался в журналах "Волга", "Москва", "Дружба народов", "Звезда", "Наш современник", "Новый мир", "Сибирские огни". Автор четырех поэтических и трех прозаических книг. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

И сразу станет жизнь прозрачна и легка,
На небе кружевном проступят облака,
И зазвучат в ушах столетий отголоски.

На свете счастье есть, и оттого легка
Походка муравья, несущего иголку.
Покуда так легка рождённая строка,
Не можешь ты сказать, что жизнь прошла без толку.

* * *

Под горой созревает китайка.
Приближается яблочный Спас.
Легкокрылая ангелов стайка
Ставни неба открыла для нас.

Криворукой листвы своеволье.
Трав вельможных магнацкая спесь.
Безоружная песня щеголя,
Кислорода тяжёлого взвесь.

Этот голос, знакомый до дрожи,
Где ни боли, ни жалкой борьбы.
Ведь не зря ты почувствовал всё же
Тёплой кровью и трепетной кожей
Дуновенье высокой судьбы?

Тихий голос отчётливей слышишь
И над миром подлунным летишь.
Поднимаешься выше и выше
Крон деревьев и крашенных крыш.

Под тобою — еловые чаши,
Голубые монетки болот.
И всё легче на сердце, всё слаще,
И всё ближе до Райских Ворот.

* * *

Не страшно ни на грош, что канешь в пустоту,
В расколотую тьму, бездонную, немую,
Что плавно перейдёшь за узкую черту,
В непостижимый мир, в пучину мировую.

Прозрачная роса по ветке проползёт
И канет навсегда в суглинок горемычный.
Быть может, и тебе когда-то повезёт,
Ровесник мой — скворец, певец русскоязычный.

В молочных облаках, в возлюбленной тиши
Пируй на высоте и пей из лунной чаши.
Сгоревшего угля в себе не вороши,
Обломки не круши — там всё уже не наше.

Неужто в том беда, что не вернуть назад
Всех улетевших дней взволнованную стаю?
Покуда ждёт тебя Небесный Вертоград —
Ничто не обольстит, никто не испугает.

Пускай осенний лист кружится и шуршит
Над горестной землёй, над братскою могилой.
Сквозь трепетный эфир уже к тебе спешит
Воспитанник небес — посланник шестикрылый.

* * *

Кто-то крестик в траве потерял —
Муравьишка ползёт по цепочке.
Фотографии бледный овал,
А под ней — чуть заметные строчки.

Средь кладбищенской сонной травы
Нас окликнут истлевшие предки
Кумачом обречённой листвы,
Чуть заметным движением ветки.

Над чредой сиротливых могил,
Как туман, неземное паренье —
Трепетание ангельских крыл,
Еле слышное тонкое пенье.

И дыханье Божье парит
Невесомой струёю эфира,
И заблудшую душу щемит
Тихий выдох нетварного мира.

г. Нижний Новгород

ЕЛЕНА РОДЧЕНКОВА

ПРОДАЁТСЯ РОДНОЙ ДОМ

РАССКАЗ

Когда Леониду Петровичу Федорову, директору металлургического завода, позвонили из райотдела милиции и сообщили, что в его родном деревенском доме кто-то похозяйничал, он не расстроился. Брать там было нечего, ездил он туда редко, больше двух-трех дней не выдерживал, а супруга Илона старый дом не любила. Дочки жили за границей, и материнский дом фактом своего существования очень портил жизнь всей их семье.

— Сколько веревочке не виться, а конец будет. Спалют и отмучаемся, — сказала Илона, и Леонид Петрович решил продать дом, чтобы не спалили.

Илона нашла покупателя, и как только следователь райотдела вызвал Федорова оформить бумаги и закрыть дело, Леонид Петрович оставил замам свое огромное предприятие и поехал продавать дом. Мог бы по доверенности, но что-то не пустило. Поехал сам.

Приехал поздно вечером, открыл скрипучую дверь, включил электрический самовар, затопил русскую печь. С дороги устал, забрался наверх еще холодной печи и, как был, в выходном костюме, сунулся в старые валенки и уснул.

Снилось ему что-то непонятное, лишнее, страшное. Оно цеплялось за горло, мурашками бегало по телу и било по ногам. Федоров отчаянно сопротивлялся, что-то мычал, но никак не мог крикнуть и позвать на помощь. Пытался махать руками, но руки были неподвижными. Это жуткое без назва-

РОДЧЕНКОВА Елена Алексеевна родилась в г. Новоржеве Псковской области. Окончила Ленинградский институт культуры и Ленинградский гуманитарный университет. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Живёт в Санкт-Петербурге.

ния толкало его в бок, прокусывало кожу и просачивалось внутрь, растворялось в крови, устремляясь к сердцу.

Леонид Петрович резко открыл глаза. Непроглядная тьма вокруг навалилась и стала душить его. Он уперся ногами в стену, головой — в другую, поднял правую руку и нащупал крышку... гроба. Пошарил левой рукой. Там тоже была стена.

“Все...” — мелькнуло в его голове. Он дрогнул всем телом и замер в ледяном оцепенении. Волосы на затылке поднялись дыбом, пальцы скрючились, ухвативши ворот рубахи, тело выпрямилось, как кол, и жизнь остановилась.

Несколько секунд он уже ничего не чувствовал, потом вдруг услышал звук своего сотового телефона, кольхнулся так, будто в него попала бомба, обмяк, расплылся, и тихонько забыл. Его тоненький голосок, жалобный и чужой, исходил не из горла, а откуда-то из висков и напоминал мелодию сотового телефона.

В ногах Федорова неожиданно кто-то зашевелился, закопошился. Федоров, равнодушно воя, отодвинул ногу, и неизвестное животное прыгнуло ему на грудь, вцепилось когтями в кожу. Увидев кошачьи глаза, поняв, что он не в гробу, а дома на печке, Федоров потерял сознание.

“Приснится же такое!” — шептал Леонид Иванович, с трудом слезая с высокой печи. После печной духоты в избе показалось холодно. Мокрый, потный, Леонид Петрович снял галстук, мятый пиджак повесил на спинку стула и полез в шкаф найти что-нибудь переодеться.

Среди стопок с домоткаными вышитыми полотенцами и скатертями отыскал две новые неношеные маманины фланелевые кофты. Повертев их в руках, одобрительно кивнул. Одну положил про запас назад, а другую надел. Пригладил перед зеркалом торпорщасьуюся от выгачек на груди материю, сунул руки в большие накладные карманы, в которых маманя обычно носила спички, конфетки для ребят и прочую мелочь, и вдруг лицо его скривилось, он закрыл глаза рукой и долго так стоял у зеркала в цветастой мятой кофте — голубые незабудки по зеленому полю... Маманя любила незабудки. Он носил ей их с реки...

Когда в окно постучали, Леонид Петрович растапливал печь. Он подошел к окну, отдернул штору, протер рукой запотевшее изнутри стекло.

— Чего, Серега?

Сосед Серега, дрожа от утренней свежести, показывал что-то на пальцах, с отчаянием проводил рукой по горлу и изображал губами и глазами какую-то речь. За Серегой спиной, понуро свесив голову на грудь, уперев руки в боки, согласно кивал дачник Ледков.

— Говори толком, что ты руками машешь? Слышу все, не в поезде сижу. Ну?

Серега призывно махнул головой, а потом рукой — иди, мол, сюда, на улицу.

— Печку топлю, заходите сами, не закрыто.

Леонид Петрович взял нож и стал чистить картошку. В окно снова постучали.

— Чего?! Дверей не нашли?

Дачник Ледков мрачно, исподлобья дырявил глазами Леонида Петровича.

— У тебя бензин есть? — деловито спросил Серега.

— Есть.

— Тогда заводи машину.

— Начинается! Я печку топлю.

— Не хочешь помочь человеку в беде?

— Водка кончилась?

— Корова не доена второй день. Гибнет животина. И, главное, что на привязи пасется, сама прийти не может.

— Где?

— Да тут близко. Женя говорит, что на горе, за деревней.

— Собака я, собака, забыл, — покаянно сказал дачник Ледков.

— Стихни, Женя. Поехали, Левонид.

— Сами дойдете, тут недалеко.

— Да дошли бы и без тебя, но я корову доить не умею, а ты умеешь. А у Жени вон — рука вывихнута, упал он.

— Умею доить, да... — кивнул Леонид Петрович.

— Бери ведро, поехали, Левонид. Надо корову выручать.

Август стоял прохладный, но не дождливый, однако дорога была плохой.

Выехав за деревню, Федоров вопросительно глянул на Серегу, который с интересом изучал дорогой сотовый телефон Леонида Петровича, взвизгивая в ответ на внезапные входящие звонки и вежливо подставляя телефон к уху Федорова для разговора.

— Женья, где корова? — спросил Леонид Петрович.

— На горе, — сказал дачник Ледков и вдруг громко взхлеб заржал.

Федоров с опаской глянул через плечо, кивнул Сереге и вопросительно покрутил пальцем у виска.

— Нет?

Серега оглянулся и долго изучающее смотрел на дачника.

— Женья, а чего ты ржешь? Может, на другой горе? Не на этой? Тут нету коровы, Женья.

— Плохо смотришь! Есть! — вдруг мрачным, густым басом произнес дачник Ледков. — Вылезайте, доить будем.

Леонид Петрович поежился, остановил машину и открыл дверцу. Лучше уж выйти, чем чувствовать за своей спиной Ледкова.

Дачник вырос перед ними, огромный, лохматый, злобный, будто из-под земли, и гаркнул:

— Ты — к корове, ты — к козе!

Голос у него был глухой, густой, вязкий. Казалось даже, если он закричит на всю округу, то эхо не отзовется.

Федоров все же глянул на машину — нет ли там второго дачника Ледкова?

— К какой козе, Женья? — нерешительно переспросил Серега.

— Вперед, на мины! — прорычал дачник, махнув огромным штык-ножом над головой. Где он его прятал, откуда выгацил, ни Федоров, ни Серега не поняли. Серега схватил Федорова за руку, и, гремя ведром, они рванули в сторону леса.

— Что делать-то, что делать? — поминутно оглядываясь на бегущего сзади дачника, выпучив глаза, шептал Серега, больно вцепившись отросшими ногтями в руку Федорова.

— Женюшка, не спеши, не повались! Успеем, подоим. Вон они стоят, коровки твои и козы... — кричал он дачнику Ледкову истошным голосом.

— Убью!!! — вопил дачник Ледков, гремя тяжелыми сапожищами.

Когда они добежали до редких молоденьких сосенок, лохматая голова дачника с озверевшими глазами еще долго мелькала среди деревьев. Обессиленный, Серега и Леонид Петрович рухнули в яму под вывернутое с корнем огромное дерево. Долго не могли отдышаться.

— Он машину водит? — спросил Федоров.

— Водит, — тяжело дыша, кивнул Серега, — А ключ там?

— Там.

— Уедет. И телефон твой спортит, — прошептал Серега, трясущимися руками вытирая пот со лба.

— Ты хоть бы спросил у него, почему корова на горе пасется, — укоризненно сказал Федоров. — Что корове тут делать? Она ж в стадо ходит...

— Какое стадо? Нет уже теперь стада. Три коровы на деревню.

— Так у него есть корова-то?

— Нет, конечно.

— А зачем же ты мне сказал ехать?! Серега! Блин!

— Откуда я знал?! Может, его кто попросил подоить? Может, чужую? Может, пока я в запое был, он эту корову на гору привел! Откуда я знаю!

— О-о-о-о, — простонал Леонид Петрович, представив, как дачник Ледков едет на его машине по трассе и отвечает на звонки его заместителей.

— О-о-о! Вот тебе и о-о-о! А ты как думал? Я ж две недели отсутствовал.
— На хрен! Продать и дело с концом. Все! Вот на этом как раз и точка! — сказал Леонид Петрович и полез из ямы.

Сергеа всю дорогу молчал, напряженно глядя в мелькающие стволы деревьев — нет ли где случайно лохматой головы дачника Ледкова.

Только один раз он доверчиво сообщил другу детства Федорову, что ведь Ледков тоже шел с ним эти две недели.

Машины на месте не было.

Леонид Петрович вспомнил сразу свою супругу Илону. Вспомнил с каким-то тревожным трепетом, будто любимую женщину, и трепет этот не отпускал его душу до самой деревни.

Пошли к Серегинной Ольге.

— Ольга! Женя не проезжал на машине? — спросил Сергеа.

Ольга, посторонив Сергеа и Федорова, степенно вошла в дом, неся в руках штук пять куриных яиц.

— Здравствуй, Лень! В отпуск приехал или так?

— Так.

— Плоховато куры несутся. Не знаю, что и делать.

— Витаминово не хватает, — сказал Федоров.

— Давала витамины, как же. Пятнадцать куриц, а всего по пять яиц в день. Что ж такое?

— Да ты слышишь мужа или нет?! — возмутился Сергеа, — Женя, спрашиваю, на машине черной, большой не проезжал?

— Утром был у нас. Вы ушли корову доить.

— Это я знаю! Я про машину спрашиваю!

Сергеа вспотел от негодования.

— Чью?

— Нашу!

— У нас нет машины, Сергеа. Женя ушел корову доить.

— Тогда скажи, откуда у него корова? — ядовито прошипел Сергеа.

— У него нет коровы. Зачем она ему?

— Так что ж ты, такая-сякая, мне это утром не сказала? — взвился Сергеа, нервно оттягивая тесный ворот свитера, — Что ж ты, кровопийца, ухом не ведешь, когда твоего мужа на верную гибель, на смертную казнь уведят?

— В чем дело? — мирно удивилась Ольга, — Сергеа, ты завтракать не стал, сказал, что мутит, и сам пошел корову доить. Может, свининки пожарить? Будете есть с Ленией? Я быстро.

— У-у-у, — протянул Сергеа, обхватил голову руками и рухнул на диван. — Видишь, Левонид, с кем я живу?

— Понимаешь, Оля, — занервничал Леонид Петрович, — Дачник этот Ледков машину мою угнал. Мы ездили корову доить, а он уехал. И телефон там. А я ведь все-таки директор... мне звонят ведь...

— Чью корову? — уточнила Ольга.

— Ничью. Мы ее не нашли, она ушла. А ты не видела, не проезжал он мимо окон?

— Только Михалыч на молоковозе проехал и все. Женю не видела. А что случилось?

— Да машину он угнал! — завопил Сергеа.

— Это мне понятно. Ну а случилось-то — что?

— У-у-у, — взвыл Сергеа и бросился вон из дома.

— Сергеа, надо в милицию позвонить! — крикнула ему вдогонку Ольга, — И в больницу! Вдруг он погиб?

Леонид Петрович пошел за Серегинной.

— Сергеа, откуда позвонить в милицию?

— От Петра Иваныча, у него дома телефон, — простонал Сергеа.

— Ленечка, — окликнула из проема двери Ольга, — Ты бы пошел домой, переоделся. Сними тетикатину кофту, а то люди смеяться над тобой будут.

— Отстань от нас! Отстань!!! При чем тут кофта?! Мы чуть не погибли! — завопил Сергеа.

От Петра Иваныча они позвонили в райотдел милиции, долго и подробно объясняли ситуацию, потом позвонили в больницу и рассказали, что опасный дачник Ледков ездит где-то на машине. Не прошло и часу, как в деревню приехала “скорая помощь”, а потом участковый на мотоцикле. Серега отправился с ними на место происшествия, надеясь найти машину неподалеку от горы, а Леонид Петрович пошел домой. Покормил прилудившуюся к дому черную кошку, пошел в сарай, взял косу и стал выкашивать двор и сад.

Косил до самого вечера, изредка останавливаясь, чтобы подточить косу. Сначала косил играючи, с наслаждением, потом набил руку, и дело пошло быстрее, но уже не так весело.

Тяжелые мысли о приезде Илоны и покупателей не выходили из головы. Приближаясь постепенно к краю сада, загадывал: “Вот до антоновки докошу, и Серега прибежит, скажет, что нашли машину. Илона и не узнает ничего”. Но от антоновки он докашивал до осенней полосатки, а Серега не шел, и вокруг не было ни души. Маленькая, еле живая деревня под вечер совсем затихла.

Когда Леонид Петрович, обливаясь потом и шумно дыша, докашивал последние метры, сзади по скошенному тихо подошла соседка тетя Аня.

— Труд на пользу, Леник, — сказала она.

— Спасибо.

Он остановился, оперся о косу и положил голову на руки.

— Устал, поди? Ты в траву ляг, — посоветовала тетя Аня, — Она сейчас помирает, скошенная, всю силу косарю отдаст.

Леонид Петрович послушно рухнул в ароматную траву и растянулся.

— Ты куда укус девать будешь?

— Вам отнесу.

— Спасибо, Леник. А я тебе молочком заплачу. Хочешь, нынче, хочешь — на следующее лето.

— Я, тетя Ань, дом завтра продам. Больше не приеду.

— А... Ну-ну, — кивнула тетя Аня. — Люди-то хорошие покупают?

— Хорошие.

— Да, люди все хорошие. Это сейчас так кажется, что жизнь долгая, а не успеешь оглянуться — старость. Ох, все кости ноют, Леник. Где и покой найти, как не в родном доме? Нигде его нету, покоя, окромя как в нем.

— Мне тут сны плохие снятся, — пожаловался Леонид Петрович.

— Значит, так надо. Забыла спросить, поймали Женю-дачника или нет?

— Пока все тихо.

— Вот горе, — сказала тетя Аня и пошла из сада.

— Теть Ань! — окликнул ее Леонид Петрович, — Это не ваша кошечка ко мне пришла жить? Черная, маленькая.

— Моя дома. Она старая, слепая уже, с печки не слазит.

Кошка сидела на кровати и умывалась, тщательно вылизывая лапку, будто в ней было мороженое.

— Гостей намываешь? — нахмурился Леонид Петрович. — Приедут гости, приедут.

Он подошел к шкафу, достал с полки три полотенца, старое маманино платье, в котором она была на его свадьбе, кружевную скатерть, которую маманя стелила на стол только по большим праздникам.

— Куда это все деть? А, Мусь? Кому это все надо?

Он погладил кошку.

— А тебя куда деть?

На веранде раздалось громыхание, в дом, шумно и радостно дыша, влетел Серега:

— Левонид! — торжественно провозгласил он с порога. — Психа поймали! Ура! Опасность миновала!

— Ура, — усталю, с облегчением выдохнул Леонид Петрович.

— Теперь его будут лечить. В психушку повезли. А машину он твою разбил. Вдребезги! Платить ему нечем, имей в виду.

Леонид Петрович выпрямился.

— Вот, Левонид, какая все-таки он сволочь! Обманным путем поката́ться захотел.

Сергеа гоготнул.

Леонид Петрович молча встал и полез в сумку.

— Знаешь, куда он поехал, Левонид? Домой! В городе корову с козой искал. Во, дурик! Где ж в городе их найдешь, если их и в деревне нет.

— Короче, — прервал его Леонид Петрович, — Я спать буду. Иди домой.

— Ты чо? Ольга нам ужин готовит! Выпьем.

— А завтра опять корову доить?

— Да брось ты, Левонид, хватит расстраиваться, купишь себе новую машину. У тебя денег куры не клюют, наворовал мешков пять, поди. Завод прикарманил, а машину жалеешь. Где ты эту кошку взял черную?

— Нормальная кошка.

— Черная!

— А я что, в баню ее мыться поведу?! — заорал Леонид Петрович во все горло.

Сергеа притих, потом медленно встал со стула и пошел из избы. У дверей оглянулся:

— Дом продавать будешь? Все денег мало?

— Буду. Мало.

— Тогда я завтра подводу приведу, буфет отдашь. Об тете Кате память мне будет. Понял?

— Бери, что хочешь.

— И стол дубовый этот заберу. Его еще прадед твой, дед Егор смастерил. Не оставлять же татарам.

— Я, может, еще не продам! — сказал Леонид Петрович, прикрывая собой стол.

— Продашь, — махнул рукой Сергеа, — Ты его уже давно продал.

Снилось ему что-то непонятное, лишнее, страшное. Оно цеплялось за горло, мурашками бегало по телу и било по ногам. Федоров отчаянно сопротивлялся, что-то мычал, но никак не мог крикнуть и позвать на помощь. Пытался махать руками, но руки были неподвижными. Это жуткое без названия толкало его в бок, прокусывало кожу и просачивалось внутрь, растворялось в крови, устремляясь к сердцу.

Тело закаменело, но мысль была ясной. Леонид Петрович хорошо слышал, как тикают часы на руке. Хотел перекреститься, но руку поднять не смог. Попытался шептать молитву, но губы не слушались его. Скрипнула входная дверь. Федоров собрал все силы, приоткрыл глаза и увидел в крошечной тьме две большие тени. Они прошли по избе, сели за стол и начали разговаривать. Леонид Петрович слышал каждое слово, но не понимал, что значат эти слова. Они отскакивали от него непринятными и возвращались к теням.

— Или-или, — услышал и понял, наконец, Федоров, повторил про себя, чтобы потом вспомнить: или-или.

Он четко понимал, что в доме — дед и отец. Он никогда их не видел, знал только по фотографиям. Дед умер еще до его рождения, а отец пропал без вести. Мать говорила, что деда погубил осколок в ноге, который он не хотел удалять. А отца он ждал всю жизнь. И вот он пришел.

Федоров проваливался в сон, возвращался и снова проваливался, а они все сидели и разговаривали на непонятном ему русском языке. Он даже привык, что они есть. Даже показалось, что надо бы слезть в печи и подойти к ним...

Но помешал шум мотора. Леонид Петрович почувствовал, что в самом начале деревенской улицы, домов за пятнадцать гудит машина, стараясь проехать колдобины и рытвины дороги.

Легко открыл глаза и в один момент спрыгнул с печи. В избе никого не было. Серый рассвет едва дышал в запотевшее окно. Он схватил спящую кошку и бросился вон из избы. Сидя в огороде под кустом смородины, смо-

трел, как вышли из машины покупатели — два незнакомых ему мужчины, как вылезла со второй попытки его супруга Илона в черном брючном костюме, с ярко-рыжей головой. Как они втроем оценивающе смотрели на дом и натянута смеялись.

Федоров прижал к груди Мусю и, согнувшись, побежал вглубь сада. Там было ближе к ольшанику, за которым лесная дорога вела к трассе.

— Тихе, Муся, тихе, — упрасивал он вырывающуюся из рук кошку, — Сейчас поймаем попутку и поедем домой.

Кошка царапалась, выгибаясь всем телом, рвалась из рук. С неожиданной силой и злостью она вывернулась и, спрыгнув в траву, стремглав помчалась к дому.

— Зачем? — растерялся Федоров, — Зачем ты им?

Он направился к лесу. Быстрым шагом прошел любимую летнюю дорожку, стараясь не смотреть по сторонам на родные повороты, знакомые с детства остатки землянок, окопов и блиндажей.

Понял вдруг, что не переоделся, идет в маманиной фланелевой кофте — голубые незабудки по зеленому полю, — но не расстроился, кивнул согласно. Потом вспомнил, что у него нет денег, и опять согласно кивнул. Потом вспомнил, что не взял паспорт, и даже обрадовался. Пошел веселее, поднял прутик, стал сшибать на ходу верхушки высоких стеблей поблекшего от солнца иван-чая.

Когда вышел из леса на трассу, не удивился тому, что она была пустая. Опять кивнул, согласился с тем, что на ней нет ни одной машины. Шел себе и шел вперед, как абсолютно вольный человек. Никаких желаний, никаких страхов, никаких планов. Шел себе и все. Продал дом — свободный человек.

Шел, пока не увидел их.

Дед и отец шагали в ногу ему навстречу. “Или-или”! — мелькнуло в голове у Федорова. Он так и не понял, что это значит, раскинул руки и грохнулся на колени:

— Батя! Дед!

Они, не сбавляя шага, то приближались, то отдалялись, сурово глядя себе под ноги и оставляя на песчаной обочине глубокие следы от солдатских сапог.

— Батя... Дед... Простите... — выдавил наконец из себя Федоров, и два тяжелых, будто грубо вытесанных из каменной глыбы человека подошли к нему вплотную. Леонид зажмурился, представив, что сейчас они раздавят, сплющат, сметут его со своего пути.

Но они проскользнули сквозь него бесшумно и легко, как вешний ветерок. Только что-то железное заскрежетало и немного перерезало пополам его сердце.

— Осколок в ноге, — подумал Федоров и услышал тяжкое, приглушенное рыдание и последний всхлип своей крови. Он упал ничком прямо в след от кирзового отцовского сапога. Схватил ртом воздух, но попала только земля — почему-то соленая, как пот.

Федоров смахнул с себя все ненужное и заторопился к ним. “Или-или” — звенело и светилось в нем вместо него, и этот звонкий свет звука стал им самим — настоящим, живым, свободным. Он пронзил насквозь твердь, которая раньше мешала ему видеть, и изумился величию и простоте всего сущего. Всего, кроме яркого пятна на обочине отдаляющейся трассы — голубые незабудки на зеленом фланелевом поле.

ВЯЧЕСЛАВ ВЬЮНОВ

И НОВЫЕ ЯВЯТСЯ СИЛЫ...

* * *

Поэту Михаилу Вишнякову

Был ясный день.
И как-то сразу
Умолкли птичьи голоса.
Я скомкал начатую фразу
И посмотрел на небеса.

Там плыли, огнем увиты,
От горизонта облака,
И были розовым подбиты
Их тёмно-синие бока.

Они напоминали свитки,
Страницы Книги Бытия,
Что перед нами по ошибке
Открыл суровый Илия,

В которых судьбы всех народов,
И всякой твари,
И Земли.
Они в развёрнутых разводах
Над головою мрачно шли.

ВЬЮНОВ Вячеслав Александрович — коренной житель Забайкалья, работал геологом, охотником, лесником. Автор нескольких книг. Член Союза писателей России.

И был один, отдельный с краю,
Славянской вязью испещрён,
Он был тяжёл и нечитаем,
И, как ломоть, отрезан он.

Он в отдалении
В даль пустую
За остальными вслед летел,
Горел,
Алел
И ни в какую
Всем раскрываться не хотел.

* * *

*Родителям
Александру Васильевичу
и Любви Андреевне*

Как трудно уснуть этой полночью тёмной!
В оконце моё загляделась звезда,
Да вечную песню поёт рукомойник,
И капает звонко по капле вода.
Хозяйка — доярка. Усталые руки
Поверх одеяла, белея, лежат.
Устала хозяйка — четвёртые сутки
Одна без напарницы — руки горят.
Он сам — лесоруб. На далёкой деляне
Работает трудно, как совесть велит.
И орден за труд он хранит в чемодане,
И грамот солидную стопку хранит.
Живут справедливо. Изба и работа.
Колодец, скотина, вода и дрова.
Солонка, буханка. Земля и забота.
По праздникам — песни. Вино и слова.
Весёлые песни, а мысли угрюмы.
Угрюмые мысли не могут лететь!
Тебе бы, звезда, мои трудные думы,
Иль мне бы, как ты, не сгорая, гореть!
Ужели всю жизнь — с голубыми глазами...
Ужели всю жизнь — всё в земле да в земле?
Деревья и те — посмотри же, хозяин! —
Тяжёлые ветки бросают к звезде.
Сомнение терзает! “А может, так надо...”.
“А может, так надо?” — мигает звезда.
“Так надо, так надо, так надо, так надо”, —
По капле в углу утверждает вода.
Тяжёлый хозяин лежит на кровати,
Он завтра пойдёт по тяжёлой земле,
Повалит лесину в четыре обхвата
И чайник согреет на тёплой золе.
И всё будет правильно.
Как и всегда.
Вот только в окошке
Зачем-то звезда...

* * *

Вдоль насыпи ржавые травы,
Мазутом пропитан песок.
Прозрачны, как ветер, составы
На запад летят и восток.

Поднимешься только на бруствер —
И тоже как будто летишь.
Зачем же ты с медленной грустью
За ними подолгу следишь?

Когда-то давно на вокзале
Я, полон надежды и сил,
С открытыми настезь глазами
Вот так же за ними следил.

Душа моя счастья хотела,
За ними тянулась вослед,
Но в дальних и близких пределах
Его одинаково нет.

Оно из груди вырастает.
А если же пусто в груди —
Гляди и гляди на составы,
До смерти — сквозь слёзы — гляди.

* * *

Дочерям Наташе и Даше

Под настольною лампой навзрыд
Плачет мальчик тринадцатилетний.
Перед ним книжный томик раскрыт
На странице на самой последней.

И причины-то нет никакой,
Нет причины ему для рыданья.
Просто плачет малец оттого,
Чему нет и не будет названья.

Оттого, что на свете живёт,
Оттого, что сегодня капли,
Оттого, что тринадцатый год
Из окна видит эти аллеи.

Оттого, что проснулась душа.
Оттого, что в апрельскую слякоть
Эта жизнь до того хороша,
Что никак невозможно не плакать.

* * *

*Врачу
Лабунцову Артёму Фёдоровичу*

Больничной палаты окно
Вмещает осеннее небо.
Бездонно и вечно оно,
Как в годы Бориса и Глеба.

Больничный желтеет газон,
За листьями носится ветер.
Задуматься самый резон
О вечном и бренном на свете.

Задуматься надо давно,
За то тебе эта расплата.
Больные в своё домино
В беседке стучат до заката.

А кто-то мусолит кроссворд
Весь день на больничном матраце.
И так беззаботен народ,
Как будто бы вечность в запасе!

* * *

Этот край прибайкальский,
Просветлённый насквозь,
В моём сердце остался,
Как в строении гвоздь.

А строений не слишком
Разглядишь сквозь пургу:
Всё бараки да вышки,
Да заборы в снегу.

И средь этого ада
В кандалах изо льда
Речка рвётся куда-то
Под названьем Куда.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Я здесь торопиться не буду,
Я здесь поклонюсь до земли.
Какие великие люди
По этой брусчатке прошли!

Пусть глупые люди осудят,
Но умные люди поймут:
Какие великие люди
По этой брусчатке пройдут!

* * *

*Трагедия труда,
Ненужного в итоге.
М. Вишняков.*

Там, где травы примяты туманом,
Где ущербна державная тень,
Неизбежным и страшным обманом
Вижу я послезавтрашний день.

Сколько сил здесь и жизнью угроблено!
За понюх табака, за пятак.

Что ж ты так, моя тихая родина?
Что ж ты так?

На просторах, что нынче заброшены,
Нет давно уж ни Мань и ни Вань,
Никого из своих — никошеньки!
Только Инь.
Только Янь.

* * *

*Односельчанину
Потешкину Валерию Степановичу*

Водю, разбавленной светом,
В апреле кюветы полны.
Ржавеют по этим кюветам
Колёса великой страны.

И ржавчины мёртвой разводы
Коричнево-красным ручьём
Втекают в проточные воды,
Что новыми станут потом.

И новые явятся силы
На старой дороге шуметь.
Нельзя ж на родные могилы
До смерти сквозь слёзы смотреть!

ПАВЕЛ КОСЯКОВ

ГЛАЗ МОИХ ТОСКА И ВОЛЯ

* * *

Весна. Пробуждение грядок.
Подснежников горсть в кулаке.
Да здравствует миропорядок
В травинке, в походке, в строке!

Отныне всё будет иначе:
И краски, и запах, и звук.
Да здравствуют все неудачи,
Удачами ставшие вдруг!

Мои северяне, южане,
Далёких становищ родня,
Да здравствуют все горожане,
Идущие мимо меня!

И чумы, и сакли, и срубы,
И лики святых по углам.
Да здравствуют ждущие губы,
Прижатые к тёплым губам!

КОСЯКОВ Павел Иванович родился в 1959 году на Сахалине. С 1984 года живёт в Москве. Член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор шести поэтических сборников. Лауреат премии им. Николая Рубцова (2005), лауреат года журнала "Молодая гвардия" (2011).

И голуби с крошками хлеба,
И клочья под ветром газет...
Да здравствует льющийся с неба,
Всех нас обнимающий свет!

СИНИЙ ПОЕЗД

По России поезд синий
Мчит в сиреневую даль.
И слетает лист осины
На вагонную эмаль.

Мимо пашни, мимо рощи,
С ними связанный навек,
Едет, в общем-то, хороший
Очень русский человек.

На своем плацкартном месте
Он глядит в тревожный мир,
Обогнавший лет на двести
Этот поезд пассажир.

Мало счастья, горя — много.
Слезы капаят с лица...
И летит, летит дорога,
У которой нет конца.

ХОРОШО

Отцветают одуванчики.
Лето щурится в окно.
И в гранёные стаканчики
Подливается вино.

Хорошо! Молчат мобильники.
Ни хулы, ни лиха нет.
Хорошо, что в собутыльниках
У меня с утра поэт.

Хорошо, что всё столичное
Здесь в селе не ко двору;
Слева — поле земляничное,
Справа — иволга в бору.

Хорошо, что правит истина
Здесь по праву, а не лезть.
Хорошо, что здесь единственно
Не на всё ответы есть.

Забредёт сосед непрошено...
— По стаканчику?
— А то!
— Ну, и что же здесь хорошего?
— Я и сам не знаю что...

РУССКОЕ ПОЛЕ

Как стада, бредут былины.
Стелют гривы ковыли.
Среднерусские долины
Здесь без счёта полегли.

Звёзды падают на прясла
Чередой лихих годин.
Не одна орда увязла
В этих супесях равнин...

Глаз моих тоска и воля,
Тайных дум не береди.
Поперёк вот это поле
Никому не перейти.

АРКАИМ

Седая степь. Прилипший к шее ворот.
Руины стен приводят в синий город,
Где камни, пробудившись ото сна,
Своих хозяев шепчут имена.
Они ушли. И плотно дверь прикрыли.
Их тени разбрелись по звёздной пыли
За сотни лет до гордой спеси Рима.
Седые звездочёты Аркаима...
О, светлые мои, мои предтечи!
Вселенский ветер колышет ваши речи,
Не знавшие предательств и обмана,
От северных морей до Индостана.

АНДРЕЙ УБОГИЙ

ВЕЛИКИЙ ЗЕМЛЕПРОХОДЕЦ

К 175-летию со дня рождения Н. М. Пржевальского

*Таких людей, как Пржевальский,
я люблю бесконечно.*

А. П. Чехов

Бывают, как писал Пушкин, странные сближения. Надо же: день рождения Н. М. Пржевальского приходится по новому стилю как раз на 12 апреля – на тот день, когда Гагарин побывал в космосе. Поэтому невольно сопоставляешь двух этих людей, двух героев, которые расширяли границы русского самосознания, открывали мир для России, и Россию – для мира.

Недаром Британское Королевское общество назвало Пржевальского “самым выдающимся путешественником мира”. А сдержанный Чехов в некрологе великому путешественнику написал о нём с таким пафосом, с каким никогда ни о ком не писал.

Личность Пржевальского была поразительно цельной и поразительно многосторонней. Одно перечисление его научных заслуг и открытий, им сделанных, занимает немало места и вызывает недоумение: как мог один человек, проживший не так уж и много (Пржевальский умер от тифа в возрасте 49 лет), совершить то, что под силу, кажется, только целым исследовательским институтам? Он и картограф, прошедший пешком и верхом около 35 000 (!) километров и составивший карты всех пройденных мест; он и зоолог, открывший несколько неизвестных ранее видов животных; он и орнитолог, чьи описания птиц и коллекции чучел не имели равных в России; он и климатолог, исследования которого установили, что средняя годовая температура Центральной Азии на 17,5°С (!) ниже, чем это считалось прежде. В сущности, Пржевальский открыл миру целый неизведанный континент, колоссальный по площади, загадочный и труднодоступный.

Не забудем, что генерал Пржевальский, кроме того, был знаменитым охотником и первоклассным стрелком. Он был, наконец, храбрецом, то усмирявшим китайских разбойников в Манчжурии, то атакующим и обращающим в бегство конных бандитов-дунган, чьё число в десятки раз превосходило численность небольшого отряда Пржевальского.

Но в дни юбилея хочется вспомнить о самом, главном таланте этого удивительного человека. Пржевальский является автором книг, несомненно и прочно вошедших в золотой фонд литературы о путешествиях.

Вообще, русская путевая проза – важная составляющая нашей великой литературы. По сути, она начинается со “Слова о полку Игореве”, повествуя-

щего о военном походе на половцев. А затем было и “Хожение за три моря” тверского купца Афанасия Никитина, и “Письма русского путешественника” Николая Карамзина, и “Путешествие в Арзрум” Александра Пушкина, и гончаровский “Фрегат “Паллада”...”

И даже на фоне всех этих ставших русской классикой произведений книги Пржевальского выделяются замечательной ясностью изложения, прямоотой и точностью взгляда на мир.

Несомненно, что путевая проза Пржевальского восходит к Пушкину — точнее, к его “Путешествию в Арзрум”. Именно по камертону пушкинской прозы — решительной, точной и благородно-простой — выстроены многие страницы книг Пржевальского. Порой даже кажется: именно Пржевальский и совершил за Пушкина то самое путешествие в Китай, на которое поэт безуспешно испрашивал разрешения властей в 1829 году. Словно бы напрямую от Пушкина путешественник перенял удивительную способность прямого, отважного, ясного взгляда на мир. Это взгляд одновременно ребёнка — и воина, человека, влюблённого в жизнь, но при этом способного твёрдо взглянуть в лицо собственной смерти.

Можно провести немудрёный эксперимент, подтверждающий сказанное. Вот, к примеру, несколько почти наугад выбранных мест из “Путешествия в Арзрум”:

“Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших местах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественников; по тучным пастбищам

*Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны.*

Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского.

*На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Всё семейство собралось завтракать. Котёл варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, очень собою недурная, шила, куря табак. Я сел подле неё. “Как тебя зовут?” — “***”. — “Сколько тебе лет?” — “Десять и восемь”. — “Что ты шьёшь?” — “Портка”. — “Кому?” — “Себя”. Она подала мне союю трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушёной кобылятины; я был и тому рад. . .”*

“На другой день поутру отправились мы далее. Турецкие пленники разрабывали дорогу. Они жаловались на пищу, им выдаваемую. Они никак не могли привыкнуть к русскому чёрному хлебу. Это напомнило мне слова моего приятеля Шереметева по возвращении его из Парижа: “Худо, брат, жить в Париже: есть нечего; чёрного хлеба не допросишься!”

“Переезд мой через горы замечателен был для меня тем, что близ Коби ночью застала меня буря. Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище. Белые оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединённый монастырь, озарённый лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками. Бешеная Балка также явилась мне во всём своём величии: овраг, наполненный дождевыми водами, превосходил в своей свирепости самый Терек, тут же грозно ревавший. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты были с места и загромождали поток. . .”

А теперь предлагаю читателю несколько выписок из книги Николая Михайловича Пржевальского “Путешествие в Монголию и страну тангутов”. Легко можно видеть их близость и по духу, и по стилю к пушкинским текстам. И это настолько достойная проза — прямая и точная, полная сдержанной силы, — что трудно остановиться, цитируя Пржевальского.

“Алашанская пустыня на многие десятки, даже сотни вёрст представляет одни голые сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим паля-

щим жаром или засыпать песчаным ураганом. Иногда эти пески так обширны, что называются монголами “тынгери”, то есть “небо”. В них нигде нет капли воды, не видно ни птицы, ни зверя, и мёртвое запустение наполняет невольным ужасом душу забредшего сюда человека”.

“14 сентября мы пришли в город Дынь-Юань-ин и в первый раз за всё время экспедиции встретили радушный приём от местного князя... Имени князя узнать мы не могли, так как монголы считают грехом произносить имена своих начальников, а тем более передавать эти имена кому-либо чужому... Сам князь, человек лет сорока, имеет довольно благообразную физиономию, хотя всегда бледен, так как сильно предан курению опиума. По своему характеру он взяточник и деспот самого первого разбора. Пустая прихоть, порыв гнева, словом, личная воля заменяют всякие законы и тотчас же приводятся в исполнение без малейшего возражения с чьей-либо стороны. Впрочем, такой порядок существует во всей Монголии и во всём Китае без исключений”.

“Из обычаев монголов путешественнику резко бросается в глаза их обыкновение всегда ориентироваться по странам света, никогда не употребляя слов “право” или “лево”, словно эти понятия не существуют для номадов. Даже в юрте монгол никогда не скажет “с правой” или “с левой руки”, а всегда “на восток” или “на запад” от него лежит какая-нибудь вещь... Все расстояния у монголов меряются временем езды на верблюдах или лошадях: о другой, более точной мере номады не имеют понятия”.

“Самые ничтожные расстояния, хотя бы только в несколько сот шагов, монгол никогда не пройдёт пешком, но непременно усядется на лошадь... Пешая ходьба до того во всеобщем презрении у номадов, что каждый из них считает стыдом пройти пешком даже в юрту близкого соседа”.

“Ламаистское учение пустило здесь такие глубокие корни, как, быть может, ни в одной другой стране буддийского мира. Созерцание, поставляемое монголами высшим идеалом, в сочетании с образом жизни номада, заброшенного в пустыню, и породило тот страшный аскетизм, который заставляет его отрешаться от всяческого стремления к прогрессу, а взамен того искать в туманных и отвлечённых идеях о божестве и загробной жизни конечную цель земного существования человека”.

“Монгол никогда не пьёт сырой, холодной воды, но всегда заменяет её кирпичным чаем, составляющим в то же время универсальную пищу номадов. Этот продукт монголы получают от китайцев и до того пристрастились к нему, что без чая ни один номад, ни мужчина, ни женщина, не может существовать и несколько суток. Целый день, с утра до вечера, в каждой юрте на очаге стоит котёл с чаем, который беспрепятственно пьют все члены семьи; этот же чай составляет первое угощение каждого гостя. Вода употребляется обыкновенно солёная, а если таковой нет, то в кипяток нарочно прибавляется соль... Для более же существенной еды монгол сыплет в свою чашку с чаем сухое жареное просо и, наконец, в довершение всей прелести, кладёт туда масло или сырой курдючный жир. Выпить в течение дня 10 или 15 чашек, вместимостью равных нашему стакану, — эта порция самая обыкновенная для монгольской девицы; взрослые же мужчины пьют вдвое более”.

“Те монголы, которым мы давали чёрные сухари, попробовав их, обыкновенно говорили, что “в такой еде нет ничего приятного, только зубами стучаешь”. Птиц и рыб монголы, за весьма немногими исключениями, вовсе не едят и считают такую пищу поганой. Отвращение их в этом случае до того велико, что однажды на озере Кукунор с нашим проводником сделалась рвота в то время, когда он смотрел, как мы ели вареную утку. Этот случай показывает, до чего относительны понятия людей...”

“... путешественнику в среднеазиатских пустынях приходится выносить то палящий зной, то сибирский холод, и переход от одной крайности к другой чрезвычайно крут. Во время пути холод не так сильно чувствовался, потому что мы большею частью шли пешком... Как теперь, помню я это багровое солнце, которое пряталось на западе, и синюю полосу ночи, заходившую с востока. В это время мы обыкновенно развьючивали верблюдов и ставили свою палатку, расчистив предварительно снег, правда, не глубокий, но мелкий и сухой, как песок. Затем являлся чрезвычайно важный вопрос насчёт топлива, и один из казаков ехал в ближайшую монгольскую юрту купить аргала (сухого верблюжьего помета. — **А. У.**), если он не был приобретён заранее дорогой. За аргал мы платили дорого, но это всё ещё было меньшее зло;

гораздо хуже становилось, когда нам вовсе не хотели продать аргала, как это несколько раз делали китайцы. Однажды пришлось так круто, что мы принуждены были разрубить седло, чтобы вскипятить чай и удовольствоваться этим скромным ужином после перехода в 35 верст на сильном морозе и метели.

Когда в палатке разводился огонь, то становилось довольно тепло, по крайней мере, для той части тела, которая непосредственно была обращена к очагу; только дым щипал глаза и делался в особенности несносным при ветре. Во время ужина пар из открытой чаши с супом до того наполнял нашу палатку, что она напоминала в это время баню, только, конечно, не температурой воздуха. Кусок варёного мяса почти совсем застывал во время еды, а руки и губы покрывались слоем жира, который потом приходилось соскабливать ножом...

“Порядок наших вьючных хождений всегда был один и тот же. Мы с товарищем ехали впереди своего каравана, делали съёмку, собирали растения или стреляли попадавшихся птиц; вьючные же верблюды, привязанные за бурдуки один к другому, управлялись казаками... Так идёшь, бывало, часа два, три по утренней прохладе; наконец, солнце поднимается высоко и начинает жечь невыносимо. Раскалённая почва пустыни дышит жаром, как из печи. Становится очень тяжело: голова болит и кружится, пот ручьём льёт с лица и со всего тела; чувствуешь полное расслабление и сильную усталость. Животные страдают не менее нас. Верблюды идут, разинув рты, и облитые потом, словно водой; даже наш неутомимый Фауст бредёт шагом, понурился голову и опустив хвост. Казаки, которые обыкновенно поют песни, теперь смолкли, и весь караван тащится молча, шаг за шагом, словно не решаясь передавать друг другу и без того тяжёлые впечатления.

...Добравшись, наконец, до колодца и выбрав место для палатки, мы начинаем класть и развьючивать верблюдов. Привычные животные уже знают, в чем дело, и сами поскорее ложатся на землю. Затем ставится палатка и ставятся в неё необходимые вещи, которые раскладываются по бокам; в середине же расстилается войлок, служащий нам постелью. Далее собирается аргал и варится кирпичный чай, который летом и зимой был нашим обычным питьём, в особенности там, где вода оказывалась плохого качества. После чая, в ожидании обеда, мы с товарищем укладываем собранные дорогой растения, делаем чучела птиц или, улучив удобную минуту, я переносу на план сделанную сегодня съёмку”.

“... с вершины перевала, ведущего на другой путь, мы увидели в расстоянии 2 верст от себя кучу конных дунган, быть может, человек около сотни... Заметив наш караван, конные сделали несколько выстрелов и столпились при выходе из ущелья, по которому мы шли. Нужно было видеть, что делалось в это время с нашими проводниками. Полумёртвые от страха, они дрожащим голосом читали молитвы и умоляли нас уходить обратно в Чейбсен; но мы хорошо знали, что отступление только ободрит дунган, которые на лошадях всё-таки легко могут догнать наш караван, и потому решили идти напролом. Маленькой кучкой из четырёх человек, со штуцерами в руках, с револьверами за поясом двинулись мы впереди наших верблюдов, которых вели проводники-монголы, чуть было не убежавшие при нашем решении идти вперёд. Однако когда я объявил, что в случае бегства мы будем стрелять в них прежде, чем в дунган, то наши сотоварищи волей-неволей должны были следовать за нами. Положение наше действительно было весьма опасным, но иного исхода не предстояло... Расчёт оказался верен. Видя, что мы идём вперёд, дунгане сделали ещё несколько выстрелов, и наконец, подпустив нас не ближе как на версту (так что мы ещё не начали стрелять из штуцеров), бросились на уход в обе стороны большой поперечной дороги”.

“Как осеннее, так и, в особенности, весеннее путешествие караванов через Северный Тибет никогда не обходится благополучно. Много людей, а в особенности верблюдов и яков гибнет в этих страшных пустынях. Подобные потери здесь так обыкновенны, что караваны всегда берут в запас четверть, а иногда даже треть наличного числа вьючных животных. Иногда случается, что люди бросают все вещи и думают только о собственном спасении. Так, караван, вышедший в феврале 1870 года из Лассы и состоявший из 300 человек с 1 000 вьючных верблюдов и яков, потерял вследствие глубокого выпавшего снега и наступивших затем холодов всех вьючных животных и около 50 людей. Один из участников этого путешествия рассказывал нам,

что когда начали ежедневно дохнуть от бескормицы целыми десятками вьючные верблюды и яки, то люди принуждены были бросить все товары и лишние вещи, потом понемногу бросали продовольственные запасы, затем сами пошли пешком и напоследок должны были нести на себе продовольствие, так как, в конце концов, остались живыми только три верблюда, да и то потому, что их кормили дзамбой. Весь аргал занесло глубоким снегом, так что отыскивать его было очень трудно, а для растопки путники употребляли собственную одежду, которую поочередно рвали на себе кусками. Почти каждый день кто-нибудь умирал от истощения сил, а больные ещё живыми все были брошены на дороге и также погибли”.

“... Утром, часа за два до рассвета, мы вставали, зажигали аргал и варили на нём кирпичный чай, который вместе с дзамбой служил завтраком. Для разнообразия иногда... пекли в горячей аргальной, то есть навозной золе пшеничные лепешки. Затем на рассвете начинались сборы в дальнейший путь, для чего юрта разбиралась и вьючилась вместе с другими вещами на верблюдов. Всё это занимало часа полтора времени, так что в дорогу мы выходили уже порядочно уставши. А между тем мороз стоит трескучий, да вдобавок к нему прямо навстречу дует сильный ветер. Сидеть на лошади невозможно от холода, идти пешком также тяжело, тем более неся на себе ружьё, сумку и патронташ, что всё вместе составляет вьюк около 20 фунтов. На высококем же нагорье, в разреженном воздухе каждый лишний фунт тяжести убавляет немало сил; малейший подъём кажется очень трудным, чувствуется одышка, сердце бьётся очень сильно, руки и ноги трясутся; по временам начинаются головокружение и рвота... Затем наступало самое тяжёлое для нас время: долгая зимняя ночь. Казалось, что после всех дневных трудов её можно было провести спокойно и хорошо отдохнуть, но далеко не так выходило на деле. Наша усталость обыкновенно переходила границы и являлась истомлением всего организма; при таком полуболезненном состоянии спокойный отдых невозможен. Притом же вследствие сильного разрежения и сухости воздуха во время сна всегда являлось удушье, вроде тяжёлого кошмара, и рот и губы очень сохли. Прибавьте к этому, что наша постель состояла из одного войлока, насквозь пропитанного пылью и посланного прямо на мёрзлую землю. На таком-то ложе и при сильном холоде без огня в юрте мы должны были валяться по 10 часов сряду, не имея возможности спокойно заснуть и хотя на это время позабыть всю трудность своего положения”.

“... Глухой шум ещё издали возвестил нам приближение этого потока, масса которого увеличивалась с каждой минутой. Мигом глубокое дно нашего ущелья было полно воды, мутной, как кофе, и стремившейся по крутому скату с невообразимой быстротой.

Огромные камни и целые груды меньших обломков неслись потоком, который с такой силой бил в боковые скалы, что земля дрожала как бы от вулканических ударов. Среди страшного рёва воды слышно было, как сталкивались между собой и ударялись в боковые ограды огромные каменные глыбы.

Из менее твёрдых берегов и с верхних частей ущелья вода тащила целые тучи мелких камней и громадными массами бросала их то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лес, росший по ущелью, исчез, все деревья были выворочены с корнем, переломаны и перетёрты на мелкие кусочки... Между тем проливной дождь не унимался, и сила бушевавшей возле нас реки возрастала всё более и более. Вскоре глубокое дно ущелья было завалено камнями, грязью и обломками леса, так что вода выступила из своего русла и понеслась по не затопленным ещё местам. Не далее 3 сажен от нашей палатки бушевал поток, с неудержимой силой уничтожавший всё на своём пути. Ещё минута, ещё лишний фут прибылой воды, и наши коллекции – труды всей экспедиции – погибли бы безвозвратно... Спасти их нечего было и думать при таком быстром появлении воды; в пору было только самим убраться на ближайшие скалы. Беда была так неожиданна, так близка и так велика, что на меня нашёл какой-то столбняк; я не хотел верить своим глазам и, будучи лицом к лицу со страшным несчастьем, ещё сомневался в его действительной возможности. Но счастье и теперь выручило нас. Впереди нашей палатки находился небольшой обрыв, на который волны начали бросать камни и вскоре нанесли их такую грудку, что она удержала дальнейший напор воды, и мы были спасены”.

“Не берусь описать впечатлений той минуты, когда мы впервые услышали родную речь, увидели родные лица и попали в европейскую обстановку.

С жадностью расспрашивали мы о том, что делается в образованном мире, читали полученные письма и, как дети, не знали границ своей радости. Лишь через несколько дней мы стали приходить в себя и свыкаться с цивилизованной жизнью, от которой совершенно отвыкли во время долгих странствований. Контраст между тем, что было ещё так недавно, и тем, что теперь нас окружало, являлся настолько резко, что всё прошлое казалось каким-то страшным сном”.

Надеюсь, по этим отрывкам читатель сможет судить и о личности Николая Михайловича Пржевальского и о его замечательной прозе, а там, может быть, и сам познакомится с книгами великого русского землепроходца. Ибо книги Пржевальского – главный итог всех его путешествий; и они щедро дарят нам то, чего нам как раз больше всего не хватает: чувство радости жизни и благодарности ей.

ВЛАДИМИР ЮДИН
доктор филологических наук

СЛОВО О БАТЬКЕ КОНДРАТЕ

*Скажу и мёртвым и живым,
Скажу я Родине любимой:
Наш русский дух — несокрушим,
Святая Русь — непобедима!*

Из казачьей песни

С моей малой родины – Кубани – пришла скорбная весть: не стало Николая Игнатовича Кондратенко. Ушёл из жизни один из самых ярких политиков-патриотов и скромный человек – Батька, как его часто и по праву называли в народе.

Не каждого люди называют Батькой. Только близкого человека, кому безраздельно и безоглядно доверяют, кого ценят и уважают. Николая Игнатовича люди любили – за доброту, искренность, неподдельную скромность.

Его жизненный путь не был усыпан розами, напротив, скорее колючими шипами. Несомненно, физически крепкий, могучий, как говорят казаки, Батька Кондрат мог бы жить долго-предолго, однако его здоровье подорвали неутраченные, продуманные, провокационно-наглые насочки либерально-русофобской публики как в центре, так и на местах. Они сопровождали всю его активную и плодотворную общественно-политическую деятельность, что и привело, в конце концов, к тяжёлому инфаркту...

Так в чём же была главная “вина” Н. И. Кондратенко согласно до сих пор длящимся цинично-лживым беспрестанным стенаниям, не умолкающим среди либерал-реформаторов? Оказывается, в том, что он, будучи несговорчивым и независимым лидером Кубани, твёрдо и последовательно проводил курс на “рыночный социализм”, отвечающий истинным интересам народа и государства, и ещё в том, что он... форменный “антисемит”!..

Ответ Батьки Кондрата на высосанные из пальца голосовые обвинения был по-казацки прям, ясен и убедителен: “И пошли бы они той козе под хвост! Не они меня избирали губернатором, не им меня и снимать. Да и за что это? За то, что я говорю о политике? Это только сионисты прячут политическое своё мерзкое убеждение под национальное. Если начинаешь разоблачать политику грязную, то они кричат, что ты выступаешь против евреев. Я не шовинист и не антисемит. И решительно против навязываемой всему миру идеологии сионизма, возвеличивания одной какой бы то ни было нации над другой, тем более в исторически сложившихся условиях тесного проживания, что называется, бок о бок, десятков разных народов и наций Северного Кав-

каза. Известно, какую огромную опасность источает этот регион, он испокон веков являет собой пороховую бочку, которую не раз пытались поджечь как чужеземные недруги России, так и доморощенные русоненавистники. Я твёрдо знаю одно: демографическая структура нашей многонациональной страны должна отражать содержание общества. Иначе общество может взорваться. Если мы хотим дружно жить, в этой ситуации у нас должен быть только такой подход. И нельзя нас, русских, унижать, нельзя нас, русских, топтать, нельзя к нам, русским, безразлично относиться!”

Что называется, не в бровь, а в глаз! Ах, как взбесило это откровение до-тошных телекомментаторов НТВ и всю ангажированную рать масс-медиа!.. Обильно потекла, забурлила мутной жижей демагогическая фальшь. “...Это становится уже не чудачеством губернатора Кондратенко, а официальной идеологией края. Политика “русский – нерусский” может вызвать взрыв в крае, где проживает более 30 национальностей” и т. д., и т. п.

Здесь преднамеренно всё перевёрнуто вверх ногами: интернационалист по убеждениям, Н. И. Кондратенко никогда не противопоставлял русских нерусским, а говорил о реальной опасности засилья расистской по духу сионистской идеологии, о межнациональных диспропорциях в политических, административно-хозяйственных и управленческих структурах власти – на всех уровнях, что явно ущемляет права и свободы, данные Конституцией другим нациям и народами Краснодарского края, в том числе русским, которых, кстати, на Кубани значительное большинство.

Умелый, многоопытный организатор и хозяйственник, Н. И. Кондратенко, понимая всю нелепость и зловещую пагубность “демократических преобразований” на селе, смело выступил против бездумной и опасной приватизации земельных угодий, всеми силами старался уберечь от развала состоятельные, прибыльные кубанские колхозы и совхозы и хорошо отлаженную десятилетиями систему экономического развития родного края. Этим популярный в народе губернатор вызывал на себя огонь лютой ненависти со стороны алчных “прихватизаторов” и власть имущих бонз.

Без сомнения, развязанная против него в 90-е годы клеветническая кампания в СМИ была организована по указке тех, кто был встревожен: а вдруг и в других регионах России найдутся политические лидеры, способные разобраться в сути вопроса, кто есть кто на российском политическом Олимпе и почему русские, будто чужаки без роду и племени, отодвинуты у себя в Отечестве на задний план?..

И всё же настоящих, верных друзей и соратников у Батьки Кондрата было куда больше, чем ненавистников-злопыхателей. Придёт время, когда историки и политологи объективно проанализируют жизнь и подвижническую деятельность уникальной личности лидера Кубани, широко обнародуют имена тех злобных оппонентов, кто нещадно изнурял его своими беспочвенными измышлениями и клеветническими обвинениями в пресловутом “шовинизме”, “антисемитизме” и прочих “-измах”. Не случайно, охлаждая пыл зарвавшихся ниспровергателей исторического прошлого нашей Родины, президент В. В. Путин не раз отмечал в своих выступлениях, что далеко не всё в нашем социалистическом прошлом было так плохо и бездарно, как рисуют современные либералы. Исторический опыт нации, будь он драматический или позитивно-созидательный, следует непременно учитывать при строительстве новой жизни, новых отношений и преобразований в стране.

...Николай Кондратенко пришёл в политику, что называется, от сохи. Простой сельский парень из кубанской станицы Пластуновской добился всего сам. Прошёл трудовой путь от механизатора до члена Совета Федерации. Стал кандидатом сельскохозяйственных наук. Преподавал в вузе. Возглавил сначала крайисполком, а затем и краевой Совет народных депутатов. Потом его обвинили в пособничестве ГКЧП, хотя в те августовские дни мудрый руководитель края призывал жителей Кубани соблюдать нейтралитет и готовиться к осенне-зимнему периоду: он в экономике прогнозировался непростым. В 1993 году Николай Кондратенко был избран кубанцами в Совет Федерации (тогда выборы сенаторов проходили всенародно).

“Он был величайшим российским политиком. Нашей легендой. Таких людей Бог посылает раз в сто лет, – сказал на панихиде губернатор Краснодарского края Александр Ткачёв. – Кубань всегда будет помнить своего Батьку...”

Помнит Николая Игнатовича не только его малая родина – Кубань, но и вся Россия. Председатель Комитета по аграрно-продовольственной политике и природопользованию Совета Федерации Геннадий Горбунов отметил, что Николая Кондратенко всегда уважали и ценили за принципиальность и смелость, за то, что не боялся “резать правду-матку”.

– Руководить кубанским регионом – одним из самых крупных в России – Кондратенко пришлось в очень тяжёлые для всей страны 90-е годы, но он не допустил развала агропромышленного комплекса и края в целом, – подчеркнул выступающий. – Весь его жизненный путь – это путь служения народу, Отчизне, России. Это было его главное кредо. Он всегда был на острие событий, так как к его слову прислушивались во все времена, а времена были непростые, достаточно вспомнить события на Кавказе и какую миротворческую роль выполнил в то время Николай Игнатович. И когда в верхней палате Федерального Собрания РФ проходили заседания и высвечивалась фамилия Кондратенко, все говорили: “Ну, сейчас Батька скажет что-нибудь справедливое, правду-матку в глаза”. И мы, представители верхней палаты, выражаем искреннюю благодарность за то, что земля кубанская подарила всем нам такого человека.

Член координационного совета общественного движения “За веру, Кубань и Отечество”, близкий друг и сподвижник Батьки (возглавивший это патриотическое движение после кончины Н. И. Кондратенко) Николай Денисов имел возможность непосредственно и активно содействовать инициативам лидера Кубани. Денисов говорил о мудрости и дальновидности Батьки: именно Кондратенко одним из первых предупредил о губительных перспективах распада СССР, решительно выступал против развязывания первой войны в Чечне и штурма Грозного. И ещё много раз доказывал свою правоту и принципиальность, заботясь об интересах людей в периоды острых кризисов в нашем государстве.

– Наша главная задача – передать его уроки новым поколениям, – подчеркнул Н. Г. Денисов. – От имени движения “За веру, Кубань и Отечество!” заявляю, что мы сохраним его заветы и будем продолжать его дело.

Депутат Госдумы РФ от Краснодарского края Николай Харитонов отметил, что Батька многое успел, но, конечно, далеко не всё. Но все будут помнить, как много он сделал для аграриев. И сам всю жизнь гордился своими крестьянскими корнями.

О природной скромности и простоте Николая Кондратенко рассказывают многие, кто близко его знал.

– Скромность у него преобладала, – вспоминает кубанский фотожурналист Пётр Янель, который жил по соседству с Николаем Игнатовичем. – Я помню, сколько раз мы встречались в подъезде, у лифта. Я ему говорю: “Проходите!” А он мне: “Нет! Вы сначала! Вы ведь не четвёртая, а первая власть”.

– Это был человек-глыба, сильный, могучий, как гоголевский Тарас Бульба, но к нему можно было запросто подойти на улице или позвонить и обратиться с просьбой, – рассказывает ветеран Великой Отечественной войны Иван Павлович Калугин. – И он не отказывал: решал проблемы сразу, на месте. Поддерживал все хорошие начинания, стоял у истоков ветеранского движения. Очень многое, что сделано на Кубани, чем живёт она сейчас, сделано благодаря ему, нашему Батьке!..

Атаман Кубанского казачьего войска Николай Долуда тепло вспоминает о том, что Батька был истинным патриотом, считал себя “казаком по роду-племени”, именно он стоял у истоков возрождения казачества на Кубани.

– Потомственный казак, наш Батька видел в казачестве ту силу, которая могла бы стать стабилизирующим фактором не только в крае, но и в других регионах, в частности, в республиках Кавказа. Он всегда поддерживал казачество. И казаки нашего войска всегда будут помнить его – настоящего человека, – сказал Николай Долуда. – Имя Николая Кондратенко вписано золотыми буквами в историю края.

Премьер-министр Адыгеи Мурат Кумпилов передал близким сенатора соболезнования от президента республики Аслана Тхакушинова и всего адыгейского народа. Он напомнил, что Николай Кондратенко внёс большой вклад в укрепление добрососедских отношений между Кубанью и Адыгеей. За выдающиеся заслуги он получил медаль “Слава Адыгеи” – высшую награду республики.

Об интернационализме бывшего губернатора говорил и вице-премьер Абхазии Александр Страничкин. Он передал соболезнования главы республики Александра Анкваба, в которых особо подчеркнута: Кондратенко — один из немногих политических и общественных деятелей, кто поддерживал республику в самые сложные для неё времена.

— Каждый приезд Николая Игнатовича вдохновлял нас, заряжал оптимизмом, — вспоминает вице-премьер Абхазии.

— Бог дал Николаю Игнатовичу природное чутьё — умение слышать людей, — подчеркнула вице-губернатор Кубани Галина Золина. — Он действительно слышал народ сердцем, свои слова, поступки, решения всегда соотносил с мнением кубанцев. Николай Игнатович был верующим человеком, православным христианином. Он в числе первых поддержал возрождение казачества. Даже здание на Красной, 5, где его провожали в последний путь, стало домом Кубанского казачьего хора именно при поддержке Кондратенко.

Руководитель легендарного певческого коллектива Виктор Гаврилович Захарченко вспоминает Николая Игнатовича как человека с открытой русской душой, предельно откровенного и правдивого.

— Он не боялся говорить о том, что думает. И эта искренность, мужественность были очень близки людям, — отметил Захарченко.

“В годы, когда Николай Кондратенко занимал должность губернатора Кубани (был избран в конце 1996 года на первых всенародных выборах глав регионов), мы, журналисты, очень критично писали о власти, но Николай Игнатович за критику никого не карал и с прессой поддерживал дружественные отношения, — вспоминают журналисты кубанской газеты “Краснодарские известия”. — Рядом видели примеры некоторых других регионов, где пресса в те годы вынуждена была становиться приглашенной и причёсанной. Батяка часто ругал тех, кто считал себя демократом, но при этом во многом сам был демократом. Он взял курс на возрождение края, его экономики и социальной сферы, плоды этого курса мы видим сегодня. А ещё Николай Кондратенко был среди тех политиков, кто не позволил перекроить сложный Кавказский регион, поддерживая дружбу с соседними республиками”.

... Есть что вспомнить о легендарном Батьке Кондрате и мне, автору этой статьи, живущему более 30 лет вдали от родной кубанской земли, но часто бывающему на своей малой родине.

... В марте 1999 года в г. Краснодаре проходил выездной Пленум Союза писателей России на тему: “За мир и согласие на Северном Кавказе”. Кубань встретила творцов слова необычайно ярким весенним солнцем, буйным, ранним даже для этих благодатных мест цветением слив, вишен, абрикосов, оживлённым жужжанием пчёл и доброжелательными улыбками жителей столицы казачьего края.

Такого созвездия русских художников слова первой величины, как выразился в своём приветственном слове к участникам Пленума глава администрации Краснодарского края Н. И. Кондратенко, Кубани ещё встречать не доводилось: писатели Валентин Распутин, Василий Белов, Михаил Алексеев, Владимир Крупин, Валерий Ганичев, Виктор Лихоносов, поэты Юрий Кузнецов, Валентин Сорокин, Анатолий Парпара, Станислав Куняев, критики, публицисты Владимир Бондаренко, Владимир Гусев, Сергей Куняев, Александр Казинцев... С ними рядом были около 80 представителей писательских организаций Краснодара, Санкт-Петербурга, Смоленска, Волгограда, Воронежа, Самары, Майкопа, Липецка, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Твери и других краёв и областей России, а также Абхазии, Адыгеи, Кабардино-Балкарии.

Работу Пленума открыл председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев. Отметив, что выездной Пленум писателей правомочен и способен решать глобальные вопросы, поставленные перед ним, Валерий Николаевич попросил собравшихся почтить минутой молчания жертв владикавказской трагедии. На этой щемящей ноте, подхваченной выступлением Н. И. Кондратенко, и начались оживлённые писательские дискуссии на гостеприимной кубанской земле.

Четыре дня писательского форума, в подготовке и проведении которого принял самое непосредственное участие губернатор Кубани Н. И. Кондратенко, стали мощным подспорьем в стабилизации межнациональной обстановки на Юге России, наметили для мастеров пера новые пути возрождения отечественной духовности и патриотизма. Творческим девизом Пленума стали

вдохновляющие слова великого Пушкина: “Друзья! Отчизне посвятим души прекрасные порывы!..”

Привожу фрагмент речи Н. И. Кондратенко, адресованной участникам писательского Пленума и не утратившей, по-моему, своей актуальности и по сей день

– **Дорогие товарищи!**

Солнечные весенние Кубань и Адыгея рады приветствовать вас, гордость и надежду русской литературы, на нашей щедрой, гостеприимной земле. Нет почётнее и благороднее задачи, чем нести людям мир и согласие, которые сегодня нужны России, как хлеб, вода и воздух. Нет ничего выше этой задачи в нынешние суровые дни для нас, руководителей Краснодарского края и Республики Адыгея, и для вас, лучших представителей русской литературы. Казаки и адыги веками жили в мире и согласии, единой семьёй, и наши сердечные связи не могут нарушить никакие происки. Многонациональное население Кубани и Адыгеи прекрасно понимает, что именно уважение и душевная щедрость принесут в наш единый дом народов Северного Кавказа счастье, благополучие и спокойную жизнь для будущих поколений.

Мы признательны руководителям Союза писателей России за то, что именно на нашей земле решено провести выездной Пленум по такой важной и жизненно необходимой проблеме. Будем рады показать вам то, чем гордится наша земля – житница России.

Разрушительный маховик нынешней власти больно ударил и по экономической жизни русской житницы и здравницы. Но мы сумели приостановить его разрушительное воздействие. Патриотические силы ведут нелёгкую борьбу с поруганием и опустошением русского духа, национального самосознания. Всё это вызывает яростные нападки со стороны “демократической” прессы. Но мы чувствуем понимание и поддержку нашего трудового народа.

Истари на Руси повелось во время серьёзных испытаний вставать на защиту Отечества сообща, плечом к плечу, всем миром. Сегодня, на исходе XX века, мы вновь подверглись нашествию тёмных сил, крайне опасных для дальнейшей судьбы России.

И голос русских писателей-патриотов, обеспокоенных исходом этого невиданного противостояния бесовскому нашествию, должен дойти до сердца каждого человека, вселить во всех людей уверенность и надежду. Сегодняшние весенние дни для Кубани и Адыгеи – особенные: идёт сев, хлеборобы верят в щедрость урожая нынешнего года. Так пусть будут щедрыми и всходы мира и согласия не только на Северном Кавказе, но и во всей нашей многонациональной матери-России!

Развивая в своём выступлении идеи губернатора, Валерий Ганичев особо остановился на вопросе, почему в столичных либеральных СМИ нередко рождаются огульные, нелепые обвинения в адрес жителей Кубани, казаков, губернатора Кондратенко в национализме и шовинизме.

– Знаете, каждый раз, как только выясняется, что та или иная группа олигархов схвачена за руку и им грозит опасность или вызревает народный гнев, СМИ и ТВ, которые в основном состоят на прикорме у олигархов, проводят отвлекающий маневр. Гайдар ограбил народ, и сразу появился термин “красно-коричневые”, и чуть ли не все СМИ бросились играть в этот футбольно-политический мяч. Надул Чубайс всю страну с ваучерами – и тут пугалом стал национализм...

Ваш же губернатор Н. И. Кондратенко, любовно именуемый в народе Батькой Кондратом, зарекомендовал себя как солидный, умный, образованный, разносторонний политик, человек творческий, ищущий, глубоко понимающий истоки наших вчерашних побед и нынешних бед. Он безусловный патриот и человек дела. Наверное, у него и его сотоварищей есть недостатки, возможно, непрояснённые мнения. Ну, так для этого есть “круглые столы”, конференции, дискуссии, встречи наподобие нашего Пленума. Кто мешает нашему телевидению сесть и побеседовать с ним “без галстука” или как с “героем дня”? Но вот не разрешено же это “свободной прессе” и ещё более “свободному” (так и подмывает сказать: более разнузданному!) телевидению...

Писатели России с удовольствием и интересом встретились и беседовали с одним из самых признанных лидеров патриотических сил Кубани, – про-

должал В. Н. Ганичев. — Я не говорю о полном согласии, я говорю о понимании. И этому, надеюсь, будет служить наш творческий Пленум. Не скрываю, мы хотим поддержать Н. И. Кондратенко, а он, в свою очередь, поддержит наш Союз, который сейчас в весьма жалком состоянии, и не только в материальном, но и в моральном плане, так как выхода на экраны центрального телевидения и в прессу у российских писателей-патриотов практически нет. Я могу спросить, часто ли вы видите по телевидению выступления Юрия Бондарева, Михаила Алексеева, Василия Белова? А это же выдающиеся русские писатели! Я с удовольствием цитирую покойного ныне кубанского прозаика Анатолия Знаменского, писателя с определёнными амбициями, который называл Белова “Львом Толстым XX века”!

... По предложению губернатора Н. И. Кондратенко участники писательского Пленума совершили творческий десант в регионы Кубани. Они посетили Выселки, Крымск, Геленджик, дом-музей В. Г. Короленко, известный центр комплексного формирования личности подростков академика Щетинина, провели ряд “круглых столов” и встреч с местными тружениками.

Работа Пленума Союза писателей России была в разгаре, когда громом среди ясно-голубого кубанского неба прозвучала страшная весть о натовских бомбардировках Югославии.

Участники пленума и Форума интеллигенции Кубани приняли совместное Заявление, обращённое к посольству Соединённых Штатов Америки, парламенту, президенту и правительству Российской Федерации: **“Мы, участники Форума интеллигенции Кубани и выездного Пленума Союза писателей России, выражаем глубокое негодование в связи с беспрецедентными по наглости действиями натовских заправил. По указке американского мирового жандарма, считающего себя единоличным вершителем судеб народов мира, вся натовская военная машина под особым прицелом держит братские славянские страны. Им мало невинной крови народов Ирака, который стал беззащитным полигоном для американских и английских вояк. Теперь настал черёд сербов.**

Расчленение Югославии — это явно прослеживающийся зловеющий сценарий возможного развития событий и в России. В первую очередь, разыгрывается межнациональная карта в Северо-Кавказском регионе. Огонь вражды и ненависти подогрывается и направляется опять-таки внутренними и внешними силами. Благодаря предательской политике бывших вождей Советского Союза, а также ряда руководителей пореформенной России, войска НАТО стоят у ближних рубежей нашего Отечества. Всё это явно свидетельствует о намерениях мирового жандарма покорить, унижить, попросту уничтожить славян. Такая попытка предпринималась уже не раз. Именно с сербской земли началась 1-я мировая война...

Мы со всей ответственностью заявляем всему мировому сообществу, что не допустим уничтожения братского сербского народа, не допустим новой войны в Европе.

Мы обращаемся к президенту, правительству, парламенту России: предпримите, наконец, все возможные усилия, чтобы не допустить агрессии. У России есть ещё достаточно возможностей, чтобы одёрнуть злодеев, проявить истинную вековую славянскую солидарность. Мы все ответственны перед памятью наших достойных предков и будущими поколениями!

г. Краснодар. 25 марта 1999 года”.

... Минуло 15 лет. Казалось бы, молниеносный миг в стремительном полёте беспощадного времени. Но знаковый писательский Пленум России, проведённый на гостеприимной Кубани под эгидой губернатора Н. И. Кондратенко, вошёл в историю как яркое, знаменательное событие в литературе и общественной жизни страны.

Мне не забыть, как на заключительном заседании Пленума, широко и приветливо улыбаясь, Николай Игнатович пожелал творцам слова никогда не отрываться от народных корней. И от имени администрации вручил каждому наручные часы с гербом Краснодарского края, на фоне которого сияют золотые слова кубанского гимна: “Ты Кубань, ты наша родина!..” Бережно и трепетно храню я эту бесценную, памятную реликвию, полученную из рук с амого Батьки Кондрата...

НИКОЛАЙ ПИРОГОВ

доктор экономических наук, профессор

ЖКХ КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Аббревиатуру ЖКХ некоторые политологи и публицисты с горькой иронией иногда расшифровывают (и надо сказать – не без основания), как “жилищно-криминальное хозяйство” или: “живи, как хочешь”. И президент, и правительство ясно осознают угрозы, которые таит в себе этот сектор народного хозяйства в силу и огромных масштабов его, и колоссального социально-экономического значения для всего общества, и перечня сложных задач, подлежащих решению. Однако меры, которые они принимают, и сам путь решения проблем вызывают сомнения в их успешности.

Это требует пояснения. Начать надо, очевидно, с краткой характеристики ЖКХ России, которое является совокупностью отраслей российской экономики. В ЖКХ входят жилищное хозяйство (капитальный и текущий ремонт зданий), теплоснабжение, водоснабжение, электроснабжение, ремонт инженерных коммуникаций, а также благоустройство территорий, утилизация мусора и уборка.

Зона ответственности жилищно-коммунального хозяйства страны за использование и сохранность основных фондов на сегодняшний день определяется суммой в 4,8 трлн рублей (более чем 30% от всех основных фондов России). Она складывается из 0,7 трлн рублей основных фондов предприятий и организаций коммунального хозяйства и 4,1 трлн рублей стоимости почти 3,0 млрд квадратных метров жилья. Косвенная, а иногда и прямая ответственность, объёмы которой сложно установить, распространяется на службы ЖКХ и в части капитального строительства [1]. Количество предприятий и организаций ЖКХ – более 52 тысяч, численность работающих в них – свыше 4 млн человек. Коммунальная энергетика потребляет 20% электрической и около 45% тепловой энергии, производимой в Российской Федерации. Годовой оборот денежных средств министр регионального развития В. Басаргин ещё в 2011 году определил в 3,0 трлн рублей.

Основная проблема ЖКХ – сверхнормативный износ основных фондов и поиск средств для их восстановления и содержания в надлежащем состоянии. Конкретно ситуация выглядит следующим образом. Около 300 млн квадратных метров домов нуждается в неотложном капитальном ремонте. Ежегодно по ветхости выбывает 8–10 млн квадратных метров жилья. Особую тревогу вызывает износ коммунальной инфраструктуры, который превышает 60%, что не раз отмечалось на совещаниях в правительстве РФ. Свыше четверти основных фондов, в том числе более половины городских подземных трубопрово-

дов, полностью отслужили свой срок. Как следствие сверхнормативного износа инфраструктуры – беспрецедентный рост аварийности. Количество аварий сетей водоснабжения (холодного и горячего) и теплоснабжения с 1990-го по 2000 год выросло в пять раз и в нулевые годы продолжало увеличиваться. **По сравнению с Европой, аварийность на наших инженерных сетях в пересчёте на 100 км выше в 25–30 раз.**

Правительство оценивает сумму, необходимую для приведения изношенных фондов в нормальное состояние, более чем в 6 трлн рублей. Однако по мнению большинства экспертов, на модернизацию и реформирование ЖКХ требуется до 10–13 трлн рублей. Государство на эти цели по всем источникам финансирования может выделить только 4 трлн рублей [2]. При этом следует напомнить, что все расходы федерального бюджета в 2013 году составляют 13,7 трлн рублей. Известен принцип: чтобы назначить лечение болезни, нужно знать не только диагноз, но и историю заболевания. В этом смысле проблема ЖКХ имеет более чем вековую историю.

К 1917 году примерно на 800 городов страны приходилось лишь 215 небольших водопроводов, 25 канализационных систем, 35 трамвайных предприятий, 606 бань и 13 прачечных. Весь жилищный фонд царской России составлял 150 млн квадратных метров. Многие жили в ночлежных домах, подвалах, сараях и землянках. По переписи 1912 года, население города Москвы составляло около 1 млн человек, более 30% (313 тыс. чел.) из них проживало в 24,5 тыс. коечно-каморочных квартирах. 60% городского жилищного фонда не имело электричества, 75 – водопровода, 85 – канализации, всего 1% был обеспечен центральным отоплением [2].

При советской власти этот сектор экономики был создан практически с нуля. Жилищный фонд в 1989 году в целом по СССР составлял 4540 млн квадратных метров [3], то есть увеличился с царского времени более чем в 30 раз, а в Российской Федерации – 2492 млн квадратных метров [4]. Уровень инженерного обустройства жилья достиг следующих показателей: обеспеченность водопроводом – 91%, канализацией – 90%, центральным отоплением – 87%, ванными и душами – 83%, газификация – 80% (данные за 1980 год) [2].

В СССР объёмы капитального ремонта жилья практически полностью соответствовали нормам его технического содержания. Однако этого всё же было недостаточно для требуемого развития инженерных объектов, сетей и сооружений. В 1992 году население России компенсировало всего 25% затрат на содержание жилья (без учета стоимости текущего ремонта и амортизации), а по г. Москве ещё меньше – 22,3%.

Все годы советской власти вёлся поиск эффективной системы управления жилищно-коммунальным хозяйством. С середины 40-х годов был, на мой взгляд, найден оптимальный вариант – созданы Наркоматы коммунального хозяйства республиканского подчинения, в 1971 году преобразованные в министерства. В РСФСР министерство жилищно-коммунального хозяйства существовало до 1990 года [1]. Предприятия и организации ЖКХ имели двойное подчинение – министерству и местным органам власти. Эта система за несколько десятилетий была хорошо отлажена. Министерство распределяло материально-технические и финансовые ресурсы, согласовывало назначение первых руководителей, а всю оперативную повседневную работу предприятий организовывали местные Советы.

После развала СССР и перевода народного хозяйства на работу по рыночным правилам управление системой ЖКХ многократно менялось. Наконец, 1 ноября 2013 года было создано новое ведомство – Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Работа ему предстоит непростая: опросы ВЦИОМ показывают, что ситуация в сфере ЖКХ вышла на первое место среди проблем, удручающих россиян: её отметили 54% опрошенных [5].

Жилищно-коммунальное хозяйство, являясь в новейшей истории России, как и другие отрасли и сферы жизни, объектом реформ, и в этом качестве неся в себе все родовые черты этих реформ, в самом процессе реформирования занимает всё же особое место, которое определяется его спецификой. В 1992 году началась приватизация жилья. Характерная черта её, как и практически всех реформ демократов, а затем и либералов – быстрота принимаемых решений, непродуманность, игнорирование мнения большинства и в конечном итоге несправедливость, рождающая массовое недовольство.

Цели приватизации жилья обозначил Г. Попов, когда он был мэром г. Москвы. Он говорил, что бесплатная и быстрая приватизация жилья и объектов торговли в Москве “позволит в кратчайшие сроки создать многочисленный класс собственников, который не даст взорвать страну”, и что если это не сделать в ближайшие месяц-два – “нас просто сомнут народные массы”. Для уточнения ситуации следует напомнить, что класс собственников жилья у нас в то время уже существовал: 30% жилья в СССР находилось у граждан на правах личной или кооперативной собственности [6].

Как обычно в переломные моменты истории страны, все новшества исходили из столицы, а затем дублировались в регионах. После недолгого препирательства мэра г. Москвы Г. Попова с Мосгордумой, которая настаивала на выкупе квартир, всё же было принято решение о бесплатной приватизации. Основной довод – её можно было провести быстро, а значит, в кратчайшие сроки перейти на отношения с людьми по рыночным правилам.

Весьма интересен факт: Г. Попов, будучи заведующим кафедрой в МГУ, в 1987 году в журнале “Наука и жизнь” опубликовал статью “Механизм управления и жилищный вопрос” [7]. В ней он предложил разумный, обоснованный способ включения экономического механизма в жилищно-коммунальной сфере для того, чтобы сделать распределение и содержание жилья максимально справедливым, а также обеспечить устойчивый приток инвестиций в строительство и эксплуатацию объектов ЖКХ.

Он писал: “При переходе к новому механизму важно выполнить ещё одну операцию – определить порядок перехода в личную собственность тех квартир, которые были получены бесплатно”. В жизни редко бывает, чтобы у учёного, предлагающего какие-либо новации, возникла возможность реализовать их самостоятельно, как говорится, своими руками. Такая удача выпала мэру г. Москвы Г. Попову. Но очевидно, страх потерять власть и желание поскорее угробить ненавистный ему социализм способствовали полному забвению собственных предложений. Для сведения: руководство Германии после её воссоединения, решая вопросы приватизации жилья на территории бывшей ГДР, провело её на платной основе, как бы следуя рекомендациям Г. Попова, изложенным в упомянутой статье.

Приватизация жилья в России проводилась по принципу “кто что имел, тот то и приватизировал”. Жили двое в государственной пятикомнатной квартире – они и стали её собственниками, пять человек в двухкомнатной квартире – её и приватизировали на всех, жили люди в общежитии или в ведомственном доме – и не получили ничего. Кто имел собственное жильё – при нём и остался, не получив никакой компенсации, а это, как отмечалось выше, немалое количество граждан, проживающих в 30% жилого фонда. Именно об этой несправедливости писал Г. Попов, патетически восклицая: “Почему жители городов имеют право на эти бесплатные метры, а жители сёл не имеют? Может, они не вносят свой вклад в общий фонд государства?”

Сам факт приватизации квартир и комнат стал обоснованием необходимости проведения реформы ЖКХ: получили собственность – платите за её обслуживание и сами управляйте ею. После начала приватизации квартир государственная забота о развитии ЖКХ резко сократилась. Объёмы вложений в инфраструктуру и в строительство домов снизились на 30–40%. Ввод в действие жилых домов в РФ за 20 лет с 1991 по 2010 год составил 853,6 млн квадратных метров; в год – 42,7 млн, а в предыдущие 20 лет с 1971 по 1990 год – 1248,5; в год – 62,4. (Рассчитано автором по данным статистических ежегодников.)

На тему реформирования ЖКХ с начала 90-х годов по настоящее время приняты 158 законов РФ, более 300 подзаконных актов (данные Г. Слюняева, министра регионального развития РФ), десятки решений совещаний у первых лиц государства и глав местных администраций. Не только простому человеку, но даже специалисту разобраться в этом ворохе документов очень непросто.

Ключевые цели реформы ЖКХ были определены правительством РФ в “Комплексной программе модернизации и реформирования жилищно-коммунального хозяйства на 2010–2020 годы”, принятой в 2010 году:

1. Развитие конкурентных отношений в сфере управления и обслуживания жилищного фонда.
2. Развитие системы управления имуществом комплексом комму-

нальной сферы с использованием концессионных соглашений и иных механизмов государственно-частного партнёрства.

3. Завершение перевода льгот и субсидий по оплате жилья и коммунальных услуг в денежную форму, что определено в качестве основы реформы ЖКХ.

4. Развитие системы ресурсо-энергосбережения.

Перечисленные цели предлагались и ранее в ряде государственных документов, однако были реализованы лишь частично. В. Путин в качестве кандидата в президенты РФ в 2012 году в статье “Строительство справедливости. Социальная политика для России” [8] обозначил задачу: “Общими усилиями навести порядок в жилищно-коммунальном хозяйстве”. Её решение он видел, во-первых, в широком обучении граждан основам законодательства и экономики ЖКХ, формировании сети общественных организаций, помогающих жителям организоваться, защищать свои права, контролировать выполнение предприятиями ЖКХ своих обязательств. Во-вторых, перейти к установлению социальной нормы потребления коммунальных ресурсов, что позволит сделать их оплату более **справедливой**. (Выделено мной. – Н. П. К этой проблеме мы ещё вернёмся.) В-третьих, создать благоприятные условия для привлечения частных инвестиций в эту отрасль, для чего стоимость коммунальных услуг устанавливать как минимум на три года вперёд и сделать тарифы зависимыми от качества услуг”.

Несмотря на все старания властей, реформа ЖКХ, как говорится, не идёт. Среди причин этого – нежелание населения принять данную реформу и по многим позициям несоответствие предлагаемых реформаторских действий как здравому смыслу и элементарному экономическому расчету, так и традициям и менталитету народа.

Вялотекущая в течение 15 лет, реформа ЖКХ в 2007–2008 годах приняла форму тотальной и добровольно-принудительной. Жителей пытались понудить объединяться в товарищества собственников жилья (ТСЖ). Особенно энергично и напористо эту кампанию вели в Москве. Население её окрестило “второй коллективизацией”. Отличие её от “первой коллективизации” обозначилось сразу. Если в колхозы объединяли крестьян с примерно одинаковым уровнем собственности и достатка, и после объединения лошади, коровы, инвентарь становились общими, то в ТСЖ квартиры не становились коллективной собственностью, общими были только площади совместного пользования. При этом члены ТСЖ по материальной обеспеченности настолько разнились, что добиться согласованных решений по вопросам обслуживания и обустройства дома было практически невозможно. А это значит, что меньшинство вынуждено было подчиняться большинству. Например, богатые жильцы хотят иметь круглосуточную охрану в подъезде, а бедные не имеют на это денег. Или: бедные не платят квартплату, значит, их долги должны покрываться соседями. Уже одни эти трудности осложняют создание ТСЖ, а то и вовсе делают его невозможным. К этому можно добавить и другие проблемы: кто-то из жильцов дома решил не вступать в ТСЖ (дело-то ведь это добровольное!) или в доме есть неприватизированные квартиры. Всё это как-то решается в соответствии с типовым уставом, но уж очень осложняет дело и является пищей для постоянных скандалов и недовольства жильцов.

Но московское руководство, невзирая ни на что, решило одолеть проблему создания ТСЖ в кратчайшие сроки. Были приняты меры стимулирования: на создание 2000 товариществ ассигновано 186 млн руб. На капитальный ремонт домов выделялись средства из бюджета только при условии создания ТСЖ: для двенадцатиэтажного дома – 15 млн руб., пятиэтажного – 5 млн руб. [9]. Деньги поступали на счёт ТСЖ – организации, не подконтрольной московскому правительству, оно распорядилось ими самостоятельно, перечисляя управляющим компаниям. Таким образом, создавались условия для присвоения немалых средств.

В Москве, да и по всей стране поднялась волна создания липовых ТСЖ. Фальсификация документов о создании товариществ начиналась с общего собрания. Вернее – с невозможности его проведения. Например, в крупном городе дом на 200–250 квартир – не редкость. А где могут собраться жильцы этого дома на собрание? Такого места никто им не приготовил и бесплатно не предоставит. Криминал начинался по большинству ТСЖ с момента их создания. Учредительные документы подготавливались опросом квартировладельцев, а зачастую – просто подделкой их подписей.

В 2009–2010 годах московские власти поставили задачу создать 10 тысяч ТСЖ и спустили этот план на места. Проверка департамента ЖКХ и благоустройства г. Москвы выявила в 465 товариществах из 1942 пропашу правоустанавливающих документов [9]. А это значит не что иное, как способ замести следы преступления.

Обманутые жители столицы, пострадавшие от фальшивых товариществ, подвали на них в суды. В 2009–2011 годах таким образом было ликвидировано более 300 ТСЖ, а около 200 дел находилось на рассмотрении [9]. Выявлены вопиющие факты, когда отдельные работники ДЭЗов управляли в соответствии с учредительными документами пятью, десятью, а некоторые и несколькими десятками товариществ. Случаи наказания за учреждение липовых ТСЖ неизвестны.

Справедливости ради следует отметить, что имеются факты успешной работы ТСЖ. Да, теоретически это возможно, но на практике встречается чрезвычайно редко. В каких условиях возможна эффективная работа товариществ? Жизнь подсказывает – в коммерческих новостройках. Жильцы в таких домах примерно одного социального статуса, капитальные ремонты им пока не нужны [10]. Но пройдет какое-то время, и возникнут те же проблемы, что и в старых домах. Разве что у коллектива жильцов будет время и накопится кое-какой опыт для их решения.

Официальные разъяснения властей в части привлекательности ТСЖ для жильцов базируются ещё и на возможности выгодного использования мест общего пользования – колясочных, холлов, подвалов, специальных помещений для занятий творчеством (в некоторых домах есть и такие помещения). Но здесь власть или лукавит, или попросту не в курсе дела. Все эти помещения чиновниками или проданы, или сданы в долгосрочную аренду. И нередко случается так, что учреждённое ТСЖ начинает свою деятельность с борьбы за освобождение этих помещений. Как правило, выиграть в этой борьбе у ТСЖ не получается.

Отдельный вопрос – о руководстве ТСЖ. Многоэтажный жилой дом – сложное инженерное сооружение. Обслуживание каждой инженерной системы (водопровод, канализация, электрика, теплоснабжение, слаботочные устройства) требует специальных знаний. Кроме того, нужно быть элементарно подкованным в части вопросов налогообложения, бухгалтерской отчётности и т. п., то есть иметь знания и навыки предпринимателя. Да и штат у руководства ТСЖ должен быть хотя бы 2–3 человека. В результате получается, что если раньше ДЭЗ или домоуправление обслуживали 20–30 домов, то теперь товарищества в каждом доме должны выполнять их обязанности самостоятельно.

В советский период домоуправления критиковали за непрофессионализм, и это было справедливо. Но в ТСЖ уровень профессиональной подготовки персонала может быть только ниже, поскольку к руководству приходят, как правило, не специалисты. А управленческий аппарат, который в конечном итоге должны содержать жильцы, в разы больше. А это уже экономический и организационный абсурд. Законодательная база в сфере ЖКХ до конца не сформирована. Земельный участок под домом остался в собственности государства. Правоотношения на федеральном, региональном уровнях, между собственниками дома, квартиры, земельного участка не оформлены. Нет и утверждённых правил адресно-бюджетного финансирования граждан в сфере ЖКХ. Наконец, сами граждане не чувствуют себя домовладельцами, да и фактически ими не стали. Таким образом, создание ТСЖ – это, в большинстве случаев, дополнительная постоянная головная боль для жильцов плюс удорожание содержания их квартир.

Время идёт, какие-то проблемы решаются. Но общая направленность действий властей в реформах ЖКХ остаётся неизменной: все нововведения осуществляются за счёт жильцов. В Москве участки под многоквартирными домами передаются в общедолевую собственность граждан, что позволит размещать на них детские и спортивные площадки и огородить дом забором. Цена этой “льготы” – примерно 1500 руб. с квартиры в год. Зато приварок к бюджету города – не менее 5 млрд руб.

Проблема развития конкурентных отношений в сфере ЖКХ, которую можно назвать главной в перечне задач по реформированию этой сферы, вызывает, даже при поверхностном её рассмотрении, мягко говоря, недоумение.

Официальное мнение такое: жители будут выбирать управляющие компании, которые им выгодны, а те будут бороться за право быть выбранными.

Каждый в отдельности владелец квартиры выбирать ничего и никого не может. Заключить договор на обслуживание с той компанией, которая предложит лучшие условия, – компетенция ТСЖ. Как будто бы принцип конкуренции восторжествовал. Но это не та конкуренция, которая нужна жильцам. Ведь управляющие компании – это всего лишь прокладки, посредники, они ничего не производят. Это коммерческие организации, и их главная задача, как и записано в их уставах, – получение максимальной прибыли. ТСЖ для них – объект получения этой прибыли. Характерный пример: на Форуме действий “Общероссийского народного фронта”, который прошёл 5 декабря 2013 года, В. Путин предложил оформить в закон идею “фронтников” – запретить управляющим компаниям держать деньги в офшорах [11]. Ясно, что честно заработанное в офшорах не прячут.

Существует много вариантов, как, предварительно понравившись жильцам, затем, не нарушая договора, взвинтить плату за обслуживание. При этом ТСЖ формально имеет право расторгнуть договор и заключить его с другой фирмой. Но управляющая компания, как паук, поймавший в свою сеть муху, отпускать ТСЖ не желает. В юридической схватке если и побеждает ТСЖ, то это стоит ему очень больших усилий. Это и понятно: с одной стороны – профессионалы, нацеленные на прибыль, на атаку, с другой – любители. В СМИ неоднократно освещали подобные конфликты.

ТСЖ имеет возможность заключить договор на обслуживание с предприятиями, непосредственно выполняющими работы или оказывающими услуги. В этом случае поле для настоящей конкуренции есть, но оно чрезвычайно мало. Конкуренция возможна практически только в отношении текущего и капитального ремонта, обслуживания лифтов и некоторых эпизодических работ. Самые большие затраты для жильцов, как известно, связаны с электрикой, тепло-, водо-, газоснабжением, канализацией. А здесь никакого выбора нет. Все наши кварталы многоэтажных домов возводились в расчёте на безальтернативное обеспечение их инженерной инфраструктурой. Таким образом, конкуренция, которая по замыслу властей решит основные проблемы в сфере ЖКХ, такой палочкой-выручалочкой не была и не будет.

Особо остро стоит проблема льгот и тарифов за услуги ЖКХ. Задача реформы, как отмечалось, – перевести жилищно-коммунальное хозяйство на самокупаемость, то есть жители должны платить за услуги ЖКХ полностью, при этом льготникам (а их в стране более 50 млн человек) [1] предусматривалась адресная помощь. Порядок выделения этой помощи до настоящего времени не разработан.

Тарифы ЖКХ росли фантастическими темпами. В целом по России этот рост (в процентах к предыдущему году) выглядит следующим образом: 2000 год – 42,6%, 2001-й – 56,8%, 2002-й – 48,8%, 2003-й – 28,7%, 2004-й – 23,5%, 2005-й – 33,0%. Но ещё в апреле 2005 года тогдашний министр регионального развития В. Яковлев официально сообщил, что “услуги ЖКХ полностью окупаются нынешними тарифами в большинстве регионов страны”. Он назвал и точные данные: “На сегодняшний день полная окупаемость услуг ЖКХ – на 100% – отмечается в 56 регионах. На 90–100 – в 21 регионе, менее чем на 90% – в 12 регионах” [12]. Таким образом, уже в 2005 году практически всё население страны полностью оплачивало услуги ЖКХ. Однако за последующие пять лет тарифы в среднем по стране возросли в среднем в 2 раза, ежегодно значительно превышая процент инфляции. Продолжали они расти и в 2012-м, и в 2013-м году. Так, в 2013-м году тарифы на коммунальные услуги в Москве в среднем подорожали на 9,7% (что на 3,1 процентных пункта больше инфляции); конкретно: за холодную воду – на 6,2%, отопление – 9%, газ – 15%, электричество – 12% [13]. В других городах страны рост тарифов был выше на несколько пунктов.

Так за что и почему мы платим по повышенным ценам? Ответов несколько. Чиновники поясняют, что в тарифы, дескать, заложена инвестиционная составляющая. Инженерные сети и объекты ЖКХ чрезмерно изношены, а для их строительства и ремонта нужны деньги. Когда в правительстве обсуждали предложение заморозить тарифы на год, то этому воспротивился вице-премьер Д. Козак, доказывая, что прекращение роста тарифов ЖКХ приведёт к его развалу. С ним, очевидно, согласились [14].

Странная логика и непонятные действия правительства, которое уже 20 лет переводит ЖКХ с социалистических на капиталистические рельсы! А при капитализме, как известно, при нехватке денег аккумулируют средства путём создания акционерных обществ, на акции которых в дальнейшем начисляют дивиденды. В данном же случае правительство создаёт для чиновников ЖКХ условия по выделению через тарифы практически бесконтрольных денег на ремонт и развитие. Ведь если увеличение тарифов предусматривало изначально реализацию какой-то инвестиционной программы (о которой жителей даже не информируют), а она в результате оказалась невыполненной, то ответственности за это никто не несёт и стоимость невыполненных объёмов работ можно опять заложить в тарифы.

Журнал “Эксперт” собрал и обобщил опыт региональных компаний по модернизации местной тепловой энергетики [15]. Приведены семь примеров такой модернизации, которые доказывают, что вложения в эти объекты окупаются в срок от трёх до десяти лет, а также то, что установка нового оборудования позволяет сделать тепловое хозяйство прибыльным только за счёт резкого сокращения потерь в сетях и повышения КПД котлов. Модернизация тепловой энергетики может успешно проводиться при стабильных тарифах, и в росте их она не нуждается. Таким образом, требования поставщиков электроэнергии, газа, мазута, угля и других видов топлива постоянно повышать тарифы выглядят непропорциональными, но постоянно поддерживаются правительством.

Ещё один довод чиновников, обосновывающих рост тарифов ЖКХ, – неплатежи. Расчётчики тарифов признают, что ставка эксплуатационных расходов включает в себя не только фактические затраты, но и определённый процент прогнозируемых неплатежей со стороны потребителей. Но и здесь логика пробоксовывает. Власть постоянно учит население, что если вас обсчитали, или продали в магазине некачественный товар, или, как в нашем случае, необоснованно завысили коммунальные тарифы – обращайтесь в суд и привлекайте виновных к ответу. Этот совет верен и для чиновников ЖКХ: вам не оплачивают оказанные услуги – разбирайтесь с неплательщиками в суде, а не перекладывайте свои недоимки на законопослушных граждан. Притом что среди уклонистов немалая доля так называемых частных инвесторов, купивших квартиры для перепродажи. А доктор экономических наук М. Делягин обратил внимание на то, что, например, главными неплательщиками за электричество являются богатейшие предприятия страны, а не граждане, как принято считать [16].

Завышение тарифов за пределы окупаемости объясняют нередко тем, что нет чёткой формулы определения величины тарифа, и непрозрачностью, скрытостью от населения самой процедуры расчёта. Резон в этом, без сомнения, есть. Но и ответ простой: чёткости и ясности не хочет сама власть. СМИ неоднократно сообщали об отдельных энтузиастах, которые боролись с системой ЖКХ и через суды добивались отмены завышенных тарифов. Но и после этого местные власти не принимали от этих людей эстафетную палочку прояснённого до чётких математических формул подсчёта затрат по всем девяти видам услуг ЖКХ.

Существует и такой миф: о мошеннических манипуляциях с тарифами не знает руководство страны, поэтому и появилась возможность манипулировать ими, оставаясь при этом безнаказанными. Наивность! Г. Дворокровский, пенсионер, досконально разобравшийся в структуре себестоимости услуг ЖКХ, пытался донести эти знания до президента страны. По его словам, он десять раз прорывался на приём к президенту и десять раз его принимали помощники или советники и каждый раз отказывались вникать в суть дела [17]. Ситуация удивительная, имея в виду, что тема ЖКХ и тарифов постоянно присутствует на совещаниях у первых лиц страны, в выступлениях и президента, и премьера.

В тарифах ЖКХ разбирались и высокообразованные специалисты. Например, доктор экономических наук А. Сенин и кандидат технических наук Ю. Казаринов задались вопросом, а сколько всё-таки стоит 1 кВт·ч электроэнергии и 1 кубометр воды? И вот их ответ: 1 кВт·ч должен стоить для потребителя 1,27 руб., а установленные тарифы колеблются от 2,5 руб. до 4,5 руб., себестоимость холодной воды (даже с учётом инвестиционных затрат) – 12–14 руб. за 1 кубометр, а тариф в Москве в 2012 году составлял 26,75 руб. Горячая вода должна стоить 54–56 руб. за 1 кубометр, а тариф равен 116 руб. [18] Таким образом, они доказали, что население платит за эти услуги в два раза больше, чем следует.

Самый эффективный контроль за действиями властей – это, без сомнения, контроль общественный. Об этом не раз говорил и Д. Медведев в бытность свою президентом, и В. Путин, в Указе которого от 7 мая 2012 года № 600 “О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильём и повышению качества жилищно-коммунальных услуг” записано поручение правительству РФ: “. . . до июня 2013 г обеспечить создание сети общественных организаций в целях оказания содействия уполномоченным органам в осуществлении контроля за выполнением организациями коммунального хозяйства своих обязательств”.

4 февраля 2013 года на совещании в Сочи на тему о мерах по улучшению качества жилищно-коммунальных услуг В. Путин уточнил задачу, напомнив о необходимости “создания общественных организаций, которые будут помогать власти (подчёркнуто мной. – Н. П.) контролировать рост коммунальных тарифов и выполнение организациями ЖКХ своих обязательств”. Эти организации граждан не созданы до сих пор, а подчёркнутые слова очень наглядно поясняют суть отношений народа, избирателей с властью в современной России. Власти можно только помогать, но ни в коем случае её не контролировать!

Премьер Д. Медведев нашёл “решение” проблемы неплатежей. В ноябре 2013 года он предложил ввести в стране предоплату за жилищно-коммунальные услуги, о чём сообщал официальный сайт правительства. При этом элементарными расчётами, как видно, в правительстве никто себя не утруждал. А ситуация такова, что общая задолженность перед поставщиками электроэнергии, газа и воды на 1 января 2013 года составила порядка 300 млрд рублей, половина из них – долг физических лиц, а внедрение предоплаты только за электроэнергию потребует в целом по России замены 20 млн счётчиков, что обойдётся в 3 млрд, но не рублей, а евро [20]. Кстати, опросы ВЦИОМ показали, что около 80% населения не хотят предоплаты.

Эта проблема получила неожиданное развитие. Спустя некоторое время Д. Медведев разъяснил корреспонденту “МК”: “Никто не говорил, чтобы в порядке предоплаты, авансом платили все. 94% граждан вовремя рассчитываются за услуги в сфере ЖКХ. За что же их наказывать? Не за что абсолютно. Поэтому в этой идее речь шла только о 6%. И только после ситуации, когда полгода не вносятся платежи за жилищно-коммунальное хозяйство” [21]. Однако идея предоплаты в данном варианте вообще теряет всякий смысл. Тот, кто не платил за оказанные услуги, не будет платить и впредь. Есть и другая сторона предоплаты: если платёж состоялся, а услуга не оказана, то вернуть деньги можно только через суд, а рассмотрение таких дел, как показывает практика, затягивается на несколько месяцев. Вопрос не продуман, и такое легкомыслие не делает чести правительству.

Ещё одна инициатива сверху – введение норм потребления услуг ЖКХ (электроэнергии, воды, тепла). Это было предложение В. Путина, высказанное им в сентябре 2011 года, когда он был Председателем правительства. Суть идеи как будто бы понятна: ввести справедливую оплату, тогда потребляющие много (богатые) заплатят по повышенным расценкам, а для тех, кто укладывается в социальные нормы, установят на услуги ЖКХ стабильные цены, которые не должны расти выше процента инфляции.

Дальнейшая расшифровка этой задумки, зафиксированная в указах президента, законах РФ, обсуждениях на самых разных уровнях – от “круглых столов” специалистов до совещаний у первых лиц государства – показала, что дело здесь не в социальной справедливости и даже не в решении проблемы ресурсосбережения, без сомнения, весьма актуальной для нашего общества, а в необходимости изыскания дополнительных средств для инвестирования в объекты ЖКХ.

Внедрение идеи началось с электроэнергетики. Поставлена задача с 1 июля 2014 года повсеместно в стране ввести социальную норму потребления электроэнергии, для чего в ряде областей с целью отработки деталей этой идеи в 2013 году начал проводиться соответствующий эксперимент. В разных регионах установили норму потребления от 50 до 70 кВт·ч на человека в месяц. И сама идея, и условия проведения эксперимента вызвали в основном негативное отношение к ним на местах. В Приморском крае, например, протесты общественности вынудили администрацию края отказаться от проведения эксперимента. Люди не понимали, как можно говорить о какой-либо норме потребления электроэнергии при постоянных сбоях в обеспечении жи-

лых домов горячей водой и централизованным теплом, что вынужденно приводит к повышенным расходам электричества, которые невозможно прогнозировать.

Цель введения социальной нормы уже не скрывалась и довольно четко мотивировалась необходимостью борьбы с так называемым перекрёстным субсидированием. В трактовке правительства это означало, что население платит по тарифам, установленным ниже средних издержек (расчёты это не подтверждают. — Н. П.), поэтому разницу компенсируют крупные потребители в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве и пр.

Специалисты оценивают действия правительства неоднозначно. Основные разногласия касаются величины социальной нормы, которая признана явно заниженной, и соблюдение её приведёт к снижению уровня потребления электроэнергии по сравнению с душевым потреблением в развитых странах. А ведь величина потребления электроэнергии всегда служила одним из индикаторов уровня жизни населения, и даже по формальной логике его нужно было бы не понижать, а повышать.

И ещё один довод: доля населения в электропотреблении составляет порядка 10%, и начинать экономить и решать запутанную проблему перекрёстного субсидирования со сравнительно незначительной для экономики доли, да ещё и с явной опасностью получить социально-напряжённую ситуацию — не очень разумное решение. Но оно, очевидно, вызвано вескими причинами.

Они обнаруживаются невооруженным глазом. Физический и моральный износ электроэнергетики требует инвестиций. И правительство, скорее всего, рассчитывает путём занижения норм потребления получить существенный приварок в виде оплаты по повышенным тарифам за электроэнергию, потреблённую сверх норм. Другое объяснение ситуации придумать сложно. В конечном итоге, сейчас обсуждается вопрос о помощи инвестициями частному капиталу со стороны государства, которое, не имея на это необходимых средств, пытается получить их за счёт населения, выдумывая для этого хитрые способы законного изъятия у него денег. Приходится в очередной раз констатировать, что принцип функционирования нашей экономики за последние 20 лет не меняется: приватизация прибыли и национализация убытков.

Представляется, что главный недостаток проводимой реформы ЖКХ — это неверный выбор её стратегического направления. Можно ли было в советское время представить, чтобы люди типа Курчатова, Королева, Глушкова, создавшие нашу оборонно-индустриальную мощь, приходили бы домой и занимались на собраниях выбором управляющих компаний, тарифами и т. п. делами. Если бы такое происходило, то результатов, которых они добились, не было бы! Да и обычные, не известные широко, но толковые, умные люди, плодотворно и напряжённо работающие в своих организациях, должны дома отдыхать, а не окунаться в атмосферу борьбы, судебных тяжб, не тратить время на организацию собственного быта.

Менталитет нашего народа не такой. Люди не желают заниматься созданием ТСЖ, борьбой с управляющими компаниями, с подрядными организациями, вникать в сложные проблемы эксплуатации инженерных систем, капитальных ремонтов, строительства. Надо помнить о том, что если мы великая страна и хотим ею остаться, то и решать нам нужно великие задачи, а не разменивать трудовой потенциал, энтузиазм, интеллект народа на решение бытовых проблем.

Есть шутовское выражение, что для того, чтобы доказать абсурдность дела, надо довести его до абсурда. Распространяя логику реформы ЖКХ в её официальной трактовке на другие сферы нашей жизни, можно, например, в области реформы здравоохранения предложить жителям сообщества содержать поликлинику на правах общей собственности и организованно решать проблемы её функционирования. А действительно, чем это принципиально отличается от организации обслуживания огромного многоквартирного дома?

Во властных коридорах иногда слышатся такие мнения: дескать, совместное управление домами позволит жителям укреплять чувство коллективизма, а это — движение в направлении создания гражданского общества. Это чистой воды фарисейство. Ведь все 20 постсоветских лет власть всеми средствами вытравливала коллективизм из всех сфер жизни общества, и особенно там, где он был наиболее развит, — в сфере производства. Социалистические производственные коллективы были в советское время реальным прояв-

лением демократии. Либеральные реформы начисто вытеснили коллективизм из производственной сферы, где установились отношения по схеме: хозяин – наёмный работник, то есть той, которая была господствующей в капиталистическом мире во времена К. Маркса, 150 лет назад. И другие отношения власть не поощряет. И если уж возрождать коллективистские отношения в нашем обществе, то начинать надо с производства.

Содержание реформ ЖКХ позаимствовано из заграничного опыта. Но наши либеральные реформаторы, как закоренелые двоечники, списывают то, в чём не разбираются, или, что ещё хуже, – разбираться не желают. Их устроил главный принцип организации ЖКХ в зарубежных странах: все услуги чисто по-рыночному, по-капиталистическому на сто процентов должны оплачивать жильцы. А остальное – дело второстепенное. Однако в экономически развитых странах организация жилищно-коммунального хозяйства имеет ряд специфических особенностей, изучение которых могло бы быть весьма полезным для нашей страны. Например, в ряде европейских стран подбор управляющих компаний является обязанностью муниципалитетов. Правительство Московской области переняло этот опыт и стало силами муниципальных органов назначать управляющие компании, освободив тем самым жильцов от несвойственной им работы и одновременно исключив появление на рынке ЖКХ недобросовестных организаций.

В конце февраля 2014 года в СМИ появилось сообщение, что президент РФ В. Путин согласился с предложением лицензировать деятельность управляющих компаний, что должно повысить уровень их профессионализма. Однако принципиально это ничего не изменит: были на рынке услуг ЖКХ компании-шакалы, появятся компании-тигры. Но они как были хищниками, так ими и останутся. И цель их та же: как можно больше выжать денег у жильцов.

Но есть и обнадеживающая информация. Мэрия Москвы приняла решение создать в 46 районах города государственные бюджетные учреждения для обслуживания жилых домов, наделив их необходимыми финансами и техникой. При этом жителям не возбраняется иметь дело и с управляющими компаниями. Решение правильное, но оставляющее горький осадок: неужели нашему народу на принятие таких очевидных и относительно простых решений надо тратить более 20 лет?

В период господства либеральной идеологии ни одна реформа не увенчалась успехом: скандальная монетизация льгот, когда были “потеряны” 2 млн льготников; состоящая из сплошных ребусов пенсионная реформа, закончившаяся изъятием накопительной части пенсий граждан в бюджет; реформа РАН, при проведении которой объявлен годичный мораторий, что явно свидетельствует о непродуманности предложенных изменений; вялотекущая, но непрерывная реформа образования, уже давшая свои ядовитые плоды: мы уже давно перестали быть “самой читающей страной”, качество образования настолько низкое, что даже на журфаках и филфаках учатся элементарно неграмотные люди; реформа МВД, которая свелась к замене синей формы на чёрную и слова “милиция” на слово “полиция”, услышав которое люди старшего возраста до сих пор вздрагивают, вспоминая страшные годы фашистской оккупации и поведение полицаяв на нашей земле. Наконец, предмет исследования данной статьи – реформа ЖКХ – сумбурная и бестолковая.

У наших реформаторов основная цель экономических преобразований – создание рыночной экономики, и в этом они чётко следуют советам западных консультантов, не желая понять, что задачей любых новаций всегда должны быть ускорение темпов экономического роста и повышение уровня жизни народа.

Поневоле приходишь к выводу, что с этой командой реформаторов бессмысленно надеяться на успех преобразований в стране. И естественно возникает вопрос: а не пора ли менять самих реформаторов?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Управление ЖКХ, <http://www.aptr.ru/housing/upravlenie-jkh.html>
2. Жилищный юрист, <http://www.moluch.ru/conf/econ/archive/9/495/>
3. Материалы делегату XXVIII КПСС. М., 1990.

4. Россия в цифрах. 2006: Крат. стат. сб./Росстат – М., 2006.
5. http://www.gazeta.ru/social/news/2013/02/04/n_2738945.shtml
6. Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Стат. ежегодник/Госкомстат СССР. – М., 1990.
7. Наука и жизнь, № 10, 1987.
8. Комсомольская правда, 13.01.2012.
9. Эксперт, № 23, 2011.
10. Эксперт, № 34, 2010.
11. Московский комсомолец, 06.12.13.
12. Завтра, № 3, 2011.
13. Московский комсомолец, 01.08.13.
14. Московский комсомолец, 02.11.13.
15. Эксперт, № 45, 2013.
16. Московский комсомолец, 24.10.13.
17. Московский комсомолец, 12.01.2006.
18. Актуальные вопросы инновационной экономики, № 1, 2012.
19. Московский комсомолец, 31.10.13.
20. Московский комсомолец, 15.11.13.
21. Московский комсомолец, 07.12.13.
22. Зарубежный опыт преобразований в жилищно-коммунальном хозяйстве и возможность его использования в России, <http://www.fsk-group.ru/?article=5828>
23. Аргументы и факты, № 44, 2006.
24. Россия не против возрождения ЖСК, <http://asio.ru/news/22/rossiyane-ne-protiv-vozhrozhdeniya-zhsk>
25. Народное хозяйство СССР за 60 лет, Юбилейный стат. ежегодник, М., 1977.

В начале марта этого года по решению Союза писателей России в Автономную Республику Крым выехала делегация русских писателей. Выражая свою поддержку мужественной борьбе народа Крыма за своё самоопределение, за воссоединение с Россией, русские писатели обратились со словом поддержки к писателям братского Крыма и города-героя Севастополя.

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

К РОДНЫМ БЕРЕГАМ!

1. Крейсер “Крым”

Есть у военных лётчиков понятие “лечь на боевой курс”. Это когда командир, получив от штурмана проложенный маршрут до цели, направляет на неё самолет. С этого момента, как бы ни слепили прожектора противника, какой бы интенсивности ни велась стрельба по боевой машине и экипажу, командир не отворачивает от цели. Боевой курс. Заход на цель. Таким мне представился Крым в эту поездку.

Однако крымские писатели, собравшиеся 7 марта в старейшей севастопольской Морской библиотеке имени адмирала М. П. Лазарева, внесли уточнение: самолёт дойдёт до цели лишь в том случае, если у него будет два надёжных крыла. И второе крыло для крымчан – это Россия.

Но, наверное, Севастополь не был бы *городом русских моряков*, если бы в ходе нашей встречи не нашлось более точного определения тому, что происходит в Крыму. Крым сегодня – это крейсер, который после долгих лет скитаний по чужим морям и океанам поднял Андреевский стяг и взял курс на Родину.

Ждёт ли его Россия? Готова ли принять в свою гавань?.. Ответ однозначен. Не случайно нам с Александром Бобровым на регистрации в московском аэропорту вдруг объявили: полететь не сможете, места в салоне закончились.

- Но ведь у нас билеты куплены!
- Дело в том, что билетов продали больше, чем мест в самолёте.
- ???
- Очень большой спрос на это направление.

Мы, несмотря ни на что, улетели, и лишь в самолёте увидели тех, кто занял наши места, – ансамбль Надежды Бабкиной. За недолгую командировку мы смогли увидеть только в Севастополе депутатов от “Единой России” и КПРФ, певицу Надежду Крыгину и артиста Аристарха Ливанова, нос к носу столкнулись с нашим другом, писателем, бардом Леонидом Шумским, представителем Общественной палаты РФ Дмитрием Галочкиным.

Россия, словно чаек, послала навстречу крейсеру гонцов: берег уже рядом, вас там не забыли и ждут. Но как корабль не может развить скорость выше той мощности, что заложена в его двигатели, так и Крым обязан был пройти оставшиеся мили самостоятельно, встретить ещё несколько рассветов и закатов, прежде чем получит юридические основания причалить к пристани со славным именем Россия.

Киев и Европа бились не столько против отторжения Крыма – этот вопрос был решён, сил и единой позиции по противодействию подобному развитию событий у них не было, – сколько против референдума как такового, потому что боялись увидеть в процентном выражении протест людей против политики пренебрежения и двойных стандартов по отношению к русскоязычному населению полуострова. И в этой борьбе первыми на амбразуру бросили крымско-татарское население Крыма.

– Вы должны понять: у нас есть свои ваххабиты, – пояснил один крымский татарин, совместно с казаками патрулировавший Севастополь в ночное время. – Думаете, мы все костями ложимся за противостояние с Россией, к которому призывают некоторые крымско-татарские политики?.. Лучше бы они делились с нами теми средствами, которые получали все эти годы в виде спонсорской помощи. Когда делили меж собой деньги, народ не замечали. Сейчас, когда потребовалось, они зывают к нам. Но поезд ушёл!

В Феодосийском районе татары круглосуточно охраняли мечети, кладбища, опасаясь провокаций. В то же время на некоторых крымских дорогах были выставлены группы татарских женщин с жёлто-голубыми шарами, выражающими протест против отделения от Украины. Разделение мнений в татарской среде происходило в основном среди сорокалетних: кто старше, те не прощают депортации, кто моложе – прекрасно понимают выгоды от воссоединения с Россией, начиная от социальных гарантий, пенсий родителям и цен на бензин. Велик ли протестный процент? Можно сделать подсчёт: крымско-татарского населения на полуострове 12%. Ко дню выборов он “подрос”, но не потому, что стало больше сторонников “майдана”, а потому, что чуть уменьшилось число тех, кто желал голосовать “за”. Что бы ни говорили о спокойствии на полуострове, но некоторые жители вывезли своих детей на период неопределённости в Россию. Понять людей можно: исчезнувшее в тысячах экземпляров оружие где-то когда-то выстрелит.

Нет сомнения, что руководство России понимает, какую ответственность взяло на себя в связи с референдумом. Полуостров, скажем так, не совсем благополучен в области инфраструктуры, ЖКХ, и во всё это придётся вкладывать деньги. Крымчане тоже должны понимать, что и в России не всегда денежно, что у нас есть свои “медвежьи” уголки, где ждут финансовой помощи. Но при этом Россия гарантирует Крыму главное: крымчане будут сидеть с нами за одним столом. В одной комнате. У них отныне не будет приступочек, приставных столиков в углу, в закутке. Никто не цыкнет на них, не посчитает людьми второго сорта. У нас будет одна атмосфера. Мы будем жить одной семьёй. Это всё то, чего они были лишены на полуострове последние 20 с лишним лет.

* * *

Украинские телеканалы в последние несколько дней перед референдумом вспоминали Крым в сотни тысяч раз чаще, чем за всю историю независимости Украины. А она характеризовалась если не геноцидом, то угнетением крымчан – это несомненно. Однако, несмотря на психологическое и административное давление со стороны украинской (ныне есть более точное определение – майдановской) власти, крымчане делали всё, чтобы не рассыпаться поодиночке. До глубины души потряс случай в Росийской общине Севастополя. К её председателю, Телятниковой Раисе Фёдоровне, как к последней инстанции однажды пришел старик, которого украинские власти буквально вышвыривали на улицу из его собственного дома. От волнения, называя имя Раисы Фёдоровны, он произнёс:

– Россия Фёдоровна, помогите!

Воистину: у нашего Отечества тысячи, миллионы отчеств, но имя и впрямь одно. Оно и прозвучало в символической оговорке: “Россия – помоги!”

Я брал с собой огромное количество стихотворений, посвящённых Крыму. Поэты России буквально взорвались своими посвящениями полуострову. Но среди этого множества первым я всё же держал “Выбор” Валентины Ефимовской из Санкт-Петербурга. Дочь морского офицера-севастопольца, она написала давным-давно:

*Когда входили в бухту крейсера,
Когда отец легко взбегал по трапу,
Моё взмывало детское “Ура!”,
Цепляя коршуна за бронзовую лапу
На обелиске в честь погибших кораблей...
Под штормовым сердцебиением флага
“Вальс севастопольский” я пела всех слышней,
Я подпевала морякам “Варяга”...
От мамы знала, помнящей войну, —
Нам никогда не подпоёт Европа...
Царю тому на верность присягну,
Кто возвратит России Севастополь!*

Валентине Ефимовской, всем нам, кто разделяет её ожидание, придётся присягать не царю, а народу Крыма: 16 марта референдум определил, дал шифр-код к отмычке, которая позволит полуострову вернуться в состав России. Не знаю, по какой случайности, но окончательные результаты референдума мы узнали утром 17 марта. А вспомним этот день в истории! 23 года назад, в 1991 году, жители тогда ещё единого Советского Союза проголосовали на референдуме за единый Союз. Тогда политики растоптали желание народа. И вот бумеранг возвращается через 23 года. И есть все основания увидеть обратное: сама история начнёт исправление наших ошибок без войн и революций.

* * *

Про революцию телеканалы Украины говорят ещё больше, чем про Крым. На TV запущен круглосуточный телемарафон “Единая страна” (вспомнили!), эфир начинается с провозглашения дат: “Сегодня 90 дней нашей революции и 9 дней российской оккупации”. Практически не произносится слово “Россия” — только определения: “агрессор”, “захватчик”, “враг”, “оккупант”. Серп и молот ассоциируются исключительно как “Смерть и голод”. Выползающего из карты России трехглавого змея мощно душит запорожский казак. Майдан — сплошь белый и пушистый: ни одного кадра о том, как сжигали живьём милиционеров и захватывали здания...

Истерия журналистов запредельная. Военным гостям в студии задают один и тот же вопрос: когда же, наконец, вы вышвырнете в море “захватчиков, казаков и титушек”? Один из отставников “непобедимой” украинской армии с горькой усмешкой переспросил: кем вышвыривать, если украинской армии как таковой сегодня нет... Есть отдельные части разной степени готовности и укомплектованности.

Потухший взгляд ведущего вдруг неожиданно снова загорелся, он нашёл ответ: значит, виноват Путин! Именно он поддерживал Януковича, который ничего не сделал для обороноспособности страны!

В Севастополе с улыбкой рассказывают случай с блокировкой одного из катеров украинских ВМС. Когда отряды самообороны предложили им покинуть корвет, украинские моряки вдруг закричали:

— Русские не сдаются!

Сработало глубинное сознание, то, что ещё объединит нас когда-нибудь... У меня осталось послевкусие от события иного рода. От далёкой афганской войны одним из самых сильных впечатлений осталось, например, напряжение аэродрома, по которому хозяевами ходят люди в форме. Более всего о вхождении в Афган “шурави” (советских) кричали тогда американцы — вплоть до организации бойкота Олимпиады-80. Мы ушли, а теперь нам хочется спросить: где сейчас американцы? — Они в Афгане.

Потом в гражданских аэропортах появились военные в Киргизии, потом – в Приднестровье, потом – в Грозном, в Югославии. Давайте оторвём взгляд от новостей сегодняшнего дня, и тогда мы вдруг увидим, как подступали “военные аэродромы” всё ближе и ближе к России. И всё проясняет простой анализ конфликтов: за последнее десятилетие США около 20 раз стояли во главе всевозможных цветных революций, причём голову себе по поводу сценариев не ломали, наверняка с презрением глядя на “подопытных”: сначала готовится внутри страны “пятая” колонна, потом готовятся и (или) засылаются боевики-провокаторы, потом митинги, провокации, стрельба по своим, сметённые неугодные режимы и... И дальше – в другую страну. Где оказывают сопротивление, там – уничтожить руководителя государства, да ещё изошрённым способом, чтобы другим неповадно было. Остальных – на судебную скамью в Гаагу.

Россию в новейшей истории попытались прощупать во время грузино-осетинского конфликта. Но тогда она, со своими бесчисленными либеральными советниками вроде бы уже подстроившаяся под Америку и Запад, вдруг огрызнулась. И защитила русских. Это был шок для Запада и первый сигнал: отныне вам, ребята, придётся жить в одном мире с сильной и самостоятельной Россией.

Сегодня противник подошёл к нам с самой сердцевины – с Украины. И вновь было напряжение: как отреагирует Россия на защиту своих граждан? Промолчит в очередной раз, как промолчала с Югославией, Сербией, Ливией, и тогда русский мир можно будет давить до конца, рассеивать и унижать. Крокодилы по одному пальчику не кусают, они отхватывают сразу полруки. Не прояви Путин неожиданную твердость – так бы и случилось. Запад завопил потому, что практически перестал встречать сопротивление своей воле и своим играм. А тут такая публичная пощёчина! Уверен, они ещё не до конца знают, как себя вести. Неожиданно выступил на стороне России огромный Китай, призвав не Россию, а именно США к сдержанности в ситуации с Украиной. Китай прекрасно понимает, что следующей территорией по апробированию всевозможного недовольства, которое должно послужить причиной революции, после России станет именно он.

Но поскольку нас в первую очередь волнуют соотечественники за рубежом, можно представить, какое глумление началось бы над нашими братьями по крови, вере и языку в республиках Средней Азии, а также в Прибалтике и в других “цивилизованных” уголках Европы. Защищая Крым, мы защищали и их.

И ещё один аспект “крымского березня (марта)”. Прокатившиеся по стране митинги в поддержку крымчан вынуждают руководство страны быть государственниками и думать о людях. О защите собственных интересов. Проводить собственную внешнюю политику.

* * *

В последние дни я много думал о львовском “Беркуте”. У меня не выходила из памяти картинка: толпа выводит на сцену и ставит на колени своих братьев, солдат. И заставляет каяться. И первым стал на колени командир.

Знаю другой случай, когда наш, русский офицер поставил свой полк на колено, когда на их позиции вышла мать, искавшая в горах Чечни пропавшего сына. И сам первым склонил колено и голову перед солдатской матерью.

Я не могу до конца представить, какой нравственный ориентир будет преобладать в стране, в которой ставят на колени своих сыновей... То, что униженные бойцы будут мстить и никогда не простят своего позора, – это даже не обсуждается. При этом и бандеровцы, фашиствующий “Правый сектор” тоже вышли из тех регионов Западной Украины. Что же это за клоака, что это за чёрная дыра, порождающая ненависть в людях? Почему я, будучи курсантом Львовского училища, ещё (или уже?) в середине семидесятых охранял с автоматом в руках советские памятники, потому что на Львовщине их обливали керосином и поджигали? Почему в это время мои друзья по суворовскому, поступившие в Севастопольское военно-морское училище, радовались и восторгались городом? Почему именно Крым стал антиподом Львову?

Определённый ответ я нашёл, мне кажется, во время нынешней поездки к крымским и севастопольским писателям. И он лежит на поверхности, как ни

странно. В Крыму – более 60 членов Союза писателей России. Севастополь, Ялта, Керчь, Феодосия буквально пропитаны духом творчества, там существует огромное количество литературных студий, выходит множество литературных альманахов и сборников. Каждая уважающая себя библиотека считает своим долгом вести литературные или музыкальные вечера. В благословенные места, воспетые Пушкиным, Чеховым, Толстым, Волошиным, Аверченко, Лесей Украинкой и десятками и сотнями писателей и поэтов, где творил чудеса своей кистью Айвазовский, сочинял музыку Абаза, тянулась культура, воспевающая твёрдость духа, мужество, человеческое достоинство. Во Львов же тащились бандеровские недобитки. А кто у кого на коленях сидит в детстве, с того и берёт пример. Остаётся только пожалеть “западнцев”, как они себя сами называют. Никто им этот путь развития не навязывал – сами выбрали. Вот и остаётся им гордиться только Бандерой да Шухевичем. И это при том, что Львов – красивейший город, в который любил приезжать Адам Мицкевич... Время вроде отсеивает сумасшедших, но там, похоже, это сумасшествие пестуют, иначе бы не стали лишать всемирно известного музыканта Юрия Башмета почётного звания профессора Львовской консерватории. Жалко... Впрочем, убогих и сирых тоже жалко...

Только должны украинцы знать: мы, защищая русских, не боремся с украинцами. Мы боремся против фашистов, появившихся на Украине...

* * *

Наша поездка в Крым – следствие дружеских контактов, которые все эти годы Союз писателей поддерживал с теми, кто работал с русским словом, писал на русском языке. Повторюсь, что Крымская писательская организация, возглавляемая неутомимым подвижником русской литературы Татьяной Ворониной, состоит из шестидесяти членов Союза писателей России. Сама она редактирует “Литературную газету + Курьер культуры: Крым – Севастополь”. Отделения СП России созданы в Феодосии (Союз русских писателей Восточного Крыма) под руководством Натальи Ищенко. Там же, в Феодосии, работает Литературное объединение “Киммерия”. В Евпатории активно литературное объединение имени Сельвинского, регулярно проводится литературный фестиваль “Поэтический трамвайчик”. В самом Севастополе, кроме отделения СП России, регулярно проводит свои заседания литобъединение имени Алексея Озерова. Не затухала никогда творческая жизнь в Балаклаве и в Симферополе, не говоря уже о Ялте. Писателем Вячеслава Килеса, Евгения Никифорова, Людмилу Непорент, Наталью Ищенко, Анатолия Масалова, Валентину Фролову, Виталия Фесенко, Валерия Мирохина, Сергея Овчаренко, исторического писателя Валерия Воронина, легендарного писателя-фронтовика, участника обороны Севастополя Николая Тарасенко знают во всех уголках полуострова. Альманахи “Литературная Феодосия”, “Севастополь” и другие – настоящие книги читателей в библиотеках Крыма. Именно поэтому Союз писателей России награждает большую группу крымских писателей Почётными грамотами.

После встречи, на которой прозвучали и поэтические строки, и пожелания в адрес Союза писателей России сделать более тесными контакты с российскими регионами, писатели вышли к одному из символов Севастополя – Памятнику затопленным кораблям. Именно здесь решено было развернуть копию Знамени Победы, которое 22 июня 2011 года, в день 70-летия начала войны, писатель-фронтовик Михаил Годенко передал писателям России с наказом не сдавать духовных вершин. В год 70-летия освобождения Крыма и всей Украины от немецко-фашистских захватчиков было достойно и справедливо поднять это знамя именно в Севастополе, чтобы показать поднимающим голову неонацистам: город русской славы не позволит манипулировать собой, не позволит отнять у него победу над врагом. Затем это же знамя было поднято над другими символами города-героя: Братском кладбище, где под молитвой и крестом отца Георгия покоится прах героев первой обороны Севастополя, где имеются целые аллеи “лейтенантов” – погибших в Великую Отечественную войну выпускников военных училищ, насмерть ставших именно на этом кладбищенском рубеже и не отдавших прах предков на поругание фашистам. Здесь же захоронены герои-моряки с подводной лодки “Курск”.

И, конечно же, это знамя не могло не взмыть на легендарной Сапун-горе...

Мы пригласили крымских писателей активно участвовать во всех Всероссийских литературных конкурсах – Рубцовском, Есенинском, Фетовском, Тютчевском, в конкурсах “Сталинград” и “Прохоровское поле”. Среди стихов о Крыме мне вспомнилась строфа Игоря Тюленева о нашем совместном будущем:

*Я этим летом въеду в Крым
Верхом. Как бородатый сотник?..
Нет! Въеду, как стихов работник,
Вслед за светилом золотым.*

Перед отъездом из Севастополя, несмотря на сильный туман, мы с президентом севастопольского “Морского собрания” Владимиром Стефановским выехали на мыс Фиолент, на котором его стараниями установлен удивительнейший памятный знак великому русскому поэту А. С. Пушкину. И там, у барельефа поэта, руководитель Крымского отделения Союза писателей России Татьяна Воронина вдруг призналась в сокровенном:

– Для писателя вхождение Крыма в состав России – это великое счастье писать без оглядки, без объяснений на своём родном языке. Отныне и ум, и душа, и сердце, и слово будут жить едино в нашем севастопольском русском мире. Вы даже не можете себе представить, насколько грубо, настойчиво и больно в нас это пытались во время “жёлтого” периода разорвать.

Татьяна Андреевна права: Отечество – это не только территория, границы, герб, флаг, гимн, это ещё и судьбы людей. И тем более знаменательным показалось нам признание Владимира Владимировича Стефановского:

– А знаете, какая у меня есть мечта? Поставить на Графской пристани памятник “Севастопольскому вальсу”...

А я, глядя в туманную дымку с пушкинского мыса, вновь подумал про город моей юности – милый Львов, где планируют возвести новый памятник Бандере... Какая разница в отношении к жизни у этих жителей двух городов! И так больно было сопоставить кружащие на набережной влюблённые севастопольские пары и стоящий на коленях львовский “Беркут”...

2. Крейсер “Победа”

На верхней палубе крейсера “Крым”, к вечеру 16 марта причалившего к родному русскому миру, в парадном строю выстроился весь экипаж. В шеренге стоял не только подавляющий процент личного состава, проголосовавшего за возвращение к родным берегам, но и те, кто не принял этот выбор. Только ведь корабль – он один на всех, и кому-то придётся, оставаясь даже при своём мнении, подчиниться законам большинства. Как сработает здесь демократия?

Первое, что вызывает настороженность: крайне агрессивным бывает именно меньшинство. Собственно, именно с активности озлобленного меньшинства начался майдан в Киеве. И уступки власти, размазня власти, её нерешительность в вопросе защиты людей (большинства!) привели в итоге к пролитой крови. К горячей в центре Европы красивейшей столице Украинского государства. К свержению хоть и тряпчатой, но законной власти.

Агрессивность меньшинства пыталась проявиться, заявить о себе накануне референдума и в Москве. Когда одни распаивали объятия для встречи крымчан, вторые до хрипоты кричали: “Долой”! Естественно, Путина. Естественно – долой Крым в составе России!

Если отбросить демагогию о демократии, хотелось бы спросить участников этого митинга и тех, кто их поддержал: вы знаете о бойне в Киеве? О погромах в Юго-Восточной Украине? Марширующие молодчики с нацистскими повязками и лозунгами – это вам родные братья? Или вы не замечаете дома, которые обклеивают пометками “Здесь живёт москаль”, и угроз физического уничтожения русскоговорящего населения (не говоря уже о том, что отбирается бизнес, имущество, деньги)? Вы верите, что тысячи стволов, растащенных с военных складов по всей стране, никогда не выстрелят (и в вас тоже)? Вы продолжаете верить в благородство тех, кто сжигал “беркутовцев”? И как

вы посмотрите теперь в глаза 95 процентам населения полуострова Крым, пожелавшего воссоединиться с Россией? Они что для вас, “отстой”?

И главное — почему вы ратуете за независимость Украины как раз в то время, когда новые киевские креслодержатели, ломая шапки, склоняясь в поклонах, стёрли ноги до колен, бегая по Западу и Америке в поисках денег и поддержки? Или вы не понимаете, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и любой цент помощи — это два шага назад как раз от независимости, о которой столько кричат на митингах?

Всё вы понимаете!.. Но собственный пиар дороже. Есть по этому поводу присказка: “Он готов выколоть себе глаз только ради того, чтобы у тещи был кривой зять”. Наши либеральные шавки ныне гавкают и *выкалывают себе глаза* (не себе, конечно, а народу, якобы от имени которого они вещают!) ради одного — лишь бы было плохо России. Путину, сумевшему сказать “нет” их Западу-кормильцу. И делают это ЗА СЧЁТ Украины, своей поддержкой фашистского майдана подталкивая братскую (нам — не им!) страну к полной потере независимости. По крайней мере, на все те годы, пока она будет пытаться выбраться из кабалы, платить проценты, исполнять обязательства, чего от них *благотетели* потребуют за услугу.

Так что не за Украину они ратуют. Уже бывший советником у отвергнутого народом Ющенко г-н Немцов опять ныне с поднятым кулаком бежит в первых рядах: “За майдан!” Наверное, что-то сломалось и в “Машине времени”, если сменил музыку на поддержку политики убийств, изгнание русского языка из страны с 80-процентным общением по-русски г-н Макаревич. Собственное мнение?.. Ради Бога, если не хватает масштаба заглянуть за горизонт, проанализировать весь спектр зачистки русского мира, всю логическую цепочку ненависти, направленной в конечном итоге на Россию. Но зачем, господа нехорошие, “пиариться” за счёт братьев-украинцев? Оказывать им медвежью услугу? Хочется поддержать украинский народ — продай гитару, купи бублик и отдай БЕСПЛАТНО жаждущим! Но не подталкивай их за сыром — в мышеловку!

* * *

Будем помнить ещё об одной детали: для парада на крейсере всё же никогда не выстраивается весь экипаж. Есть на кораблях трюмные — те черно-рабочие, от которых зависит ход корабля, его навигация, его курс, маневренность. Не напорются на рифы, не сесть на мель, не погнуть рули, преодолеть жесточайший шторм, поднявший волны выше мачт, — могут обеспечить именно они, эти незаметные герои.

Первыми невидимками на полуострове стали “зелёные человечки”, так называемые “вежливые люди”. О них говорят кто с иронией, кто с уважением. Появились эти *инопланетяне* в момент, когда майдан захватил власть в Киеве и направил свой взор на юго-восток страны. Не на запад — там было **всё нормально**: там сносились памятники, приковывались к батареям главы обладминистраций, растаскивалось оружие и ставились на колени правоохранители. Ломать хребет требовалось русскоязычному региону.

Но там-то и появились вдруг “зелёные человечки” — люди в камуфлированной форме без опознавательных знаков. Кто? Оттуда? Чьи? Человечки на эти конкретные вопросы не отвечали, но были крайне вежливы и обходительны в других ситуациях, за что и получили своё второе прозвище. Майдан закричал о вторжении российских войск, на украинских TV-каналах шли кадры передвижений войск (хорошо, что хоть не зимние кадры, но ведь летнюю и осеннюю листву тоже не спрячешь!). Люди же усматривали среди “человечков” ребяту из “Беркута” — не тех, естественно, которые стали на колени во Львове. В какой-то момент милиционеры напомнили мне рижских омовцев, которых латвийская полиция при попустительстве ельцинской команды (г-н Немцов, вы как раз из неё!) в начале девяностых отлавливала по всей России и бросала в латвийские застенки. Иногда мелькали нашивки каких-то охранных агентств, повязки членов самообороны.

Так вот, появившись в первые дни конфликта на полуострове, они демонстративно показали свою силу, своё присутствие и... исчезли. Их незримое присутствие предполагалось, оно давало жителям полуострова уверенность.

Но выходили *инопланетяне*, словно *Ночной дозор*, только в сумерках и брали под контроль мирные города, сёла, дороги, объекты жизнеобеспечения. И как смешно было наблюдать западных журналистов, носящихся по Севастополю в поисках этих вооруженных людей с желанием показать картинку на потребу своим хозяевам: референдум проходит под дулами автоматов!.. Понять их можно (простить нельзя!): вся так называемая *независимая пресса США* объединена в пять корпораций, которыми руководят не журналисты, а бывшие чиновники из заинтересованных ведомств. И лицензий “независимых и свободных” лишают мгновенно, не улови они движение бровей хозяина. Это так – к вопросу о свободе слова, о которой столь рьяно ратует наша “пятая” колонна...

Руководство Крыма во главе с Сергеем Аксёновым и городская власть Севастополя оказались мудрее, проявили удивительную политическую зрелость, убрав из городов, с глаз посторонних вооруженных людей. И именно поэтому я в своём первом материале из Севастополя даже не стал касаться военной составляющей ситуации в Крыму. Уверенность, причём несокрушимую, бескомпромиссную, выражали сами руководители полуострова и города-героя. Народ, помня растерянного и нерешительного Януковича, на этот раз верил: эти мужики не только не предадут, но и знают, что делать дальше.

Они и впрямь знали. И шли до конца. Я считаю, что именно им скажут через месяцы, через годы *спасибо* и украинцы, и россияне за то, что они отдали приказ блокировать воинские части на территории Крыма. Это был, возможно, единственный способ предотвратить кровопролитие. “Зелёные человечки” не просто заблокировали ворота – они зажали в кулак саму возможность проявить ненужное геройство каким бы то ни было воякам! Всем стоять на местах! Никакого геройства, никаких невинных жертв среди народа! Оружие в землю! Хотите служить Крыму – ждём у КПП. Не хотите – вот вам выходное пособие (всё до копейки, между прочим!), и счастливой дороги домой, на “вильну Украину”. Но оружие не должно стрелять...

Оно и не выстрелило. И это была великая моральная, политическая, стратегическая победа Крыма над Майданом.

Но где и каким образом выстрелят стволы, захваченные с воинских складов боевиками майдана – а счёт идёт на тысячи и тысячи боевых единиц? Это большей частью станет проблемой самой украинской правоохранительной системы, и уже в самое ближайшее время. Просьбы назначенных толпой киевских министров сдать похищенные автоматы и боеприпасы смешны, им не стоит обольщаться по поводу исполнимости вкусивших крови головорезов. Но должны знать и помнить и мы: гуляющее по “чёрному” рынку оружие представляет, вне всякого сомнения, угрозу и Крыму, и России. Особенно в приграничной полосе (Брянск, Курск, Орёл, Белгород, Воронеж, Ростов), где практически нет пограничного обустройства и защиты от вторжений провокаторов.

* * *

Есть ещё один аспект, о котором неудобно вроде и говорить, но теперь это уже факт истории, и здесь важно правильно расставить все акценты.

Бескровная победа Крыма стала возможной во многом благодаря тому, что основной удар майдановской ненависти приняли на себя Харьков, Донецк, Луганск, другие города Юго-Востока Украины. Непрерывающиеся митинги в этих областных центрах распылили антирусские силы, притянули к себе “Правый сектор”, сосредоточили на себе саму власть, пришедшую в кабинеты в дыму “коктейлей Молотова”, под снайперские выстрелы в спины собственных активистов. Юго-Восток и Восток страны стали *поясом Богородицы* – своеобразным поясом безопасности для Крыма и его референдума. Именно жители этих областей начали останавливать, блокировать или разворачивать назад танки и другую военную технику, которую власти Киева посылали в сторону Крыма и на границу с Россией. И я думаю, Крым не забудет этого жертвенного стояния и ещё скажет слова благодарности своим соседям.

Он же послужит и ярчайшим вдохновляющим примером, как надо отстаивать своё человеческое достоинство, как надо идти до конца со своим народом, для тех, кто готов отстаивать право говорить на родном языке, не при-

звать Бандеру главным героем Второй мировой войны, для тех, кто просто уважает себя, а не хватающего за галстук прокуроров Сашко Билого.

Крым – страшный сон яценюков, тягнибоков, кличко, порошенок и иже с ними, потому что как бы ни развивалась история страны дальше, на них и только на них будет лежать клеймо политиков, утративших часть территории своего государства. Я совершенно не беспокоюсь за их судьбу, но заигравшемуся на майдане поколению новых украинских политиков будет предъявлен согражданами счёт, мне кажется, ещё при их жизни. Тем более что за событиями в Крыму как-то было не слишком заметно, как поляки одной рукой всячески помогали раздувать пожар в центре Киева, а другой тысячами раздавали польские паспорта украинцам вдоль своей границы. Ради чего? А посмотрим, как они начнут требовать соблюдения прав человека в своём пропольском анклаве – вплоть до посягательства на территориальную безопасность Украины! Не останут от обессиленной “нэньки Украйны” и румыны с их претензиями на Бессарабию, а рядом – венгры с их желанием вернуть себе часть Закарпатья...

Не подстрекаю. Прогнозирую. Боюсь, что сбудется...

* * *

Европа вынужденно приняла сам факт референдума как неизбежность недели за полторы до 16 березня (марта). Об этом говорит то, что все встречи, консультации, выработка решений стали намечаться на 17-е число, на двадцатые числа, на конец месяца. Будем откровенны: если бы могли помешать, если бы была сила и, главное, единство среди европейских политиков, хоть какой-то, хотя бы самый мизерный процент вероятности успеха, – сорвали бы голосование, не оглядываясь ни на какие нормы права и человеческую мораль. В конечном итоге, надавили бы на Россию с требованием отказаться от взбунтовавшегося экипажа и, как было не раз в начале девяностых, не “замечать” просящих помощи и защиты.

Значит, уже считаются с Россией. Значит, она уже не девочка-двоечника, которую так удобно таскать за косы, из каких бы G-8 её местечково-мстительно ни исключали! Это пусть и косвенное, но реальное подтверждение возросшей мощи и самостоятельности России.

Будем откровенны и в другом: окровавленный Киев сплотил Россию больше, чем все “Народные фронты”, “Единые России” и прочие партии и движения, вместе взятые. И если сначала риторика митингов в поддержку Крыма немного настораживала – защитить русских в Крыму! – то потом акцент не то что сместился, а нашёл свое идеологически и человечески выдержанное место: мы и за русских, и за украинцев, и за татар – против фашистов! И пусть Илларионов, Немцов, Пономарёв, Макаревич (не буду даже обозначать их имена) вещают на западные каналы о попрании свободы слова в России, писк спрятавшейся во время грозы под венником мыши никогда не перекроет грома с небес. Они просто надеются, что мы не понимаем, почему они вышли в субботу на митинг: Запад не любит молчащих подопечных! Вечно вторые, жаждущие власти, но не допрыгнувшие в своё время до высоких должностей, по сути – второсортные, все эти либеральные тусовщики будут отныне доказывать свою значимость кому угодно, только не собственному народу. Так в своё время Горбачёв стал и “лучшим немцем”, и “другом Америки”, но никто никогда не назвал его лучшим русским в родной стране.

Приятно удивили в крымской ситуации наши СМИ. Редчайший случай, но сегодня они поддержали и выражали мнение именно большинства населения страны. И не язвили, не показывали фигу в кармане, и уважение, вера к телеэкрану стали проявляться по всей стране. Нашлись, конечно, и “свободолюбивые”, в первую очередь, интернет-ресурсы, которые оказались настолько *правильными*, что один из них начал, например, выхватывать писателей, подписавших письмо к Федеральному собранию и В. В. Путину в поддержку его решений о событиях в Украине, и выставлять поодиночке в регионах. Говорю не голословно, прислали друзья ссылку на довольно-таки раскрученный сайт, а там: “Среди подписантов – наш брянский писатель Николай Иванов!” И фото, и адрес, где родился. Такой маленький гнусенький ДОНОСИК. Есть такой анекдот: “Тимуровцы были настолько смелыми ре-

бятами, что даже во время фашистской оккупации прибывали на дома советских командиров красные звёздочки”.

Но для нас, для страны главное, чтобы власти — Кремль, Белый дом (наш, не американский!) — продолжали оставаться государственниками. Чтобы и мы извлекли уроки с улиц Киева. Чтобы проверили всех своих государственных мужей, от Камчатки до Калининграда, — насколько они уязвимы, как оказались уязвимы перед Западом практически все в команде Януковича? В спецслужбах учат: “Человека надо брать за самое уязвимое место: за его кошелёк”.

Где кошельки наших олигархов-министров? Где учатся, лечатся их дети? Где их недвижимость? Где счета? В какой момент сработает закон спецслужб против России? И делать вид, что игра уже сыграна, что Запад смирился с пощёчиной, не стоит. Будут какие-то виды санкций, ограничений, но уровень уязвимости от них должны нейтрализовать профессионалы, не боящиеся засветиться на Западе. А главное, Запад тоже неоднороден, и его якобы повсеместная ненависть к России сильно преувеличена. Иначе бы не взлетел рейтинг Путина во всём мире на небывалую высоту. Иначе бы социологи не давали огромные цифры процентов тех, кто против приёма Украины в ЕС. А что до России... У её орла в гербе, слава Богу, две головы. Можем посмотреть и в обратную сторону. Китай в ситуации с Крымом практически полностью поддержал Россию...

Сегодня Крым, без преувеличения, — центр мира. Это ось земли. Внимание всех мировых политиков приковано к этому гордому и смелому крейсеру.

Но завтра — и это благо! — новости из Крыма начнут уходить с первых полос газет и информационных лент. Мы должны оставаться спокойными, не реагируя на любые санкции, и просто знать: наступит новый день, и в мире случатся новые события, которые наслоятся на *крымский вопрос* и отодвинут его на второй, а потом и на третий план. И это хорошо. Процветающим край становится вдали от политики и революций.

Нам сегодня важнее не наговорить в пылу обид чего-то уничижительного по отношению к братскому украинскому народу. Нам жить вместе и рядом, на Луну никто от нежелательного соседства не улетит. Мириться будем, ходить в гости друг к другу всё равно начнём. И чем меньше обид и оскорблений будет нанесено сегодня, тем быстрее настанет момент, когда мы сядем вместе на берегу Днепра или Десны да споём наши общие песни.

ВЛАДИМИР МИРОНОВ

доктор философских наук

ТОРЖЕСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В последние недели о Крыме, Украине и России высказались не только все ведущие журналисты и аналитики, но и основные мировые игроки – лидеры крупнейших держав. В том числе – и прежде всего – президент РФ В. Путин. Его выступления перед Федеральным собранием по поводу присоединения Крыма и перед участниками митинга на Красной площади, состоявшегося в тот же день, признаны самыми сильными речами российского руководителя за всё время его правления. Они достойны стать предметом особого анализа.

Но и другие высказывания президента о Крыме, Украине и истории её отношений с Россией представляют несомненный интерес. В этой связи напомним о речи В. Путина, которую мне довелось слышать на конференции “Православно-славянские ценности – основа цивилизационного выбора Украины” (27.08.2013). В Киеве, “матери городов русских”, собралась едва ли не вся христианская рать. Но и на этом фоне появление Путина было неожиданным и вызвало оживление... Выступление президента России отличалось содержательностью. Обычно он не жалуется на энциклопедизм, но тут проявил глубокое знание истории общеславянского, общерусского братства. Путин сказал, что Крещение Руси на века определило путь главных славянских народов. В основе нашего культурного и религиозного миров лежат общие ценности. Мысли о единстве Руси занимали умы политиков, церковных иерархов, всей славянской интеллигенции. У России с Украиной, изначально вышедших из единого корня, сложная и долгая история. Киевская Русь всегда оставалась политическим, образовательным и культурным образцом, на который ориентировались русские княжества. Не зря же мы ведём отсчёт истории нашей страны – **нашей единой страны** – с князя Владимира I Святославовича, прозванного в былинах Красным Солнышком. Он сделал Киев политическим и религиозным центром Великой Руси. Школа Владимира с контингентом около 300 учащихся за 49 лет (988–1037) смогла подготовить свыше тысячи образованных воспитанников, а Ярослав Мудрый использовал их для становления просвещения на всей территории Руси.

Путин напомнил исторические факты. Полуостров Крым имел особое значение для православной России. Тут ещё в первом веке нашей эры Апостол Андрей Первозванный проповедовал Слово Божие. Христианство пришло в Херсонес и в Крым не из близкой Византии, а из самой Святой Земли. С Крымом связан и факт, до сих пор вызывающий у исследователей культуры глубокое волнение. В жизнеописании создателя славянской азбуки равноапостольного Кирилла (Константина) сказано: во время пребывания в Херсонесе в 860 году он нашёл книгу, писанную *русскими письменами*, и ещё он знал

человека, говорившего по-русски, а вскоре они вместе с равноапостольным Мефодием создали церковнославянскую азбуку.

Исключительное значение получило развитие Украины в XIX веке, когда она была частью единой Российской империи. Украина – тогдашняя Малороссия – была не только житницей империи, но и её стальным, чугунным и угольным “сердцем”. Производство руды, стали, чугуна в течение века выросло тут в десятки раз. Ну, а в советские времена были заложены основы тяжёлой промышленности – построено 400 новых заводов.

Украина в составе России стала по многим показателям промышленным лидером в Европе, опередив Францию и Англию по производству продукции машиностроения. Одним словом, у наших народов одна история, культура, вера, промышленность, наука. . . Наконец, не будем забывать: плечом к плечу мы побеждали в страшных войнах, поражая общего врага, который шёл на нас из Европы! Особо отметил Путин, что в суровые времена победителем оказывался тот, кто был успешнее в конкурентной борьбе. Торговля с Таможенным союзом дала нам рост 34% в 2012 году, при этом товарооборот с Украиной упал на 18%. Пример стран Восточной Европы и Прибалтики, где промышленность фактически уничтожена, должен был бы подвигнуть Украину к союзу с Россией. . .

Но известно и другое. . . Знать Украины трижды предавала Россию. И Мазепа, и Скоропадский, и Петлюра сдавали земли Украины и полякам, и шведам, и туркам, и немцам. И вот – новая попытка. . . Что последует за вступлением Украины в ассоциацию с ЕС – предсказать нетрудно: Украина станет сырьевым придатком Европы.

“Могущество России может быть подорвано только отделением от неё Украины. . . необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России, стравить две части единого народа и наблюдать, как брат будет убивать брата. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное – дело времени”. Эта широко известная цитата приписывается германскому канцлеру Отто фон Бисмарку, и если даже она принадлежит и не ему, то вся политика Запада относительно русско-украинских связей, тем не менее, вполне укладывается в смысл этой фразы.

Путин был прав, сказав тогда на конференции: “Ныне определяется не только судьба Украины, но судьба всех нас, славян. . . Славянские народы – полиэтническая цивилизация, скреплённая русским культурным ядром”.

Это подтверждалось всем ходом многовековой и непростой истории, за это заплачено кровью наших народов, но сегодня мы вновь стоим перед выбором. В истории Земли происходит смена силовых и экономических полюсов планеты, смена оси координат – центров экономик, политик, культур и даже центров цивилизаций. Европа, которая вчера казалась всем желанной, клонится к закату, переживая не лучшие свои годы. Интеллектуальный уровень европейцев за сто лет снизился на 15–20% (данные западных учёных). Колыбель культуры Греция приткнулась на европейской площади, словно нищенка, протянув руку за милостыней. Италия, родина великих императоров, художников, историков, учёных и поэтов, – в долгах, как в шелках.

Как же нужно ненавидеть Украину, чтобы тянуть её в такой Европейский дом?.. Выйдет по-тютчевски: “В её глазах вы будете всегда // не слуги просвещения, а холопы”. Всему миру уже понятна: этот фашистский путч на Украине организован США и Западом. Советник Президента РФ С. Ю. Глазьев заметил: «У нынешней ситуации на Украине много факторов, но из них я бы выделил те, которые обычно замалчивают. Это колоссальное внешнее влияние на состояние украинского общественного сознания. . . Я с этим столкнулся лично, и мне пришлось разбираться, как эта система работает. Гранты по \$5–10 тыс. раздаются через тысячи НКО молодым людям, студентам и молодым специалистам, которые затем отчитываются за эти гранты через публикации, выступления в прессе и дискуссиях. Главный критерий – все они должны быть настроены против РФ. Эту цифру нужно увеличить раза в три с учетом грантов ЕС, других стран НАТО плюс неофициальных грантов по линии спецслужб, которые нигде не фиксировались»*. США поддерживают фашистов на

* Глазьев С. Ю. Запад вложил десятки миллиардов долларов в русофобию на Украине // Newsland. 04. 02. 2014.

Украине, как некогда поддержали Гитлера. Туда послали наёмников. В Киев в посольство США доставлена американская аппаратура и развернут полноценный центр боевого управления. Офицеры связи армии США (в украинской форме) – в Минобороны и Генштабе Украины и в боевых порядках украинских войск. Группа американских советников по информационным войнам включилась в работу: в украинских СМИ начата операция прикрытия полного подчинения Украины США...

Последние события уже не оставляют сомнений ни у кого: на Украине реализуется самый невыгодный для народа этой страны сценарий. Конечно, Янукович – слабовольный и коррумпированный политик. Этим воспользовались его противники и вывели на Майдан изрядное число протестующих. Но украинцы оказались удивительно наивны. Все годы “незалежности” Украина катилась в пропасть. Глава Центра документации и информации Китайской академии общественных наук в статье “Иллюзия демократизации и украинская трясина” пишет, что в период с 1992-го по 1999 годы ВВП (валовой национальный продукт) Украины сократился на 75%, а 70% населения проживают за чертой бедности. С советским периодом и не сравнивать! “Цветные революции” на Украине не могут воплотить в жизнь сказку о демократизации и счастье, западные страны вовсе не экспортируют “настоящую демократию” и не являются “настоящими друзьями” Украины. Западные страны экспортируют лишь хаос и беспорядок и трудятся лишь во имя своих геополитических интересов. Украина – пешка в шахматной партии других держав, а простые украинцы – лишь “рабочие лошадки” в борьбе политиканов за власть”.

Подрывные акции на Украине осуществляются ЦРУ и Госдепом США. На Майдане стоят десятки наёмников (американцы, немцы, поляки, латыши, румыны), включая сотрудников небезызвестной фирмы Blackwater. Финансирование беспорядков осуществляется через посольства стран Запада в Киеве. “Все команды давались или из посольства США, или из представительства ЕС Томбинским, гражданином Польши. Роль Польши неопределима в том, что произошёл переворот. Польша спит и видит: восстановить свои позиции и восстановить Речь Посполиту”, – заявил бывший начальник Службы безопасности Украины генерал-майор А. Якименко. Сами поляки, не афишируя своих связей и целей, однако, признают: “У нас разные стратегические интересы. Мы заинтересованы вовлечь Украину, Молдавию и Белоруссию в Европу, Москва же – удержать их в своей сфере влияния”. Хочется спросить у поляков: “Панове, а вы уже забыли Волынскую резню, массовое уничтожение Украинской повстанческой армией – ОУН – этнического польского гражданского населения в 1943 году, когда погибло 50–60 тысяч поляков?”

Иные оппозиционеры на Майдане видят выход в войне против России с предъявлением ей территориальных претензий. На митинге во Львове зампреда Украинской республиканской партии, депутат Львовского горсовета Р. Новоженец объявил: “Мы потеряли Лемковщину, Надсянье, Холмщину, Подлясье, отошедшие к Польше, Берестейщину, Гомельщину, отошедшие к Белоруссии, Стародубщину, Восточную Слобожанщину, Кубань, которая 28 мая 1918 года объединилась с Украиной”. Заявлены претензии и на Приднестровье, и на Южную Буковину, которая ныне входит в состав Румынии. Цель: создание Великой Украины! Националисты хотели бы видеть Украину в версии С. Рудницкого, левым краем упирающуюся в Варшаву, а правым доходящую до Назрани... В общем: “Украина от Сана до Дона” (Сан – река в Польше, приток Вислы).

Лидер ультранационалистической партии “Свобода” Тягнибок размышляет: “Конечно, сегодня будет смешно, если мы заявим какие-то территориальные претензии. Но мы помним, что там есть наши земли. Мы помним, что там живёт масса наших людей – украинцев. Этнические украинские земли не огораживаются границами современной Украины”.

Ещё более неприемлемую позицию демонстрирует Ярош, лидер “Правого сектора”. По его словам, главным врагом украинских националистов является “Московская империя, она же Россия или РФ”. Ярош утверждает: “Россию как главного врага Украины можно и нужно поставить на колени”. В блоге “Правого сектора” он заявил о возможности уничтожения газопроводов и нефтепроводов, по которым Россия через территорию Украины поставляет газ и нефть на Запад. Ярош уже создаёт карательный батальон типа эсэсовского “Нахтигаль”, который намерен бросить на Юго-Восток Украины для подавления про-

тестов русскоязычного населения. По всей Украине арестовывают русских национальных лидеров и увозят их в Киев, где подвергают допросам и пыткам.

И эти полоумные хотят править Украиной Гоголя и Шевченко? Так, чёрная Юля, “чёрная вдова” фашизма, заявила о своих планах в отношении России и русских (в том числе и на Украине): “Б... пора уже мочить всех этих кацапов чёртовых, вместе с их руководителем... Я подниму весь мир... только чтобы от них не осталось даже выжженного поля... Надо расстреливать всех их из ядерного оружия” (телефонная беседа Ю. Тимошенко с бывшим зам. секретаря Совета Национальной Безопасности Украины Нестором Шуфричем, официально ею признанная).

Высшие чины новой украинской власти пока не заходят так далеко. Они занимаются распродажей родной страны. Турчинов в присутствии послов США, Германии и Польши на Украине подписал (02.03.2014) соглашение с МВФ о предоставлении финансовой помощи Украине, согласно которому вся газотранспортная система Украины с момента подписания основного соглашения о финпомощи безвозмездно передаётся американской компании Chevron, а владельцы Мариупольского, Запорожского и Днепропетровского металлургических комбинатов обязаны передать 50% акций компаний в собственность немецкой компании Ruhr, угольное производство Донбасса также передаётся финской дочке компании Ruhr!

По сообщениям спецслужб, новый премьер Яценюк в ночь на 7 марта 2014 года из аэропорта “Борисполь” вывез в США из госхрана золотой запас Украины и целый ряд ценностей, включая скифское золото, под гарантии кредита МВФ, который для Украины будут пробивать США. Директор Московского центра Льва Гумилева П. Зарифуллин назвал это преступлением не только против государства Украины, но и против всей нашей евразийской цивилизации! Ведь золото скифов – основа нашей идентичности: русских, украинцев, турок, крымских татар...

Европа охвачена тревогой. Директор Института Вацлава Клауса (Чехия) считает, что Украина в нынешней форме – искусственное образование, ставшее самостоятельным государством только в результате распада СССР 20 лет назад. На западе страны оно включает территории, которые никогда не были частью Российской империи (Закарпатская область, Галичина и т. д.), но были присоединены к России после Второй мировой войны, территории, отмеченные борьбой за украинскую независимость (на стороне нацистов). С другой стороны, есть чисто русские области (Крым, Одесса, Восток страны), которых независимость Украины привела к тому, что их вырвали из первоначальной национальнoй общности. Со стороны Запада это большая безответственность – подпитывать амбиции и иллюзии радикалов западной Украины относительно того, что существует выбор между Востоком и Западом, что ЕС и США способны не только поддержать Украину как единое целое в её прозападной ориентации, но и на длительный период обеспечить её безопасность. “Такого ясного и чёткого интереса и желания принести жертвы за Украину на Западе на самом деле нет”, – утверждают чешские эксперты. Запад помог развернуться кризису, который ему не нужен и с последствиями которого он не хочет разбираться. Ставить Украину перед выбором: Восток или Запад – значит, разбить её, что и происходит”.

Бжезинский заявил, что события на Украине – “цена за возрождение СССР!” Нет, это цена за возрождение РОССИИ! Украина имеет исключительное военно-стратегическое, политическое значение... Исход важен не только для граждан Украины, России, но и для граждан соседних государств. Украина – центр Европы. Уже с момента распада СССР Украина стала ахиллесовой пятой бывшего СССР, нарушив баланс сил между Западом и Россией. Украина в союзе с НАТО станет источником смертельной опасности для России.

Наиболее трезвомыслящие западные эксперты предостерегают от такого подхода. Старейшина американских политиков Г. Киссинджер пытается вразумить коллег: “Запад должен понять, что для России Украина никогда не может быть просто каким-то иностранным государством. На Украине, именовавшейся Киевской Русью, начиналась российская история. Оттуда же распространилась религия, исповедуемая русскими. На протяжении веков Украина была частью России, а их исторические пути переплетались ещё раньше. Черноморский флот – инструмент российского влияния в Средиземноморье – базируется на основе долгосрочной аренды в Севастополе, в Крыму. Такие зна-

менитые диссиденты, как А. Солженицын и Иосиф Бродский, настаивали на том, что Украина — неотъемлемая часть российской истории и самой России” — *Washington Post*.

В том же духе высказался спикер ХДС по вопросам внешней политики ФРГ Ф. Мисфельдер. Он заявил агентству Reuters, что вопрос Крыма воспринимается Москвой не только геостратегически, но и эмоционально, потому что исторически Крым — “*der Kernbereich Rußlands*” — “исконный регион России”. Вице-премьер Великобритании Н. Клегг заявил: “Крым — это другое дело” (в том смысле, что это не Украина). Крым именуют “полуостровом с русским характером”. Бывший президент Франции В. Жискард д’Эстен говорит: “Россия — главный партнёр Европы, а Крым — Россия”. *Der Spiegel* считает, что вопрос с Крымом решён, а маневр по переходу Крыма и Юго-Востока Украины в сферу влияния России “войдёт в учебники по военной тактике”.

Как реагирует на эти события Китай? Он внешне сохранил нейтралитет (воздержался при голосовании по Украине в Совбезе ООН), но осудил западные санкции, то есть фактически поддержал нашу страну. Поддержка России просчитана. Китай помнит заповедь Конфуция: “Не верь намерениям — верь делам и поступкам”. Китай видит, как ведут себя США на мировой арене. За последние 70 лет американцы бомбили более 30 стран (Вьетнам, Корея, Сербия, Ливия, Ирак, Афганистан). Америка в 2011 году взяла курс на “восстановление геостратегического баланса в Азиатско-тихоокеанском регионе”, на деле это означает гегемонию США в этом регионе... Не секрет, что острие их политики направлено против КНР и России. Министерство иностранных дел КНР заявило, что в сложившейся на Украине ситуации поведение русских понятно. Си Цзиньпин в телефонном разговоре с президентом России сказал, что такой поворот событий, видимо, неизбежен.

Политика России находит понимание и в Индии. Аджай Шукла справедливо утверждает, что действия России в Крыму определяются её историей и мировоззрением.

Политическая воля русского народа, продемонстрированная как в самой РФ, так и в Крыму, позволяет надеяться на преодоление нынешнего кризиса. Крым не просто переходит на московское время. У нас на глазах совершается акт величайшей исторической справедливости.

Что ждёт Украину, если фашисты там всё же останутся у власти? ВГТРК показал прекрасный и страшный фильм яркого русского патриота А. Г. Денисова «Трагедия Галицкой (Червоной) Руси» (26.03.2014). В нём показана трагедия 1914-1917 гг. сотен тысяч русинов и русских в Галицкой (Червоной) Руси... С началом Первой мировой войны австро-венгры и местные украинские националисты осуществляли чудовищные этнические чистки русских. Война началась с казней русинов. Крестьян, учителей, писателей, священников уничтожали, мучили, вешали, стреляли, жгли. Только за то, что говорили по-русски и за веру православную. Даже колокольный звон посчитали предательством! Сбросили памятник Пушкину и утопили в реке. В концлагерях Талергоф (первый концлагерь в Европе, задолго до Гитлера) и Терезин убито всего 120 тысяч русинов. Многие из них могли избежать смерти, если бы признали себя украинцами. У них был выбор. Но многие остались верны своему русскому языку и вере православной... Один из казнённых перед расстрелом сказал своим мучителям (униатам-католикам): «Меня защищает сила правды. Это и есть моя национальная идея. Верю, что она найдёт путь к свету!» Русины и русские на Украине встречали русские войска со слезами...

НАТАЛЬЯ ИРТЕНИНА

РУССКИЕ В КРЫМУ: IX—XVIII века

Воссоединение Крыма с Россией всколыхнуло в стране волну национального воодушевления. Русский Крым сегодня — тема номер один и в высоких кабинетах, и в тесных квартирках. Но когда началась его “русскость”? Только ли со времён Екатерины II, отобравшей его у турок, или русские в Крыму “прописались” гораздо раньше?

Полезно вспомнить, когда и каким образом эта земля сделалась для нас не чужой, в каких незапамятных веках и как начали завязываться крепкие связи Руси с византийской Таврией. История эта началась 12 веков назад. Именно тогда эти края впервые познакомились с воинственным народом русов.

В те времена земля древней Таврики, колонизованной некогда греками, была поделена между православной Византийской империей и тюркским Хазарским каганатом, чья правящая верхушка вскоре приняла иудаизм. Византии принадлежала юго-западная и южная часть полуострова со столицей в Херсонесе. В IX веке эта территориально-военная единица византийского государства стала называться Херсонской фемой. Основным прибыльным занятием её городского населения была торговля: на полуострове пересекались купеческие маршруты с востока на запад и с юга на север, здесь проходила часть Великого шёлкового пути. Именно слухи о богатствах, которые сулила здешняя торговля, а пуще того — торговля с лежащей дальше на юг греческой державой впервые привели в Таврию русов.

Но и задолго до того с полуострова протягивались связующие нити в земли Руси. По древнему преданию, из Таврии отправился вверх по Днепру Апостол Андрей Первозванный, проповедуя христианство. Его стопами несколько веков шли на север многочисленные сеятели Слова Божия и, быть может, доходили и до земель, где в будущем был основан Новгород, — русская летопись приписывает подобное путешествие самому Апостолу Андрею. На рубеже VIII—IX веков русские язычники пролагают путь “из варяг в греки” и сами знакомятся в Таврии с верой в Христа.

Первого известного нам русского князя, который привёл свою дружину в Крым, звали Бравлин. Это был разведывательный и военно-грабительский поход на ладьях из далёкого Приладжья. Достигнув южных берегов полуострова, русы обрушились на города и поселения от Херсонеса до хазарской Керчи. Опустошив всё побережье, они напоследок после десятидневной осады взяли штурмом крепость Сугдею (Сурож, ныне Судак). С этими событиями нас знакомит сказание “Чудеса святого Стефана”. Это повествование было записано в конце X века на основе устного предания, бытовавшего в Суроже около двух веков. Именно из этого текста нам известно имя русского князя и некоторые подробности похода.

Ворвавшись с мечом в храм Святой Софии, Бравлин был сражён припадком падучей: “обратилось лицо его назад”, на губах князя вскипела пена. Он кричал своим воинам, что его схватил и душит некий святой муж, который велит ему, чтобы русы оставили всё награбленное и убирались из города. В храме находилась гробница сурожского епископа Стефана, незадолго до того умершего. Дружинники в страхе побросали всё, что успели схватить в церкви: “царское одеяло, жемчуг, золото, камни драгоценные, лампы золотые и сосудов золотых много”. Но это не помогло: Святой Стефан, видимый только несчастному князю, отпустил Бравлина лишь тогда, когда тот пообещал немедленно принять крещение. Местное духовенство поспешило исполнить волю Святого и окрестило князя. Только тогда он смог встать на ноги. Под влиянием этого страшного чуда приняли христианство и другие русы из окружения Бравлина. Князь велел дружине отпустить всех пленных, сам же неделю провёл у гробницы Стефана, а уходя, почтил храм и священников “великим даром”.

Назад, в свои земли, русы возвращались хотя и без добычи, но с тем, что стоило любого богатства, — с новой верой и новым знанием. Разведанный ими путь “в греки” и мирные отношения с Таврией сулили впредь немалые торговые прибыли, гораздо большие, чем то, что можно было взять силой. Но более ничего не известно ни о самом Бравлине, ни о том, насколько искренним было его христианское обращение, или о том, какой приём встретила у соплеменников крещёная дружина, вернувшаяся из похода с вестью о Едином Боге греков и с пустыми руками.

Но если первое принятие христианства русами оказалось непрочным и недолгим, то общие торговые интересы отныне прочно связали Русь и Таврию.

Чуть более полувека спустя в Константинополе в 860 году приняли крещение киевские князья Аскольд и Дир. И ещё через столетие там же станет христианкой бабка князя Владимира, княгиня Ольга. Но всё же отправной точкой русского Православия навсегда стала византийская Таврия. Это своё звание она вновь подтвердила ещё через два века после похода князя Бравлина, когда Русь была крещена князем Владимиром Святославичем.

С первых десятилетий IX века русы быстро осваивались в Херсонесе и других городах крымской Византии. Славяно-норманские воины-купцы снаряжали сюда караваны с северными товарами, оседали здесь, в обильном разноязычии, среди греков, готы, армяны, хазары и прочих народностей. Русские князья каждый год также отправляли вниз по Днепру в Херсонес и Константинополь-Царьград огромные флотилии торговых судов. Оттого само Чёрное море начало прозываться у окрестных народов Русским. А на земли Руси проникало из Таврии культурное влияние христианской империи.

Херсонес или, как его называли русские, Корсунь играл роль посредника между мощной Византийской империей и рождающимся государством Русь. Стоял он на берегу бухты, которая сейчас зовётся Карантинной, в северной части Севастополя. Город, окружённый крепостной стеной, имел чёткую планировку: длинные улицы пересекались под прямыми углами. Здесь располагалась администрация Херсонской фемы и военный гарнизон. В судходный сезон его портовая гавань была забита кораблями и ладьями. Имелся в городе и русский квартал, где селились временно или постоянно купцы, ремесленники, наёмники, искавшие службы в империи. Всех их звали здесь ромейскими русами (себя византийцы именовали ромеями, то есть римлянами). Приезжали они из разных земель Руси — с новгородского севера, киевского юга, полоцкого запада, смоленского поднепровья. Постепенно русская община расширялась, многие принимали христианство. Со временем, вероятно, появился и русский храм, где служба велась на церковнославянском языке, созданном Кириллом и Мефодием.

Во второй половине X века киевский князь Святослав разгромил Хазарский каганат. В восточном Причерноморье две хазарские крепости — Керчь и Самкерц — стали русскими владениями. А окрестные земли, Керченский полуостров на востоке Крыма и Таманский — напротив него, через пролив, — с частью Кубани образовали русское наместничество. Называлось оно Тмутараканским по имени Самкерца-Таматархи-Тмутаракани (ныне Тамань) на Таманском полуострове. В течение столетия с небольшим это был русский анклав, территориально оторванный от Руси, отделённый от неё дикими степями и Азовским морем.

Начиная с 1060-х годов Тмутаракань была “призом” для князей-изгоев, не имевших владений на Руси. Они садились здесь княжить не по закону, а по праву силы. Однако правление их было скорее формальным – они лишь брали дань с окрестного населения. Один из таких князей, внук Ярослава Мудрого Ростислав Владимирович, попытался вести более активную политику, чем задел интересы византийских властей. По словам летописца, греки испугались. Приехавший в Тмутаракань из Херсонеса греческий чиновник отравил “политического конкурента”. Но херсониты, видимо, хорошо знавшие и уважавшие князя Ростислава, узнав о преступлении, побили чиновника камнями.

Другой тмутараканский князь, Глеб Святославич, утвердившийся здесь на вполне законном основании, оставил весьма своеобразный след. В XVIII веке на Таманском полуострове нашли каменную плиту с высеченной на ней надписью. Она сообщала, что в 1068 году “Глеб князь мерил море по леду от Тмуроканя до Корчева 14000 сажен” (Корчев – русское название Керчи). Для чего князю понадобилось измерять ширину Керченского пролива по зимнему льду, да ещё не в самом узком месте, не очень понятно. Можно предположить, что не всех тмутараканских князей устраивала роль собирателя дани, “внешнего управителя”. Некоторые пытались утвердиться здесь как истинные и рачительные хозяева своей земли, знающие, сколько и чего есть у них под рукой. Или же это была просто удалская выходка князя, решившего воспользоваться нечастым природным явлением – полным замерзанием пролива? Как бы то ни было, мероприятие 1068 года считается первым “гидрографическим исследованием” на территории России.

Но это будет позднее. А в 988 году Таврия пережила ещё одно массовое “нашествие” русских. Русь в этом году находилась на переломе своей истории, на крутом повороте от старого к новому, от языческого “варварства” к христианской цивилизации. “Испытав” разные веры, киевский князь Владимир Святославич выбрал византийское христианство. Он заключил с императорами-соправителями Василием и Константином договор: ратная помощь в их войне с мятежниками в обмен на царскую сестру принцессу Анну, которую князь хотел взять в жёны. Собственное крещение Владимир не стал откладывать. В купель, смывающую все прежние грехи, он вошёл вместе с домочадцами зимой 988 года в Киеве.

Родившаяся позднее “Корсунская легенда”, занесённая почти век спустя в русскую летопись, гласила, что Владимир вместе с дружиной крестился в Херсонесе. И прибавляла: таинство крещения исцелило князя от слепоты, незадолго до того внезапно поразившей его. Но легенда – это всего лишь легенда, даже если она зафиксирована в тексте с полемическим заостренным названием: “Слово о том, как крестился Владимир, взяв Корсунь”. Другие, более достоверные источники того времени рисуют совсем иную картину крещения князя – без всяких чудес (“Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона, “Память и похвала русскому князю Владимиру” Иакова Мниха – древнейшее житие святого князя; оба памятника созданы в XI веке.)

Корсунская легенда пришла на Русь из Таврии. Там уже в середине XI века были убеждены, что завоевывать Херсонес осенью 988 года русское войско привёл не князь-христианин, а язычник-“варвар”, ещё не узревший истинного Бога, исполненный вражды к христианской империи.

Однако гневаться князю Владимиру, новоиспеченному христианину, в самом деле было на что. Он исполнил условия договора: крестился и отправил военную помощь (6-тысячный отряд ратников) в Византию. В ответ же не получил ничего – ни порфирородной невесты, ни предстоятеля для киевской епархии, ни священников для крещения страны, ни прочего, что было обещано для обустройства русской Церкви. Такое пренебрежение к язычникам, да и к давно крещеным народам, не принадлежавшим к римскому миру, не знавшим античной культуры, было в обычае при византийском дворе. Да и сама принцесса Анна категорически отказалась выходить замуж за русского “варвара”, ещё недавно имевшего множество жён и наложниц.

Продав напрасно несколько месяцев, князь обратился мыслью к Херсонесу-Корсуню, уже давно ставшему духовным центром для пока ещё немногочисленных русских христиан. Вот где он мог получить всё, потребное для просвещения своего народа! А может быть, и обрести там политические выгоды. Фема Херсон, эти северные задворки империи, нередко проявляла своеволие в отношениях с Константинополем. Князь мог попытаться “перетя-

нуть” Корсунь на сторону Руси, установить с ним независимые от Царьграда отношения, втянуть его в орбиту русской политики. Это стало бы достойным ответом Владимира Святославича на грубое нарушение империей договора, на презрительное молчание византийского двора, унижительное для князя, владельца огромной и сильной страны.

Он отправил в Херсонес посольство со своим предложением: князь сватался к дочери греческого наместника – херсонского стратига. Однако и тут он получил в ответ лишь издёвку. Дав волю гневной страсти, новокрещённый князь отправился с войском в Таврию. Штурм затворившейся крепости не дал результата, и русская рать взяла город в осаду. Лишь через полгода она увенчалась успехом. В Херсонесе у русских обнаружился доброхот, переславший князю записку с советом раскопать и разрушить водопроводную трубу. По одной из версий, это был “ромейский рус” варяг Жадьберн, по другой – местный священник Анастас.

Изнеможенный от жажды город сдался на милость победителя. В Херсоне начались грабежи и убийства. Сам Владимир Святославич не остался в стороне от расправы над побеждёнными – по его велению были казнены стратиг и его жена. Их дочь князь силой выдал замуж за варяга Жадьберна, которого назначил новым наместником города. Однако Владимир вскоре опомнился и пресёк разрушительное буйство своих людей в городе. Превращать Корсунь в руины не входило в его планы, да и не подобало христианину такое поведение.

Князь отправил в Царьград послов, угрожая войной самой столице Византии. Императорам ничего не оставалось, как послать к нему обещанную невесту со свитой вельмож и с духовенством. В центре Херсонеса, в церкви “возле торгога” произошло венчание князя и принцессы. В прочих храмах города во множестве крестились русские дружинники.

Это было время великого торжества и самого князя Владимира, и его дружины, и других русских, бывших тогда в Херсонесе: предвестие крещения всей Руси, заря ее нового бытия. В Киеве князь стал христианином лишь по званию, в Херсонесе же сделался им по сути: взглянул со стороны на себя прежнего, раскаялся в совершённом здесь насилии, стал прислушиваться к наставлениям духовенства. Вместо разрушенной при разграблении города церкви он велел построить новую. Захваченный город он вернул империи – как выкуп (вено) за невесту.

В обратный путь на Русь Владимир увёл с собой множество священников и увез корсунские дары: храмовую утварь, кресты, иконы, святые мощи – главы Климента Римского и его ученика Фива. Всё это – себе и Руси “на благословение, освящение и спасение”. Но среди “трофеев” оказалось и кое-что сугубо мирское. Князь Владимир проявил интерес к произведениям античного искусства. На лады были погружены “две медных капищи (то есть человеческих изваяния. – Авт.) и четыре коня медных”. Эти статуи долгое время и после эпохи Владимира украшали Киевскую площадь “за церковью Святой Богородицы”. Даже в начале XII века они оставались большой достопримечательностью для горожан, невежественно вообразивших, по словам летописца, будто изваяния мраморные.

Ладейный караван прошёл от Херсонеса вдоль всего южного берега к Керчи, оттуда в Азовское море и на Дон. Впереди морской процессии стремительно неслась на Русь, на Кавказ, на арабский Восток весть о принятии русами христианства...

Связи Руси и Таврии начали слабеть с XII века. Уже в конце XI столетия Русь утратила Тмутараканские владения. С помощью князя-изгоя Олега Святославича, ушедшего оттуда добывать себе силой княжение на Руси, Таманским и Керченским полуостровами завладела Византия. К началу XIII века полловецкие орды, кочующие в причерноморских степях, до предела истончили нити, связывавшие русские земли и империю. Путь по Днепру стал слишком опасен. А в 1230-х годах степи затопило татаро-монгольское войско, на долгое время оборвав контакты Руси с Таврией.

Полуостров стал частью Золотой Орды. Именно тогда, в XIII–XIV веках он получил татарское название Крым, вероятно, по имени бывшей столицы здешних ордынских владений. Помимо пришельцев с востока, в Таврии в те же годы обособились итальянцы, главным образом, генуэзцы. Они приобрели во владение города на побережье, основывали торговые фактории, строили крепости. Но на юго-западе Крыма сохранялся и осколок Византии – пра-

вославное княжество Феодоро со столицей в одноименном городе. Его земли располагались между мысом Херсонес и Алуштой.

Золотая Орда была терпима к иным верованиям на завоеванных землях даже после того, как её ханы приняли в XIII веке ислам. Константинопольский патриархат в это время укрепил свои таврийские епархии: Херсонскую, Сурожскую, Готскую, возвысив их до митрополий. Огонь христианства на полуострове не угасал даже в самые тёмные времена турецко-татарского владычества. Но едва ли русские оставались в Крыму. Их приводили сюда во множестве только пленными, когда угоняли с Руси для продажи на невольничьих рынках.

Лишь во второй половине XIV века, во времена князя Дмитрия Донского возобновились купеческие связи Таврии и Руси, где укреплялся новый политический центр – Москва. На московских торжищах продавали свои южные товары “сурожские гости” – купцы из Сурожа и других черноморских городов – итальянцы и греки. Одним из таких знатных купцов был Стефан Ховря, обосновавшийся в Москве и обласканный князем Дмитрием Донским, ставший основателем боярского рода Ховриных. Вскоре звание “сурожских гостей” начали приобретать и русские купцы, плававшие на далёкий юг.

С 1475 года Крым попал под турецкое владычество. Крымское ханство, осколок распавшейся Золотой Орды, стало вассалом Османской империи. Княжество Феодоро было полностью разгромлено, его столица превратилась в турецкую крепость Мангуп-Кале. Христиане на полуострове оказались в бедственном положении. Священников нередко преследовали и казнили, храмы превращались в руины, церковное имущество переходило в руки татар. Многие христиане, в основном это были греки и армяне, под таким давлением стали забывать свою веру. Они перенимали мусульманские обычаи и переходили в ислам. Бывало, что и христианские книги писали на татарском языке греческими буквами. На всем полуострове к XVII веку сохранилось лишь четыре православных монастыря. Все крымские епархии слились из-за малочисленности христиан в одну – Готско-Кафинскую. Кафедра её располагалась в предместье Бахчисарая.

Крымское ханство на долгие столетия превратилось в настоящую язву для Руси. С начала XVI столетия крымчаки совершали частые набеги на русские земли, грабя, убивая, уничтожая огнём города и селения, увозя тысячи людей, мужчин, женщин и детей, в плен. Вдогонку им нередко отправлялись русские отряды и при удаче отбивали и полон, и награбленное добро. Но удавалось это далеко не всегда. Русское правительство по необходимости ввело особый налог: “полоняничные деньги” – для выкупа русских пленных на татарских рынках. Каждое лето на южные оборонительные рубежи под Тулу и в соседние города отправлялось сторожевое русское войско – ждать появления врага.

Особенный размах имели несколько нашествий крымчаков. В 1521 году они внезапно появились под Москвой, обойдя сторожевые полки, и дело едва не кончилось восстановлением татарского ига на Руси. В 1571 году Москва полностью выгорела во время осады татарами. В 1591 году в сражении у Москвы крымчаки потерпели поражение и впредь уже не рисковали подходить к русской столице. Но на южные окраины страны они налетали ещё долго, вплоть до времён Екатерины II.

Всё это время на Руси не забывали о единоверцах в Крыму. Известна царская грамота 1598 года о денежной помощи, “милостыне” четырем крымским храмам. Среди них – церковь Георгиевского монастыря “что в Корсуни”. Царское “жалованье” отправлялось в обители Крыма и позднее. Тот же Георгиевский монастырь получал русскую “милостыню” ежегодно. А к московскому государю время от времени приходили от крымского духовенства и монахов жалобы на “многие бедности и скорби”. В 1637 году митрополит Серафим писал царю Михаилу Фёдоровичу: “. . . и пришли безбожные нагайцы и татары, и осадили нас, и обобрали до конца, и преосвященные и священные сосуды и церковное строение все поломали. . . Пребываем во многих бедностях и скорбях от безжалостных одержавших нас агарян. Не только те прошлые беды, и в нынешнем году, июля месяца, поймал нас султан и посадил нас в тюрьму – меня и брата моего, попа Димитрия, – и взял у нас двести тысяч ефимков”.

В 1771 году во время очередной Русско-турецкой войны армия князя В. М. Долгорукова штурмом взяла укрепления Перекопа и заняла Крым. Татары, лишившиеся поддержки Турецкой империи, покорились России. Вско-

ре князь Долгоруков подписал с крымским ханом договор, по которому ханство объявлялось независимым от Османской империи и переходило под кровительство России. Хан Шагин-Гирей принял русское подданство. Христиане в Крыму получили равные права с мусульманами. Армия Долгорукова вскоре была выведена из Крыма, но там остались русские гарнизоны.

Однако Турция не считала борьбу законченной. Поэтому у готско-кафинского митрополита Игнатия возникла мысль о переселении христиан (православных, армянских григориан и католиков) из Крыма в пределы России. Он обратился с этой идеей к Екатерине II. В проекте митрополита был огромный резон: устранялась опасность расправы над христианами в случае новой войны, а земледельческой экономике ханства наносился серьёзный ущерб. Одобрённый императрицей исход крымских христиан на земли Новороссии, оплаченный из российской казны, произошёл в 1778 году. Но многие не захотели покидать насиженные места — таких оказалось чуть менее половины.

В 1774 году Турция подписала с Россией мирный Кючук-Кайнарджийский договор, в котором отказалась от всех прав на Крым и признала его независимость. А ещё через девять лет, в 1783 году, императрица Екатерина II своим манифестом присоединила Крым к России под именем Таврической губернии. С агрессивным Крымским ханством было покончено. Полуостров начал быстро наполняться переселенцами из России, Малороссии, даже из подвластных Турции стран. Возрождались и множились христианские общины. Генерал-губернатор Новороссийского края князь Г. А. Потёмкин развернул строительство городов Севастополь и Симферополь — базы черноморского флота России и губернского центра.

Между тем, Екатерина II лелеяла проект освобождения Константинополя-Стамбула от турок и воссоздания в нём православного царства. Грандиозная мечта императрицы не осуществилась. Но Россия, осознавшая себя наследницей Византии ещё в XV веке, всё же обрела бесценную для любого русского христианина землю — Крым, древнюю Таврию, самую северную часть империи, один из сакральных центров Русской Православной цивилизации.

Спустя годы и десятилетия Турция ещё не раз пыталась вернуть утраченное, надеясь вновь накинуть на Крым удавку вассалитета. В 1854–1855 годы ей на помощь пришли Англия и Франция, затеяв военные действия в Крыму. Но Крымская война, стоившая европейским державам огромных финансовых расходов и человеческих жертв, не принесла им ни славы, ни особого успеха. Крым благодаря стойкости и чудесам мужества защитников Севастополя, оборонявшегося почти год, остался русским.

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

РОЛЬ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Без образования народа и развитой науки невозможно не только развитие страны, но и жизнь в динамично меняющемся мире. В отличие от прошлых веков, когда мировой прогресс в своём поступательном движении имел цикличность в 100 лет, сейчас этот цикл составляет около 10 лет.

Возникает вопрос: почему именно сейчас проводятся радикальные и, уточню, разрушительные реформы в российском образовании и науке? Полагаю, это делается не для того, чтобы дать ответ на вызов времени. Продолжается “великий поход против СССР”. Идёт окончательная зачистка постсоветского наследия. Некоторые руководители и общественные деятели стремятся до основания разрушить “империю зла”, которой в их понимании был Советский Союз.

Как результат – мы уже четверть века ходим по кругу всевозможных реформ. Результаты не радуют. Позволю себе подвести предварительные итоги, но вначале давайте обратимся к истории.

Большевики унаследовали страну в тяжёлой ситуации. На рубеже XIX–XX веков грамотность населения Российской империи составляла 21,1% (в том числе 29,8% – среди мужчин и 13,1% – среди женщин). По Сибири грамотность была 12%, а по Средней Азии – 5% от всего населения.

Новая власть понимала, что для построения социалистического общества, а также развития экономики, в первую очередь – промышленности, нужен грамотный народ.

Начало преобразованиям положил декрет Совнаркома, принятый в декабре 1919 года: “О ликвидации безграмотности в РСФСР”. По этому декрету все представители населения Советской России в возрасте от 8 до 50 лет должны были стать грамотными, если они таковыми не были, и изучать грамоту на родном или русском языке (по желанию).

Работа по ликвидации безграмотности, в первую очередь, среди взрослого населения, велась через так называемые “ликбезы”. Осенью 1923 года было создано Всероссийское добровольное общество “Долой неграмотность”.

Особое внимание уделялось беспризорным детям. В РСФСР в 1921 году их насчитывалось 4,5 млн, а в целом по СССР в 1922 году – до 7 млн.

В январе 1921 года была создана “Деткомиссия ВЦИК” во главе с Ф. Дзержинским. Благодаря принятым мерам, уже к началу 1928 года в СССР количе-

ство беспризорных детей сократилось до 300 тысяч. А в 1935 году было заявлено, что массовая беспризорность в стране ликвидирована.

Всего в 1917–1927 годы было обучено грамоте 10 млн взрослых людей. Стартовый уровень обучения в школах был весьма низок. Так, по данным 1920 года, в школах училось всего около 7,3 млн человек, при этом в европейской части Советской России посещали её менее 59% детей в возрасте 8–12 лет (старше 12 лет – и того менее).

Введение всеобщего начального обучения в 1930 году создавало гарантии распространения грамотности. К 1936 году было обучено около 40 млн неграмотных людей. По данным переписи 1939 года, грамотность лиц в возрасте от 16 до 50 лет приближалась к 90%.

Особо следует отметить подготовку к получению высшего образования. В революции и гражданской войне было потеряно много лиц с высшим образованием. Советские руководители понимали, что стране требуется большое количество специалистов, к тому же было недоверие к “старым специалистам”. В этих условиях требовалось организовать получение высшего образования рабочими и крестьянами. Но существовавшая безграмотность не позволяла этого сделать.

В августе 1918 года правительством РСФСР был издан декрет о правилах приёма в вузы, который предоставил трудящимся право поступать в высшую школу без экзаменов.

Новые правила привлекли в вузы большое число рабочих и крестьян, но уровень общеобразовательной подготовки был настолько низким, что высшее образование всё равно оказалось для них недоступным. С учётом этого в сентябре 1919 года было принято постановление “Об организации рабочих факультетов”. Обучение на дневном отделении рабочего факультета было приравнено к работе на производстве (то есть срок обучения засчитывался в трудовой стаж); слушатели обеспечивались государственными стипендиями. В 1921/1922 учебном году на дневных рабфаках был установлен трёхлетний срок обучения, на вечерних – четырёхлетний. В 1925/26 учебном году около 40% мест при приёме в вузы было занято выпускниками рабфаков. В 1930 году в РСФСР было 117 рабфаков (69 дневных и 48 вечерних), где обучались 44 930 студентов. К 1932/1933 учебному году в СССР работало уже более 1000 рабфаков, где обучалось около 350 тысяч человек.

С годами всё большее значение получали вечерние рабфаки, “где студенты не отрываются от производства, от рабочей среды, оставаясь связанными с производственной, общественно-политической, профессиональной жизнью своего завода, фабрики. Это преимущество вечерних рабфаков делало их более доступными для рабочих и обеспечивало дальнейшее развитие их, тогда как дневные рабфаки утрачивали своё значение по мере того, как дети рабочих и крестьян получали в 7–9-летних школах образование, достаточное для поступления в вузы”.

К середине 30-х годов, благодаря повсеместному получению среднего образования в СССР, потребность в рабфаках стала отпадать, и они были упразднены.

Подготовка кадров с высшим образованием через рабфаки, которые компенсировали общий низкий образовательный уровень, позволила создать инженерную и научную элиту страны, вошедшую в её историю, – это выдающиеся директора, конструкторы, учёные. Многие из них “прошли” через рабфаки.

Так решало проблему подготовки высшего образования советское руководство. Это было весьма актуально, так как без специалистов было невозможно развивать страну на новых принципах.

Хотелось бы ещё остановиться на подготовке кадров и получении знаний в системе технических училищ (ПТУ). Перед Великой Отечественной войной, в разгар индустриализации страны требовалось большое количество образованных рабочих. Приход людей из деревни не мог решить производственные проблемы, так как у них был очень низкий образовательный уровень.

Создание перед войной ремесленных училищ дало возможность массе молодых людей получить специальность и повысить образование. Эти рабочие кадры работали в войну на производствах. Их вклад в Победу велик. В послевоенный период эта система подготовки рабочих кадров совершенствовалась, и в стране долго существовал Комитет трудовых резервов.

В постсоветское время подготовка кадров через систему ПТУ была практически предана забвению. Шаг за шагом шло наступление на этот вид обучения. Не говоря уж о какой-либо федеральной структуре, все ПТУ, кроме системы “Росатома”, были переданы регионам страны. Соответственно никакой координации в этом вопросе теперь не предусматривалось. Вот и получается, что подавляющая часть училищ стала готовить парикмахеров, визажистов, кондитеров, хотя доски объявлений по-прежнему пестрят информацией: “Требуется слесарь, токарь...” Но где же их взять?

Президент страны провозглашает, что нам требуется новая индустриализация и создание 25 миллионов высокотехнологических рабочих мест. И это правильно. Не может же быть Россия вечно (пока хватает нефти) сырьевой страной?.. К тому же надо иметь в виду, что подавляющая часть учащихся ПТУ – это дети из бедных или неблагополучных семей. В училище их всё-таки кормят, приучают к дисциплине, обучают профессии, спасая от времяпрепровождения в подворотне и различных юношеских соблазнов.

Вот этим вопросом и надо бы заняться Министерству труда и социальной защиты, поскольку название этого органа как раз и обязывает к этому. Я прекрасно понимаю, что диктовать училищам их профессиональные направления – это дело нереальное. Но знать баланс необходимых профессий они обязаны. Возьмём такую демократическую и “рыночную” страну, как Германия. Пунктуальные немцы не диктуют, где и сколько профессий требуется для того или иного конкретного производства. Но в целом по стране они знают потребность в той или иной профессии и сегодня, и завтра, и послезавтра. Не случайно у них подготовкой и переподготовкой сварщиков занимаются 600 организаций, а немцы в силу своей дотошности *просто так* ни за что бы не дали деньги этим центрам.

Нашему Министерству труда и соцзащиты следовало бы подумать над системой финансирования подготовки рабочих кадров. Иметь училища при заводах возможно только на крупных предприятиях, остальные живут *на подножном корме*. За рубежом уже много лет понимают, что в рыночных условиях подготовка таких кадров должна иметь свои особенности.

Кадры нужны всем, но можно ли предположить, что мелкий и средний бизнес будут создавать свои школы для подготовки рабочих? Конечно, нет. Рабочие же требуются всегда. Учитывая это, государство на Западе ввело “налог на профессию”: фирма, большая или маленькая, работающая постоянно, обязана отчислить определённую небольшую долю от своей прибыли на эти цели.

В своё время мы вносили эти предложения в правительство страны. В Министерстве образования нас выслушали и одобрительно отнеслись к ним. Времени прошло много, *а воз и ныне там!*

Реформаторский зуд охватил в последнее время все уровни образования. Складывается впечатление, что наше образование было весьма неэффективным и примитивным, а внедрённая по западному образцу и подобию система выведет его, наконец, на новый уровень. Я же полагаю, что всё происходит наоборот. Западу не нужна образованная Россия, у него есть другие долгосрочные цели и задачи. Вот для этих целей Россия и должна стать малообразованной.

За 20 лет Советской власти (1920–1940) в стране была ликвидирована безграмотность населения. И это делалось в годы разрухи экономики, спешной индустриализации, военных конфликтов и т. д. В это время каждый рубль был на счету, тем не менее была осуществлена эта крупномасштабная операция. В наше 20-летие, прошедшее с 1992-го по 2012 годы, мы стремительно катились к малообразованности, имея при этом прекрасную образовательную систему, унаследованную от СССР.

На мой взгляд, в последние 10–15 лет это всё делается сознательно. Меняются министры науки и образования, от каждого из них люди ждут положительных решений, но каждый последующий министр оказывается еще “лиричнее” предыдущего.

В войне бывают главные удары. Так и в области образования и науки у нас сформировалось и осуществляется три главных удара: удар по школам, удар по высшим учебным заведениям и, наконец, удар по науке.

В 2012 году был принят Закон об образовании в Российской Федерации. Этот Закон напоминает слова небыизвестного В. Черномырдина: “Ну, никогда такого не было – и опять то же самое!”

Закон готовился 10 лет, с 2003 года. Положительным в этом законе является повышение зарплат в отрасли до средней зарплаты региона, так как она составляла всего лишь 70%. В Законе намечается ряд положений, которые на бумаге вроде выглядят хорошо, а на деле... К числу серьёзных недостатков надо отнести *идеологию услуг*. Даже президент В. В. Путин в своем послании Парламенту страны подчеркнул, что образование – **это не услуга**.

Творчески работающие педагоги неоднократно заявляли, что теория услуг разрушит духовное содержание образования, и даже приравнивали себя в этой ситуации к чистильщикам сапог и уборщикам мусора.

Особую тревогу вызывает положение, что вопрос закрытия сельских школ вместо сельского схода будет решать специальная комиссия. По-видимому, такую комиссию легче “уломать”, чем сельское собрание. Их даже не останавливает то, что из-за отсутствия школ оказались стёртыми с лица земли многие деревни и сёла. Ещё в старые времена было известно, что село живёт, пока в нём есть учитель, священник и фельдшер.

Я полагаю, что дальше анализировать этот закон нет смысла. Не зря он готовился 10 лет! Закончить разговор о реформировании школы хотелось бы исполненными горечи словами одного кубанского преподавателя: “Дети, уходите из школы – не мешайте реализовывать новый закон об образовании!”

Этим же законом приняты новации и в высшем образовании. Закон приведёт к тому, что через 5 лет число бюджетных мест для студентов в России сократится, по меньшей мере, на 700 тысяч, а их количество в расчёте на 10 тысяч населения составит уже не 170, а только 125. Расходы же государства на образование в 2013–2015 годах сократятся с 4,8% до 4,1% расходной части госбюджета.

Несколько слов о высшей школе. Говоря о высшем образовании, следует подчеркнуть, что количество высших учебных заведений превосходит разумные пределы. По-видимому, стоило бы разобраться, кто, где и по какой причине даёт им соответствующие лицензии.

Положительным явлением последних лет является широкое стремление молодёжи получать высшее образование. Лихие 1990-е, когда людьми, далеко стоящими от образованности, в течение одного дня сколачивались огромнейшие состояния, прошли. И люди это поняли.

Блиц-реформы обрушились на высшие учебные заведения. Срочно стала проводиться аттестация высших учебных заведений. Может быть, и требовалось это сделать, но делать это надо было постепенно и вдумчиво, а не проводить очередную кампанию. При этом оценочную систему разработала придворная Высшая школа экономики (ВШЭ), как будто не существует государственной академии образования! Поэтому не случайно, что среди так называемых неперспективных вузов преобладают гуманитарные: 30 педагогических, 17 институтов культуры и т. д.

* * *

Говоря о прогрессе в стране, есть необходимость ещё остановиться на развитии науки. Роль науки была всегда определяющей в жизни государства как в социально-экономическом плане, так и в интеллектуальной жизни общества.

В истории человечества были периоды застоя в науке и гигантские всплески её развития. Каждый этот период, естественно, отражался на уровне развития государства и общества. И тому примеров много.

Я не ставлю перед собой задачу давать подробный анализ состояния науки разных стран мира на разных этапах их жизни. Моя задача показать её роль в жизни России.

2013 год ознаменовался двумя событиями в жизни академического сообщества. Это 150-летие великого русского учёного и мыслителя Владимира Ивановича Вернадского и неожиданное принятие закона о реформировании Российской Академии наук (РАН). Позволю себе остановиться на некоторых этапах развития науки в нашей стране.

Сложными для отечественной науки оказались 1930-е годы. В СССР разворачивались масштабные исследовательские программы, создавались новые научно-исследовательские институты. В частности, в 1934 году С. И. Вавилов основал Физический институт АН им. П. Н. Лебедева, тогда же был со-

здан Институт органической химии в Москве. П. Л. Капица создал Институт физических проблем, а в 1937 году был создан Институт геофизики. Продолжали свою работу физиолог И. П. Павлов, селекционер И. В. Мичурин. Результатом работы советских учёных стали многочисленные открытия как в фундаментальных, так и в прикладных областях знания. Возрождались историческая наука, возобновилось преподавание истории в средней и высшей школе, был создан научно-исследовательский Институт истории при АН СССР.

В то же время постоянное администрирование в науке привело к тому, что многие перспективные направления исследований (например, генетика, кибернетика) по произволу некомпетентных партийных функционеров были заморожены на долгие годы. В обстановке всеобщего доноительства и набирающих размах репрессий академические дискуссии часто заканчивались расправой, когда один из оппонентов, будучи обвинён в политической неблагонадёжности, не просто лишался возможности работать, но подвергался преследованиям. Подобная участь была уготована многим представителям интеллигенции.

Жертвами репрессий стали такие видные учёные, как биолог, основоположник советской генетики академик и президент ВАСХНИЛ Н. И. Вавилов, учёный и конструктор ракетной техники, в будущем академик и дважды Герой Социалистического Труда С. П. Королёв и многие другие.

И тем не менее, советская наука сделала СССР великой державой, где трудились миллионы образованных людей. Неоценима их роль в развитии нашего государства.

В Советском Союзе наука и научно-технический прогресс были делом государственным. Свыше 95% финансирования научной деятельности осуществлялось через государственный бюджет. В конце 1980-х годов в сфере науки работали 4,4 млн человек, в том числе 542 тыс. докторов и кандидатов наук.

Ежегодно регистрировалось 80–85 тыс. изобретений. В 1990 году затраты на НИОКР составили 35,2 млрд рублей, или 5% производственного национального дохода, или 3,5% ВВП. По этому показателю СССР превышал все страны, в том числе и с рыночной экономикой, хотя и уступал США по абсолютной величине затрат. В то же время СССР превышал уровень США по годовому выпуску и общей численности инженеров, занятых в народном хозяйстве, что является важной чертой научно-технического потенциала любой страны.

В целом СССР занимал второе место в мире (после США) по научно-техническому потенциалу. Он практически был ориентирован на исследования по всем направлениям знаний, но одновременно и на достижение военного превосходства (как и в США).

Наряду с огромнейшим вкладом науки в экономический и военный прогресс страны, в советской науке были и серьёзные недостатки. Главным недостатком было и, к сожалению, остаётся до сих пор отсутствие быстрого и эффективного использования достижений научно-технического прогресса в реальном секторе экономики, происходит своего рода разрыв между научными достижениями и их воплощением в жизнь. Конечно, это, в первую очередь, объяснялось существовавшей в то время жёсткой и всеобъемлющей плановой системой, где на первом месте был показатель объёмов производства продукции, а внедрение научных достижений не было органической потребностью производителя продукции и диктовалось, как правило, директивно. К сожалению, можно констатировать, что подобное положение сохранилось и сейчас, после 20-и лет рыночных реформ.

Пора бы прекратить бросать камни в советское прошлое, в этом деле сейчас преуспели многие, в том числе и руководители страны. Надо разобраться, почему сейчас наука совсем не востребована производством? Основная причина, на мой взгляд, кроется в том, что в стране основательно разрушена перерабатывающая промышленность, а для добычи сырья, нефти и газа не требуется большого числа научных разработок.

Полтора десятка лет тому назад автор этих строк имел беседу с одним из влиятельных американцев. При разговоре затронули вопрос развития науки в современном мире. На моё убеждение, что России как великой и суверенной державе нужна сильная и эффективная наука, он с некоторым сарказмом заявил, что я ошибаюсь: “России не надо тратить деньги на науку, мы вам дадим для жизни все товары и продукты, вы же нам поставляйте нефть, газ, руду и другие полезные ископаемые, которыми Бог наградил вас”.

Предлагаемое “сотрудничество” напоминает “эквивалентный обмен” с дикарями, когда стеклянные бусы меняли на золотой песок и самородки. Современная Россия унаследовала 70% научно-технического потенциала бывшего СССР. По данным статистики, в 2001 году в стране насчитывалось 4 тыс. научных учреждений, в том числе 2677 исследовательских институтов, 289 конструкторских бюро. Число занятых в НИОКР составляло 886 тыс. человек, или почти вдвое меньше, чем в 1990 году. Удельный вес этого персонала в общей численности людей, занятых в народном хозяйстве России, уменьшился с 2,5% в 1990 году до 1,4% в 2001 году. В настоящее время 13% учёных и специалистов работает в системе Академии наук, 79% – в различных научных организациях страны и 6% – в научных подразделениях вузов.

Говоря о развитии науки в современной России, следует без прикрас сказать, что она держится на осколках советской науки. Поэтому встаёт нелестный вопрос: на сколько времени хватит остатков советской науки для развития нашей страны и будет ли создана новая научная база современной России? Для того чтобы Россия могла занять достойное место в мире, а не быть сырьевым придатком развитых стран, потребуется в корне изменить создавшееся положение.

Следует также отметить, что, по экспертным оценкам, за рубежом работает 20 тысяч российских учёных на постоянной основе и 30 тысяч – по временным контрактам. Это люди, которые получили фундаментальное образование в нашем Отечестве и унесли из него не только знания, но и своё участие в модернизации страны. Для прекращения “утечки мозгов” требуются особые меры для изменения социальной и материальной базы науки в соответствии с современностью.

Наиболее изощрённой и жёсткой критике в 2013 году подверглась Российская академия наук (РАН). Говорили о низкой эффективности деятельности её институтов, оторванности от реальной действительности, клановости, даже о возрасте академиков...

Российская академия наук – уникальное явление в истории России, достоинство её состоит в том, что она многие годы аккумулирует фундаментальные научные разработки. Да, положение РАН в нашей стране в корне отличается от структуры научной деятельности в США, Англии, Германии. Они исторически развивались по иной модели. Там национальные академии являются своего рода “клубами” по интересам. Во многих научных центрах, институтах и лабораториях Академии наук СССР был высок уровень теоретических исследований, по которым страна имела мировое первенство, тогда как на Западе учёные такого уровня в основном были рассредоточены по разным университетам.

В то же время в головы обывателей вбиваются мысли, что РАН – это анахронизм, отстойник для великовозрастных учёных, деятельность которых направлена на сохранение достигнутых материальных благ и общественного положения.

Надо отдать должное РАН, что в прошедшие, особенно “лихие” 1990-е годы Академия сохранилась, она прошла через невероятные трудности, но не разрушилась, как это произошло с отраслевой наукой. И даже сейчас, получая примерно 22,8% научного бюджета, она производит 60% фундаментальной научной продукции.

Учитывая то, что отраслевая наука в ельцинское время практически прекратила своё существование, для её воссоздания потребуются теперь многие годы. Да и это произойдёт только в том случае, если будет проводиться структурная перестройка с упором на реальный сектор экономики, на что потребуются десятилетия. Академия должна будет восполнить этот научный пробел при проведении новой индустриализации страны и соответствующих социально-экономических преобразований.

На мой взгляд, яростные нападки на РАН преследуют две цели.

Первая – разрушить уникальную организацию учёных, лишив общенациональное направление новых научных разработок, особенно в теоретическом направлении. Здесь Академия была сильна, и не её беда, что многие разработки не были востребованы реальной экономикой. Мой жизненный опыт показывает, что основной удар надо ожидать именно на особо важных научных направлениях – так было с космосом, атомной промышленностью... И никто и никогда не совершал таких нападков, например, на лёгкую промышленность.

Для оправдания таких действий была пущена в оборот мысль, что якобы только университетская наука способна решать все проблемы научно-технического прогресса страны.

Вторая – это приватизация имущества Академии, её земель и зданий, ведь такой жирный кусок висит перед носом, а “скушать” его не дают “консерваторы” из Академии.

В основе “разгрома” академической науки, как уже было сказано, лежит убеждение определённой части руководства страны, что наша академическая наука устарела и неэффективна. Они видят “свет в окошке” в развитии теоретической науки в университетах, то есть по образу и подобию западной науки. По-видимому, по этой проблеме необходимо дать историческую справку.

Почему российская наука пошла по пути сосредоточения науки в академических учреждениях, а не в университетах? Причины этого восходят ко времени создания Петром Великим Академии наук в 1724 году. Официально история Академии начинается с 1725 года – с издания императорского указа. В начале XVIII века университеты в Европе испытывали кризис. Они были схоластичны и чужды научным изысканиям. Передовые учёные того времени, прежде всего Лейбниц, создатель Берлинской академии наук, посоветовал Петру организовать Академию, а не университет. Лишь к середине XVIII века совершился переворот, когда наука стала проникать в средневековые европейские университеты. В дальнейшем это на века определило развитие европейской науки преимущественно на базе университетов.

Таким образом, в мире за столетия сформировалось две системы развития науки, и позволительно спросить у авторов проекта развития только “университетской” науки: сколько потребуется времени для реализации этого “проекта” вместо уже существующей Российской академии наук?.. Сто-двести лет... А промежуток будет чёрной дырой в теоретической науке?

Создание Российской академии наук 290 лет тому назад Петром I положило начало развитию науки в нашей стране. Великий М. В. Ломоносов был первым русским учёным с мировым именем. На протяжении трёх веков российская наука непрерывно совершенствовалась, занимая одно из первых мест в мире. Достаточно упомянуть имена Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, М. В. Келдыша, С. П. Королёва, И. В. Курчатова, А. П. Александрова... За столетие в нашей стране сформировались выдающиеся научные школы, их последователи работают во многих разделах мировой науки.

Таким образом, приходим к выводу, что **нынешние реформы науки направлены на внедрение в нашей стране англосаксонской системы, а если быть точнее – американской**. Ставится цель переориентировать российскую науку на американскую модель.

В то же время из американского опыта известно, что сочетание образовательного процесса и научных исследований в основном непродуктивно. К тому же исследования при серьёзном к ним отношении требуют полной отдачи, и преподавателям приходится сокращать время, отведённое на преподавание.

К примеру, А. Эйнштейн числился профессором Принстонского университета, но лекций не читал. Таким образом, связь между проведением исследований и обучением далеко не столь органична, как представляется ревнителям университетской формы организации науки.

Необходимо учесть и особенности американской системы. Основным источником финансирования обучения там является оплата самим учащимся или его родителями. Исследовательские работы не могут финансироваться за счёт этих средств, так как перекрёстное финансирование запрещено законом.

Поэтому исследовательская деятельность университетов осуществляется с помощью грантов. В эту систему влюблены наши реформаторы. Но чтобы осуществлялась грантовая поддержка науки, страна должна быть богатой и стабильной, а её граждане должны располагать значительными сбережениями, которые они могли бы направлять на благотворительные цели.

Наша страна имеет большое материальное расслоение, причём подавляющая часть населения еле сводит концы с концами. А богатые люди, в том числе и олигархи с их миллиардными (в долларах) состояниями, что-то не стоят в благотворительной очереди, им больше нравятся дворцы в Лондоне, сногшибательные виллы и яхты, а также яйца Фаберже.

Я не собираюсь останавливаться на теневых сторонах грантовой системы. Это, как правило, краткосрочность действия, большие сложности с решением крупных проблем, особенно в теоретической науке, и бюрократические препоны при оформлении и получении грантов, какими бы они ни были. Главным же вопросом является широкое внедрение результатов исследовательских работ. Отечественным ревнителям проекта “Сколково” следовало бы учесть, что во главу угла создания такого дорогостоящего проекта надо ставить то, как будут чувствовать себя исследователи в этом новоявленном “оазисе науки”, учитывая, что нет механизма использования их разработок в производстве. К сожалению, этих решений нет до сих пор.

Подводя итог рассуждений о замене академической, да и отраслевой науки университетской, можно сделать вывод, что науку загоняют в долгосрочный тупик. Не лучше ли было бы не разрушать нашу традиционную науку, а параллельно развивать университетскую?

Сегодняшняя ситуация не нова. В. И. Вернадский в “Очерках по истории Академии наук”, написанных в 1914–1916 годах, отмечает: “Всё время в течение столетий многим казались траты на Академию ненужной роскошью или прихотью... для оправдания её существования и затрат на неё в среде общества и правительственных кругах существовала тенденция переделать внедрённое в русскую жизнь новое дело не то в учебное заведение, не то в собрание придворных учёных вроде придворного оркестра или театра”.

Нападки на РАН, обвинения её во всех смертных грехах звучали и позже. Приведу только два примера. “Архитектор” перестройки А. Яковлев, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро, возвращённый из “ссылки” в Канаду (был послом СССР в Канаде) Горбачёвым и под его руководством стремительно прошедший все ступени партийного лидера, став ближайшим его советником, в своих разрушительных советах дошёл и до Академии наук СССР.

Будучи сам академиком, он направил Горбачёву письмо, в котором предлагал произвести “глубочайшие преобразования” в науке. Он предлагал фактически развалить её путем ликвидации общесоюзного органа по делам науки, полностью отделить науку от государства, ввести в среду науки рыночные механизмы, полностью отказаться от поддержки любых институтов, которые существовали за счёт государства.

Отпор тогда ему дал ныне покойный председатель Сибирского отделения Академии наук академик В. Коптюг. Он заявил, что такие предложения направлены на устранение такой мощной преграды, как “единое научное сообщество, представляющее собой огромную интеллектуальную силу, не позволяющую навязать России статус развивающейся страны”.

“Архитектор” Яковлев был не оригинален. Он практически повторил Н. Хрущёва, который 11 мая 1964 года вещал с трибуны Пленума ЦК КПСС: “... мы разгоним к чёртовой матери Академию наук, потому что Академия наук нам не нужна, потому что наука должна быть в отраслях производства”.

Можно понять Хрущёва – дремучего невежду и самодура, можно понять и ярого антисоветчика и разрушителя страны А. Яковлева, но как можно понять то, что и через 40, и через 25 лет подобные действия совершаются в современной России?

Безусловно, как любой организм, Академия нуждается в модернизации, приведении её деятельности в соответствие современным условиям. Но одно дело – модернизация, другое – разрушение структуры.

В связи с реформированием, а точнее сказать – с разрушением РАН вряд ли имеет смысл подробно останавливаться на ситуации в стране, поскольку всё это получило освещение в СМИ.

29 июня 2013 года можно считать днём тяжелейшего заболевания российской науки. Эта дата войдёт в анналы российской истории, когда руководство страны, нарушив 290-летний период существования Российской Академии, вошло в Госдуму с проектом закона, в котором Академии была уготована судьба стать клубом по интересам, кроме того, разрушались две специализированных отраслевых академии сельского хозяйства и медицины.

Я прекрасно понимаю, что руководству страны приходится осуществлять непопулярные меры. Но чем вызван этот шаг? Трудно описать реакцию думающих людей! От Владивостока до Москвы и Санкт-Петербурга в эти месяцы происходили митинги, пикеты, собрания... И всё это происходило в “мёртвый” сезон – время отдыха и отпусков!

На улицу с плакатами выходили не молодые люди, стоявшие на Болотной площади, а умудрённые жизнью академики, доктора и кандидаты наук, сотрудники академических институтов. Руководство Академии, её ведущие учёные систематически встречались с Президентом РФ В. В. Путиным и каждый раз радостно сообщали, что их услышали, и правда вскоре восторжествует.

9 сентября 2013 года в Москве состоялось внеочередное общее собрание Академии наук, где было принято несколько резолюций, направленных против предложенного правительством закона. Из-за рубежа были направлены десятки и сотни обращений к Путину В. В., в том числе и Нобелевских лауреатов, с просьбой приостановить разрушение Академии. Накануне окончательного рассмотрения проекта закона правовое управление Администрации Президента направило в Госдуму поправки, из которых стало ясно, что все переговоры оказались пустыми.

18 сентября 2013 года закон был принят с поправками, в том числе и о том, что “клуба не будет”, но главное разногласие об имуществе Академии, судьбе её институтов остаётся прежним: постановлено передать его в ведение Правительства. Расформируются академии сельского хозяйства и медицины, а академия образования становится отраслевым подразделением.

Так закончилась борьба с отечественной наукой. **18 сентября 2013 года войдёт в историю страны как дата смерти Российской академии наук.** Печальный рассказ о судьбе нашей Академии хотелось бы закончить словами учёного, жившего в XVI веке, – Галилео Галилея: “Требовать, чтобы люди отказывались от собственных суждений... и назначать лиц, совершенно невежественных в науке или искусстве, судьями над людьми учёными – это новшества, которые способны довести до гибели и разрушить государство”.

В заключение рассказа о судьбе академической науки я хотел бы привести слова лауреата Нобелевской премии академика Ж. И. Алфёрова, непримиримого противника подобной “модернизации” Академии наук. Свою речь он закончил стихами, написанными сотрудником Академии наук А. Городницким:

*...Нам сдаваться не пристало,
Эта участь не для нас:
Стать Московией отсталой,
Продавая нефть и газ.
Не простят нам наши внуки
Замолчания вины:
Если нет в стране науки,
Значит, нету и страны!*

Ещё несколько слов о Российской академии наук. Я уже говорил, что одной из причин “реформирования” РАН является большая материальная собственность, принадлежавшая Академии ещё в Советском Союзе. По всей вероятности, надо сделать ещё один виток приватизации, так как появились новые люди, которые “опоздали” к делению чубайсовского пирога.

Для того чтобы успокоить научную общественность, было заявлено, что на несколько лет правительственным органом, распоряжающимся собственностью Академии, будет руководить нынешний Президент РАН. Обществу говорили, что он будет связующим звеном науки и правительственной структуры управления материальной собственностью. Не успели стихнуть страсти в научном мире, как во главе этого органа был поставлен финансист, не имеющий никакого отношения к науке.

Острословы подобному положению дали очень резонансное определение: “Роснаукасервис”. А ведь они недалеко от истины!

Особенно пострадала в годы радикальных реформ отраслевая наука. В советское время она создавалась десятилетиями в зависимости от структуры народного хозяйства. Как правило, институты и другие научные учреждения создавались для определённой отрасли: были институты для разработки профильной продукции, технологические, проектные и другие научные учреждения.

В настоящее время практически разрушена отраслевая структура народного хозяйства. Это, естественно, не могло не сказаться на научном потенциале. И в то же время отраслевая наука и сегодня является главной опорой всех прикладных исследований.

Надо полагать, что будет происходить дальнейшее сокращение этого сектора науки. Была надежда, что создаваемые “госкорпорации” объединят не

только взаимозависимые производства, но и будут развивать соответствующую отраслевую науку. Но последние веяния по их акционированию приводят к тому, что эти акционерные общества со 100-процентным государственным капиталом в ближайшее время будут распроданы частным владельцам, которым отраслевая наука окажется не нужна. У них другие цели. Об этом можно судить по реформированию энергетики страны.

С учётом этого обстоятельства возрождение отраслевой науки в новой её форме будет возможно только при изменении структуры экономики.

В результате рыночных реформ в самом тяжёлом положении оказались отраслевые институты ВПК, которые выполняли госзаказы и всецело зависели от бюджетного финансирования. И так, только в 1990-х годах объём работ научных организаций ВПК уменьшился в 12 раз. Появляющиеся немногочисленные образцы военной техники, как правило, представляют собой разработки советской науки. Создаётся эффект “погасшей звезды”: звезды давно уже нет, а свет её ещё льётся на Землю.

Отставание в области ВПК от главного нашего соперника США можно проиллюстрировать следующими цифрами.

В настоящее время доля оружейного рынка США составляет 75% от мировых продаж. В советское время СССР занимал первое место, США – второе. Этими странами продавалось более двух третей оружия. Кстати, на втором Съезде народных депутатов в 1989 году правительство СССР было подвергнуто жёсткой критике определёнными политическими деятелями, да и представителями науки. Они обвиняли правительство СССР в том, что, продавая оружие, оно является основным виновником нестабильности во многих странах Азии, Африки и т. д. Что-то сейчас не слышно их критики в адрес США!..

Положение в ВПК Соединённых Штатов Америки можно охарактеризовать тем, что оборонные расходы Пентагона равны оборонным расходам стран всего остального мира, вместе взятым.

Справедливости ради надо сказать, что в последние годы положение в военно-промышленном комплексе существенным образом изменилось. После ухода непопулярного и неквалифицированного министра обороны Сердюкова с его женской командой, а также прихода в ВПК квалифицированных и патриотически настроенных руководителей положение наше стало меняться к лучшему. Я убеждён, что, грамотно используя оставшееся советское наследие, важнейший и крайне необходимый для обороны нашей страны военно-промышленный комплекс можно возродить из пепла.

Говоря о российской экономической науке, следует отметить, что здесь за последние 20 лет создалось особое положение. Если говорить о большой экономической науке, то её условно можно поделить на две части. К нынешней школе экономистов следует отнести академическую науку. Здесь сосредоточены основные силы экономистов-академиков.

Следует отметить, что большинство из них, ныне здравствующих, а также ушедших в мир иной, в 1980-х годах при разработке концепции экономических реформ перехода к рыночным отношениям занимали довольно радикальные позиции.

Двадцать лет проведения этих экономических реформ и их плачевные результаты внесли коррективы в их позиции. Они стали более близкими к позиции Правительства в годы перехода к рыночным отношениям с необходимым государственным регулированием и социальной направленностью. Их нынешняя позиция вызвала обратную острую реакцию некоторой части экономистов – чистых рыночников-либералов. Самая мягкая критика известных учёных выражается формулой “архаичная плановая психология”. В чём их только не обвиняют, и, прежде всего, в том, что они стремятся восстановить плановую систему, регулирование цен и доходов населения. То есть их обвиняют в призыве прямого государственного вмешательства в экономику вплоть до возрождения Госплана. Критиков этой уважаемой группы учёных даже не оттаивают экономический мировой кризис 2008 года, они замалчивают и кризис 2012–2013 годов. Весь мир “полевел” – пришёл к выводу, что необходимо в определённой степени государственное вмешательство в рыночную стихию, а они остались на своей провалившейся монетаристской позиции.

Выразителями этих радикальных “твердолобых” позиций являются учёные, сгруппировавшиеся вокруг Высшей школы экономики (ВШЭ) и Академии управления при правительстве РФ. К сожалению, они принимают активное участие в разработке концепции развития экономики нашей страны на долго-

срочную перспективу. Трагедия заключается в том, что авторы этих концепций не понесут никакой ответственности за свои действия, как это было с программой “500 дней”.

В мире систематически происходят существенные изменения. Жизнь мирового сообщества диктует необходимость изменять политику применения науки. С учётом этого строится и политика государства. Рынок товаров уступает место конкуренции научных идей и технологий, на первый план выходит интеллектуальная собственность. Фундаментальные исследования и прорывные технологии вытесняют прежние технологии.

Как относится к этому руководство стран, думающих о будущем своего народа, можно судить по позиции президента США Барака Обамы. Выступая в 2009 году на ежегодном собрании Национальной академии наук США, он сказал: “Вызовы, которые встают перед нами сегодня, безусловно, сложнее, чем всё, с чем нам приходилось сталкиваться раньше. В такой трудный момент находятся те, кто говорит, что мы не можем позволить себе инвестировать в науку, что поддержка исследований – это что-то вроде роскоши в то время, когда приходится ограничивать себя лишь самым необходимым. Я категорически не согласен с этим. Сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни”.

В своём обращении он был вынужден сказать, что Соединённые Штаты Америки до сих пор ехали на запасе фундаментальных открытий полувековой давности. Теперь надо добиться нового продвижения в фундаментальных знаниях, при этом перспективные открытия будут питать успехи государства в течение следующих пятидесяти лет. Для лидерства страны в науке и образовании будет выделяться более 3% ВВП.

“Фундаментальные исследования – это научный капитал”, – сказал в заключение президент США. Подобное должно было произойти и у нас в стране. Двадцать лет после разрушения СССР и основ жизни государства, в том числе и потерь в науке, патриоты требовали принять политическое решение по этому вопросу. К сожалению, этого не произошло. Я проанализировал послание Президента страны Парламенту от 22 декабря 2012 года. Там нет позиции руководства страны в вопросе развития науки. Более того, через несколько месяцев после оглашения этого Послания министр образования и науки заявил, что наука в рамках РАН бесперспективна и архаична. Всё это оскорбило многочисленный коллектив РАН и членов других госакадемий. В знак протеста лауреат Нобелевской премии Ж. И. Алфёров демонстративно покинул пост руководителя общественного совета по науке министерства. Такое отношение министра, ответственного за науку в стране, вызвало шквал негодования. Посыпались требования об отставке этого министра.

Но всё изменилось, как я уже писал, 28 июня 2013 года, когда Правительство страны внесло в Госдуму проект закона. Он вызвал шок как в научной среде, так и у думающих людей. Как ни странно, но до сих пор неизвестны авторы этих предложений. Безусловно, эти предложения должны были обсуждаться в стране. А произошло всё наоборот: Кремль потребовал, а Государственная Дума беспрекословно согласилась рассмотреть этот закон в ускоренном порядке.

В нарушение всяких норм и правил, закон был продавлен в Думе в течение одной недели. Единственное “послабление” – дали возможность рассмотреть проект закона в 3-м чтении осенью 2013 года.

* * *

Я люблю историю, и поэтому на отдельных примерах событий тысячелетней истории России хотел бы подчеркнуть, что образованию, просвещению и развитию науки в нашей стране предыдущие поколения всегда уделяли особое внимание, ибо страна не может развиваться без этих составляющих её жизни. И сейчас, даже особенно сейчас эти составляющие развития государства являются неременным содержанием его прогресса.

Говоря о роли и месте образования и науки в национальной идее России, следует сделать вывод, что необходимо постоянно их развивать, причём их реформирование должно проводиться взвешенно, с сохранением всего того положительного, что нам досталось от прошлых веков, с дополнением их прогрессивными изменениями, которые диктует современная жизнь.

НАТАЛЬЯ ЛАКТИОНОВА

КАМЕРТОН ДУХА НАЦИИ

*...Истинное слово восходит
к слову Истины.*

проф. Всеволод Троицкий

“Новые классики” или *New classics*

Если говорить приземлённым языком политических терминов, то задача сохранения языка входит составным элементом в область национальной безопасности государства. Однако проводники политики вестернизации как вне, так и внутри России, уничтожающие отечественную систему образования, искажающие историю, заинтересованы в деградации личности, а она и есть носитель культурных и языковых традиций. Девальвация личности и влечёт за собой обеднение языка, хранителем которого выступает великая русская культура. Отторжение молодёжи от культуры (с ориентацией на псевдокультуру) означает одновременно уничтожение полноценной языковой среды и той традиционной базы, на которую всегда опиралась нация.

Слово – камертон состояния духа нации, важнейшая составляющая нашей идентичности. Именно слово первым подвергается деформации, когда ухудшается национальное самочувствие. И именно здесь, в этой сфере необходима особая бдительность. То, что спускается сверху, – разрушение традиционной системы образования, сокращение часов на преподавание литературы и русского языка, а также нескончаемый урок безнравственности в медийном пространстве – воодушевления не вызывает. Тем не менее, следует отметить и некие подвижки снизу, попытки отстоять родную речь в пределах Отечества. Так, начиная с 2004 года, по инициативе студентов Новосибирского университета (НГУ) стала набирать обороты ежегодная акция с несколько претенциозным названием “Тотальный диктант”, в рамках которой все желающие могут проверить свой уровень знания русского языка. Цель – популяризация грамотности, сохранение и развитие русской речевой культуры. Девиз этой акции: “Писать грамотно – это модно!”. Прямо скажем – несколько приземлённо, но видимо, совершенно извинительно для поколения, ориентированного на потребительство. Вступающие в мир молодые люди вынуждены на себе испытывать “прелести” российского капитализма, открывающего широкие возможности для массовой дебилизации населения. Однако общество сопротивляется такой перспективе. И одна из форм неприятия – это инициативы, подобные новосибирскому проекту, в котором может участвовать и стар, и млад. Отрадно, что год от года “Тотальный диктант” стремительно набирает обороты, превращаясь со временем из университетского мероприятия в городскую, а затем – в федеральную и даже – международную акцию¹.

Если в 2004 году диктант писали 150 человек, то к 2013 году общее количество участников “Тотального диктанта” составило 32 280 человек из 180 городов и 35 стран мира². Тем не менее, это хорошее начинание в последнее время вызывает всё больше вопросов.

Одна из вполне предсказуемых задач проекта – привлечь внимание СМИ и общества к проблеме грамотности³. И в этом плане успех превзошёл все ожидания. В январе 2011 года учредители образовательного проекта “Тотальный диктант” стали лауреатами престижной национальной премии “Серебряный Лучник”, а уже в апреле очередным “эталонным” текстом для “Диктанта” (оставим в стороне несуразное в данном случае определение “тотальный”) вместо известных, проверенных временем классиков как русской, так и советской литературы стал плодовитый и популярный в новой России писатель, поэт, журналист Дмитрий Быков: не столько “наше”, сколько либеральное, но почти что “все”! Затем в качестве автора выступал ещё один современный молодой писатель – Захар Прилепин, видимо, не ориентированный на известные затёртые догмы, да и содержание того текстового отрывка, что использовался для диктанта, было вполне приемлемым. Однако в 2013 году разразился скандал.

Напомним, что на первом этапе тексты совершенно правомерно заимствовались у классиков (были и Лев Николаевич Толстой, и Николай Васильевич Гоголь), и известные советские писатели (Иван Сергеевич Соколов-Микитов, Александр Альфредович Бек, писавший хорошо скроенную фронтовую прозу) – все они отторжения не вызывали. Спорной в этом ряду была, пожалуй, лишь фигура Бориса Стругацкого. Речь идёт не столько об авторе, сколько об избранном жанре.

Трудно судить, насколько либералы разглядели во вполне благонамеренном и нужном проекте свои интересы, взяв под прицел и плотную опеку благодородную акцию повышения грамотности в стране, или, возможно, идейные вдохновители проекта самостоятельно дрейфовали в сторону “модных” писателей. Во всяком случае, организаторы акции говорят о том, что выдвигают авторов по собственной инициативе при содействии своих педагогов⁴. Видимо, от них-то и зависит многое. “Диктанту” десять лет. За это время многое могло измениться, возможно, в проект пришли новые, воспитанные на либеральных ценностях преподаватели, возможно, их есть кому консультировать и направлять.

Итак, в 2013 году “эталонным” автором для “Диктанта” была “назначена” Дина Рубина. Поводом к большому возбуждению в медийном пространстве послужило следующее связанное с ней обстоятельство. Текст “Тотального диктанта-2013” в Ульяновске был заменён по настоянию губернатора Сергея Морозова, который привёл более чем убедительные резоны: “Творчество писателя, активно использующего в своих произведениях ненормативную лексику, не соотносится с концепцией “Тотального диктанта”; акция, прежде всего, выступает за чистоту русского языка, за повышение культуры письма...”⁵.

В Ульяновской области диктант состоялся. В нём приняли участие 1,5 тысячи человек, которые писали текст писателя В. Пескова о знаменитом земляке – художнике Аркадии Пластове. Кстати, подчеркнув необходимость сохранения классических форм русского языка, губернатор Ульяновской области выдвинул предложение проведения **региональной акции** в поддержку языковой культуры⁶. Губернаторские инициативы вызвали крайне неоднозначную реакцию в СМИ и блогосфере – от крайне негативных откликов до одобрительных. В поддержку Сергея Морозова выступил Союз писателей России⁷, правомерно указав известных авторов, своим творчеством продолжавших традиции русской классической литературы: Валентина Распутина, Виктора Лихоносова, Владимира Личутина, Владимира Кострова. Действительно, почему не они, а израильская подданная, уехавшая из Средней Азии и никогда не знавшая и, видимо, совершенно и не интересовавшаяся корневой Россией? А вот в либеральных СМИ прозвучала дружная отповедь губернатору-патриоту.

К большому сожалению, активность “свободных” СМИ, шоуменов и всякого рода федеральных менеджеров, паразитирующих на акции, способна перелицевать и омертвить любое хорошее начинание. И ещё. Быть может, самое печальное. Подзаголовок текста Дины Рубинной, предложенного в качестве образца, звучит как: “Евангелие от Интернета”... Слово *Евангелие* в переводе, как известно, означает “*Благую Весть*” о Спасении, посланную

Богом человечеству. Это главная книга христиан. А здесь – легковесное жонглирование сакральным, связывающим человечество со Всевышним. И тысячи наших сограждан под диктовку невольно, но неблагочестиво сопрягали это великое слово с... интернетом.

Попутно заметим, что совершенно не понятно – зачем (если только не рассматривать мероприятие как очередное шоу) текст диктанта должен читать сам автор. Гораздо лучше это, видимо, сделал бы любой преподаватель-филолог с хорошей дикцией или профессиональный артист (здесь, правда, тоже существует соблазн приглашения раскрученных сомнительных “звезд”). За историю существования “Диктанта” тексты Толстого и Гоголя, да и целого ряда других авторов кто-то же доносил благополучно до аудитории. Русский язык – это слишком важная часть нашей жизни, требующая к себе серьёзного отношения.

Позволим себе пространную цитату, отображающую суть происходящего вокруг проекта “Тотальный диктант”, который на текущем этапе, “...судя по самым даже поверхностным признакам, имеет прямое отношение к “модернизации”. И не только традиционных представлений о русском языке, который, как мы помним, есть душа народа, но и народного самосознания, сформировавшегося на основе традиционных духовных ценностей, выразителем которых всегда была классическая русская литература. На протяжении всех постсоветских лет мы видим, как подвергаются бесцеремонной ревизии художественные и духовные ценности России; как под видом “новой канонизированной классики” в иерархию русской литературы внедряются авторы и произведения, чуждые, а порой и откровенно враждебные ...Российской цивилизации. Морально-нравственные критерии, имманентно присущие русской литературе... в современной (читай, официальной) системе ценностей фактически объявлены презренными комплексами”⁸. Всё совершенно правомерно и названо своими именами. И далее: “Под видом “защиты российской культуры” от “плебса” происходит ползучая подмена этой самой российской, русской и национальной культуры неким космополитическим стандартом, агрессивным и, в сущности, принципиально антидуховным... Очевидно, не требует особых доказательств и то, что подобные всеобщие предприятия (акция “Тотальный диктант”. – Н. Л.), связанные с унификацией представлений об общенациональном языке, имеют исключительное значение для воспитания народа и не могут преследовать только утилитарные цели. Этапоном для подобных проверок грамотности могут быть только произведения литературы, выдержавшие испытание временем и подтвердившие своё право на представление русского языка в его эталонном качестве. Обделывать собственные дела за счёт духовного здоровья нации, пользуясь сложившимися преимуществами, есть признак глубокого онтологического отчуждения от российский духовных корней...”⁹.

“Художка”, “мусорка”, “стиралка”...

Симптоматично, что, по результатам разного рода конкурсов, за рубежом с русским языком ситуация в определённой мере лучше, чем в России¹⁰. Сегодня есть две разнонаправленные тенденции: в мире (процесс идёт снизу) растёт интерес к русскому языку (особенно в странах постсоветского пространства и Центрально-Восточной Европы). Так, в странах СНГ в 2011 году был проведён опрос: “Хотите ли вы, чтобы ваши дети знали русский язык?” Положительный ответ в бывших советских республиках приближается к 100%, самый низкий показатель – в Грузии, но и он составляет 92,3% респондентов¹¹.

После разрушения Советского Союза число носителей русского языка сократилось в мире примерно на 50 млн человек. Даже в Болгарии в 1990-е годы русский был 14-м по числу изучающих его школьников. А потом – мощный всплеск интереса к нему. Так, по данным болгарского статистического агентства, русский язык обогнал английский и занял 1-е место¹². В Польше он продвинулся на второе место – после английского (и это с 16-й позиции!)¹³. По словам председателя правления фонда “Русский мир” Вячеслава Никонова, “существует культурная тяга, которая является главной причиной интереса к русскому языку в самых разных уголках земного шара¹⁴. Однако, как ни прискорбно, речевая культура деградирует в стране – носительнице русского языка.

Вернёмся к диктанту. Если посмотреть на результаты его проверки, то реалии оказываются печальными. Итоги стремления познать себя на ниве грамотности и в предыдущие годы, и в 2013 году оказались неутешительными¹⁵. Последний юбилейный, десятый общенациональный диктант писали более 32 тыс. человек. Не сделали ни одной ошибки, по данным оргкомитета проекта, лишь 400 человек, или чуть более 1,2% от общего числа участников¹⁶. Тем не менее, несмотря ни на что, продолжение акции в расширенном варианте говорит о том, что в обществе пробуждается здоровый инстинкт самосохранения. А со временем, быть может, начнётся и работа над ошибками, в первую очередь, в плане тех культурных травм и социальных издержек, которые понесло общественное самосознание за два последних десятилетия. Определяющую роль в потере культурных ориентиров сыграли разрушение традиционного образования, ставка на невежество, наступление масскультуры и формирование не способного к восприятию духовных высот виртуального сознания.

Заметим, что экстраполировать результаты диктанта на всё общество, видимо, было бы некорректно. Но даже без социологических замеров ясно, что более грамотными в стране являются поколения, получившее традиционное образование, приученные читать книги и писать ручкой, даже если со временем они и пополнили собой ряды интернет-пользователей. Позволим себе некоторые рассуждения по этому поводу.

Будущий студент вырастает из школьника. Задачи образования всегда определялись необходимостью передать новому поколению базовые ценности, сформировать у него целостное образное мышление и воспитать творческую личность. Сегодня, напротив, многое направлено на расщепление сознания. Живая передача опыта и знаний заменяется мёртвой технологией. Массовая компьютеризация школ и даже чуть ли не детских садов – в этом ряду. Ребёнок ещё не умеет защищаться от агрессивного виртуального пространства, не знает элементарных нравственных норм – что такое “хорошо” и что такое “плохо”, – он ещё не успел полюбить книгу, разобраться в себе и в окружающем его мире, а ему уже подсовывается интернет как основной ориентир и дорога в жизни.

Как-то пришлось зайти на сайт одной из московских школ из разряда элитных. Основные разделы оставили вполне благоприятное впечатление, но стоило открыть размещённый здесь же форум – и все заверения в том, как школа замечательно воспитывает своих учеников, показались фикцией. На форуме дети показывают себя в таких позах и в таком виде, словно в рекламе дома терпимости. У пользователей-школьников совершенно не развита письменная речь, они не умеют вести диалог. Каждый просто самовыражается так называемыми смайлами, несуразными восклицаниями, вроде восторженного “Вау!”, и никак не соотносёнными с текстом знаками препинания. Образовательные учреждения сегодня замучили всякого рода проверками, но никому нет дела до того, как и чем живут ученики. Ни школа, ни госкомиссии за самое главное – за воспитание детей – не отвечают. Проверки идут по линии методических материалов, планов и прочих формальных представлений о тех стандартах, которым должна отвечать современная школа. Основная строка отчётности, магистральное направление развития – это степень компьютеризации. Компьютер становится чуть ли не главным критерием формирования учебного процесса.

Вместе с ЕГЭ, разрушением традиции в системе школьного обучения и ставкой на инновации мы пошли семимильными шагами по пути вульгаризации и примитивизации личности. Формируется компьютерный сленг, невиданные ранее формы общения. Обозначить предмет двумя словами – это теперь стало слишком затруднительно. Урезанный, *стриженный* язык становится нормой общения. Так появляются “воскреска”, “художка”, “мусорка”, “стиралка”, “гостинка”. Даже некоторые учителя называют домашнее задание словом “домашка”. На одном из центральных российских каналов телевидения в репортаже о настольных играх они навязчиво именовались словом “настолка”. Или следующее заявление: “У нас есть дошколка для началки. . .” Это из выступления директора одной из московских школ перед родителями. Обозначение известных театральных училищ словами “Щука” и “Щепка”, причём в эфире, видимо, уже узаконено как нормальная практика. Вот ещё перл – “нетленка”, что означает гениальное произведение искусства. “Фотографии” – это слово интернету кажется “неподъёмным”. Внедрено какое-то

странноватое “фотки”. А воспетый поэтами Васильевский остров в северной столице России, в полном соответствии со своими незатейливыми взглядами на мир, вступившее в жизнь поколение молодых с недавних пор именуется “Васькой”. И именно на такую очень схематично выкроенную молодёжь, демонстрирующую небрежение к слову, легко ложится серьёзный христианский грех – сквернословие.

Разумеется, это не вся молодёжь, но это значительная и наиболее на сегодня типичная её часть. Причём за деградирующей юностью идут родители и, что особенно грустно, – немалая часть преподавателей, которые стараются быть современными и, что называется, *соответствовать*. Добавляются в повседневную речь “тренд”, “мессидж”, “мейнстрим” или какое-нибудь “мониторить” вместо куда более глубокого и ёмкого русского глагола “наблюдать”. У нас теперь во всех программах “круглых столов” и “конференций” всенепременнейше есть “кофе-брейк”. Педагоги в вузах не “кураторы” и “наставники”, а “тьюторы”. Со всем этим багажом и обезьянничаньем мы превращаемся в стремительно деградирующую нацию – нацию без корней, без опоры, с суррогатом языка, причём не какого-нибудь, а того самого, что совсем недавно почитался как “великий и могучий”.

Язык цементирует поколения. Однако то усечённое пространство большой страны, которое сегодня зовётся Россией, оперирует такими же куцыми, укороченными понятиями, что и отражается в языке. Совсем недавно Великая Держава сократилась не только в пространстве, но и в историческом времени. Примечательны слова Дмитрия Медведева в бытность его президентом РФ. И хотя он апеллировал к нашей древней истории, в памяти нашей осталось: “...Россия – молодая страна. Напомню, что в наступающем году ей исполнится только двадцать лет”¹⁷. И многое в политическом векторе развития этой “новой” страны направлено на разрыв с поколениями отцов и дедов.

И ещё одна “первая необходимость” для ребёнка – английский язык. Не усвоив родного языка, дети с малых лет впитывают в себя чужой, который их и формирует как инородцев в собственном Отечестве. Русский язык остаётся для них периферийным и второстепенным, бытовым языком. Им не дорожат, его легко коверкают и извращают.

В 1921 году протоиерей Павел Флоренский писал из Соловецкого лагеря собственным детям письма-наставления, ставшие завещанием: “Кто делает кое-как, то и говорить научается кое-как, а **неряшливое слово, смазанное, не прочеканенное, вовлекает в эту неотчётливость и мысль...** не позволяйте себе мыслить небрежно. Мысль – Божий дар и требует ухода за собою”¹⁸.

Возвращение смыслов

Речевая культура – это не просто грамотность, это ещё и состояние души. В совсем недавнем прошлом системой образования задавались какие-то идеалы, была востребована модель совершенствования личности. Миллионы людей воспитывались на русской классике, на высоких культурных образцах¹⁹, ставших достоянием мировой культуры. Радио, телевидение держали высокую планку языкового стандарта. В современной России, напротив, нормой стало искалеченное русское слово. И среди тех, кто когда-то познал иное, существует тоска по “музыкальной, правильной, ласкающей слух речи, грамотном русском языке, который даёт покой душе и нормальное течение мысли”²⁰.

Задачей образования и воспитания в потерянной нами Державе была творческая личность. И главное – во главу угла советской педагогики, вобравшей в себя многое из трехсотлетней образовательной традиции России, было поставлено служение людям. А это как раз евангельское “возлюби ближнего своего...” Формировалось чувство Родины, а с ним и бережное отношение к родному языку. Всё это наполняло смыслом жизнь прежних поколений. Да, многие не знали Бога, но культурная традиция, русская классика вобрали в себя христианскую этику. И она во многом формировала вступающие в жизнь поколения. После крушения страны традиционные ценности – любовь к Родине, гражданственность, труд, взаимопомощь – цинично высмеивались. В России 90-х годов не было места подвигу. И теперь мы получили то, что получили. И у нас, взрослых, многие из которых не понимали последст-

вий происходящего и безответственно воспитывали молодёжь на отрицании подвига отцов, лишая её положительного идеала, должно быть чувство жалости к современному молодому, познавшим лишь аморальные установки исторического выверта в судьбе России. Изнанка жизни им преподносилась как сама жизнь. И исковерканный русский язык – это проявление болезненного состояния всего общественного организма.

Есть знаменитое стихотворение Анны Ахматовой “Мужество”. Оно написано в первые годы Великой войны. В нём звучит призыв-обещание защитить не только Родину, но и культурное достояние народа – его язык: “И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово...” Появляются точные ахматовские эпитеты – “свободным и чистым тебя пронесём”... И важнейшее: “И внукам дадим, и от плена спасём. Навеки!” И это слово, пронизанное чувством ответственности за отечественную культуру, выражено поэтом как завет-завещание победителей будущим поколениям. Тот усечённый остаток большой страны, которым является современная Россия, пребывает в плену жаргона, пошлости и грязи. И русское слово, выстоявшее в Отечественной войне перед внешним врагом, уже почти четверть века с небрежением отбрасывается жителями нашей страны.

Тем не менее, постепенно зреет мощный общественный запрос на возвращение Традиции и Нормы. Задача трудная, но нам, каждому на своём месте, надо стараться вытеснить из детских душ мир “эффективных менеджеров”, уродливых игрушек, попкорна и бесконечных “смехачей”.

Россия ждёт отечественных пассионариев, способных защитить русский язык в его чистоте и величии. Нужны инициативы снизу для восстановления того культурного пространства, в котором мы можем сохраниться как нация.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Если в 2004 году диктант писали 150 человек, в 2010-м – 2,4 тысячи, в 2011-м – 4770, то к 2012 году акция собрала 14217 человек. В неё включились не только города России, в том числе Москва и Петербург, но и целый ряд городов как ближнего, так и дальнего зарубежья. // См. раздел: История. <http://totaldict.ru/about/history/>

² Из них 2564 участника писали диктант на зарубежных площадках. – <http://ria.ru/nsk/20130410/931900916.html>; см. также: РИА Новости <http://ria.ru/nsk/20130410/931900916.html#ixzz2pNAb4JFS>

³ Там же.

⁴ Организаторы Тотального диктанта: “Мы готовы к прокурорским проверкам”. // <http://ria.ru/nsk/20130429/935061852.html>

⁵ Официальный сайт губернатора и правительства Ульяновской области. <http://ulgov.ru/news/index/permlink/id/27909/>

⁶ Ульяновский губернатор предлагает проводить региональную акцию в поддержку русского языка. <http://ulpressa.ru/2013/04/09/ulyanovskiy-gubernator-predlagayet-provodit-regionalnuyu-aktsiyu-v-podderzhku-russkogo-yazyika>.

⁷ Под чью диктовку? Заявление Союза писателей России о Дине Рубиной и “Тотальном диктанте” – // <http://svpressa.ru/blogs/article/66685/>

⁸ Голубничий И. Возвращаясь к тотальному диктанту. 19 апреля 2013. // <http://webkamerton.ru/2013/04/vozvrashhayas-k-totalnomu-diktantu%E2%80%A6/>

⁹ Там же.

¹⁰ Председатель правления фонда “Русский мир” и глава Комитета по образованию Госдумы РФ Вячеслав Никонов с сожалением указал на тенденцию: “Результаты конкурса “Слово за нами”, проводимого фондом “Русский мир” в 2013 г <оду>, свидетельствовали о том, что сочинения и эссе, которые пришли из-за пределов Российской Федерации, написаны лучше, чем в нашей стране. То есть люди за пределами России лучше знают язык, чем наша молодёжь. // Вячеслав Никонов: “Иностранцы понимают, что русский язык поможет им в жизни” // http://rus.ruvr.ru/2013_11_04/Vjacheslav-Nikonov-Inostranci-ponimajut-chto-russkij-jazik-pomozhet-im-v-zhizni-1567/4

¹¹ Хотят учить своих детей русскому языку 99,8% опрошенных в Таджикистане,

- 99,6 – в Армении, 99 – в Белоруссии, 98,5% – в Киргизии, 97% – в Казахстане и Узбекистане, 6,8 процента – в Грузии, 92,3%, 90% – на Украине, 87,2 – в Азербайджане, правда, сложное настоящее у русского языка в Молдавии в результате политических интриг последнего времени. См.: http://www.russkiymir.ru/export/sites/default/russkiymir/ru/magazines/archive/2012/11/RM_11-2012.pdf
- ¹² 35% болгарских школьников учат русский, 28% – английский.
- ¹³ См.: http://rus.ruvr.ru/2013_11_04/Vjacheslav-Nikonov-Inostranci-ponimajut-chto-russkij-jazik-pomozhet-im-v-zhizni-1567/4
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ В 2012 году лишь 1,5% участников написали текст на “отлично”, 12% – на “хорошо”, 26,5% получили отметку “удовлетворительно”, однако абсолютное большинство (58%) из числа писавших диктант имеют “неуд”. <http://sibir.ria.ru/society/20120428/82228478.html>
- ¹⁶ См. подробнее: Лемуткина М. Результаты “Тотального диктанта” шокируют: пора менять орфографию. <http://www.mk.ru/social/education/article/2013/04/11/840289-rezultatyi-quottotalnogo-diktantaquot-shokiruyut-poramenyat-orfografiyu.html>
- ¹⁷ Дм. Медведев. Новогоднее обращение. 31 декабря 2010 // <http://www.kremlin.ru/transcripts/9976>
- ¹⁸ Отец Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генезисологические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 444.
- ¹⁹ Позволю себе привести обыкновенную запись на форуме, размещенную на сайте “Православие.ру” Орешкиной Людмилой: “Мы слушали Б. Лихачева, Пиотровского-старшего, С. Гейченко, И. Андронникова. Для нас звучали голоса М. Бабановой, В. Сперантовой, М. Царёва, Р. Плятта... и можно продолжать. Их голосами вещали Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Диккенс, Теккерей...” <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/30797.htm>
- ²⁰ Там же.

АРКАДИЙ ЕЛФИМОВ

РАБОТАЕМ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

Беседа с руководителем фонда “Возрождение Тобольска”

Корреспондент: *Аркадий Григорьевич, в этом году исполняется 20 лет со дня основания фонда. Его деятельность впечатляет. Уверен, многим читателям газеты будет интересно узнать, ради чего вы этим всем занимаетесь.*

Аркадий ЕЛФИМОВ: В девяностые годы прошлого столетия, как грибы после дождя, стали появляться различные фонды, и тогда на вопрос “ради чего?” наши граждане сами же и отвечали: очередной нувориш преследует какую-то корысть – “отмывает” нажитое несправедно. Наверное, и к фонду “Возрождение Тобольска” поначалу отношение было настороженным, но уже после первых наших изданий, реализации других просветительских проектов оно поменялось. Правда, вопрос, как выясняется, остался: ради чего? Так вот, удовлетворяя интерес читателей газеты, отвечу: ради “корысти”.

Главные мои и фонда “приобретения” – люди. Общение с ними. Наверное, вы согласитесь со мной, что в наше время нечасто можно встретить такие качества, как искренность, душевность, прямота, открытость. Благодаря фонду я встречаюсь с хорошими, честными, выдающимися людьми – деятелями культуры, науки, искусства.

Целями и задачами фонда является просветительская работа, мы стремимся рассказать о великом культурно-историческом наследии, доставшемся нам от предков. Когда двадцать лет назад я писал устав фонда, даже не подозревал, насколько важны эти задачи. Позволю себе напомнить слова президента Владимира Путина о том, что будущее необходимо строить на прочном фундаменте, и этот фундамент – патриотизм. Но нельзя забывать и о том, что в начале девяностых в стране был и такой лихой лозунг: “Патриотизм – прибежище негодяя”. Это было время интеллектуального вандализма. Не в переносном, а в прямом смысле слова: вандализма как самоутверждения через разрушение. И хотя теперь многое изменилось, алгоритм этот до конца ещё не исчез.

ЕЛФИМОВ Аркадий Григорьевич — председатель президиума общественного фонда “Возрождение Тобольска”, общественный деятель, меценат, фотохудожник, издатель, коллекционер. Родился 23 апреля 1950 года в Тюмени. Окончил Тюменский инженерно-строительный институт, факультет промышленного и гражданского строительства. Работал мастером на стройке, прорабом, главным инженером строительного управления. С 1984 года — начальник комбината крупнопанельного домостроения. В 1986 году избран мэром Тобольска. В 1992 году с началом реформ и приватизации уволился из властных структур.

Но фонд “Возрождение Тобольска” все двадцать лет стоит на фундаменте патриотизма, отстаивая идеалы добра, справедливости, чести и достоинства, те идеалы, которые отличают человека культурного от варвара. Народная мудрость гласит: когда поле не засеяно, на нём растут сорняки. А фонд не только сеет “разумное, доброе, вечное”, но и выкорчёвывает сорняки беспамястства и безнравственности. . .

В последние годы много говорится об инновациях, модернизации, интеграции, нанотехнологиях. Согласен с экономистом Михаилом Делягиным, который сказал, что всё это необходимо, но начинать надо с грамотного учебника истории. К счастью, нам не надо придумывать великую историю – она у нас есть! Русский мыслитель Иван Солоневич писал, что в истории человеческой цивилизации не было более великой государственности, нежели российская государственность на протяжении тысячи ста лет.

Именно патриотизм, бескорыстная любовь к Отечеству были основой всех наших побед над теми, кто пытался уничтожить нашу державу, захватить её земли, поработить народ. Собственно, эта мысль красной нитью проходит через “военные” издания фонда: двухтомник “Сибиряки в битве за Москву” и трёхтомник “Сибиряки в Сталинградской битве”. Главенствующей она будет и в трёхтомнике “Сибиряки и Победа”, который мы планируем выпустить к 70-летию Великой Победы.

К сожалению, многие средства массовой информации продолжают заниматься переписыванием истории, разрыванием хрупкой нити исторической памяти, изменением энергетического потенциала культуры. Великие “отцы” становятся забытыми “дедами”, мемориалы становятся бесхозными, книги оказываются ненужными. Примеров тому масса. Если в стране будут преобладать “Иваны, не помнящие родства”, то окажутся невозможны никакие инновационные прорывы.

Корр.: *Период, когда создавался и начал действовать фонд, был сложным. Каким образом складывались ваши отношения с властями? Кто вас поддерживал?*

А. Е.: Конечно, о какой-то поддержке фонда властями говорить не приходилось. Вы поймите: одной из главных причин, по какой было принято решение о создании нашего фонда, стало как раз уклонение власти от выполнения своих обязанностей в сфере культуры. Её представители, в лучшем случае, ссылались на “объективные обстоятельства”, например, на отсутствие средств, но никогда – на отсутствие желания, воли. И на этом фоне появляется общественная благотворительная организация, которая, по сути, начинает заниматься выполнением государственных задач. (Или кто-то станет оспаривать, например, то, что сохранение и развитие русской культуры – это государственная задача?) Казалось бы, разумный чиновник должен, признав собственные упущения в работе, всемерно поддержать общественную инициативу. А неразумный “затыкает дыры своего равнодушия” тем, что начинает всячески – явно и тайно – противодействовать нашим начинаниям. Такого чиновника я сравнил бы со СПИДом, который сам по себе вообще-то не болезнь, а признак подавления иммунной системы.

В те годы я говорил: не помогают – и не надо, лишь бы не мешали, а негативное давление на фонд ощущалось постоянно. Здесь свою роль, полагаю, играли ложные представления чиновников об авторитете власти. Вместо того чтобы самим заниматься изданием душеполезных книг, восстанавливать исторические объекты, организовывать выставки, они стали оказывать противодействие тем, кто занимается этим, как говорили раньше, “на общественных началах”, тем самым наглядно демонстрируя, что делать всё это можно и нужно.

Но с некоторых пор появилась надежда, даже некоторая уверенность в том, что время “неразумных чиновников” кануло в Лету бесповоротно, в том числе и в Тобольске.

Надеюсь, что фонд внёс свою лепту в позитивные изменения, произошедшие в Тобольске. У нас появились совместные проекты с администрацией города, например, учреждена Всероссийская премия им. Федора Конюхова.

Перемены же, свершившиеся благодаря деятельности областного правительства, огромны. Вот пример. Подгорная часть Тобольска, наиболее удобная для жителей, несколько лет назад погибала – никто не хотел там жить. Но когда начали строить новые дома, люди стали возвращаться. Честно гово-

ря, ещё несколько лет назад нельзя даже было представить, что отреставрируют тобольский Кремль и другие исторические здания. Часто бываю с гостями в библиотеке музея – это настоящий храм культуры, хотя и воссоздан он из тюремного госпиталя. А если сравнить спортивные сооружения Тобольска четверть века назад и современные ледовые залы и дворцы? Видя такие перемены, нельзя не отдать должное местным органам власти, правительству области во главе с губернатором Владимиром Якушевым.

Фонд занимается своей работой по возрождению памятников культурного и исторического наследия Тобольска, а власть – своей, и слава Богу!

Корр.: *Аркадий Григорьевич, не кажется ли вам странным, что при наличии прекрасных памятников Ермаку, Петру Ершову, Фёдору Достоевскому, другим историческим личностям и даже Робинзону Крузо до сих пор нет памятника основателям Тобольска?*

А. Е.: Список достойных увековечивания героев, жизнь которых связана с Тобольском, велик. Например, создана серия из 53-х медалей “Славен град Тобольск”, она является своеобразной Доской почёта, где отражены памятные Тобольску и тоболякам исторические события, связанные с городом. Серию можно продолжать и продолжать. История Тобольска несравнима с историей любого другого города. Полностью согласен, что его основателям нужен памятник!

Губернатором области были выделены средства на памятную доску тобольскому губернатору Матвею Гагарину, возглавлявшему огромную Сибирскую губернию. В день празднования 425-летия Тобольска она была открыта на тюремной стене, где планируется продолжить галерею образов тобольских губернаторов. На средства областного бюджета воздвигнуты замечательные памятники Петру Ершову и Фёдору Достоевскому. В настоящее время имеется договоренность с главой города Владимиром Мазуром об установке памятника Александру Алябьеву (инициатором выступил главный редактор газеты “Тобольская правда” Тимур Волков). Над макетом памятника работает скульптор Сергей Мильченко. Для финансирования установки памятника будем собирать средства всем миром.

Уверен, работа по возрождению культурного и исторического наследия нашего города продолжится, и не исключено, что дойдёт черёд и до памятника Даниле Чулкову – основателю града Тобольска – и его дружине.

Корр.: *Русский писатель Николай Лесков сказал: “Истинно глаголю вам: дано печатному слову пребыть не только во времени, но и над временем”. Как вы думаете, отношение к печатному слову со временем изменилось?*

А. Е.: С моей точки зрения – не изменилось. В прошлом году я участвовал в международной книжной ярмарке во Франкфурте (Германия). Там были обнародованы статистические данные о том, что в таких странах, как Индия, Китай, Бразилия, растёт количество книг, изданных на бумажном носителе. Несмотря на то, что в нашей стране производство книг пока сокращается, уверен – это временное явление. Пройдёт немного времени, и люди, как прежде, будут ходить в книжные магазины, покупать и читать хорошие книги, приучать детей к чтению.

Корр.: *Аркадий Григорьевич, скажите, какое количество наименований книг издано фондом?*

А. Е.: Счёт приближается к сотне. Недавно вышел “Библиографический указатель”, в котором перечислены книги, изданные фондом с 2009-го по 2013 год. Помог составить его Александр Еманов – директор информационно-библиотечного центра Тюменского государственного университета, проделавший вместе со своими сотрудниками большую научную работу. Информация о том, что фонд издаёт и какими тиражами, об авторах, фотографах, художниках не является секретом.

Корр.: *Фонд “Возрождение Тобольска” осуществил факсимильное издание “Истории Сибирской”, “Чертёжной книги Сибири”, “Служебной чертёжной книги” и даже “Хорографической чертёжной книги Сибири” Семёна Ремезова, которые ранее были практически недоступны читателям. Эту работу можно назвать научным подвигом. Расскажите, как рождался проект?*

А. Е.: Спонтанно. Крупнейшие российские учёные-историки Елена Дергачёва-Скоп и Владимир Алексеев ещё 19 лет назад предложили нам издать сибирскую летопись – “Историю Сибирскую” С. У. Ремезова. Естественно, я не мог не откликнуться на это предложение, но работа затянулась на десять лет.

Одно из главных наших достижений — издание всемирно известной «Чертежной книги Сибири». Это ценнейший историко-географический памятник, фактически возвращённый отечественной истории фондом «Возрождение Tobольска». Составленные Ремезовым атласы не только поражают воображение потомков масштабом территорий, которые было необходимо подробно изучить в эпоху, когда люди передвигались лишь конным или водным транспортом, но и всеохватывающим разнообразием представленных в них сведений о географии, культуре, экономике, нравах и обычаях, царивших в разных уголках Сибири. Помимо научно-практического аспекта, картографические изображения Ремезова представляют собой несомненную художественную ценность. Наверное, каждый современный историк или искусствовед, изучающий историю Сибири, хоть раз обращался к исследовательским трудам Семёна Ульяновича. . .

В «Служебной чертежной книге Сибири», также переизданной Фондом, содержится материал, характеризующий Ремезова как историка: в кратких исторических справках, хотя и не свободных от неточностей в датах, представлены биографии «державцев российских», архиепископов и митрополитов сибирских, нарисованы их портреты.

Издания Фонда вызвали неподдельный интерес общественности и доброжелательные отклики со стороны профессионалов: достаточно сказать, что «Чертежная книга Сибири» по итогам 2006 года стала лауреатом в номинации «Издание, ставшее событием года» на книжном салоне в Санкт-Петербурге.

В 2011 году Общественный фонд «Возрождение Tobольска» издал ограниченным тиражом в 600 экземпляров факсимильное издание одного из наиболее значительных памятников русской картографии — «Хорографическую чертежную книгу Сибири» (1697–1711), первого географического атласа Сибири. Атлас опубликован через 300 лет после его составления.

О «Хорографической книге». Было бы исторически правомерным если не вернуть эту российскую жемчужину на родину (что, наверное, невозможно), то хотя бы своевременно осуществить надлежащее новое издание данного атласа в 2011 году. И благодаря стараниям фонда «Возрождение Tobольска» это свершилось: памятник, имеющий не только общенациональное, но и мировое значение, был переиздан.

Но для этого понадобилось 12 лет переговоров с библиотекой Гарвардского университета, где хранится первый русский картографический атлас. Американцам было заплачено полмиллиона рублей за реставрацию и сканирование рукописи Ремезова. . . Трудно, очень трудно было «пробить» эту стену. Молчанием ответили американцы даже на письмо, подписанное президентом РАН Ю. С. Осиповым. А помог, что называется, счастливым случай. Историк Игорь Белич привёл ко мне одного молодого американца, который приехал работать в наш Tobольский архив. Я показал ему уже изданные труды Ремезова и посетовал на то, что в США ни с кем невозможно договориться. . . В конце концов, этот американец сумел «вывести» меня на «нужных» людей, и спустя какое-то время атлас — отреставрированный, оцифрованный — был нами получен. Началась работа над комментарием, которую в полном объёме провёл коллектив московских учёных под руководством Владимира Эриковича Булатова, возглавляющего в Государственном Историческом музее отдел картографии. Он же написал и предисловие.

Трудности возникали и при подготовке этого издания, но это уже некоторые творческие разногласия специалистов, которые, в конце концов, были преодолены. . .

Один из сибирских историков высказался так, что «возвращение трудов Семёна Ремезова для учёных равносильно открытию в русской литературе «Слова о полку Игореве». Напомню, что академик Д. С. Лихачев называл нашего земляка первым в списке художников и писателей в начале XVIII века среди мировых имён! Неслучайно в Энциклопедическом словаре Русской цивилизации о Семёне Ульяновиче Ремезове говорится как о выдающейся личности, вошедшей в мировую историю. . .

Корр.: Не кажется ли вам, что для многих **золотой телец** важнее, чем высокое искусство? К тому же информационный голод утоляет интернет. Для кого предначинаны издания фонда?

А. Е.: Во-первых, никакого «низкого искусства» не бывает, оно может быть только высоким. Во-вторых, по-моему, в предыдущих своих ответах я уже сказал о задачах фонда, и среди них нет утоления «информационного го-

лода”, да и о каком “голоде” можно говорить, если информацию закачивают в людей круглосуточно? Достаточно включить любой утюг! Но ею обжигаются, как Гаргантюа и Пантагрюэль, как раз те, кто поклоняется *золотому тельцу*, считая его мерилom всего. Им даже с дивана не надо вставать, чтобы узнать, где, что и у кого украли, что и кто сказал по поводу и без повода. А если завтра им электроэнергию отключат?

У каждой цивилизации есть свой культурно-цивилизационный код. Как говорил Николай Данилевский в 1869 году, это высший нравственный смысл бытия. Таким кодом для России является совесть, она и задает точку отсчёта всей системе нравственности, всему поведению и каждого человека, и общества в целом. Матрицей нашей цивилизации являются совесть, святость, справедливость.

Вот для людей совести и предназначены наши издания. И если бы таких людей было бы меньше, чем тех, кого Моисей в своё время вынужден был приводить в чувство, мир давно бы рухнул. Так что я уверен в том, что бóльшая часть людей едва ли откажется от своей веры, языка, традиций, Родины, откажется от соборности – от самих себя.

У каждого народа есть наиболее дорогие, опорные образы мироздания, жизни, себя самого, Родины, героя, подвижника, – словом, всего того, что составляет самую суть его национальной культуры. Лучшие русские писатели, художники, мыслители откликаются на опорные образы, улавливают их совестью души, сердцем, сознанием, общими для всего народа, и в творчестве воссоздают эти образы. Не будет у народа таких опорных образов – не будет и самого народа, исчезнут устои и сердцевина, защищаемая ими.

Что касается дороговизны издаваемых книг, то это наша политика: каждая книга должна быть произведением искусства. Но замечу, что наши книги доступны – они есть практически во всех библиотеках Сибири. Крупнейшие книгохранилища предоставляют нам ежегодно отчёты о том, сколько читателей брали издания фонда, в каких выставках и конкурсах наши книги участвовали. Цифры впечатляют. И кстати, если уж вы заговорили об интернете, с нашими книгами можно ознакомиться в режиме “онлайн” и на сайте нашего фонда.

Корр.: *Какое влияние, на ваш взгляд, оказывают процессы глобализации на развитие культуры?*

А. Е.: Глобализация – явление разрушительное и гибельное по целям, поставленным конкретными людьми, управляемое, направленное на уничтожение национальной культуры каждого народа. В основе своей глобализация – это, прежде всего, культурная стратегия Запада, направленная на покорение и порабощение всего “другого”, незападного. Нам нельзя терять российскую, сибирскую самобытность, истинные ценности и традиции. Российская государственность на протяжении столетий воспитывалась на справедливости, честности, порядочности. А на Западе культурно-цивилизационным кодом является выгода, и выгода, прежде всего, материалистического плана, посколько Запад, как говорит президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Леонид Ивашов, формировал своё бытие за счёт добычи.

Корр.: *Вы – видный и активный участник культурно-исторического пространства града Тобольска. В связи с предстоящими юбилейными датами нынешнего года – 180-летием Дмитрия Менделеева, близящимся 200-летием Петра Ершова – включены ли вы в некие официальные комиссии и процессы, связанные с этими знаковыми персонами нашего края, каков ваш будущий вклад в празднование этих дат и каковы планы вашего фонда?*

А. Е.: Стараемся рассчитывать на свои силы. Десять лет назад издали философское наследие Дмитрия Менделеева, и новых проектов, ему посвящённых, пока нет. В этом году исполняется 180 лет сказке “Конёк-горбунок”, 200-летний юбилей его автора Петра Ершова будет отмечаться в следующем году. Лучшие художники не только дореволюционной России, но и многие стран мира иллюстрировали написанную им сказку. Но последние 20 лет книга выходила с плохими иллюстрациями, поэтому мы сделали заказы лучшим художникам России: Николаю Домашенко и иркутскому графику Николаю Статным. Фонд также издал книгу с иллюстрациями Вадима Житникова. Кстати, с этим изданием можно ознакомиться на сайте фонда в режиме “онлайн”.

К слову, у меня собрано около 100 изданий “Конька-горбунка”. Это, конечно, немного – московскому коллекционеру Николаю Суровежину удалось собрать около 6,5 тысячи книг “Конька-горбунка” на 101-м языке мира...

Корр.: *Вы много делаете для увековечивания памяти о героическом подвиге воинов-земляков. Планируете ли книгу об их трудовом подвиге в годы Великой Отечественной войны или о вкладе сибирской науки в решение задач военного времени?*

А. Е.: Десятки благодарных писем и откликов получил фонд “Возрождение Тобольска” после выхода в свет двух уникальных томов нашего альманаха “Тобольск и вся Сибирь”, посвящённых участию сибиряков в битве за Москву. Сибирские полки, ядро которых составили сибирские казаки и потомки казаков, остановили, сокрушили врага. Такое не забывается, и мы были обязаны поклониться подвигу защитников Москвы, а детям и внукам своим сказать: берегите эту славу, гордитесь ею. А затем мы осуществили более масштабный проект – выпустили трёхтомник “Сибиряки в Сталинградской битве”. Более 1,5 тысячи страниц текста, прекрасная полиграфия, редкие архивные документы и фотографии, письма, воспоминания, поэзия и проза, репродукции картин, плакаты, карты и схемы...

Огромная работа была проделана составителем и редактором трёхтомника, известным русским поэтом Юрием Перминовым, главным редактором всего издательского проекта – альманаха “Тобольск и вся Сибирь”, и оценку этого самоотверженного труда ещё предстоит сделать. Как, несомненно, стоит отметить и работу талантливого московского художника Ивана Лукьянова, распорядившегося имеющимся у него иллюстративным материалом по самым высоким канонам книжного искусства, заявив о себе как об одном из лучших художников книги в России.

Сотрудники историко-мемориального музея “Сталинградская битва” во время представления нашего трёхтомника в Волгограде сказали: “С такими выдающимися изданиями нам встречаться ещё не доводилось, хотя к нам в музей постоянно присылают книги, посвящённые Сталинградской битве...”

За этот труд мы получили благодарность от адмирала Владимира Комоедова, руководителя комитета по обороне Государственной Думы РФ, а его создатели выдвинуты недавно на всероссийскую премию “Прохоровское поле”.

К 70-летию Великой Победы мы планируем выпустить трёхтомник, который так и будет называться: “Сибиряки и Победа”. Первый том будет посвящён участию сибиряков в завершающих операциях Великой Отечественной войны 1945 года. Второй – разгрому милитаристской Японии, чем и закончилась Вторая мировая война. Третий – великой эпопее развёртывания оборонной промышленности в Сибири, героическому труду сибиряков в тылу, который, конечно, никаким тылом не был, в отличие от так называемого “ташкентского фронта”, куда переселили на время войны столичную богему.

Корр.: *Выходящий с 2003 года первый в истории отечественного книгопечатания монументальный проект – историко-культурологический, научный, литературно-художественный альманах “Тобольск и вся Сибирь” представляет собой масштабное явление культуры. Какая главная идея вами движет при его создании?*

А. Е.: Идея создания всесибирского альманаха “Тобольск и вся Сибирь” созрела в недрах широко известного альманаха “Памятники Отечества”. То, что делала его редакция, было замечательно, но номера альманаха были посвящены, в основном, европейской части России. Поэтому и решил я сделать выпуск о Тобольске в популярной краеведческой серии этого альманаха “Вся Россия”. В 2002 году вышел двухтомник “Первая столица Сибири” и “Тобольская антология”.

После этого появилась идея: а не замахнуться ли нам на что-то подобное “Памятникам Отечества”, но уже конкретно о Сибири? Тогда-то меня и познакомили с Юрием Михайловичем Лощицем – именно для реализации этого проекта. Мы сразу поняли друг друга, он тут же ухватился за эту идею, поскольку и сам имеет прямое отношение к Сибири. А главным художником стал Александр Фёдорович Быков, недавно ушедший из жизни.

Первая книга альманаха – о Тобольске – ключевая в нашей работе. Она определила построение каждого последующего выпуска, художественное оформление, задавала тональность общему повествованию.

На сегодня монументальный проект Всесибирского историко-культурного, литературно-краеведческого, научно-художественного издания – альманах “Тобольск и вся Сибирь”, посвящённый великой исторической эпопее освоения и преобразования гигантского региона Евразийского континента, прости-

рающегося от Уральских гор до берегов Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до монгольских степей и Китая, — насчитывает уже двадцать три выпуска. Вышли из печати номера, посвящённые Сургуту, Томску, Тюмени, Ямало-Ненецкому и Ханты-Мансийскому автономным округам, Омску, Красноярску, Иркутску, Камчатке, Барнаулу, Нарыму, Шадринску, Берёзову, а также тематические номера — “300 лет Сибирской губернии”, “Сибирское казачье войско”. Назову также “Югру” и “Лукоморье”...

Главным редактором первых десяти книг альманаха был замечательный русский писатель Ю. М. Ложиц, а его преемником стал известный поэт, публицист Ю. П. Перминов.

В реализации планов на ближайшее будущее мы ставим для себя высокую планку. На очереди выпуск книг альманаха “Тобольск и вся Сибирь”: “Бийск”, “Транссиб”, “Ишим”, “Ялуторовск”, “Русская Америка”, “Колымский край”, “Байкал”, “Горный Алтай”, “Великий северный путь”, “Дальний Восток и Курилы”, “Енисейск”, “Курган”, “Украинцы и Сибирь”, “Белорусы и Сибирь”, “Чукотка”, “Русский Харбин”... Завершена работа над книгами, посвящёнными великой сибирской реке Оби, “столице русских первопроходцев” Якутску, городу Тара...

Во вступительном слове к первому номеру альманаха Валентин Григорьевич Распутин (великий наш современник и дал название альманаху!) говорил, что Сибирь сегодня далеко не та, какой она была в Петровскую эпоху при князе Гагарине, роль её в государстве Российском стократно усилилась. Но изучена и обследована сегодня Сибирь так, что о месторождениях золота и алмазов, нефти и газа мы знаем значительно больше, чем о “месторождениях” великих людей и великих духовных и нравственных подвигов, о старых городах и добрых традициях. Далее Валентин Григорьевич указал на то, что в этом смысле Сибирь сегодня представляет собой удельные княжества. Поэтому одна из главных задач альманаха “Тобольск и вся Сибирь” — воссоединение исторического и культурного пространства Сибири. В этом и наша вера в будущее, в окончательную победу Добра над Злом.

Корр.: *В этом году будет проходить тринадцатый межрегиональный конкурс репортажной фотографии, посвящённый памяти уроженца Тобольска Александра Ефремова. На Тобольской земле уже в четвёртый раз планируется провести выставку. Станет ли фонд “Возрождение Тобольска” соучредителем конкурса? Может быть, вы пригласите на роль председателя жюри кого-то из признанных российских мастеров, кто сможет провести для фотографов мастер-класс?*

А. Е.: С огромным удовольствием! В конце февраля фонд отметит своё 20-летие, а накануне состоится открытие выставки Павла Кривцова, выдающегося фотохудожника современности, “Творчества порыв святой” — о ста выдающихся представителях русской культуры. Его, кстати, можно пригласить в качестве члена жюри или даже его председателя.

Корр.: *Ваши проекты не только уникальные, но и дорогостоящие. Если не секрет, где берёте средства?*

А. Е.: Замечательный писатель и соучастник всех наших дел Александр Родионов говорил, что город освещают не фонари, а люди.

От себя добавлю, что основой воспитания людей, своими трудами освещающих Россию, является умение ценить исторические и культурные традиции, и тем самым они восстанавливают наше историческое единство, сохраняют нашу нацию, наше государство. И когда мы начинали нашу деятельность, то постарались максимально полно проинформировать о её принципах сибирских предпринимателей, учёных, писателей, и не только сибирских. И многие откликнулись, став нашими соратниками и благодетелями.

Наш фонд создавался в тяжёлые для страны времена, но напомним, что самые смутные времена в русской истории всегда несли в себе зародыши возрождения и грядущей славы, именно тогда появлялись создатели, “люди длинной воли, пассионарии”, как называл их Лев Гумилёв. Они были выходцами из элиты общества. Но у меня всегда вызывал недоумение тот факт, что многие из тех, кто, занимаясь в советское время тем, что сейчас называется “социальной политикой”, находясь на высоких партийно-административных постах, ныне, получив возможность доступа к приобретению материальных благ, разбогатев, стали заложником рабской психологии, а именно она — основа поклонения золотому тельцу. Причём люди эти имеют крестьянские

корни, то есть на генном уровне должны были бы помнить христианские заповеди. Увы...

Но, слава Богу, нашлись в Сибири и довольно успешные предприниматели, понимающие обидную ситуацию, суть которой проста и очевидна: мы, сибиряки, плохо знаем друг друга, а это сигнал к тому, что утрачивается сознание единородства на одной земле. Мне бы хотелось, чтобы в Тюмени, Барнауле, Омске и других городах Сибири происходило объединение предпринимателей вокруг целей и задач фонда "Возрождение Тобольска", основанное на понимании, что никакая материальная прибыль не заменит собой культуру, поскольку без оной невозможно само существование России. В идеале такие предприниматели не стремятся экспериментировать с обществом, толкая его на различные авантюры во исполнение очередной безумной идеи, а прикладывают все свои усилия для развития самого человека. Именно в духовном и культурном росте каждого человека они видят решение всех остальных проблем общества.

Есть и немало примеров, когда наши авторы отказываются от гонораров, когда люди, скажем так, не роскошествующие, присылают нам по пятьсот, по тысяче рублей...

А финансовые трудности были, есть и, наверное, будут. Но они нас не останавливают.

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ПАРИЖСКАЯ ПАСХА

К 200-летию взятия Парижа в 1814 году

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Против Европейского похода выступали многие. Продолжение войны с Наполеоном требовало огромных затрат, а от Вильны до Москвы страна была сильно разграблена варварами “двенадцати языков”. В числе противников продолжения войны был и главный герой 1812 года фельдмаршал Кутузов, и приближенный к императору адмирал Шишков.

Шишков настаивал на том, что Наполеон больше не сунется к нам, а следовательно, его нужно оставить в покое, и пусть Европа сама с ним разбирается. На это Александр I отвечал:

– Господину Бонапарте угодно было явиться к нам без приглашения, и мы его вынуждены были принимать. Теперь пришла пора нам нанести ответный визит в Париж.

В день своего рождения, дабы особо отметить свою благодарность Кутузову, император назначил бал в доме Михаила Илларионовича. Шишков стал уговаривать Кутузова, что на этом балу самое время будет отговорить Александра от задуманного похода. Фельдмаршал со вздохом отвечал адмиралу:

– Я уже говорил ему: “Ваше величество! Вы дали обет не класть оружия до той поры, пока хотя бы один неприятель остается в пределах Отечества нашего. Неприятель изгнан, пора положить оружие”. Я приводил ему всякие доказательства того, что я прав, но скажу тебе откровенно, друг мой, когда он не в силах опровергнуть мои доказательства, он, бывает, подойдет ко мне, обнимет, поцелует, я расплáчусь и соглашаюсь с ним.

На балу у Кутузова между императором и фельдмаршалом едва не вспыхнула ссора, когда выяснилось, что Александр под влиянием царедворца поляка Чарторыйского объявил амнистию всем полякам, принимавшим участие в войне против нас на стороне Наполеона. Михаил Илларионович был в бешенстве. Мало того, что все эти богатейшие Потоцкие и Радзивиллы, поддерживая врага, продолжали получать доходы со своих русских имений, так ещё и амнистия! И это при том, что Кутузов требовал у императора передать все земли, принадлежащие польским магнатам, в руки доблестных офицеров – героев 1812 года. Отныне Кутузов готов был поддержать Александра в его стремлении нанести ответный визит, но при том условии, чтобы в первую очередь русские войска вошли в Польшу.

В течение последних пятидесяти с лишним лет было принято умалчивать об участии Польши в войне 1812 года, дабы не бросать тень на нашу условную дружбу с польским народом. Теперь времена изменились. Польша упорно раз-

вивает у русских комплекс вины перед нею — за Катынь и многие другие “преступления русских против поляков”. Пришло время и нам откровенно оценить деяния “братского славянского народа” на Русской земле, вспомнить и польскую интервенцию в 1612 году, и первые концлагеря, которые были созданы именно в Польше именно для русских военнопленных в 1920 году. Вспомнить и злодеяния поляков, когда они явились к нам под крылом Наполеона.

По свидетельствам очевидцев, поляки хуже всех зверствовали и в Москве, и в Смоленске, яростнее других грабили и убивали мирных жителей. Для подтверждения этого достаточно осмыслить лишь один факт.

Император Александр был благодушно настроен по отношению к Польше, он амнистировал поляков и не стал отнимать земли у магнатов. В таком настроении он приехал в Вильну (нынешний Вильнюс) и здесь обнаружил, что во время оккупации Вильны поляками было вырезано всё остававшееся в городе русское население. Зрелище ещё не убранных, обезображенных трупов столь сильно повлияло на государя, что его отношение к Польше резко изменилось.

В январе 1813 года русские войска перешли границу Варшавского герцогства. Ответный визит начался.

К сожалению, Кутузов после окончания кампании 1812 года сильно сдал. Он продолжал считаться главнокомандующим, но силы его с каждым днём покидали. Ему было только 67 лет, но сказывались тяжёлые раны, полученные в походах. Руководил оккупацией Польши доблестный генерал Милорадович. В конце января он вступил в Варшаву. Ключи от города ему вручил тот же префект, который девятнадцатью годами раньше преподносил их Суворову. Адам Чарторыйский в письме предложил Александру I создать Польское королевство под властью великого князя Михаила Павловича. Император отвечал ему отказом. Он уверял Чарторыйского, что ему по-прежнему дороги интересы польского народа, но “...образ поведения у нас польской армии, грабежи в Смоленске и Москве, опустошение всей страны оживили прежнюю ненависть”. Никакой речи о построении польской государственности быть не могло, тем более что Чарторыйский предлагал включить в территорию Польского королевства обширные русские земли. “Не забывайте, — писал ему в ответном письме царь, — что Литва, Подолия, Волынь считают себя до сих пор областями русскими, и никакая логика в мире не убедит Россию, чтобы они могли быть под владычеством иного государя, кроме того, который царствует в ней!”

Польша тогда не имела выхода к морю, и все её нынешние северные земли принадлежали Пруссии. Пруссия оставалась союзником Наполеона. Ещё в конце 1812 года Витгенштейн, Чичагов и Платов, преследуя отступающего Мюрата, взяли штурмом Кёнигсберг. В начале 1813 года они стремительно форсировали Вислу и взяли Данциг (нынешний Гданьск). Тем временем наши войска завершили оккупацию Польского герцогства, перешли Одер и вступили в пределы Пруссии в районе Бреслау (нынешний Вроцлав). Прусский король Фридрих-Вильгельм мгновенно примчался в Бреслау и бросился в объятия русского императора. Отныне он вновь становился нашим союзником и противником Наполеона. “Во имя Пресвятой и нераздельной Троицы” был подписан “Договор о мире, дружбе и наступательном и оборонительном союзе между Его Величеством Королем Прусским и Его Величеством Императором Всероссийским”.

Теперь встал вопрос о том, как и когда идти дальше. Слабеющий Кутузов по-прежнему был против: “Самое время идти теперь за Эльбу. Но как воротимся? С рылом в крови!” Михаилу Илларионовичу оставалось жить считанные недели.

К счастью, пророчества великого полководца не сбылись: заграничный поход русской армии оказался успешным. Впереди были Берлин, Гамбург, Лейпциг, Эрфурт, Амстердам, Страсбург и, наконец, главная цель — Париж.

БИТВА НАРОДОВ

Среднестатистический житель нашей страны на вопрос: “Какие были главные сражения с Наполеоном?” — вероятнее всего, назовёт Аустерлиц, Бородино и Ватерлоо. Прежде всего, потому, что два первых были изображены в бондарчуковской экранизации бессмертного романа Льва Николаевича Толстого “Война и мир”, да и сам роман многие наши соотечественники, коим за

сорок, читали. Про Ватерлоо был также снят Бондарчуком фильм, правда, похуже. Шведская эстрадная группа “Абба” в своё время пела популярнейшую песню “Waterloo”. К тому же запоминается и то, что это было последнее сражение великого императора Франции.

О Лейпцигской битве, возможно, и помнят, что это была “Битва народов”, но кто там сражался и как развивались события – это уже для средне-статистического россиянина многовато, а житель Европы или Америки, загрузив свои мозговые файлы информацией об этом событии мировой истории, вообще рискует перегреть и перенасытить извилины.

Между тем, по своему значению это была одна из важнейших битв эпохи наполеоновских войн, а по количеству погибших – самая кровопролитная. В “Битве народов” сражалось с обеих сторон в общей сложности полмиллиона солдат. И войска Наполеона, в основном, французы и поляки, потеряли доселе неслыханное количество убитыми и ранеными. Потерпев поражение под Лейпцигом, Наполеон в дальнейшем не одержал ни одной победы.

Об этой битве мы знаем, что русские войска “тоже в ней участвовали”. Но нам неплохо бы знать и то, что среди множества народов, дравшихся на огромном пространстве вокруг Лейпцига, русских было больше всех – 127 тысяч (при 65 тысячах австрийцев и 90 тысячах пруссаков).

Войска коалиции состояли из четырёх армий, которые с северо-запада и юго-востока наступали на Лейпциг, занятый солдатами Наполеона.

А вот как выстраиваются все участники “Битвы народов” по своему количеству от наибольшего к наименьшему: русские, французы, австрийцы, пруссаки, поляки, шведы, итальянцы, бельгийцы, голландцы и другие. Таким образом, основными действующими лицами сражения вновь, как и при Бородине, являлись русские и французы. Как и год назад, все решалось между ними.

Почему же тогда Лейпцигское сражение менее известно у нас, чем Бородинское? Прежде всего, потому, что это было генеральное сражение так называемой *заграничной кампании* 1813 года, которую проводил российский император Александр I. А к нему в нашей истории, особенно советского периода, отношение было хуже некуда. Как заклеил его Александр Сергеевич “плевшивым щёголем”, “властителем слабым и лукавым”, “нечаянно пригретым славой”, так и пошло-поехало. В итоге несколько поколений русских людей и на всю военную кампанию 1813–1814 годов стали смотреть как на никчёмную. Дошли, мол, до своей границы – и нечего было в Европу лезть! Можно подумать, что такой самолюбивый вояка, как Наполеон, смирился бы со своим изгнанием из России и больше бы не стал к нам лезть! И государь Александр Павлович это прекрасно понимал. Вот ради чего он вынужден был начать свой “ответный визит”. Чтобы избежать больших новых жертв, ему вновь пришлось проливать русскую кровь.

Ещё одной причиной нашего неблагоприятного забвения “Битвы народов” явилось то, что после смерти Кутузова в войсках не было любимца, подобного Михаилу Илларионовичу. Наши главнокомандующие почти все были нерусские. Немецкий барон Беннигсен состоял на русской службе с 1773 года. Участник заговора против Павла I, Леонтий Леонтьевич расцвёл в ранние годы правления императора Александра. Он проиграл Наполеону битву при Фридланде. С именем Беннигсена связывалось воспоминание о тяжёлом отступлении летом 1812 года от Немана до самого Бородинского поля. После смерти Кутузова весной 1813 года старый генерал вновь стал главнокомандующим русской армией. А в Лейпцигском сражении ему была поручена так называемая Польская армия. Почему “так называемая”? Потому что имя своё она носила лишь номинально. Поляков в ней почти не было – все поляки сражались на стороне Наполеона.

Богемской армией командовал австрийский генерал Шварценберг, хотя на самом деле её военачальником был герой Отечественной войны 1812 года шотландец Михаил Богданович Барклай де Толли. Во главе Силезской армии стоял прусский генерал-фельдмаршал Гебхард Леберехт Блюхер, за свою отвагу и решительность носивший прозвище “маршал “Вперёд””. Наконец, во главе Северной армии стоял Жан-Батист Бернадот, бывший маршал наполеоновской армии, в 1810 году уволенный в отставку. Тогда же шведский ригсдаг единодушно избрал его наследником престола королевства Швеции. У Бернадота были старинные связи со Швецией, он освобождал шведских пленников в Голландии и заслужил любовь шведов. Теперь именно в составе его армии находилось 18 тысяч шведских солдат и офицеров.

Армиями Наполеона командовали его любимые маршалы. С севера Лейпциг прикрывали Ней и Мармон. Мишель Ней — сын бочара, ныне носивший титулы герцога Эльхингенского и князя Московского. Огюст Фредерик Луи Виесс де Мармон — потомственный аристократ, герцог Рагузский, плечом к плечу сражавшийся вместе с Наполеоном, начиная с осады Тулона в 1793 году. Во время Русской кампании 1812 года воевал в Испании и Португалии, где шли весьма ожесточённые бои. После Лейпцига ему суждено было подписать капитуляцию Парижа, перейти на сторону Бурбонов и оставаться с ними даже во время наполеоновских “Ста дней”.

С юга Лейпциг прикрывал самый любимый маршал Наполеона — Иоахим Мюрат, сын трактирщика, а теперь — герцог Клевский и Бергский, король Неаполитанский. В год восхождения Наполеона Мюрат женился на его сестре Каролине. В 1808 году он залил кровью восставший Мадрид. В 1812-м руководил отступавшей из России “великой армией”. На западном участке во главе двенадцатитысячного корпуса дефилировал личный адъютант Бонапарта Анри Грасьен Бертран.

Битва началась 4(16) октября в 10 часов утра. Во второй половине дня, ввиду успешных действий французов, наступил критический момент. Мюрату удалось смять русско-прусскую линию и обратить её в бегство. Наполеон решил, что победа достигнута. В Лейпциге звонили во все колокола. Ставка Александра I находилась в нескольких сотнях метров от того места, где всего одной русской артиллерийской роте и лейб-казакам императорского конвоя с огромным трудом ещё удавалось сдерживать натиск французов. Государь, как и в предыдущей битве под Дрезденом, вёл себя бесстрашно. Михайловский-Данилевский с восторгом опишет позднее эти “лучшие минуты военной деятельности Александра”. Русский император отказывался уходить из-под града пуль и снарядов. “Положение императора было тем опаснее, что позади него находился длинный и глубокий овраг, через который не было моста”. Видя чудовищный натиск французов, царь послал в бой своего лучшего генерала — прославленного героя Отечественной войны 1812 года Николая Николаевича Раевского, командовавшего при Бородине знаменитой батареей. Дивизия Раевского, подкреплённая батареей молодого и талантливого военачальника Николая Онуфриевича Сухозанета, а также прусской бригадой генерала Клейста, совершила чудо — вырвала победу из рук торжествующих французов. Мюрат был остановлен и отброшен. Именно здесь решился исход всего сражения. Ободрённые небывалым успехом Раевского, союзники с большей отвагой устремились в бой. К концу дня вокруг Лейпцига лежало около семидесяти тысяч трупов и раненых. Весь следующий день длилось перемирие, необходимое для того, чтобы убрать мёртвых и раненых.

Поздно вечером 5(17) октября Наполеон предложил союзникам мир. Но ответа на его предложение не последовало, и на следующий день разгром наполеоновских войск продолжился. Французы дрались отчаянно и в течение 6(18) октября смогли удержать почти все свои основные позиции. Но тем не менее, это уже была агония. Понимая, что ещё один день он не выстоит, Наполеон велел отступать. Отступление его армии обеспечивали Понятовский и Макдональд.

Жак-Этьенн-Жозеф-Александр Макдональд по происхождению, как и наш Барклай, шотландец. Прославился он взятием Рима в 1798 году. Был бит Суворовым в сражении на реке Треббии. Отличился при Ваграме и в Испании, осаждал Ригу. Юзеф Понятовский — племянник польского короля, горячий патриот своей родины, сражавшийся за её свободу. Перед походом Наполеона на Россию Понятовскому удалось сформировать стотысячную польскую армию, и поляки по численности воюющих против нас народов были на втором месте после французов. 17 октября 1813 года Наполеон вручил Понятовскому маршальский жезл. А 19 октября поляки и французы яростно дрались в Лейпциге, превратив город в неприступную крепость. Русский император вступил на улицы Лейпцига в полдень, когда бои здесь были ещё в полном разгаре. Напрасно советские историки впоследствии всегда старались изобразить Александра I трусом!

Лейпциг был взят с огромными потерями. Понятовский, дважды раненый, во время отступления утонул при переправе через реку Эльстер. А сама переправа оказалась сущим адом для отступавших, которые понесли здесь шестую часть всех своих потерь в “Битве народов”. Повторилось то же, что и во время переправы через Березину.

Сражение под Лейпцигом стало главным ударом по Наполеону, его катастрофой. Стремительно была освобождена Германия, а ровно через пять месяцев после “Битвы народов” русские войска вошли в Париж. И глубоко символично, что первым к столице Франции подошёл не кто-нибудь, а прославленный и бесстрашный наш генерал Николай Николаевич Раевский, один из главных героев и Бородина, и Лейпцига.

ПРАВОСЛАВНАЯ ПАСХА В ПАРИЖЕ

Путешественник, оказавшийся на Южном Урале, с удивлением обнаружит здесь и Берлин, и Варну. Каково же будет его изумление, когда он узнает, что здесь же находится и Париж! Так уж получилось, что уральские казаки, в начале девятнадцатого века осваивавшие здешние места, дали своим поселениям звонкие имена, связанные со славой русского оружия. Вот и попали на географические карты населённые пункты, воскрешающие в памяти громкие победы наших предков: Бородиновка, Тарутино в честь сражения за Тарутинский редут, Чесма во славу Чесменского сражения. Ну, а Париж, и заодно с ним Фершампенуаз знаменуют собой память о весне и Пасхе 1814 года, когда “солдатушки-бравы-ребятушки” закончили свой заграничный поход и разгромили Наполеона в его собственном гнезде.

“Ils ont traversé le Rheine...” – “Они переправились через Рейн...” – эти ми словами начинался один из браваурных гимнов донаполеоновской Франции, под который и до сих пор плачут ностальгирующие по своей глубокой старине французы. В конце 1813 года “великая армия” Наполеона тоже переправлялась через Рейн, но на сей раз – отступая под натиском сил превосходящего противника. А 1 января 1814 года, в годовщину переправы через Неман, русская армия под пронизывающим ветром, сквозь дождь и снег шла по мосту через Рейн в округе Базеля. Они двинулись на Бельфор, взяв направление на Париж.

“О, Париж! Ах, прекрасная Франция!” – мечтали наши офицеры, но впереди ждало их сильное разочарование. “Жители бедны, необходительны, ленивы и в особенности неприятны. Едят они весьма дурно, как поселяне, так и жители городов; скряжничество их доходит до крайней степени; нечистота их отвратительна, как у богатых, так и у бедных людей. Народ вообще мало образован, немногие знают грамоте. Дома поселян выстроены мазанками и без полов. Я спрашивал, где та очаровательная Франция, о которой нам гувернёры говорили, и меня обнадёживали тем, что впереди будет, но мы двигались вперёд, и везде видели то же самое”, – писал в своих заметках Н. Н. Муравьёв.

Наполеон в спешке стягивал пополнение и к середине января собрал около 175 тысяч необученных солдат. Он призвал своих подданных к народной войне. Тем временем наша армия двигалась по Франции и беспрепятственно брала один город за другим. Таким маршем, пройдя без малого полторы тысячи километров, 8(20) марта 1814 года она, наконец, встретилась с армией Наполеона у Арси, на берегу реки Об. Но Бонапарт не вступил в битву, а двинулся к северу, навстречу основной армии союзников. Этот манёвр и погубил его. Первое сражение произошло в 120 километрах от французской столицы, близ селения Фер-Шампенуаз 13(26) марта. Русско-австрийская кавалерия нанесла поражение французам, шедшим на помощь к Наполеону. Путь русским на Париж оказался открыт.

Через четыре дня после победы при Фер-Шампенуазе авангард нашей армии под командованием генерала Раевского вышел на позицию, с которой уже открывался дальний вид на столицу Франции. Штурм начался утром 18(31) марта, а уже в 11 часов утра маршал Мармон известил брата Наполеона Жозефа, формально возглавлявшего битву за столицу: “Я не мог продержаться оборону более двух часов и предупредить несчастье насильственного взятия Парижа”.

Император Александр I, отпуская пленного генерала Пейра, велел передать Мармону, что он хочет мирного решения, но готов идти на самый решительный штурм города: “С бою или церемониальным маршем, на развалинах или в пышных палатках, но Европа должна нынче же ночевать в Париже”.

К вечеру началась выработка условий капитуляции. Последние выстрелы прозвучали уже на Монмартре. Труднее всего было уломать прусского фельдмаршала. “Накажи меня Бог, но я охотнее направил бы на это революционное

гнездо мои пушки, нежели подзорную трубу”, — злобно ворчал семидесятилетний Блюхер. После того как марш музыкантов Тверского полка огласил с Мон-мартра все окрестности, парижане стали веселее сдаваться под эту музыку.

В сумерках русский император объезжал войска и поздравлял их с победой. На радостях Барклай де Толли был произведён в фельдмаршалы. Капитуляцию подписывали уже в три часа ночи. Битва за Париж была выиграна гораздо меньшей кровью, чем предполагалось. Французы потеряли 9 тысяч погибшими, русские — 6 тысяч, австрийцы и пруссаки, как водится, прятавшиеся за нашими спинами, — 3 тысячи.

Спрятав акт о капитуляции себе под подушку, царь Александр I зевнул, упал на постель и заснул мёртвым сном. Наутро он бодро принимал депутацию перепуганных парижан. Русский император горел жаждой мести за сожжённую Москву. Но мстить он собирался совсем не так, как мстили бы европейские вандалы. Он решил наказать французов проявлением истинно православного великодушия.

— Передайте парижанам, — сказал он депутации, — что я не вступаю в их стены в качестве врага и что только от них зависит, иметь ли меня другом.

Он действительно прикладывал все старания, стремясь предотвратить насилие победителей над побеждёнными. Совсем не так действовали войска союзников. Всюду, куда входили прусские и австрийские войска, оставалась выжженная земля, разграбленные и сожжённые дома, обезображенные трупы. Народы, как известно, не прощают другим былого, но утраченного величия. Из всей нашей армии, увы, разбоями, грабежами и убийствами отличались только казаки. С той поры слова “пруссаки” и “казаки” стали для французов синонимами слов “насилник”, “грабитель”, “убийца”. Но остальная русская армия соблюдала приказы государя и не чинила никакого вреда покорённым французам.

Наполеон оказался в окружении вблизи собственной покорённой столицы. Александр не шёл с ним ни на какие переговоры, требуя одного: беспрекословной капитуляции. 19 марта (31 марта) 1814 года в Париж вошла русская и прусская гвардейская пехота, кавалерия и артиллерия, батальоны австрийских гренадёр и вюртембергский полк, общей численностью 35 тысяч человек. Русский император открывал торжественное шествие. При нём был будущий покоритель Кавказа генерал Ермолов. Победители вошли в грязное и вонючее Сен-Мартенское предместье. Лишь на Северном бульваре начали попадаться роскошные и богатые дома, улицы, вымощенные камнем. Из окон свисали белые простыни и скатерти, заменявшие роялистские знамёна. С тех пор белый флаг стал символом капитуляции.

Полковник Михаил Фёдорович Орлов заключил конвенцию с французским командованием о сдаче города союзникам, за что вскоре был произведён в генерал-майоры. В своих записках о капитуляции Парижа он писал: “Все улицы, по которым союзники должны были проходить, и все примыкающие к ним улицы были набиты народом, который занял даже кровли домов. Казалось, Париж не хотел иметь посредников между собою и новыми гостями своими; народ, содержавшийся двенадцать лет в страдательном повиновении, как будто в первый раз пользовался свободным употреблением воли и громко обнаруживал своим восторгом, что принимает на себя сделать императору Александру встречу, достойную великого города”.

Прекрасное владение французским языком приводило к тому, что русских офицеров парижане поначалу воспринимали как своих соотечественников-роялистов, до сей поры пребывавших в эмиграции. Парижанки впрыгивали в сёдла к русским офицерам-красавцам, но даже узнав, что те русские, не спешили спрыгнуть обратно.

Александр старался никоим образом не проявить своей надменности в отношении к побеждённым. Даже французский историк Тьер писал: “Он никому не хотел так нравиться, как этим французам, которые побеждали его столько раз, которых он победил, наконец, в свою очередь, и одобрения которых он добивался с такой страстностью. Победить великодушием этот народ — вот к чему он стремился в ту минуту более всего”. В доказательство своего великодушия он отпустил на волю всех пленных. Ненавидя Наполеона, Александр при этом приказывал незамедлительно пресекать всякие беспорядки и расправы над бонапартистами. Любопытен случай с Вандомской колонной, на вершине которой красовалась медная фигура Бонапарта. Её хотели сверг-

нуть, набросили верёвки, но посланные Александром семёновцы предотвратили сей, как сказали бы мы теперь, “акт вандализма”. Когда же царь увидел Вандомскую колонну, он усмехнулся:

— Если б меня поставили столь высоко, то и у меня бы голова закружилась!

В это время шёл Великий пост, и Александр стремился показать безбожной Европе, что он — православный государь. Он постился и в еде, и в чувствах, не давая ненависти к поверженному врагу проявиться хотя бы в чём-либо.

Наполеон собирал в Фонтенбло последние силы. Десять лет назад здесь он вырвал из рук папы Пия VII императорскую корону и сам вознёс её себе на чело. Здесь же ему суждено было произнести слова отречения от престола. У него оставалось 60 тысяч верных штыков, но маршалы во главе с Неем, Колленкурмом и Макдональдом убедили Бонапарта в бесполезности дальнейшего сопротивления.

Акт об отречении Наполеона пришёл к Александру на Страстной неделе, когда русский монарх особенно строго постился, готовясь приобщиться Святым Тайн. Вместе с ним строго постилась и вся армия. Пасха наступила 10(22) апреля. В Париже не существовало ни одной православной церкви.

Площадь Людовика XV с 1790 по 1795 год носила название площадь Революции, и вместо памятника королю в центре неё на высоком эшафоте красовалась огромная гильотина. Здесь 21 января 1793 года отсекли голову Людовику XVI, шестьдесят шестому королю Франции, правившему 6666 дней. Ликующую толпу народа кропили королевской кровью, кощунственно изображая церковное окропление. Здесь же впоследствии была казнена и королева Мария-Антуанетта. И здесь же затем были обезглавлены революционеры Дантон, Демулен, Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст.

В 1795 году после закрытия Якобинского клуба площадь Революции была переименована в площадь Согласия. Кровавый эшафот и гильотину убрали. Именно здесь к Пасхе 1814 года был воздвигнут алтарь, вокруг которого собралась вся русская армия. Семь священников в богатых облачениях совершили богослужение. Многотысячная паства, состоящая из русских воинов, пришедших сюда через всю Европу, грянула:

— Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Французы в ошеломлении и восторге выпученными глазами взирали на величайшее религиозное действо.

“Всё замолкло, всё внимало! — вспоминал потом Александр. — Торжественная это была минута для моего сердца; умиротелен и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привёл я православное моё русское воинство для того, чтобы в земле иноплеменников, столь недавно ещё нагло наступавших в Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу”.

Отечественная война 1812 года и заграничный поход 1813–1814 годов завершились в день Воскресения Спасителя. Удивительная историческая рифма этому событию будет достигнута спустя полтора столетия, когда Великая Отечественная война 1941–1945 годов также закончится в день Светлой Пасхи Христовой!

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ХРАНИТЕЛЬ ПРАВЕДНОЙ РУСИ

700 лет преподобному Сергию

“Святая Русь, прерванная татарским игом, начиная с Преподобного Сергия, снова была отмолена и вымолена, смутная тоска русского человека по праведности просветледа до осязаемых образов и подобий: явились замечательные примеры, из кроткой молитвенности выросла могучая сила”.

Валентин Распутин

Кто же был этот “предивный старец”, как пишет о нём уже первый его житиеписатель, его ученик, монах его монастыря Епифаний Премудрый? На первый взгляд, Сергей ясен нам всем. На иконах преподобного обращён к нам светлый спокойный лик старого человека, седого, но как бы и с некоей, сохранившейся до преклонных лет рыжиной в волосах. Да, золотая голова была у отрока Варфоломея, как звался Сергей до пострижения в монашеский сан, это и на Покрове со святых мощей Преподобного работы 1424 года выткано, да и на картине Нестерова “Видение отроку Варфоломею” обозначено, и это соответствует действительности: когда в послереволюционные годы вскрывали мощи Преподобного, то увидели сохранившиеся волосы на честной главе его, и волосы эти спустя века были чуть рыжеватые... А можно представить себе, каким золотоволосым он был в молодости!

А было их три сына в семье ростовского боярина Кирилла и его жены Марии: старший – Стефан, средний – Пётр, младший – Варфоломей (источники расходятся во мнении, был ли Варфоломей младшим или средним сыном. Я считаю, что он был младшим, так как к моменту ухода в пустынь его брат Пётр уже имел семью и детей). Все названы именами апостолов Христа: Петра, Варфоломея и первомученика Стефана. Уже по одному этому видно, что семья была исключительно верующая, воцерковлённая, дружная.

Сколько было лет Варфоломею, когда он ушёл от мира в лесную пустынь? Об этом остаётся лишь гадать. Если годом его рождения принято считать 1314-й, а годом основания обители – 1337-й, то ему должно было быть 23 года. День рождения Варфоломея – 3 мая по старому стилю, что примечательно, – это день памяти Преподобного Феодосия, игумена Киево-Печерской лавры, основателя монашества на Руси. Но даты эти условны, и вполне возможно,

Публикуется в сокращении. Полный вариант см. на сайте “Проза.ру” на странице автора.

что был он ещё очень юн, и этим объясняется то, что потребовалась ему помощь старшего брата, и, как знать, не был ли именно старший брат Стефан инициатором основания нового монастыря?.. Он, Стефан, только недавно потерявший молодую жену, в великом горе отрекшийся от мира и даже отдавший своих детей в семью среднего брата Петра, чтобы не мешали они ему свершать монашеский подвиг, имел, конечно, величайшее влияние на Варфоломея. Младший брат, уже будучи прославленным игуменом, уже нося громкое имя Сергия, никогда не спорил со старшим. Об этом говорит известный случай из жизни Троицкой обители, когда Стефан возмутился тем, что монахи обители во всём слушаются своего батюшку Сергия, а не его – Стефана. “Кто первым был здесь? – спросил как-то раздражённый Стефан. – Не я ли основал обитель сию?” Услышал это Сергий и, ни слова не говоря, собрал свои вещички в котомку, да тишком, так что никто и не видел, ушёл из монастыря. Ушёл далеко – на Киржач, в глухие владимирские леса, и основал там новую пустынь во имя Благовещения Пресвятой Девы. Долго искали его троицкие монахи, насилу нашли и еле-еле умолили вернуться в обитель, которую уже покинул Стефан, устыдившийся своей горячности.

Итак, родился Варфоломей в семье бояр, но (и это примечательно!) бояр обедневших, почти разорившихся. Есть под Ростовом Великим, что раскинулся издревле на берегах привольного озера Неро, небольшой посёлок Варницы. Название говорит о том, что там вываривали соль из имевшихся под Ростовом солёных источников. Это по дороге на Ярославль, на берегу невеликой речки Ишни. Там и была усадьба боярина Кирилла – отца Варфоломея. Ростов – древний город, первый из основанных славянами в этом лесистом суровом северном краю ещё в языческие времена. Некогда жили здесь мери – угро-финское племя, молились они своим вырезанным из камня или из дерева богам, и ещё князь Владимир Мономах в XII веке, объезжая свои владения, видел грозного каменного истукана, сидящего на берегу озера Неро.

В Ростове правили “константиновичи” – потомки несчастного князя Василья Константиновича Ростовского, убиенного Батыем. Сначала Борис Василькович, а после Константин Борисович. Вот Константину Ростовскому и служил боярин Кирилл, отец трёх братьев – Стефана, Петра и Варфоломея. Ростовское княжество было бедным и чем дальше, тем всё больше беднело. Не только претендентам на великое княжение нужно было регулярно возить подарки и дань в Орду, но и любому князю, чтобы подтвердить свои права на княжение хоть в самом захолустном владении, требовалось беспрестанно ездить к хану и ублажать его щедрыми дарами. Помимо всего прочего, из Орды регулярно наезжали так называемые “послы”, которые обычно вели с собой нешуточный военный отряд. Эти послы брали всё, что хотели, могли дочиста обобрать хоть князя, хоть боярина, а с простым людом не считались совершенно. Без церемоний связывали одной волосистой верёвкой, надевая на шею петли, и гнали этот “полон” в свои кочевья. Ростовское княжество частенько оказывалось на пути этих “послов”, боярину Кириллу приходилось их всячески ублажать, мало того, постоянно ездить со своим князем в Орду, а на всё это требовались средства и средства.

Ко времени, когда младшему сыну Кирилла Варфоломею было лет восемь, новая великая беда обрушилась на русские земли – это была “Ахмылова рать”. Ордынский царевич Ахмыл опустошал поволжские земли, досталось и Ростову. Уж наверное видел малолетний боярский сын вереницы русских полоняников, бредущих в Орду, конные разъезды ордынцев, которые хоть и миновали Ростов, но зорили и опустошали всё вокруг. Страшная язва, терзающая Русь, стояла пред очами на диво молчаливого и самоуглублённого отрока во всём своём ужасе. Не было у русских князей сил противостоять татарам, так как эти владетели сами боролись между собой за каждую вотчину, и, может быть, осознание того, что лишь единая сильная власть, объединившая всю Русь, только одна она могла бы спасти Русскую Землю – это осознание и явилось для Варфоломея, будущего Сергия, основой его политических взглядов и определило его отношение к московским князьям, потомкам Даниила, в которых Сергий прозорливо увидел будущих объединителей Руси.

Казалось бы, ему, ростовчанину, не за что было любить московскую власть. Род ростовских князей пресёкся. Последний ростовский князь был женат на дочери московского князя Ивана Даниловича Калиты, и после его смерти Ростовское княжество было присоединено к московским владениям.

Отец Варфоломея Кирилл лишился своего боярского сана и вынужден был выехать из своего родового поместья под Ростовом и перебраться в небольшой городок Радонеж, затерявшийся среди лесов и холмов Клинско-Дмитровской гряды. Там семейство бывшего боярина вело очень скромную жизнь. К концу жизни Кирилл, окончательно разорённый, ушёл со своей женой Марией в монастырь, что у села Хотьково. Были тогда такие монастыри на Руси, где доживали свой век разорившиеся представители знатного сословия. Доживали со своими старухами-жёнами. Это были так называемые “особожительские” монастыри, где каждый монах жил “особо”, своим домом. Только Сергей Радонежский впоследствии возродил древний устав Киево-Печерской Лавры и ввёл “общежительство” для монахов. И уж, конечно, совместное проживание мужчин и женщин в монастыре отныне было исключено.

Остатки имущества Кирилл поделил между своими сыновьями, но Варфоломей сразу заявил отцу и матери, что уходит в монахи, его непрременное желание – служить Богу. Родители знали это давно, ещё с тех времён, как встретил отрок Варфоломей в лесу под Ростовом некоего святого старца и пожаловался тому на неуспехи в учении: он никак не мог освоить грамоту. Старец дал ему съесть кусочек просфоры – освящённого хлеба – и сказал, что теперь Варфоломей будет свободно читать Священное Писание, псалмы и молитвы. Это момент и изображён Нестеровым на картине “Видение отроку Варфоломею”. Варфоломей пригласил старца в дом, где того радушно встретили Кирилл и Мария. Святой старец вручил Варфоломею Псалтирь (сборник псалмов Давидовых) и приказал читать. К общему удивлению, мальчик стал свободно читать священные тексты. Это чудо было, пожалуй, первым в жизни будущего святителя Сергия, и оно определило всю его жизнь.

Уйдя в монастырь, отрок Варфоломей был пострижен в иноческий чин с именем Сергей. Молодой инок стремился к уединению и сугубой молитве и желал полного отшельничества. В одиночестве Сергей прожил года два. Далее к нему начали приходиться люди и селиться рядом с ним. Вскоре на Маковце образовалась монашеская община, и число монахов в этой общине вместе с самим Сергием долгое время было равно двенадцати. Это интереснейшая и мало комментируемая историками подробность. Но ведь 12 апостолов было у Христа, и это была уже малая церковь – зародыш той большой Вселенской Церкви, что основал Христос, которую, по Его слову, “врата адовы не одолеют”. Апостолы Христа были его учениками, а монахи Сергиевой обители были учениками Сергия и, как Христовы апостолы по миру, разошлись и они по Русской Земле и основали множество монастырей, особенно в Северной Руси, которую с тех пор стали называть “Новой Фиваидой”!

Но до этого было ещё далеко, впрочем, Сергей никуда и не торопился. Он обустроивал свою обитель, с течением времени у него стало больше насельников. Обители стал нужен игумен, а Сергей не хотел этого сана, всячески открещиваясь от начальнической должности. Это ещё одна характерная его черта – склонение от любого возвеличивания своей персоны. Ему это претило. Он даже до поры до времени сам не служил литургию – приглашал священников со стороны. И так продолжалось до того момента, пока монахи его обители не потребовали от своего “батюшки” принять игуменство и священство. Волей-неволей Сергию пришлось подчиниться. Он отправился в Переяславль-Залесский, и там местный епископ Афанасий возвёл его сначала в священническое, а после и в игуменское достоинство, благословив, между прочим, Сергия на введение в его монастыре “общежительного” устава. Это означало, что монахи теперь лишались своего личного имущества – всё становилось общим, в том числе и трапеза. Это была в полном смысле слова “коммуна”, но коммуна верующих людей, всё предназначение которых теперь было в одном – в молитве Богу за Землю Русскую.

Слава о чудесном монастыре на холме Маковец быстро бежала по Руси. Действительно праведная жизнь сергиевых монахов привлекала многих. К монастырю потянулись паломники из дальних и ближних мест. Несли с собой хлеб и рыбу – эти дары Сергей принимал, но дары только добровольные, по желанию самих паломников, никакой “мзды” за поминания, за службы не допускалось. Наоборот, в монастыре кормили бедняков и бесплатно лечили больных. Тут уже начались чудеса, связанные с личностью Сергия. Известен случай воскрешения из мёртвых одного отрока после молитвы над ним Сергия. Отец отрока уже принёс гроб, чтобы положить в него тело своего умер-

шего сына, но Сергей вдруг сказал ему: “Сын твой не умер, только уснул. Погоди немного”. Он помолился над умершим, и мальчик ожил. . . Отец ребёнка бросился в ноги игумёну, но Сергей строго-настрою приказал ему молчать о том, что он видел. Но разве утаишь! Слава о чудотворце катилась по Руси. А после того, как молитва Сергия изгнала беса из одного боярина, и тот исцелился от безумия, в обитель Сергия проложили дорожку и сильные мира сего. Заинтересовались им и у престола московских князей.

Князь Иван Калита строил Москву как новую столицу Руси и не скрывал этого. Поняли это и иерархи церкви. И вот уже митрополит Пётр (глава всей русской церкви) перенёс свою резиденцию из Владимира в Москву. В связи с этим в Москве начинается строительство первого каменного храма – Успенского собора. Он пока невелик (спустя век на его месте будет построен итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти новый грандиозный Успенский собор Московского Кремля), но начало положено: митрополит Пётр, умирая, завещает похоронить себя в Москве, в новом соборе. После него митрополитом на Руси стал грек Феогност. Именно при Феогносте Сергей был возведён в сан игумена Троицкой обители. Но “моровая язва” – страшная эпидемия чумы, занесённая на Русь с Востока в середине XIV века, – стала причиной безвременной кончины митрополита. Новым главой Русской Церкви становится москвич Елевферий из рода бояр Бяконтов, переселенцев из южной Руси. Он принял монашеское имя Алексий и стал великим московским святителем и чудотворцем – советником московских князей. Алексий, ещё подвизаясь простым монахом Богоявленского монастыря в Кремле, был близко знаком со Стефаном – братом Сергия, перебравшимся к тому времени из лесной радонежской глухомани в Москву в тот же княжеский монастырь. Они вместе пели на клиросе во время богослужений.

Стефан быстро шёл в гору. Он всё же по характеру был больше мирской человек, чем монах, и совсем не был похож на своего смиренного брата. Ему льстила мирская слава, княжеская милость, известность в столичных кругах. Он был красноречив, начитан, умён. Со временем вошёл в доверие к наследнику Ивана Калиты, его сыну Симеону Ивановичу (прозванному Гордым), и даже стал его духовником – священником, принимающим исповедь князя, дающим ему свои духовные советы. Московские бояре, видя такое возвышение Стефана, стали лстить ему, дарить подарки, ходить к нему за советом. Нет сомнения, что от Стефана в Москве узнали и об обители смиренного Сергия. И Сергей стал появляться в Москве, познакомился с княжеским семейством, но самое главное – вошёл в близкое общение с Алексием, а Алексий после смерти своего предшественника на митрополичьем престоле Феогноста при княжении брата Симеона Гордого князя Ивана Красного был фактически главой московского правительства и часто даже замещал князя в управлении государством во время многочисленных отлучек великого князя.

Игумен Сергей стал доверенным человеком митрополита, а главное, что Алексий понял, что радонежская обитель – это своего рода “школа”, своего рода “рассадник” великих людей, где усилиями Сергия вырастают бесценные духовные кадры в деле строительства новой российской духовности, а значит и государственности, ведь без искренних, духовно возвышенных подвижников невозможно развитие и строение нового государственного устройства, по сути, новой страны, которой предстоят серьёзные испытания. И Алексий направляет деятельность Сергия на возвращение таких кадров, на постоянную и упорную работу по “строительству” Церкви на Руси, по умножению и распространению по лицу русской земли новых православных центров – монашеских обителей – крепости русского православного духа. Именно тогда, при Алексии и при Сергии закладывается на века такое историческое понятие, как “Святая Русь”. До Сергия такого понятия не существовало. Древний стихотворец, автор знаменитого “Слова о погибели Русской Земли”, говорил о “светло-светлой и украсно украшенной Земле Русской”. О “Светлой Руси”, но не о “Святой”. Светлая Русь погибла в пламени великого азиатского нашествия, но родилась, после века безвременья и смуты, Святая Русь, и рождение её осуществилось жертвами князей-мучеников, терпением и стойкостью народа, проповедью святителей Петра, Алексия, Сергия и многочисленных учеников его.

В княжение Великого князя московского Симеона Ивановича Гордого (1341–1354) мир на Руси не нарушался. Не было отмечено ни одного нашествия ордынцев на русские земли – это было блистательным продолжением ми-

ролюбивой политики Ивана Калиты. И Симеон Гордый (недаром так прозванный!) мог уже править Русью, как своей вотчиной, и ни один удельный князь не оспаривал власть Москвы. И это на фоне всё нарастающей смуты, что охватила Волжскую Орду. Хан Узбек скончался одновременно с Иваном Калитой – в 1340 году, и сразу же между его наследниками завязалась кровавая распря. За 10 последующих лет на престоле сменилось 6 ханов, каждый из которых начисто вырезал всех своих родственников, но находились новые претенденты на власть, которые уничтожали его самого. В конце концов, к началу 60-х годов XIV века Золотая Орда распалась на два государства, разделённые течением реки Волги. В западном (правобережном) ордынском государстве к власти пришёл темник (командир “тьмы” – 10 000 воинов) Мамай, который не принадлежал к роду чингизидов (потомков Чингисхана) и потому стремился новыми завоеваниями и агрессией против соседей упрочить свою власть и славу. Но это будет несколько позднее, а пока ничто не мешает Симеону укреплять и расширять московское государство. И кто знает, может быть, уже при нём Русь обрела бы свою независимость, но случилось страшное бедствие: в 1352 году на Русь пришла чума, “моровая язва”, как говорили тогда.

Эпидемия была повальной. В больших городах вымирало до двух третей или даже трёх четвертей населения, некому было хоронить умерших. Москва была опустошена, умер в 1353 году и сам Великий князь Симеон, погибла и вся его семья – жена и все дети. Умер брат Симеона князь Андрей, которому принадлежали радонежские земли и который, видимо, первым из князей открыл для себя обитель преподобного Сергия. После смерти своего “духовного сына” князя Симеона бежал из Москвы брат Сергия Стефан, а ведь он был уже игуменом кремлёвского Богоявленского монастыря! Он явился спастись в обитель к Сергию. “Моровая язва” обошла стороной Троицкий монастырь, и это было признано чудом, ведь монастырь уже не был затерян в лесах: мимо него к тому времени прошла большая дорога на Ростов и Ярославль, да и местное население приумножилось. Народ заметил, что Бог хранит обитель Преподобного, и стал активно селиться вокруг, расчищая лес под пахоту, и вскоре, как пишет Епифаний, “вокруг вместо лесов явились обширные поля и угодья”. Естественно, умножилось многократно и количество прихожан и паломников, которые приносили с собой в монастырь щедрое подаяние. Давно прошли те времена, когда монахи питались “гнилым хлебом” и водой. Теперь всего было в достатке. Но от этого для самого Сергия ничего ровным счётом не изменилось. Он продолжал оставаться всё тем же скромным “трудником” и “купленным рабом” для своей братии, каким и был. Продолжал работать в огороде, копать землю, плотничать и, что особенно любил, печь хлеб для братии, в том числе и просфоры.

Характерный случай: однажды в обитель пришёл некий крестьянин, хотел увидеть прославленного игумена. Ему сказали, что игумен работает в огороде. Он заглянул в огород и увидел какого-то нищего с виду человека, который копал грядки. “А где же Сергий?” – спросил пришедший. “Да вот же он!” – ответили ему. Гость оскорбился тем, что его обманывают, да ещё смеются над ним, и хотел уже покинуть обитель, как вдруг увидел въезжающего в ворота монастыря князя в сопровождении пышной свиты. Увидел, как князь (может быть, это был как раз радонежский князь Андрей Иванович, сын Ивана Калиты) сходит с коня, снимает пышный головной убор, идёт пешком в огород, опускается на одно колено перед “нищим” и принимает его благословение. После отходит с ним в сторону и что-то долго обсуждает. Когда князь уехал, смущённый крестьянин подошёл к Сергию и смиренно попросил прощения за свои сомнения. На что Сергей улыбнулся и сказал, что он один и был прав в отношении к нему, как к простому бедняку, а все остальные, кто его прославляет, заблуждаются.

Но вот что интересно: именно этот “бедняк” обрёл огромный духовной авторитет на Руси, а в особенности – в Московском государстве. После смерти Симеона Гордого и всего его семейства от чумы Московский престол перешёл к последнему сыну Калиты – Ивану Ивановичу, прозванному Красным. При нём-то митрополитом и стал Алексей, ездивший на поставление к патриарху в Константинополь, или Царьград, как говорили тогда русские люди. Возвращаясь из Константинополя, Алексей попал в страшную бурю на Чёрном море, и утлый корабль его, кажется, уже был готов пойти ко дну. Алексей

взмолился ко Господу, что если останется жив, то построит храм Божий во имя своего спасения. Буря прекратилась. Алексей вышел на берег. Это было 16 августа (по старому стилю) – празднование памяти Перенесения Нерукотворного Образа (Убруса) Спаса из Едессы в Константинополь. Это так называемый “третий Спас” – его на Руси называют “Ореховым Спасом” (29 августа по новому стилю). Во имя этого праздника Алексей и решил построить в Москве храм. К кому он, святитель, обратился за благословением? К Сергию! Мало того, попросил смиренного Сергия прислать своего ученика для основания нового монастыря вокруг этого храма. Сергий прислал своего любимого ученика Андроника, тоже выходца из ростовских земель. Новый монастырь был основан на реке Москве, за Яузой, на пересечении двух дорог: южного тракта, ведущего в Крым, и владимирского тракта. Место стратегически важнейшее! Спасо-Андроников монастырь и ныне стоит вблизи улицы Сергия Радонежского на востоке Москвы, там сейчас располагается музей иконописи имени Андрея Рублёва. Святой “изограф” Андрей, по преданию, застал ещё Преподобного Сергия и был им выбран в духовные сыновья. Затем он был учеником Никона, продолжателя дела Сергия, стал монахом Андроникова монастыря, откуда ходил на свои иконописные “послушания” по всей Руси, а закончил свои дни в излюбленном своём монастыре за Яузой. Сам Сергий, когда бывал на Москве, куда обычно ходил пешком из своей обители, всегда останавливался у “брата Андроника”, а когда уходил, то Андроник с братией провожали его до Владимирского тракта. На том месте и сейчас стоит часовня “Проща” – скромный памятник святому путнику Сергию.

Разве пример с Андроником единичен? А кто основал Сторожевский монастырь под Звенигородом? Савва, прозванный Сторожевским, – ученик Сергия, особо близкий ему, он был даже его духовником. А сын Стефана Иван, в монашестве Феодор, что двенадцати лет был приведён своим отцом на выучку к Сергию, был пострижен им в монахи, жил в келье у него, а со временем основал Симонов монастырь около Москвы (названный так по имени Симона – монаха, в прошлом боярина, которому принадлежали земли, где был основан монастырь), он же позднее стал архиепископом Ростовским. Симонов монастырь к югу от Москвы стал крепостью на пути степных набегов. А уже из Симонова монастыря вышли великие русские святые Кирилл и Ферапонт – основатели знаменитых Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей на Севере Руси.

Если всё перечислять... 25 монастырей было основано учениками Сергия только при его жизни, а всего после его кончины – не менее 70-ти. Вот вам и “бедняк” с огородной грядки из лесной глухомани! Каждое слово этого “бедняка” гулом летело по русской земле, каждое новое чудо, совершённое Сергием, становилось известно всем, как только сам Сергий ни пытался скрывать этого. Но это уже было не в его власти! Задумаемся над этим явлением... Видимо, Русь ждала такого человека. Руси нужен был высокий моральный авторитет, ни на волосок не запятанный ничем, такой чистый дух, воплощённый в скромном теле этого рыжеволосого, чуть косящего, внешне невидного человека. Руси нужен был Учитель, нелицемерно несущий слово Христовой истины, как бы сам образ Христа несущий на себе. Потому что только такой человек мог благословить Русь на великую жертву – на битву за спасение “светло-светлой и украсно украшенной” Земли Русской.

В 1359 году, 33 лет от роду, скоропостижно умер великий князь Московский Иван Иванович Красный, оставив после себя малолетнего сына Дмитрия. Казалось бы, теперь соперникам Москвы, иным князьям предоставляется возможность отпасть от Москвы, попытаться счастья в поисках великого княжения... Не тут-то было! Московское правительство, возглавляемое митрополитом Алексием, авторитет которого был непререкаем, подняло, что называется, на щит малолетнего князя Дмитрия Ивановича и добилось для него ярлыка на великое княжение у золотоордынских ханов. Суздальско-Нижегородский князь Дмитрий Константинович, представитель княжеского рода, идущего от несчастного брата Александра Невского князя Андрея Владимирского, попытался, было, оспаривать Владимирский престол, но сильная московская рать, двинувшаяся на Владимир, скоро привела его в чувство, и в 1362 году он признал своего восьмилетнего родича Дмитрия Ивановича Московского великим князем. Когда Дмитрию Московскому будет 13 лет, он соединится браком с дочерью этого князя княжной Евдокией, и таким образом два самых сильных кня-

жества на Руси объединятся. Разумеется, брак этот будет устроен митрополитом Алексием.

Тогда же Москву постигнет большое несчастье – огромный пожар. Сгорит весь посад и часть дубовых стен Кремля. Малолетний князь Дмитрий (читай – митрополит Алексей) издаст указ о строительстве нового, уже каменного Кремля, и в пять лет на Кремлёвском холме псковскими мастерами будет построена белокаменная крепость. И вовремя! На Москву с Запада надвинулась новая страшная опасность: великий князь Литовский Ольгерд в 60-е годы XIV века совершил два военных похода на Москву, но не смог взять нового белокаменного Кремля. А у Ольгерда были весьма обширные планы. Этот талантливый полководец сумел в битве на Синих водах в южнорусских степях разбить ордынское войско, после чего под его власть попала вся Южная Русь – вместе с Киевом, Переяславлем-Южным и всей Подолией. Ольгерд, таким образом, стал князем Киевским и претендовал на власть над всей Русью. Ему осталось лишь захватить Москву, а Новгород (так он думал) и сам бы признал его своим господином – и вот нет уже никакой Руси, а есть Великая Литва!

Может быть, кому-то и понравилась бы такая “евроинтеграция”, как это произошло с Галицкой Русью после кончины всех наследников Даниила Галицкого, когда эта исконно русская земля попала под власть Польши. Но белокаменные стены Московского Кремля умерили тогда прыть литовского “интегратора”. А вскоре и сам Ольгерд умер, в Литве вспыхнула долгая смута и борьба за власть между его наследниками.

60-е – 70-е годы XIV века – это время решительного собиранья сил Московского государства перед историческим поворотом – освобождением русской земли от ига. И в это дело были включены все силы Руси – и светские, и духовные. Святители, подвижники веры, лесные молитвенники и смиренники – все были “мобилизованы”, если можно так выразиться, для этого дела. И тут огромный авторитет Сергия был своего рода “оружием”, которое работало весьма эффективно.

В 1365 году новая опасная смута готова была разрушить так трудно складывавшееся единство Руси. Брат суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича (тестя Дмитрия Московского) князь Борис Константинович захватил Нижний Новгород. Он мог обратиться за помощью к ордынцам, надо было пресечь этот мятеж в зародыше, пока не началась большая междоусобица, в которую, несомненно, вмешались бы и татары. Что делать? Двигать рати на Нижний Новгород?.. И такая рать была двинута: целое войско заменил собой скромный игумен Сергий, “нищий с огородной грядки”. Он пешком (Сергий никогда не пользовался конями – везде и всегда ходил пешком) двинулся к Нижнему Новгороду. Можно представить себе, как он шёл! В городах и сёлах к нему выходили массы народа, он всех благословлял. Люди пытались дотронуться до него, до его одежды, матери выносили детей. Сергий шёл не торопясь, служил молебны в церквях, святил воду, произносил проповеди. К Нижнему Новгороду он пришёл уже во главе изрядной толпы и, как Христос на своём осляти в Иерусалим, Сергий вошёл в город, и князь Борис не посмел замкнуть перед ним городские ворота. Напротив, он подошёл под благословение. Благословляя, Сергий дал Борису настоятельный совет покинуть город и не начинать смуты. Однако Борис не послушался – владеть таким богатым городом, как Нижний Новгород, было и престижно, и выгодно. Сергий больше не обращался к князю. Он стал обходить городские храмы и... закрывать их. Просто прекращать богослужения. Такое право ему было дано от митрополита Алексия. И службы прекращались, и никто не смел нарушить этот запрет! Можно себе представить, что творилось в городе, в какое смутное были погружены его жители. Их, по сути, отлучили от Бога! Но вот что удивительно: никто даже не подумал возмутиться действиями Сергия или преступить запрет. Этот скромный монах в глазах тогдашнего населения был “десницей Божией”, имел право карать и миловать. Оценивая это происшествие, мы можем понять, что тогда для всего народа русского значил Сергий. Это был уже не игумен Троицкой обители, не святитель, не пророк даже – это был Отец. Как отец в семье наставляет и имеет власть над ребёнком, так Сергий имел духовную власть над народом, и слово его было законом. Весь гнев нижегородцев обратился на князя Бориса, и Борис уступил. Он добровольно сдал город своему брату, а сам уехал в Городец на Волге, который получил

во владение. Так, одним только словом Сергия была предотвращена большая междоусобная война.

И вот тут перед нами вновь встаёт великая психологическая загадка: если Сергий мог так решительно применять свою духовную власть, мог поднимать народ и наказывать князей, то почему же он отказался принять от стареющего митрополита Алексия высшую церковную власть, когда глава всей Русской Церкви в конце 70-х годов вызвал его в Москву и поделился с ним печалью: он стареет, одолевают болезни, скоро преставится ко Господу. Кому доверить Церковь, а значит, и государство?.. Князь Дмитрий, конечно, умен, храбр, но бывает горяч, несдержан. В том числе и в своих увлечениях. Вот привязался он к некоему архимандриту московского Новоспасского монастыря Михаилу, прозванному Митяем (уж не зря прозвали, иронически переименовав его имя, — заслужил своим поведением такую насмешку!), сделал его своим духовником. Хочет князь “Митяя” после Алексия поставить митрополитом. А в этом для Церкви будет великая опасность, поскольку уж очень своеволен и заносчив отец Михаил, везде хвалится своим влиянием на князя, с иерархами Церкви ведёт себя грубо и заносчиво — типичный выскочка “из грязи в князи”. Но вот если Сергий согласится принять сан митрополита, надеть золотой “парамандный” крест... И с этими словами Алексей приказал принести этот крест и богатые архиерейские одежды, и всё это надеть на Сергия. Никто не возразит против того, чтобы Сергий стал митрополитом — ни князья, ни народ: Русь молится на своего чудотворца!.. И тут Сергий заплакал.

— Отец святой, — сказал он Алексею, — отроду не был я златоносцем, не буду и в старости. А коли будешь принуждать меня принять сан, моей скудости не подобающий, то уйду в леса, в пустыни, и не найдёте меня.

Алексий понял, что перед ним не “деятель” церкви, не святитель даже — Ангел во плоти, действительно ничего себе на земле не ищущий. Вспомнил Алексей рассказы монахов, что видели, как Сергию во время литургии *сослужают ангелы*, как огонь исходит из благословляющей руки его, — это видели многие. Понял Алексей, что Сергий и так уже имеет власть высшую, ни в каких чинах не нуждающуюся, понял и отступил. Благословил и отпустил в лесную обитель. А вскоре умер... И был уже грозный 1378 год — приближалась мамаева гроза...

Темник Мамай справился наконец-то со смутами в Орде. Истребил всех своих противников, в том числе и царевичей чингизидов — потомков Чингисхана и Батыя. Из чингизидов оставался лишь Тохтамыш, но он ушёл за Яик (ныне река Урал), прятался там в степях, блуждал, как затравленный волк. Сила и власть была у Мамая. Он провозгласил себя ханом. Золотая Орда, казалось, возрождалась.

Но что такое Золотая Орда? От основания своего разорителем Руси Батыем было это государство, существующее лишь за счёт грабежа и дани русских земель. Золотая Орда воевала со своими соседями — с Ираном, с Литвой и Польшей, с народами Кавказа, со среднеазиатскими ханствами, но всё это были дальние походы, которые не столько приносили прибыль, сколько требовали больших затрат. А Русь была рядом, её всегда можно было безнаказанно грабить, уводить в полон русский народ, торговать рабами, получая большую прибыль. Потому всякий раз, как Орда усиливалась, она усиливалась за счёт грабежа, прежде всего, Руси. Мамай, желая упрочить своё могущество — могущество узурпатора, волей случая захватившего престол чингизидов, — конечно, не видел иного средства, как только очередной грабёж русских земель. И потому набеги Мамая на Русь были особенно опустошительны и жестоки. В поговорку вошла фраза, бытующая в нашей речи и сегодня: “Как Мамай прошёл!”

С Мамаем невозможно было договориться, откупиться от него. Он был, говоря современным языком, “беспредельщик”. Мамаевы орды оставляли после себя пустыню. Целью Мамая было полное разорение и опустошение Руси, что, вероятно, должно было служить подготовкой нового нашествия на Европу по стопам Батыя. Сосуществовать с таким хищником было невозможно, тут, как говорится, кто кого. Князь Дмитрий Иванович Московский это понимал, потому он не искал мира с Мамаем, а готовился к решающей битве. Он не уклонялся от столкновений с отрядами Мамая, а сам выходил в степь со своим конным войском и искал сражений. В 1378 году Дмитрий Московский повёл полки за Оку, в рязанскую землю, где правил князь Олег Иванович Ря-

занский, правитель, принявший много страданий за свою вотчину. Рязань как окраинное русское княжество на границе со степью всегда первым подвергалось разорению и погромам. От постоянных набегов ордынцев запустела Старая Рязань, превратившись в мёртвый город, столицей княжества стал городок Переяславль-Рязанский, на месте которого и возникла со временем современная Рязань. Олегу Рязанскому приходилось нелегко между двух огней – Степной Орды, наседавшей с юга, и Москвы, грозившей ему с севера, потому он маневрировал, переходя то на одну, то на другую сторону. Вот и в 1378 году он не воевал с Ордой, но видел, как на реке Воже, недалеко от его стольного Переяславля-Рязанского, московское войско Дмитрия разбило орду Мамаева темника хана Бегича. Уже в следующем году, в отместку за разгром Бегича, снова пришёл Мамай и разорил... рязанские земли. Олегу трудно было с этим смириться, и к осени 1380 года он стал союзником Мамаю перед лицом страшного нашествия, поскольку Мамай собрал невиданную силу – 300 тысяч войска – и пошёл на Дмитрия Ивановича, чтобы окончательно покончить с Москвой. Олег написал Мамаю письмо с изъявлением покорности, но когда бояре сообщили ему, что Дмитрия на битву с Ордой благословил сам Сергей Радонежский, Олег в страшном смятении воскликнул: “Что же вы сразу не сказали мне, что Сергей с Дмитрием! Ведь с кем Сергей, с тем и Бог!” Олег бежал из Рязани в Литву, а впоследствии, когда в 1385 году к нему в Рязань пришёл сам Сергей улаживать очередную междоусобицу, Олег словно ждал этого: он тут же согласился на увещевания Преподобного и заключил мир с Москвой. Олег взял для своего сына в жёны дочь Дмитрия Донского и тем самым фактически устранил все препятствия для дальнейшего объединения Москвы и Рязани. И это, пожалуй, последнее великое свершение Сергея – вечного миротворца и радетеля за единство русской земли.

Мамай долго собирал войско для великого нашествия. Он посылал в Среднюю Азию к хивинцам, вызывал отряды ясов с Северного Кавказа, на Волге мобилизовал пять татарский орд (известно, что на поле Куликовом на Красном холме с Мамаем стояло 5 знатнейших татарских князей). Мало того, он привёл к походу на Русь и европейские силы! Через порт Кафу в Крыму (нынешняя Феодосия) к нему прибыло наёмное генуэзское войско, так называемая “чёрная пехота” – европейские латники, носившие чёрные доспехи и готовые сражаться за кого угодно, кто платит золотом. А золота у Мамаю было много.

Кроме того, Мамаю удалось заключить военный союз с литовским князем Ягайло, преемником Ольгерда. Итак, Мамай играл в беспроигрышную игру: он сумел вооружить против Руси, против Москвы, против Дмитрия окружающие страны. Это был своего рода объединённый поход врагов русской земли. Конечно, такой поход имел только одну цель – окончательно покончить с Русью, с самим существованием русских как нации, с самой православной русской цивилизацией. И Дмитрий это понял и начал со всей тщательностью готовиться к отпору. Во все подвластные Москве города и земли, во все союзные княжества были посланы гонцы. Дмитрий призывал *исполнить крестное целование* – встать единой ратью под Московские знамена. И что удивительно – всё исполнилось! Никто не отказал Дмитрию. Князья ростовские, ярославские, белозёрские, моложские, прозоровские (удела ярославского княжества), тарусские, кашинские, оболенские, мещерские, елецкие, стародубские, брянские, каргопольские, костромские, смоленские, холмские (из тверской земли) – все присоединились к войску Дмитрия. Почему я пишу “князья” во множественном числе? Да потому, что каждый князь шёл не один, а приводил с собой всех своих сыновей, племянников и прочих родичей. Вот пример: пришёл ярославский князь Роман Васильевич и привёл на битву пять своих сыновей! Да разве он один?.. Даже родич Ольгерда князь Андрей, княживший в Пскове, пришёл с дружиной, пришёл Дмитрий Ольгердович, другой сын Ольгерда – князь трубчевский. Правой рукой Дмитрия был воевода Дмитрий Михайлович Боброк Волынский – выходец из Западной Руси (тот самый знаменитый Боброк Волынец, чья выдержка и мудрое слово решили исход Куликовской битвы). И, наконец, был тут отважный Владимир Андреевич, князь серпуховской, двоюродный брат Дмитрия, сын того самого князя Андрея Ивановича из Радонежа, близкого знакомого преподобного Сергея. Владимир Андреевич заслужил наименование Храброго, ибо это он повёл за собой Засадный полк и обратил в бегство Орду на Куликовом поле.

Помимо князей “со дружинами”, шли и бояре со своими людьми да и городовые ополчения, так называемые “тысячи” со своими тысяцкими. Дороги к Москве были запружены, так что великий князь Дмитрий распорядился назначить место сбора всех отрядов в Коломне. Так только в Коломну от Москвы рати шли по трём дорогам и то не вмещались! Это было воистину всенародное ополчение. Шла православная Русь на великую битву, и этому народу нужен был духовный пример, высокое освящение жертвенного подвига. Кто мог тогда дать такое освящение, кому верила Русь... Ну, не Митяю же, который в это тяжёлое время бросил Русь и пробирался в Константинополь к Патриарху в тщетной надежде выхлопотать себе митрополичью шапку. Москва осталась без духовного владыки, но такой владыка находился в Троицком монастыре в лесах у Радонежа. И вот 18 числа августа месяца (по старому стилю) князь Дмитрий Иванович выехал из Москвы не в сторону Коломны, а на северо-восток – в Троицкую обитель Сергия. Игумен вышел к нему, и Дмитрий попросил благословения на битву. Сергей спросил князя, всё ли он сделал, чтобы предотвратить кровопролитие, как велит долг христианина?

– Всё сделал, святой отец, – отвечает Дмитрий, – богатые дары были посланы Мамаю, дань обещана двойная – всё напрасно. Мамай идёт в силе тяжкой, желает истребить само имя христианское на Руси, чтобы люди русские и Бога забыли, а стали рабами бессловесными.

– Тогда он погибнет, – твёрдо молвил Сергей, – ибо сказано: просят золота – дай золота, сколько хотят, последнюю рубашку снимают – отдай и рубашку, но если Бога велют забыть – тут не смирайся, ибо Бог поругаем не бывает. Иди на битву смело, ты победишь!

И тут же велел он двум монахам, бывшим воинами, – Александру Пересвету из Брянска и Андрею Ослябе из Любеча – в схиме идти за князем в поход на Мамай. Воины-монахи только того и ждали. Они приняли благословение своего настоятеля, и вскоре поражённые ратники Дмитрия увидели их выходящими из келий в чёрной одежде с нашитыми белыми крестами и без кольчуг. Так они и пошли на битву. Это смертники. Приняв схиму, они словно умерли при жизни ради Христа и Его победы.

Получив благословение Сергия, Дмитрий через день прибыл в Коломну. Там он принял смотр всего войска, и русские воины, стоящие на Девичьем поле у Оки, впервые увидели не обычный, не багряный, а чёрный стяг великого князя с нашитым на нём золотом образом Спаса Нерукотворного. Стяг чёрный – это знак жертвенности. Все содрогаются, всем понятно, что они идут на смерть. Чтобы приободрить войска Дмитрий, приказывает поднять на копье, словно хоругвь, икону Божией Матери, недавно написанную великим “изографом” Феофаном Греком. На иконе Божья Мать скорбит, но лицо её твёрдо и непреклонно. Все молятся. Возврата нет.

Войско шесть дней шло к месту битвы, к берегам Дона, ныне это юг Тульской области, у города Узловая. В том месте невеликая речка Непрядва впадает в широкий ещё Дон. Хотя в то время Дон в верхнем течении был полноводнее, он вытекал из большого Иван-озера, располагавшегося на месте нынешнего города Новомосковска. Озеро это пересохло во времена императора Петра I из-за неправильного строительства канала в этом районе. А в то время и в верхнем течении Дон был нешуточной рекой. За Доном расстиралось широкое и ровное Куликово поле с редкими дубовыми рощами по окраинам, с небольшой возвышенностью, называемой Красным холмом, на южной стороне. Идеальное место для битвы! Но и опасное – тут простор для конницы, а ведь это – основная сила ордынцев. За Доном отсидеться было бы проще, но и нанести решающее поражение орде оттуда было невозможно. Это понял Дмитрий, но как воодушевить своих воевод, да и простых воинов... И тут прибывает гонец от Сергия. Он везёт послание Преподобного к Дмитрию. Сергей пишет: “Без всякого сомнения, господине, вступи в бой со свирепостью, их нисколько не устрашаясь, – обязательно поможет тебе Бог”. Прочитав это послание, Дмитрий приказывает войскам перейти Дон. Это было вечером 7 сентября (по старому стилю), в канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы...

В самый день праздника в Троицкой обители у Сергия совершалась, как всегда, ранняя литургия. Ранняя – это 6 часов утра, раннее утро. В это время на Куликовом поле начали развёртываться русские полки. Рассвет был, как говорит предание, туманен и холоден. Войска развёртывались широким

фронтом в 10 вёрст. Никогда ещё Русь не выводила в поле такую силу! Но и со стороны Орды начали развёртываться конные отряды, а в середине ордынских порядков зачернели ряды генуэзской пехоты – европейские латники шли в бой против православного войска. Воистину прав наш великий поэт Фёдор Тютчев (дальний предок которого, боярин Захарий Тютшев, кстати, был послом князя Дмитрия к Мамаю с предложением мира, но Мамай отверг этот мир), когда писал:

*Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна восстали царства тьмы...*

Литургия в Троицком храме у Сергия заканчивалась, когда игумен вдруг прервал службу и, словно зачарованный, начал говорить своим монахам и прихожанам, которых много собралось в храме, ведь был праздник. Он начал рассказывать о битве, о том, что вот сейчас выезжает из русских рядов Александр Пересвет... Вот выезжает встречь ему могучий видом ордынец, по роду печенег, – Челубей. Вот он что-то кричит Пересвету, оскорбляет его, похваляется своей силой... Вот они устремились навстречу... И копьями пронзили друг друга!

– Прими, Господи, душу брата нашего, раба Твоего Александра!.. – восклицает Сергей.

Потрясённые прихожане и монахи обители, а среди них был и молодой инок Епифаний, прозванный впоследствии Премудрым, не шелохнувшись, слушают в молчании рассказ Сергия о свершающейся сейчас, вот в это самое время битве. Сергей словно парит в храме, взор его устремлён куда-то вдаль, он сейчас не здесь, он там – в поле, среди русских ратников. Он видит всё, что там происходит, и тут же рассказывает об этом. Он видит, как князь Дмитрий в латах простого ратника сражается в первых рядах своего войска... Вот на него бросились восемь ордынцев! Он отбивается, прижавшись спиной к дереву. Меч его рубит одного врага, другого... Князь получает сильный удар по шлему, падает, оглушённый, и на него падают мёртвые, только что зарубленные им ордынцы. Но он жив, да спасёт его Богоматерь!

А это что?.. Фряжская рать прорубилась в самую середину нашего стана! Бой идёт у княжеского стяга. В доспехах великого князя Дмитрия, в его багряном плаще, что зовётся “корзно”, сражается воевода Михайло Бренок. И вот он поражён смертельно, и стяг княжеский падает, подрубленный фряжским мечом. Прими его душу, Господи!

Но сражаются ещё в середине русского войска князя белозёрские со своей дружиной, что весело шли на битву и “нарядно выглядело их войско” (как написано в “Сказании о Мамаевом побоище”). Но падают убитые один за другим князь Фёдор Романович Белозёрский и сын его Иван. Прими их души, Господи!

И, кажется, одолевают сыроядцы... Но стоит ещё за густой дубравой засадный полк воеводы Дмитрия Боброка Волынца и князя Владимира Серпуховского. И рвётся в бой молодой князь Владимир, но воевода Дмитрий удерживает его: “Пожди, князь, пусть ветер переменится на них!” И переменился ветер... и пошла русская конная рать разворачиваться лава за лавой, и ударила по орде сзади. А запасных ратей у ордынцев нет – все силы Мамай бросил в битву. И возопили ордынцы: “Увы нам! Мы все русские рати порубили, а ныне русские мёртвые да побитые живыми встали!” И бросилась орда в бегство, и Мамай бежал с Красного холма, бросив всё достояние своё: и казну золотую богатую, и шатёр свой, и все князья ордынские бежали с ним.

...Молчание царило в Троицком храме. Преподобный Сергей закончил свой рассказ и замолчал, лишь горели глаза его, да осунувшееся лицо словно светилось в полумраке невеликого деревянного храма.

– За нами победа, мы победили, – закончил он и пал без чувств.

Два года жила Русь свободно, только два года... А в 1382 году пришли из Степи новые грозные вести. Мамай, бежавший с Куликова поля, не успокоился. Он усиленно собирал новое войско. И собрал. Он пылал ненавистью к Дмитрию и готовился в новый набег. Но, видно, уж он был проклят от Бога,

по слову Сергия, и дни его были сочтены. Из зауральских степей явился хан Тохтамыш, потомок Чингисхана, захватил столицу Орды город Сарай, а Мамай со своим войском отошёл в причерноморские степи. И там, на знаменитой речке Калке, возле нынешнего Мариуполя, произошла решающая битва. Мамай был разбит Тохтамышем, потерял всё войско, бежал в Кафу (Феодосия), и там его зарезали генуэзцы, видимо, в отместку за своих воинов, что не вернулись из похода на Куликово поле. Тело его было брошено в море на корм рыбам. Так закончил свои дни этот злейший враг Руси.

Однако Тохтамыш, утвердившись в Орде, сразу предъявил свои права на дань с русских земель и затребовал её с Дмитрия. Дмитрий послал богатые дары новому ордынскому царю, но явно дал понять, что Русь теперь независима. У Тохтамыша не было сил поднять новое большое нашествие на Русь, но их хватило, чтобы устроить неожиданный и коварный набег, что и произошло в 1382 году. Дмитрий не успел собрать большое войско и ушёл в Кострому, а Москва сопротивлялась набегу. Тохтамыш, обозрев новые московские каменные стены, понял, что ему их никогда не взять. И он пошёл на хитрость. Он привёл под стены Москвы двух братьев великой княгини Евдокии, и те клятвенно пообещали москвичам, что Тохтамыш желает только мира. И Москва открыла свои ворота... Ордынцы ворвались в Кремль и устроили там страшный погром. Они не брали пленных, у них не было времени вести пленников в Орду, они опасались войск князя Дмитрия, шедших с севера. И потому они убивали всех...

Узнав, что приближается Дмитрий с полками, Тохтамыш тут же бежал в степь, а один из отрядов Тохтамыша у Волока Ламского был наголову разбит войском Владимира Андреевича Храброго – героя Куликовской битвы. Прошло время безнаказанного хозяйничанья ордынских отрядов на Руси и их карательных нашествий. Теперь ордынцы могли лишь по-разбойничьи набегать на пограничную Русь, хватать, что попадётся под руку, и бежать стремительно в степь, едва услышав о приближении русских войск. Возможно, Тохтамыш и готовил новое великое нашествие на Русь, но в 1395 году сама Золотая Орда была уничтожена, сметена с лица земли нашествием Тамерлана, знаменитого и безжалостного “железного хромца”, владыки Самарканда. В ожесточённом сражении в предгорьях Кавказа Тохтамыш был уничтожен, по приказу Тамерлана была сожжена и разрушена до основания столица Орды Сарай. Золотая Орда окончательно распалась на ряд ханств. Сам Тамерлан устремился на Русь, и русское войско во главе с князем Василием Дмитриевичем (сыном Дмитрия Донского) на Оке выстроилось в ожидании битвы. Но... Тамерлан неожиданно повернул назад. Ему во сне явилась сама Пресвятая Богородица и сказала владыке Востока, что если он пойдёт на Русь, то все силы небесные обрушатся на него. Тимур был умный и осторожный политик, верящий в судьбу. Развернув свои войска, он ушёл в степь. В это время вся Москва постилась и молилась о спасении Руси перед иконой Владимирской Божией Матери, перенесённой по этому случаю в Москву. И Бог спас Московскую Русь.

К тому времени уже не было в живых ни князя Дмитрия Донского, ни Святого Сергия Радонежского. Рано ушёл из жизни князь Дмитрий, тяжело пострадавший на поле Куликовом. А в 1392 году преставился ко Господу и Святой Сергий. Перед кончиной ему было явление Пресвятой Богородицы, и она сказала рабу Божию Сергию, что молитвы его дошли до Господа, и лавра, основанная им, устоит.

И, может быть, с тех пор и живёт в русском народе великая и благая весть, что доколе стоит лавра Преподобного Сергия, стоит и Русь.

И идут, идут люди в лавру к Сергию поклониться его мощам, что покоятся в серебряной раке в Троицком соборе лавры. И каждый получает утешение, но главное – это светлое чувство, охватывающее всякого, кто приходит в это святое место. И только побывав там, мы можем уразуметь в полной мере слова Преподобного, обращённые к крестьянину, что когда-то никак не мог признать игумена Сергия в бедняке, копавшем огородные грядки:

“Не печалься! Здесь милость Божья такая, что никто печальным не уходит отсюда. И о чём ты печалишься, что ищешь и чего желаешь – тотчас даст тебе Бог”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Житие Сергия Радонежского. Написано Премудрейшим Епифанием. По изданию: Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., “Художественная литература”, 1981.
2. Задонщина. Там же.
3. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича. Там же.
4. Житие и подвиги Преподобного отца нашего Сергия Радонежского. Архиепископ Никон (Рождественский). М., Издательство Сретенского монастыря, 2010.
5. Сергей Радонежский. СПб, “Ленинградское издательство”, 2012.
6. З а й ц е в Б. К. Преподобный Сергей Радонежский. В книге: Голубая звезда. Тула, “Приокское книжное издательство”, 1989.
7. Сказание о Мамаевом побоище. По изданию: Энциклопедия Куликова поля. Новомосковск Тульской области, 1996.
8. О побоище, которое было на Дону. Летописная повесть по тексту IV Новгородской летописи. Там же.
9. С о л о в ь ё в С. М. История России с древнейших времён. М., “Голос”, 1993. Тт. 3 и 4.
10. Ключевский В. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства. В сборнике: Сергей Радонежский. М., “Патриот”, 1991.
11. Распутин В. Ближний свет издалека. Там же.
12. Отец Павел Флоренский. Троице-Сергиева лавра и Россия. Там же.

ИРИНА МОНАХОВА

ГЛУБОКОЕ, ТАИНСТВЕННОЕ, НЕУЛОВИМОЕ

Полемика В. Г. Белинского и К. С. Аксакова о “Мёртвых душах”

В 1842 году были опубликованы “Мёртвые души” Н. В. Гоголя. Произошедший в том же году печатный обмен мнениями по поводу этой книги между В. Г. Белинским и К. С. Аксаковым стал одним из самых ярких эпизодов полемики между западниками и славянофилами, хотя содержание этой литературной дискуссии явно выходило за рамки идеологического спора этих двух “партий”. Слишком масштабен и важен в художественном плане был сам по себе предмет спора – недавно вышедшая в свет гоголевская поэма.

В брошюре “Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или Мёртвые души” Константин Аксаков высказал такое мнение: “В поэме Гоголя является нам тот древний, гомеровский эпос. <...> В поэме Гоголя явления идут одни за другими, спокойно сменяя друг друга, объемлемые великим эпическим созерцанием, открывающим целый мир, стройно предстающий со своим внутренним содержанием и единством, со своею тайною жизнью”¹.

В письме осенью 1842 года Константин Аксаков сообщал Н. В. Гоголю: “Открылась для меня внутренняя гармония всего создания, стали в одно целое все малейшие черты, понятна стала глубочайшая связь всего между собою, основанная не на внешней анекдотической завязке (отсутствие которой смущает с первого разу), но на внутреннем единстве жизни. <...> Когда стал я говорить о “Мёртвых душах”, то нашёл согласным с собой Хомякова и Самарина. “Это древний эпос с его великим созерцанием, разумеется, современный и свободный в наше время, – но это он”, – услышал от меня Павлов, и вдруг то же услышал <я> от Хомякова”².

С. Т. Аксаков под влиянием сына также считал его мнение “истинной точкой” и в письме Н. В. Гоголю от 3 июля 1842 года отмечал: “Я не допустил бы Константина печатать восторженный вздор; напротив, эта статья указывает истинную точку, с которой надобно смотреть на ваше творение, и открывает причины, почему красоты его не вдруг могут быть доступны испорченному эстетическому чувству большей части людей”³.

Однако славянофильский журнал “Москвитянин” статью К. С. Аксакова о “Мёртвых душах” печатать отказался, а когда Константин Сергеевич выпустил её в виде отдельного издания, он встретился в основном с неприятием своей точки зрения, что и вынужден был признать в письме Н. В. Гоголю осенью 1842 года: “Брошюрка была написана скоро; может быть, неясно, – и на неё многие, почти все, напали, искажая сказанные в ней мысли”⁴, и в письме

Ю. Ф. Самарину в августе 1842 года: “Я узнал, что Кетчер (след<овательно> и Гранов<ский> и др.) против меня и даже согласен с статьёй Белин<ского>”⁵.

Белинский в “Отечественных записках” отрицательно отозвался об этой аксаковской трактовке как о “недоконченной мечте” в статье “Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или Мёртвые души” и пояснил: “В “Илиаде” жизнь возведена на апофеоз: в “Мёртвых душах” она разлагается и отрицается; пафос “Илиады” есть блаженное упоение, приистекающее от созерцания дивно божественного зрелища: пафос “Мёртвых душ” есть юмор, созерцающий жизнь сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слёзы”⁶.

Продолжая полемику, Константин Аксаков в ответ на эту рецензию Белинского написал “Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мёртвые души” и напечатал его в журнале “Москвитянин”. Стремясь доказать свою правоту, Аксаков подчёркивал, что его слова неправильно поняли, неверно интерпретировали, отметив при этом своё негативное отношение к “куче петербургских журналов”. В ответ на это его выступление Белинский опубликовал в “Отечественных записках” уже более обстоятельную статью под названием “Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мёртвые души”. Здесь он не только обрушился с критикой, местами довольно резкой, на Аксакова (“Брошюра г. Константина Аксакова вся состоит из сухих, абстрактных построений, лишённых всякой жизненности, чуждых всякого непосредственного созерцания, <...> поэтому в ней нет ни одной яркой мысли, ни одного тёплого задушевного слова. <...> Это умозрения, спекулятивные построения, гегелевская философия – на замоскворецкий лад”⁷), но и изложил ряд важных тезисов о художественном своеобразии “Мёртвых душ”.

С этой точки зрения, данная полемика привела к весьма ценному результату. Да и сам Белинский подчеркнул, что решил продолжить спор только “ради важности предмета”. Отмечая, что, “сбившись с прямого пути названием поэмы, <...> г. Константин Аксаков готов находить прекрасными людьми всех изображённых в ней героев. <...> Это значит понять поэму Гоголя совершенно навыворот”⁸, Белинский указывает: “Илиаду” может напомнить собою только такая поэма, содержанием которой служит субстанциальная стихия национальной жизни, со всем богатством её внутреннего содержания, в которой эта жизнь полагается, а не отрицается”⁹; “Субстанция народа может быть предметом поэмы только в своём разумном определении, когда она есть нечто положительное и действительное, а не гадательное и предположительное, когда она есть уже прошедшее и настоящее, а не будущее только”¹⁰. “Пафос поэмы, – пишет Белинский, – состоит в противоречии общественных форм русской жизни с её глубоким субстанциальным началом, доселе ещё таинственным, доселе ещё не открывшимся собственному сознанию и неуловимым ни для какого определения”¹¹.

Интересно, что и сам Гоголь отрицательно высказался об аксаковской трактовке “Мёртвых душ”. “Горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль – ещё ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем”¹², – писал он в марте 1843 года С. Т. Аксакову, который, в свою очередь, признал в письме Гоголю в феврале того же года: “Я боюсь, что вы недовольны или досадуете за брошюрку Константина. <...> Я сам знаю, что это ошибка, и немаловажная: с его стороны – написать, а с моей – позволить печатать”¹³.

Правда, в то же время, когда велась эта полемика, Белинский в письме В. П. Боткину от 9–10 декабря 1842 года упоминает об идее Константина Аксакова не в таком прямо полемическом духе, как в статьях, а как бы пытаясь найти ей место в своём мировоззрении, но, конечно, совсем не такое, как задумывал её автор. И вот он нашёл её место, хотя и в ироническом смысле, – в контексте своих довольно грустных размышлений о российской действительности, связанных со смертью его друга поэта А. В. Кольцова: “Страдалец был этот человек – я теперь только понял его. Мне смешно, горько смешно вспомнить, как презывал я его в Питер, как спорил против его возражений. К<ольцов> знал действительность. Торговля в его глазах была синоним мошенничества и подлости. <...> Одна мысль о начатии нового поприща унижения, пролазничества, плутней приводила его в ужас – она-то и усахарила его. <...> Я понимаю, почему на святой Руси для денег редкий, кто не продаст жёны, детей, совести, чести, будущего спасения души, счастья и покоя ближнего и пр. Чичиков действительно Ахилл русской “Илиады”¹⁴.

Помимо аксаковской идеи о “Мёртвых душах” как о возвращении древнего гомеровского эпоса, полемика касалась и другого, связанного с нею вопроса – о мировом значении гоголевского творчества. Аксаков поставил Гоголя на самую вершину мирового поэтического Олимпа (в соседстве лишь с Гомером и Шекспиром), придавая ему мировое значение, правда, с оговоркой – в отношении акта творчества: “У кого встретим мы такую полноту, такую конкретность создания? <...> Очень у немногих: только у Гомера и Шекспира встречаем мы то же; только Гомер, Шекспир и Гоголь обладают этою тайною искусства. <...> Гоголь не сделал того теперь, <...> что сделали Гомер и Шекспир, и потому, в отношении к объёму творческой деятельности, к содержанию её, мы не говорим, что Гоголь то же самое, что Гомер и Шекспир; но в отношении к акту творчества, в отношении к полноте самого создания – Гомера и Шекспира, и только Гомера и Шекспира ставим мы рядом с Гоголем”¹⁵.

Отчасти уже в самом этом тезисе заключается противоречие: упорное отождествление “Мёртвых душ” с древним гомеровским эпосом поневоле наводит на мысль об их вторичности. Совместима ли вообще такая вторичность, вытекающая из идеи Аксакова, с его же утверждением о принадлежности этого произведения к самым высоким вершинам поэзии?

Белинский же утверждал, что Гоголь, являясь великим поэтом, имеющим огромное значение для России, вряд ли найдёт такое же понимание за её пределами: “Гоголь – великий русский поэт, не более; “Мёртвые души” его – тоже только для России и в России могут иметь бесконечно великое значение. Такова пока судьба всех русских поэтов; такова судьба и Пушкина. Никто не может быть выше века и страны; никакой поэт не усвоит себе содержания, не приготовленного и не выработанного историей. Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть передано на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанциального достоинства; но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано. <...> Чем выше достоинство Гоголя как поэта, тем важнее его значение для русского общества и тем менее может он иметь какое-либо значение вне России. Но это-то самое и составляет его важность, его глубокое значение и его – скажем смело – колоссальное величие для нас, русских. Тут нечего и упоминать о Гомере и Шекспире, нечего и путать чужих в свои семейные тайны. “Мёртвые души” стоят “Илиады”, но только для России: для всех же других стран их значение мертво и непонятно”¹⁶; “Мы первые признаём “Мёртвые души” Гоголя великим по самому себе произведением в мире искусства, для иностранцев лишённым всякого общего содержания, но для нас тем более важным и драгоценным”¹⁷.

Здесь важно отметить мысль Белинского о непереводаемости Гоголя. Действительно, сила гоголевских произведений, – прежде всего, в непосредственной, органической связи с “почвой”: русской культурой, языком, человеком, живущим рядом с ним на этой земле. Но то же самое и осложняет их восприятие в переводе и в чужой культуре. Особенная пластичность, живописность, острота и живость гоголевского стиля, высокая поэзия его прозы уже сами по себе, даже помимо сюжета, захватывают читателя, не говоря уже о тонком понимании жизненных реалий русской действительности, – все эти свойства, создающие особенный мир гоголевской прозы, во многом непереводимы. С этим обстоятельством связан и тезис Белинского о том, что значение Гоголя за пределами русской культуры невелико, – прежде всего, из-за его по большей части непереводаемости. И в этом ключ к пониманию позиции Белинского по данному вопросу, которая, на первый взгляд, может показаться более далёкой от истины, чем точка зрения Аксакова, ставившего Гоголя в один ряд только с Гомером и Шекспиром. Однако здесь не всё так однозначно и прямолинейно, учитывая дальнейшее со времён Белинского развитие литературы.

Сегодня сочинения Гоголя переведены на многие языки, их читают и изучают во многих странах мира. Гоголь среди наиболее известных русских классиков, его творчество оказало влияние не только на русских, но и на некоторых зарубежных писателей. Но разве это отменяет тезис Белинского о *большей частью непереводаемости* гоголевских творений? Неслучайно всё-таки корифеями, так сказать, мировой популярности среди классиков русской литературы являются Толстой и Достоевский, о которых как раз не скажешь, что они “непереводимы”, и чей путь к мировому читателю по этой причине гораздо легче и проще. Известность Гоголя (как и Пушкина) в мире ещё

не означает его понимания зарубежным читателем во всём масштабе его творчества, как это доступно читателям, находящимся в контексте русской культуры. Таким образом, Белинский как бы предвидел появление в дальнейшем в русской литературе таких писателей, которые станут властителями дум не только соотечественников, но и иностранной публики. И по сравнению с ними он и оценивал мировое значение Гоголя, которое, в частности, зависит от возможности понимания и восприятия его творчества за пределами русской культуры.

Ещё один довод Белинского — в произведениях Гоголя нет того положительного содержания, которое должно прежде выработаться в жизни, а потом уже может появиться в искусстве и быть показано миру, поэтому их значение, великое для России, невелико и неясно для мира. Впрочем, с этим доводом Аксаков и не спорил, подчёркивая мировое величие Гоголя (на уровне Гомера и Шекспира) только в одном отношении — в акте творчества. Таким образом, Аксаков, поставив вопрос о мировом значении гоголевского творчества, оставил его не вполне ясным, недоговоренным. Ведь если, по Аксакову, Гоголь так велик только в акте творчества, а не в его содержании, то какой интерес может в мировом масштабе представлять сам по себе этот абстрактный “акт творчества”?

Как представляется, вопрос о мировом значении Гоголя столь сложен и значителен, что он не мог быть решён и подробно рассмотрен в такой полемике. Для этого Белинскому понадобилось бы специальное подробное исследование его творчества, подобное циклу статей о Пушкине, которое он и предполагал написать в будущем (и упоминал об этом своём намерении в печати), но план этот осуществить не успел. Вероятно, такое масштабное исследование произведений Гоголя сделало бы мнение Белинского о его мировом значении более сложным и не столь категоричным и однозначным (например, сам Гоголь указывал на положительное начало в комедии “Ревизор”, которым является смех — “одно честное благородное лицо”, действующее во всём продолжении пьесы¹⁸). Разговор же в рамках полемики располагал к особенной заостренности и категоричности формулировок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981. С. 143–144.

² Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 35.

³ Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 24.

⁴ Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 36.

⁵ Литературное наследство. Т. 56. М., 1950. С. 167.

⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1955. С. 255.

⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1955. С. 412, 416.

⁸ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 430.

⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 430.

¹⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 420.

¹¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1955. С. 430–431.

¹² Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 45.

¹³ Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 43.

¹⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. XII. М., 1956. С. 123.

¹⁵ К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981. С. 148.

¹⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 259.

¹⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 420.

¹⁸ Н. В. Гоголь. Театральный разъезд после представления новой комедии. // Н. В. Гоголь. Собр. соч. Т. 4. М., 1984. С. 257.

НАТАЛИЯ КУЛИКОВА

“ЖИВОЕ ЛИЦО ВРЕМЕНИ”

В 2014 году – двойной юбилей русского литературного критика Игоря Дедкова. В апреле исполняется 80 лет со дня его рождения, в декабре – 20 лет со дня смерти. Он был одним из наиболее ярких, талантливых и интересных критиков 60-х – начала 90-х годов. Писал о “деревенской прозе”, о “военной прозе”, о книгах, где бьётся пульс живой народной жизни со всеми её сложностями и противоречиями. “Без верности жизни – какая литература?” – спрашивал И. Дедков. Но и критерий высокого художественного уровня произведений был для него необычайно важен.

В 70-е годы И. А. Дедков активно сотрудничал с журналом “Наш современник”. Это было время, когда журнал объединял на своих страницах лучшие литературные силы страны. В журнале печатали свои новые произведения Фёдор Абрамов, Василий Белов, Виктор Астафьев, Сергей Залыгин, Гавриил Троепольский, Василий Шукшин, Владимир Тендряков. Главный редактор журнала Сергей Викулов пригласил к сотрудничеству и молодого костромского критика И. Дедкова. В журнале были напечатаны его статьи о прозе В. Распутина, Е. Носова, С. Залыгина, В. Семёнова, К. Воробьёва. В 1975 году за статью “В поле две воли... Проза Гавриила Троепольского” И. А. Дедкову была присуждена премия журнала по разделу критики. Позднее, ещё во времена редакторства С. Викулова, пути журнала и критика разошлись. В 90-е годы, когда редактором “Нашего современника” стал Ст. Куняев, И. Дедков также занимал по отношению к журналу и его авторам достаточно критическую позицию.

В своих заметках я не собиралась вдаваться в суть идейных разногласий Игоря Дедкова с разными литературными партиями и направлениями. В чём-то он, наверное, заблуждался, отнюдь не всегда был прав. Иметь свою собственную позицию в годы “разброда и шатаний” очень нелегко. На чьей стороне правда – покажет время. Мне хочется написать о человеке и критике И. А. Дедкове, показав его таким, каким я его помню и люблю. Думается, что именно журнал “Наш современник” с его любовью к русской классической литературе и критике в год двойного юбилея Игоря Александровича должен добрым словом вспомнить о нём, потому что он любил Россию, провинцию, живую народную жизнь, болел за судьбу простого человека. Чтобы мы все его помнили.

“Живое лицо времени” – так называлась книга очерков и размышлений о прозе 70–80-х годов, которую Игорь Александрович Дедков подарил мне летом 1986 года в Костроме, когда я приехала туда в отпуск.

Игорь Дедков был одним из самых интересных литературных критиков тех лет. В начале 60-х годов, когда совсем молодой девчонкой после окончания школы я работала помощником корректора в газете “Молодой лени-

нец”, я встречала Игоря Александровича и его жену Тамару Фёдоровну (они работали тогда в областной газете “Северная правда”) на совместных поэтических вечерах в редакции “Северной правды”, во время поездок “на картошку”. Статьи И. Дедкова в костромских газетах уже тогда обращали на себя внимание искренностью, талантом, хорошим литературным языком и какой-то интеллигентностью. Отец знал его ближе, об их семейной паре он всегда говорил с любовью, уважением и даже нежностью, что нечасто встречается в газетном мире, где не очень-то признают чужие авторитеты. Вместе они были для него “Игорь Дедков и Тамарочка Сальникова”.

К сожалению, запомнилось далеко не всё из тогдашнего нашего разговора в том далёком 86-м году, больше говорили они с отцом — их многое связывало в костромском литературном мире, я в основном слушала. Запомнила скромную, небольшую квартирку на проспекте Мира, где всюду были книги — на стеллажах, на полках, на столе... Игорь Александрович говорил о том, что работает над новой статьёй о творчестве В. Богомолова — они переписывались, дружили, — что скоро должна выйти его статья о новом романе Ю. Бондарева “Игра” (за эту статью на костромского критика тогда многие ополчились!). Говорили и о том, что есть планы переехать в Москву — там жили его и Тамары Фёдоровны родители, учился в университете младший сын, — что С. П. Залыгин, только что назначенный редактором “Нового мира”, приглашает в журнал первым замом, но полной определённости нет...

Собственно, в Кострому Игорь и Тамара приехали по распределению после окончания Московского университета, но за тридцать без малого лет жизни и работы сердцем прикипели к этому старинному провинциальному городу. Какой непростой была эта жизнь, я поняла только позже, в 90-е годы, когда Игоря Александровича уже не было в живых, читая в “Новом мире” его дневники, подготовленные к печати женой Тамарой Фёдоровной — низкий ей за это поклон.

Как память о той примечательной встрече у меня осталась книга “Живое лицо времени” с автографом: “Наталии Сергеевне Куликовой на добрую память о Костроме и авторе. С самыми добрыми пожеланиями Игорь Дедков”. Есть в нашей семье и ещё одна дорогая нам книга И. А. Дедкова, вышедшая в Ярославле в 1981 году и подаренная им отцу, — “Во все концы дорога далека”. Она открывается прекрасным очерком “Пейзаж с домом и окрестностями” — пронзительно лиричным объяснением в любви к провинции и Костроме.

Кострома не была его малой родиной, он приехал туда в сентябре 1957 года после окончания факультета журналистики МГУ. Вот как Игорь Александрович пишет об этом в очерке 1979 года “Пейзаж с домом и окрестностями”: “А где же моя малая родина, — иногда думаю я, — где дом тот и сад, речка под горой, поле за речкой, ржаные колосья выше головы?... Ни крыльца, ни дома, ни сада, ни улицы.

Мне было семь лет, когда в сорок первом мы бежали из Смоленска в ближние, а потом в дальние деревни, в ближние, а потом в дальние города, и назад уже не вернулись.

После войны осели в Подмосковье, перебрались в Москву, но и в Москве прожил недолго. Так получилось: нигде — долго; ни в Смоленске, ни в Киргизии, куда забросила война и где лечился в детском санатории от туберкулёза, ни в подмосковной Ухтомке... Но сколько детей не выжили в ту войну, а те, кто выжил, болевшие, голодавшие, скитавшиеся, — счастливы!” Так он считал.

“Когда распределяли на работу, я попросил о Вологде или Костроме”, — подростком с родителями недели две отдыхал в Щелькове, и навсегда запомнились эти места, связанные с великим Островским и его “Снегурочкой”. Приехал в Кострому не только по распределению, но и по чувству нравственного долга. Те, кто считал работу в провинции принудительной, через два-три года подтягивались в столицу и устраивались поудобнее. Игорь Дедков остался.

“...приехал в Кострому работать. Позже понял, что приехал жить... Наверное, Кострома и есть моя настоящая малая родина. Что толку искать, выдумывать другую, когда полжизни прожито здесь, лучшие годы, что ни говори... Теперь это твой дом, думаю я ещё, дом твоей семьи, твоих друзей и знакомых, твоё пристанище и прибежище, твой ближайший мир, где ты более чем где-либо — свой”. И ещё: “Если человек хочет работать, то он работает всюду, и лишь это имеет значение”. Для Дедкова это было важно — это

были “какие-то высшие правила жизни, которые нельзя нарушать, кто бы и сколько бы раз ни нарушал их вокруг”.

Где же начало, истоки, корни нравственных принципов, характера, тех самых *правил жизни*, нарушать которые нельзя ни при каких обстоятельствах? Все мы родом из детства. Военное детство Игоря многое объясняет в нём. Отец, Александр Семёнович, и оба брата отца, Виктор и Дмитрий, воевали, у Александра Семёновича среди других воинских наград – орден Красной Звезды, Виктор Семёнович – Герой Советского Союза.

Вот одна из ранних записей в дневнике И. Дедкова: “15.11.54. Разве это справедливо? У меня новый дорогой костюм, а у него дешёвенький, невидный. У меня позади школа и два курса университета. А у него?.. У него инвалидность второй группы и двое детей. Образование – 9 классов. Будущего нет – учиться не позволяет рана. Разве это справедливо? Он в 17 лет пошёл на фронт – я не видел горя... Разве имею я право жить лучше, чем он сейчас?” Игорь пишет об одном из своих знакомых, молодом фронтовике, жившем по соседству с семьёй Дедковых на станции Ухтомская. В молодости многие из нас остро чувствуют чужое горе, несправедливость, но лишь единицы сохраняют умение сопереживать, сострадать в зрелые годы. Игорь Дедков был как раз одним из немногих. “Подобные “высокие окликающие голоса” жизни, тревожные, будоражащие, зовущие, – пишет А. Турков, – особенно явственно слышал Дедков в своём костромском “захолустье”.

Позади остались годы учёбы в Московском университете, бурная студенческая юность. Это были 50-е – годы хрущёвской оттепели. Казалось, многое изменится, пойдёт теперь по-другому – студенты журфака были в этом уверены. Весной 1956 года, вскоре после исторического XX съезда КПСС, студенты четвёртого курса факультета журналистики устроили комсомольское собрание с повесткой дня: “Место журналиста в общественно-политической жизни страны”. С докладом выступил секретарь курсового бюро Игорь Дедков. В докладе прозвучали слова “сталинизм”, “отсутствие гласности”, студенты требовали изменений в преподавании общественно-политических и специальных дисциплин на факультете, углубления процесса демократизации в стране и в партии. Стенограмма собрания была вывешена в коридорах журфака как спецвыпуск факультетской студенческой газеты “Журналист”. Вскоре партбюро факультета обвинило организаторов собрания и новый состав факультетского бюро, секретарём которого был избран Игорь Дедков, в “мелкобуржуазности, нигилизме, анархизме, авангардизме, троцкизме, в политической невоспитанности и незрелости” и т. п. Газета “Московский комсомолец” написала, что комсомольская организация факультета журналистики МГУ противопоставила себя партийной организации факультета и в целом партии. Ефим Степанович Ухалов, один из любимых на курсе преподавателей, участник гражданской войны, в те годы заведовавший кафедрой истории русской журналистики, пытался защитить Дедкова и других студентов в “высоких начальственных кабинетах”, но его не поняли. “С кем вы останетесь, если такие головы вам не нужны?” – уходя, бросил он. Будущее исчерпывающе ответило на этот вопрос. Отталкивая, отторгая тех, кто честно и искренне пытался занять активную общественную позицию, поощряя подхалимов и карьеристов, общественная система способствовала собственному краху, за что в итоге так жестоко поплатилась наша страна.

Дорого обошлась Игорю Александровичу эта студенческая история. Официально “университетское дело” Дедкова было закрыто в 1959 году, на самом деле областное управление госбезопасности держало его под контролем все годы его работы в Костроме, и это изрядно отравляло ему жизнь.

“Я не жалею, что из всех возможных выбрал “костромской” путь, – писал он в дневнике. – Жаль только, что здоровье, нервы, умственная энергия так часто расходовались на дело казённое, конторское, на три четверти бесполезное, на людей фальшивых, недалёких и самодовольных. Там, на триста семьдесят шестом километре от Москвы, я открыл, что служба требует не ума и творчества, а послушания и ремесленничества. Ум и творчество – это сугубо добровольное и беспокойное приложение к служебной нуде, которое ты делаешь в силу угнездившихся в тебе идеалов”.

Тревожные раздумья о жизни и журналистской работе, несоответствие официально провозглашаемого и реальной жизни вокруг – всё то, с чем не могла смириться душа честного и искреннего человека, находило отражение на

страницах дневника: “1.8.57. Да, можно построить государственный социализм, социализм армейский, казарменный. Там не будет уважения к рядовым людям, они останутся строителями-чернорабочими, их судьбы по-прежнему будут решать члены святого семейства, они по-прежнему будут марионетками в руках идеи, не собственной идеи, а идеи, господствующей в их воздухе”; “27.3.58. Корреспондент “Известий” Ю. Феофанов делал очерк о Милевском (председателе колхоза “Рассвет” Буйского района). В очерке Милевский показывает дояркам, как доить, с косцами идёт рядом... Феофанов пробыл в колхозе день. Колхозники за глаза потешаются над Милевским, человеком сугубо городским”; “28.3.58. Один из наших внештатных авторов по заданию П. П. Горячева (зав. отделом партийной жизни) пошёл на завод имени Красина, чтобы сделать отзыв на материалы сессии Верховного Совета. Вернулся через час, ничего не принёс, расстроенный. “Нет, журналиста из меня не получится. Не могу я. Никакой трудовой вахты там нет, бесед нет, а отклики – так там не для газеты. Не могу я... Через два дня приду, может, дадите другое задание”.

Необходимость двойной бухгалтерии, двойной нравственности была ненавистна Дедкову, неприемлема для него. “Дневник”, 1959 год: “Я не верю, что есть герои, не знающие сомнений. Бывают люди, отшвыривающие сомнения от себя, потому что это неудобно и лишает покоя. Я же отдался им, открыв все закоулки своего сознания: я задыхался в те дни – мне не хватало веры, этой мягкой неисчерпаемой кислородной подушки человечества”. Примерно в те же дни он записывает в дневник близкую ему мысль Романа Роллана: “Мне ненавистен идеализм, трусливо отводящий взор от жизненных невзгод и душевных слабостей... Героизм – это видеть мир таким, каков он есть, и любить его”.

Героем Игорь Александрович себя не считал, но и трусливо отводить “взор от жизненных невзгод” не умел и не хотел. “Люди бывают жизнью заташованы, как карты, – писал он в дневнике, – не найдёшь, где и краешком высунется”. Такая участь могла ждать и Дедкова, если бы не присутствие в его характере упорной силы сопротивления и если бы не уверовал он в ту самую провинцию, не полюбил костромскую глубинку, не привязался к ней всем сердцем, как когда-то Островский и Некрасов, Ремизов и Кустодиев...

Не полюбил бы – не смог бы написать прекрасную прозу “Пейзаж с домом и окрестностями” о костромских местах и людях, с этими местами связанных. Не знаю ничего более тёплого, искреннего и проникновенного о русской провинции, чем этот очерк Игоря Дедкова. Судите сами:

“Вспоминают, что Островский расхваливал Щельково неумеренно, восхищался им преувеличенно. Хвастался, как богач богатством.

Он писал, что, будь эти места неподалёку от Москвы и Петербурга, их сравнивали бы с красотами Швейцарии и Италии.

Что ж, восхищался, потому что любил. Расхваливал, чтобы гости дорогие что-нибудь разглядели и запомнили.

Истинная красота открывается взгляду чуткому и любящему. Бывает, не понять сразу или вообще не понять, за что любят этого человека, этот дом, эту местность, этот неказистый бедный городок...

Через Щельково легче понять Островского. Что-то должно было питать его художественную и умственную независимость; что-то должно было склонять его к наиболее естественному, народному взгляду на радости, беды, превратности человеческого существования. Он знал, как жалеть и прощать, чего стыдиться, с чем не смиряться, чем не гнушаться и как ценить человеческое достоинство.

Через Щельково, через Кинешму и Кострому открылась Островскому русская провинциальная жизнь, глубина страны”.

“А расслышать ли Катерину Кабанову, увидеть ли Ларису Огудалову, понять ли их, не зная Костромы, Кинешмы, Щелькова, старых волжских берегов?

Да и живописный духовный мир русского художника Б. М. Кустодиева постичь ли сполна, не побродив по улицам и площадям приволжских городов, где живы ещё торговые ряды, пожарные каланчи, гауптвахты, купеческие особняки и лабазы, храмы да часовни... Но и без Кустодиева те ли это улицы и храмы, та ли волжская даль, тот ли снег в солнечном марте...

“Вы большой исторический живописец, – сказал М. В. Нестеров, расставаясь с большим Кустодиевым весной двадцать третьего года, – у вас широкий охват русской жизни, и это обязывает вас перед будущим...”

Теперь-то понятно, почему исторический живописец. Через Кустодиева осталась для жизни Россия, которой уже нет.

Кустодиева мало волновали мощные монастырские стены, крепостные башни, столетние пушки на крепостном валу. Он лучше чувствовал иную Россию, мирную, нежесточившуюся, ничем не стеснённую, неунывающую, умеющую радоваться жизни. Ему была дорога Россия, несовместимая с безобразием и серой монотонностью....

Кустодиевская русская провинция предостерегает нас от возможной беды: забыть о ней, не видеть её, думать, что она мираж или приснилась. Вот несчастье: жить, быть здесь и не замечать красоты, дарованной человеку, оставленной ему в наследство. Не замечать радуги бытия”.

Удивительно, как Дедков, москвич, горожанин, близко к сердцу принимал бедность и неустроенность деревенской жизни, трагические судьбы жителей русской глубинки. Слово письменное не расходилось у него с устным, произносимым в узком дружеском кругу, а то и другое – с поступками. В газетной работе ему удавалось преодолевать рутину, и слово его приобретало живой характер. Постепенно костромичи узнали и полюбили журналиста Игоря Дедкова, оценили его искреннее, человеческое, живое слово: “Дневник. 6.5.62. Ещё меня утешает то, что читатели в анкетах пишут обо мне добрые слова. Ни о ком другом не пишут. Но это обстоятельство стараются не замечать. Бог с ними”. Чувство своей нужности, не только самым близким людям, но и своим землякам и далёким читателям, которых с годами становилось всё больше, приносило радость. А он всеми силами души стремился быть нужным, быть востребованным. И как много душевных сил уходило на то, чтобы не быть “затасованным жизнью”, устоять, сохранить нравственный стержень. Дедков не желал становиться “лишним” человеком. “20.1.60. Иногда я верю, что такие люди, как я, ещё понадобятся Родине...” И несколько лет спустя – с горечью: “6.4.70. Такие люди, как мы, видимо, не нужны нынешним регулировщикам русской жизни.

Спрос на послушных, на поддакивающих, остальные – опасны”.

Но живое слово костромского журналиста не оставалось незамеченным, пробиваясь иногда самым неожиданным образом. 30 апреля 1970 года на страницах “Северной правды” была напечатана его статья о фильме С. Герасимова “У озера”. В дневнике Игорь Александрович рассказывает историю её появления: “Статья о фильме “У озера”, может быть, одна из лучших моих подобных газетных рецензий. Редактор произвёл правку – грубую, бесцеремонную, какой я уже не знал лет пять-шесть. Любопытно, что правлены места, в которых правящие чиновники чувствуют укор себе и выпады против себя... Это правка с позиций не коммуниста, а функционера правящей привилегированной группы...” После этого И. Дедков снял свою подпись, публикация прошла под псевдонимом Д. Ивлев. Вскоре в редакцию “Северной правды” пришло письмо от С. А. Герасимова: “Уважаемый и дорогой т. Ивлев! ... Среди вырезок, какие присылает мне “Союзпечать”, попалась мне и ваша рецензия. И тут я получил редкое удовольствие. И не только потому, что статья хвалебная. Но хвалить-то можно по-разному! Иной раз так похвалят, что только руками раскинешь, т. е. отнюдь не за то, что ты имел в виду. Здесь мало того, что всё понято, но ещё и то, как об этом сказано. Спасибо сердечное. С пожеланиями наилучшего здоровья. Ваш Сергей Герасимов”. И это пишет знаменитый режиссёр, автор легендарных лент “Семеро смелых”, “Молодая гвардия”, “Тихий Дон”, неизвестному провинциальному журналисту.

В Костроме вокруг Игоря и Тамары Дедковых образуется круг друзей, духовно родственных их семье. Историк и краевед Виктор Бочков, долгие годы работавший в Щелькове, его жена Лариса, художники Алексей Козлов, Татьяна и Николай Шуваловы, филологи Николай Скатов, Михаил Пьяных, Вера и Юрий Лебедевы, поэт Владимир Леонович, сотрудники костромского художественного музея, работники областной библиотеки, которая буквально стала для Игоря Александровича вторым домом. Много позже, в начале 90-х он вспоминал это время: “Кострома 60-х была бедна, да и мы небогаты. Надо было купить Мережковского, он лежит в букинистическом свободно – а на что?... Кострома бедна и сегодня, как многие приволжские города, и обилие торгашей отнюдь не прибавляет ей богатства... Старое небо, старая русская земля, вечная российская нужда. Одно отличало нас, давнишних, от нынешних молодых заметнее прочего: мы мало заботились о внешнем – одежде,

прическе, вещах. Смена мод трогала нас мало. Я не помню, какие рубашки, пиджаки, пальто, кракую обувь носили мои друзья, я вообще не помню их вещей. Я помню и храню их голоса, выражение глаз, песни, которые пели за столом, — никогда на кухне, никогда не сидели на кухнях. Я помню книги, которые брали в библиотеке и потом о них говорили: Ремизова, Ходасевича, Бердяева, Булгакова, Эрн, Розанова, “Вехи”, “Несвоевременные мысли” Горького... (Неправда, что это и многое другое было абсолютно недоступно...) Я не помню только вещей и разговоров о деньгах, потому что ни то, ни другое не было всезахватывающей самоцелью.

Я не могу представить, чтобы что-то подобное нынешнему торжествующему экономическому измерению жизни подчинило нас себе. Чтобы оно беспардонно возвысилось над духовными и нравственными интересами, над тем идеализмом, который напоминал нам, что “долг русский долг”, как писал В. Леонович...”

В 60-е годы определилось и главное направление его интересов — театр, кино и особенно литература. С этого времени его рецензии, статьи, обзоры появляются в центральных газетах и журналах. “Думать о литературе и через неё — о жизни, истории, нашем времени... Думать о жизни и через неё — о путях литературы и судьбах художника...” — так видел задачи литературной критики И. А. Дедков.

“...Как неизбежно и существенно меняется самый характер и направленность взгляда, когда жизнь, в которую тыходишь и к которой идёшь со своими нуждами и заботами, вдруг приоткрывается тебе в её собственных заботах и нуждах, когда она хотя бы отчасти обнаруживает перед тобой свою внутреннюю многомерность” (Из статьи о Ф. Абрамове). И в книгах своих современников, о которых писал И. Дедков, он ценит эту внутреннюю многомерность жизни, её “упрямое копошение”. Уважает искренность и честность писателя, не приемлет следования надуманным схемам и аморфности нравственной позиции: “Вопрос не в том, “чернить” или “воспевать”. Куда труднее войти “внутрь”, увидеть жизнь из глубины её собственного течения...” Эта определённая нравственной и эстетической позиции была характерна для критика на протяжении всей его творческой жизни.

В 70–80-е годы Игорь Дедков, живя в Костроме, становится одним из ведущих литературных критиков, печатается в “Нашем современнике”, в “Новом мире”, в “Дружбе народов”, в “Литературной газете” и других авторитетных изданиях, выходят его книги. Широкая известность началась для него с критической статьи “Страницы деревенской жизни”, опубликованной в журнале “Новый мир” (1969, № 3) в последний год редакторства А. Т. Твардовского. Эта работа о повести В. Белова “Привычное дело” и других произведениях так называемой “деревенской прозы” обдумывалась и вынашивалась долго: “Дневник. 17.5.67. Надо подумать об Иване Африкановиче и его Катерине. До слёз трогательно и горько. И не хочу писать про критику, которая сказала всё неправильно, фальшиво, равнодушно, по-барски. Иван Африканович — тип горестный...”

И название статьи, и её тема, и равнодушный разговор о жизни русской глубинки, о героях Василия Белова характерны для Игоря Дедкова. Он не говорил высоких слов о любви к Родине, вообще не любил высокие слова. Но всё им написанное буквально пронизано чувством любви к родной земле, тревогой и болью за её настоящее и будущее, раздумьями о судьбах людей, на этой земле живущих. “Родина никогда не казалась мне безобразной, она, как дом, где всё родное — и бедное, и неказистое, и обтрёпанное”, — из дневниковых записей последних лет. А в одной из своих ранних статей он пишет: “Живое чувство Дома, Родины помогает противостоять космополитической унификации человека, стандартизации личности, оглушающему напору моды, магнетизму потребительского идеала... Есть тесный круг провинции, приближающий людей друг к другу и позволяющий рассмотреть и запомнить лица, и задуматься, и порадоваться, и загоревать”, и “тогда становится виднее, кто чего стоит и что значит”. Думается, это живое чувство дома, Родины, ощущение настоящей жизни, которое принёс в своё творчество И. Дедков, дала ему Кострома.

Он и писал о творчестве тех, в чьих книгах видел верность живой, подлинной, непридуманной жизни: о прозе Фёдора Абрамова, Василия Шукшина, Евгения Носова, Виталия Сёмина, Валентина Распутина, Юрия Трифоно-

ва, Василя Быкова, о книгах писателей-костромичей. Его влекла литература, свидетельствующая о реальной действительности во всей её сложности и противоречивости. Могут сказать, что это ещё не говорит о высоком художественном достоинстве литературного произведения. “Всё так, но без верности жизни – какая литература? – спрашивает Дедков. – Перечитайте Фёдора Абрамова – как много вместило жизни! В романах, повестях, рассказах, очерках, статьях – повсюду... Трава-мурава человеческих судеб, поле человеческой жизни”. В статье “О живой, невыдуманной России”, посвящённой творчеству писателя, И. Дедков отмечает, что тот всегда “искал пути к тому, чтобы слово вмещало жизнь, не упрощая, не лукавя, не прожектерствуя. Это не какой-нибудь витринный вариант жизни, не выставочный её макет, а та самая жизнь, что “течёт”, “растёт”, “обновляется”, “болеет”, “выздоровливает”, “набирается ума”: она – живая... Живая народная жизнь”. Почему хочется это повторять сегодня? Да потому, что до обидного мало в нашей сегодняшней литературе этой *живой жизни*.

И ещё об одном как-то напрочь забыла наша литература – о рабочих, о том, что на них только и держится жизнь. Об этом крепко помнили и Шукшин, и Семин, и Носов, и Белов, и Распутин. И Дедков, конечно, об этом тоже не понаслышке знал. “Может быть, во всей нашей “деревенской прозе” не найдётся столько картин крестьянской работы, сколько их у Абрамова. Это мир, где в чести рабочие. С первой до последней абрамовской страницы это так. Писателя волновали и влекли трудные варианты человеческой жизни, люди, на которых держится мир. Не говоруны, не летуны, не лентяи – вечные труженики... Жизнь человека у Абрамова не делится собственно на жизнь и на работу: руки его героев ищут дела, душа не переносит праздности, не знает покоя... В этом мире нет естественнее и необходимее формы жизни, чем труд”.

Отвечая на вопрос, на ком земля наша держится, деревенский философ Евсей Мошкин, один из героев романа “Дом”, скажет: “И на Михаиле держится, и на Лизавете держится”. “Словом, на Пяслиных держится, – пишет критик. – Во всяком случае, с них Евсей Мошкин начинает свой счёт праведников...”

– Не дреянть же она держится! – как вырвалось однажды у Н. С. Лескова” (И. Дедков, “О живой, невыдуманной России”).

Игорь Александрович и сам был великим тружеником. За годы работы в Костроме опубликовано более четырехсот статей только в “Северной правде”, не считая чисто редакционной работы – чтения и рецензирования многочисленных рукописей, обсуждения их с авторами, переписки с читателями и теми, кто присылал свои заметки в газету. Он вёл семинары и читал лекции в Костромском педагогическом институте, семинары журналистов – он долгие годы возглавлял областную журналистскую организацию, руководил литобъединением “Молодые голоса” при редакции молодежной газеты, выступал с обзорами новинок художественной литературы в самых разных аудиториях. А ведь в это же время писались его главные статьи и книги. Недаром именно костромичи хранят о нём особенно благодарную память. С какой любовью и теплотой пишут об Игоре Дедкове Альбина Чернявская, Николай Муренин, Светлана Степанова, Александр Бугров, Владимир Старателев, Виктор Травкин в сборнике воспоминаний “Наше живое время”, изданном в Московском университете в 2013 году (составитель Т. Ф. Дедкова)!

Литературный критик И. Дедков осмыслил, пропустив через своё восприятие, тот поток жизненного материала, который вынесла на поверхность лучшая отечественная литература 60–80-х годов. В своих симпатиях и пристрастиях он был наследником истинно демократических традиций русской литературы XIX века. Любимые писатели – Гоголь, Толстой, Чехов, Короленко. С Дедковым можно не соглашаться, спорить – он и сам с собой ранним не всегда соглашается, но в главном остаётся верен себе. Он принципиально отвергал деление на партии, группы и кланы, избегал по возможности партийных и клубных сборищ, не любил всякие околотературные “тусовки”. Естественно, это не упрощало жизнь, но делало критику критикой, а литературу литературой. В июле 1986 года редактором “Нового мира” стал Сергей Залыгин, о творчестве которого Игорь Александрович не раз писал. Он предложил Дедкову место своего заместителя. Это была очень привлекательная для него работа. Но в том же месяце в журнале “Вопросы литературы” вышла статья критика “Перед зеркалом, или Страдания немолодого героя” – о новом

романе Ю. Бондарева “Игра”, где в адрес автора было высказано немало справедливых претензий. В дневнике Дедков пишет: “Сейчас, после публикации в “Вопр. лит.” антибондаревской статьи против меня поднимется высокая и тёмная критическая волна, и не дай Бог Бондареву прослышать о намерениях Залыгина!.. (Залыгин и Бондарев принадлежат к одной литературной партии). Что ж, будет видно: хорошая статья дороже хорошей должности. Если Залыгин поддастся, то значит, есть силы посильнее разных там принципов и добрых намерений”. Так и вышло: и высокая критическая волна поднялась, и назначение И. Дедкова в “Новый мир” не состоялось.

В 1975 году И. А. Дедкова приняли в Союз писателей России, а в 1976-м, будучи уже заместителем главного редактора “Северной правды”, он ушёл из газеты и занялся в основном критической работой. Игорь Александрович не был кабинетным человеком: охотно встречался с читателями, выступал в областной библиотеке, где его очень любили и всегда встречали с радостью, вёл семинар по современной прозе в Костромском педагогическом институте, бывал на спектаклях Костромского драматического театра, писал о них. Был страстным болельщиком, сам с увлечением играл в футбол.

В 70–90-е годы вышли его книги о Сергее Залыгине, Василе Быкове, сборники литературно-критических статей и очерков, публицистика. И множество критических статей в самых разных толстых журналах: “Честность памяти” (о романе В. Сёмина “Нагрудный знак OST”), “Продлённый свет” (о творчестве В. Распутина), “И до конца дней своих...” (о творчестве К. Воробьёва), “Вертикали Юрия Трифонова”, “Пядь ржевской земли” (о повестях и рассказах В. Кондратьева), “Когда рассеялся лирический туман... О “московской прозе”, “Надёжные берега. Проза Евгения Носова”, “В поле две воли... Проза Гавриила Троепольского”, “О провинции с признательностью”...

Нередко авторы откликались на его критику, завязывалась переписка, а иногда и дружеские отношения – с Владимиром Богомоловым, Виталием Сёминым, Василём Быковым, Борисом Можаявым. Прочитав рецензию критика на свой роман “В августе сорок четвёртого”, В. Богомолов пишет ему: “Признаюсь, что, когда прочитал Вашу статью в журнале, был убеждён, что Вы – участник войны. С таким пониманием обстановки, обстоятельств и характеров это было написано”. Из письма В. Сёмина: “Возможно, о “Нагрудном знаке OST” ещё напишут, но лучшая рецензия уже опубликована – Ваша. Самое дорогое – не в зеркале я увидел свой роман. Ощутил, что он заинтересовал значительного человека”. В ответ на выход книги И. Дедкова “Василь Быков. Очерк творчества” (М. 1980) автор пишет критику: “Дорогой Игорь Александрович, спасибо Вам. И за внимание, и за книгу, за ваш честный ум и горячее сердце...”

Многие из работ критика были остро дискуссионными, вызывали живую полемику. Особенно жаркие споры разгорелись вокруг статьи “Когда рассеялся лирический туман...” (“Литературное обозрение”, 1981, № 8) – о повестях и романах В. Маканина, Р. Киреева, А. Кима, А. Курчаткина и других писателей, кого относили к “московской школе прозы”. Сегодня можно сказать, что, наверное, критик не во всём был прав – и Маканин, и Киреев, и Ким, безусловно, талантливые писатели (этого, кстати, и автор статьи не отрицает!). Что же не устраивало И. Дедкова в книгах этих писателей? Poleмицируя с предыдущими критическими высказываниями в адрес авторов, где утверждалось, что в их книгах “осуществлен эксперимент и подготовлена почва для создания литературы новых качеств, нового времени”, “прорывы в высочайшие духовные сферы, в искусство светлое и просторное”, критик, отмечая зоркость и беспощадность художественного зрения авторов, говорит о том, что “мелкоскопическое” зрение их героев чаще всего обращено на слабое и незащищённое – стариков, женщин, детей, – лишено любви и боли. “Зоркость без сострадания”. Таких героев позже назвали “амбивалентными”. Дедков не принимал их равнодушия к чужой жизни, отсутствия интереса к другой правде, самооправдания, неразличения добра и зла. “Не мелочам жизни” они поддаются, – пишет он, – а “мелкому и корыстному в самих себе”.

“Мироощущение этих героев, их поведение лишены сколько-нибудь сильной доминанты, с которой была бы сообразована их жизнь. Ничто... не занимает их всерьёз. В небе над ними нет звёзд, да и есть ли небо?... Это мир с какой-то неясной иерархией человеческих ценностей. Какой-то карточный домик. Тебя приучают, что это в порядке вещей. Тебе говорят, что это-то

и есть современный реальный мир без старомодных сентиментальных иллюзий... и пора бы к нему привыкнуть, а не шарахаться от его честных изображений". Игорь Дедков считал, что "мир всё-таки не таков". Но попал он, как говорится, в самую точку: приучили — и жить без сентиментальных иллюзий, и не только без иерархии, но и вообще без всяких человеческих ценностей... Словом, "амбивалентный" герой, не различающий добра и зла, — это герой нашего времени.

Владимир Бондаренко, совсем недавно опубликовавший в "Дне литературы" работу "50 критиков XX века", пишет о Дедкове: "В начале восьмидесятых годов он был ведущим критиком нашего времени... Прозу "сорокалетних" ("московская школа прозы") он не принял за их амбивалентность, за отклонение от чистой веры. И по-своему был прав. Поколение "сорокалетних" и сформировало всю перестройку".

Не устраивала критика в прозе "сорокалетних" и аморфность, неопределённость авторской позиции. С точки зрения сегодняшней литературы и критики "ясность" авторского взгляда на изображаемое — вообще чуть ли не порок. По словам одного из современных исследователей литературы, требование "ясности" носит упрощающий, консервативный характер. И. Дедков предпочитал быть консерватором. Возражая оппонентам, он приводит слова своего любимого Толстого: "Цельность художественного произведения заключается не в единстве замысла, не в обработке действующих лиц и т. п., а в ясности и определённости того отношения самого автора к жизни, которое пронизывает всё произведение".

...А мог бы он по-другому устроиться в жизни? Благополучнее, комфортнее, денежнее, в конце концов? Сделать карьеру? Конечно, мог бы, если бы захотел. Вот в этом "захотел" и весь вопрос. Приглашали. И на работу в обком партии, в отдел агитации и пропаганды, и в газету "Правда" (даже прописку и квартиру в Москве обещали), предлагали направить на учёбу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Надо знать Дедкова, чтобы понять, почему он отказывался, — не хотел терять свободу критического высказывания, право писать то, что думаешь. Не даром даётся такое право, и многим за него приходится платить. Рядовому читателю, искренне ценившему его талант и с живым интересом встречавшему каждую новую его статью, вряд ли это было известно. Коллеги по литературному цеху это понимали. Вот только два отклика на появление в печати его статьи "Когда рассеялся лирический туман...":

"Дорогой Игорь Александрович!.. Прочитал в "Литобозе" вашу статью о литературе "московской школы" и не могу не поделиться своим читательским восторгом. Очень обстоятельно, верно и честно!.. Тем более это замечательно, что за последние много лет такая статья впервые. Я не представляю себе, как журнал решился и что теперь будет. Автору тоже. Вы человек мужественный, это давно известно, но тут потребовалось мужество особого рода. Ведь столько теперь обрушится на Вас. Поэтому — стойкости Вам и силы! Обнимаю Вас с любовью и восхищением. В. Быков".

"Дорогой Игорь Александрович!.. В Пицунде, в Доме творчества, с наслаждением прочитал Вашу последнюю статью в "Литобозе", там она ходила по рукам, выстроилась очередь. Как спокойно и оглушительно в то же время Вы объяснили всю нынешнюю литературу "сорокалетних" нравственников-интеллектуалов. Давно не читал такого прямого и ясного, неотразимого по своей доказательности, печального размышления о значительной (по объёму хотя бы) части нашей литературы, мнящей себя настоящей литературой.

...Нравится мне ещё и нравственно чистый тон Ваших статей, незамутнённых какими-либо предвзятостями" (из письма А. И. Кондратовича, соратника А. Т. Твардовского по "Новому миру").

Жизнь была до краёв заполнена любимой работой, росли известность, авторитет у коллег и читателей. В 1980 году И. А. Дедков стал лауреатом премии Союза писателей СССР за критические статьи и книгу "Василь Быков", в 1984 году он был награждён орденом "Знак Почёта". Игорь Александрович часто бывал в Москве на пленумах Союза писателей, творческих семинарах молодых авторов, в редакциях газет и журналов, в издательствах, где выходили его книги. Нужно сказать, что по поводу московских литературных нравов он никогда особых иллюзий не питал: "12.08.78. Из Москвы хорошо возвращаться: там чужое мне, разговорный жанр, значительность, тщеславная борьба, литературное чинопочитание, подогреваемый беспрестанно антисе-

митизм и просто толчея. Всё это я переносу тяжело и, разговаривая, чувствую, что не могу быть искренним...” Он был согласен с А. И. Кондратовичем, который писал ему после прочтения его книги “Во все концы дорога далека”: “И Вы напрасно извиняетесь... что я, столичный житель, обижусь за столицу. А чего за неё обижаться? Увы, среди творческой столичной интеллигенции такая дремучая в плохом смысле провинция, да ещё с чиновностью, важностью, “столичностью”, что гордиться и заноситься нечем. Да и литература, Вы правы в своей статье, настоящая делается сейчас не в Москве... Литература там, где души живые и думающие... А вот тот простейший факт, что ещё лет 20–30 назад всё стекалось и узурпировалось столицей, а сейчас, выкуси-ка, и в Вологде, и в Красноярске, и в Воронеже, и в иных местах – настоящая делается литература – вот это уже факт несомненный”.

Однако в 1987 году Игорь Александрович всё же переехал в Москву (основную роль здесь сыграли семейные обстоятельства: в Москве были сыновья, да и постаревшим родителям нужна была постоянная помощь), но не на работу в “Новый мир”, куда ему хотелось, а в журнал “Коммунист” – политическим обозревателем по вопросам культуры и литературы. Обещали жильё и прописку, но около года семья и дом – в Костроме, “долгая история с получением квартиры, бессчётные поездки домой, в Кострому, и обратно”, и никакой удовлетворённости, никакого душевного покоя. Даже записи в дневнике очень редки: “4. 11. 87. Эта Москва тяжела, будто хожу в чём-то тяжёлом на ногах, и всё зависаю, теснюсь в какой-то густой массе...”

...Что за жизнь! Здешняя суета, вздор, какая-то рассредоточенность – и милый, исчезнувший покой дома...

Жизнь, остановись! – надо было орать тогда, когда мы были все вместе, ну, хотя бы втроём, как в последние годы.

Что эта Москва, мельтешение, подчинение, включение – зачем?!

Жалею, видит Бог, жалею, горюю, устал”.

А вокруг уже полным ходом шла “перестройка”. Всё уже непоправимо менялось, но насколько непоправимо, мы поняли позже. Поначалу даже радовались: казалось, каким-то свежим ветром подул. Помните – голос Виктора Цоя с экрана: “Перемен, мы ждём перемен!”. Игорю Дедкову летом 87-го эти перемены тоже казались благими, воскресала надежда на социализм не только с человеческим, но и с умным лицом. Он записывает в дневнике: “Теперь свобода, особенно если сравнить с тем, что было. А разве не идея свободы жила в душах моих друзей в далёкие костромские 60-е? И в 70-е – разве мы её предали?”

Мы-то дожили, но отчего радость, которая перехватывает горло, всё чаще меркнет и подступает тревога? Или не та свобода? Или тревога напрасна?”

Ему, человеку умному и честному, – прежде всего, перед собой – не дано было обманываться: все гримасы наступающего “прекрасного нового мира” он разглядел довольно рано. Дневник, 24 марта 1986 года, Кострома: “Скоро месяц, как состоялся Двадцать седьмой съезд партии... Съезд ещё шёл, а им восхищались сами делегаты по радио и на телевидении... Словом, пора от иллюзий избавиться окончательно: чудес не бывает; многие актёры заменены, проворовавшие изгнаны, но труппа та же, и школа – та же, и пьеса, в сущности, старая. А главное, по-прежнему партия, её руководящий аппарат, именно аппарат воспринимает себя как некий патронат, как благодетелей, а от всех прочих ждут послушания, подчинения, участия в намеченных работах и мероприятиях: истина принадлежит им, и это необходимо затвердить”.

Журнал “Коммунист” (с января 1991 года – “Свободная мысль”) был печатным органом ЦК КПСС, от Политбюро его курировал А. Н. Яковлев. В редакции журнала в те годы работали С. В. Колесников, Наиль Биккенин, Отто Лацис, Егор Гайдар. Редколлегия журнала вместе с аппаратом ЦК поручалась самая ответственная работа: подготовка докладов, выработка проектов решений на самом высоком политическом уровне. Казалось бы, кому, как не Игорю Дедкову, лидеру студенческой молодежи 50-х, человеку неравнодушному, мыслящему, окунуться в политику с головой. Тем более определённые надежды на горбачёвскую перестройку у него были, и те, кто входил тогда в редакцию журнала, казались ему единомышленниками. Однако записи в дневнике говорят о другом: “Вот уже семь месяцев, как я живу нежеланной жизнью. Если б я решал только за себя и о себе думал, я бы никогда этого не сделал. Сидел бы на месте, в Костроме... Политика, мне бы тридцать лет назад в те-

бя кинуться”. “Восемь месяцев московской жизни. Я бы отступил, да куда?”

А главное, он видит и чувствует, что от “живой жизни”, от нужд реальных людей всё это далеко, всё чужое, казённое, ненавистное ему *аппаратное*. Да и сам Дедков — уже не тот наивный, искренний и безрассудный юноша, который в 50-х рванул на помощь желанному обновлению жизни. Он закончил “университеты русской провинции”, знает “живую, невыдуманную Россию” с её бедами и тревогами и болеет за неё. “29.3.88. И вырваться хочу отсюда, вырваться, всё одно: их аппаратный слог и склад ума мне не освоить, они мне чужие...” Однажды, выступая на “круглом столе” в журнале “Коммунист” (обсуждали проблемы здравоохранения), известный врач-офтальмолог С. Н. Фёдоров сказал о 50 тыс. долларов, на которые он будет производить закупки оборудования. А присутствовавшая там же женщина-врач из районной больницы воскликнула: “А у нас и 50 рублей нет, чтобы купить необходимое!”

И появляется в дневнике такая запись: “Тот о тысячах долларов (не дают), а она — о пятидесяти рублях (не дают), и посреди разговора... меня вдруг кольнуло, и здесь, в роскошной этой столовой, среди сытых и чинных людей, я с горьким сожалением почувствовал правоту и недоступность, и упущенность конкретной жизни. В какую-то долю мгновения я увидел крыльцо тёмного от времени деревянного большого строения, женщину, наскоро сметающую снег с валенок, услышал её бодрый голос: “Ну, как тут мои больные?”

Никогда я так не ощущал многоэтажности, многослойности жизни, как в эти дни. Отвлечённость живёт за счёт конкретности. Плавание в разных водах”.

Костромская жизнь Игоря Дедкова отнюдь не была идиллией, но последние годы в Москве стали подлинной драмой. Не только для него — для всей страны. Впрочем, он никогда себя от страны и не отделял. Об этом свидетельствуют искренние до самозабвения, полные боли и горечи дневниковые записи последних лет. В эти годы отношение Игоря Дедкова к его бывшим единомышленникам (В. Оскоцкому, Ю. Карякину, Ю. Черниченко, А. Стреляному) резко меняется.

Ровесник И. Дедкова критик Лев Аннинский пишет о нём: “Дедков, кажется, единственный (или один из очень немногих), кто честно и прямо, громко и ясно сказал: мы НЕ ЭТОГО хотели! ЭТОЙ пошлости, ЭТОГО рекламно-денежного перепляса, ЭТИХ кровавых разборок мы не хотели, и никакая приверженность демократии не заставит нас, “нормальных, естественных” шестидесятников, закрыть глаза на происходящие мерзости”.

Кстати, почему у нас слово “шестидесятники” стало прямо-таки ругательным? Только потому, что оно связывается с определённой группой людей — Евтушенко, Вознесенский, Окуджава, М. Чудакова?... Но ведь люди, чья молодость пришлась на 60-е, были очень разными — по взглядам, по убеждениям, по отношению к жизни. И Лев Аннинский, и Андрей Тарковский, и Игорь Дедков, и Николай Губенко, и Игорь Золотусский, и Станислав Куняев — шестидесятники. А их к одному ряду никак не подверстаешь.

“1989 г<од>. Я никого не осуждаю и вовсе не предлагаю героям дня заполнить анкету или рассказать о своей прошлой жизни, но когда стоишь на Манежной площади в толпе митинга и слышишь, как расклёвывают — ораторы и подхватывающее их лозунги сгрудившееся у трибуны живое множество голов — как расклёвывают семьдесят лет жизни многих поколений, то...

Жили, жили и дожили”.

“13.12.91. Политическое колесо буксует — летит грязь в наши лица. Они хотят, чтобы огромная часть народа вывернулась наизнанку. Жили так — теперь живите, как мы решили.

Кругом — марш!

Иногда так отвратительно — понимаешь, почему уходят люди. На таких условиях — не хотят жить”.

“15.12.91. О политике, о новом абсурде писать не хочется. Кажется, все иллюзии рушатся безвозвратно, Побеждает сила, которую невозможно приветствовать”.

“29.3.92. Господи, помоги всем нам это перенести и выжить — не о журнале думаю сей момент — о нашей семье, о нас всех, о жизни, подвергаемой новой опале и испытаниям”.

Отнюдь не обманываясь громкими демократическими лозунгами, Игорь Дедков с тревогой подмечает опасные тенденции в обществе, когда “политическая ставка сделана не на лучшие, а на худшие качества человека”: “Теперь

первой общественной и человеческой ценностью объявлена способность к личному обогащению, и этой целью освящены все методы и пути её достижения”. В одной из лучших своих статей того времени “Иллюзия чистого листа” (1993) он с горечью пишет об извечной русской традиции начинать жизнь “как бы с чистого листа”, ломать её через колено. Теоретики новой революции и тотальных шоковых реформ словно напрочь выкинули из головы то, что “пришлось когда-то проповедовать, приказывать-выполнять-внедрять”, важно, “что теперь говоришь и делаешь, верно ли сориентировался, тем ли новым богам бьешь поклоны”. “Они громогласно сомневаются в том, что отвергаемое и гонимое ими вообще смеет или когда-нибудь смело называться действительной человеческой жизнью. На этом сомнении-убеждении основывают они своё право разрушать и строить заново, не очень-то церемонясь в обращении с материалом, увы, живым и потому недостаточно прочным.

Разумеется, если признать жизнь каких-то сословий или целых поколений неполноценной, то это облегчает задачу и совесть... Хочется клеймить, изгонять, преследовать, улюлюкать, насмехаться и унижать... Всего лишь немного беспамятства, ещё немного...”

“Некогда в нашей стране демократы, как нас учили в ныне презираемой советской школе, выражали интересы трудящегося и бесправного большинства народа. Как выяснилось, это был их коренной недостаток и даже порок. Оглянитесь: по всей кремнистой российской дороге – помеченные свежими крестами виновники наших семидесятипятiletних бед, и не с Александра ли Радищева начинается этот гнусный злоумышленный ряд?

А виноваты эти наши соотечественники в том, что были чересчур впечатлительны. Излишне чувствительны. И душа их понапрасну была уязвлена чужими страданиями. И ещё виноваты, что надеялись изменить мир к лучшему, увлекались, были нетерпеливы, обманывались, не жалели себя, а иногда и других. Виноваты, что вообще жили”.

А как быть с прежней жизнью, хотя для всех этих теоретиков-закоперщиков это и не жизнь, а “как бы” жизнь? Неужели как со старым костюмом: купил новый, переделался, а старый – в мусорный бак? Для Дедкова, как и для любого порядочного, ответственного человека, это невозможно. Ведь жизнь эта “состояла из судеб сотен миллионов людей, из их коротких земных сроков, из долгих лет труда и злоключений, из бесконечных усилий обрести достойное существование...”

Теперь этим миллионам людей, наследникам других ушедших и выбитых миллионов, сказано, что все их былые усилия, их труд, их самоотверженность, их пот и кровь, обеспечившие мощь этого великого государства, как бы не в счёт, и всё, совершённое ими, ничего не стоит. Им предлагается жить дальше на новых принципах: каждый за себя, и никакие не идеи, не идеалы, не прочая высокоморальная чушь, а деньги и только деньги – двигатель жизни. Можно перелицевать государство, и, перелицованное, оно спокойно умоет руки, но как перелицевать людей, чтобы они, в свою очередь, умыли руки? И потом посматривали бы спокойно в тревожные, спрашивающие глаза детей, внуков, стариков-родителей и умывали бы, умывали...”

“Теоретическая пила хорошо перепиливает и мёртвое, и живое, ей всё равно, пока не налетает на гвоздь. Люди не гвозди, но в них, в их коротких и незащищённых жизнях, в их памяти и душах – вся загвоздка. “Не чувствуешь любви к людям – сиди смиренно, – думал толстовский Нехлюдов, – занимайся собой, вещами, но только не людьми”.

До таких ли тонкостей было этим “эффективным менеджерам”, тогдашним регулировщикам народной жизни? “Теперь я вроде попадаю в консерваторы, – дивится Игорь Александрович в дневнике. – Зато остальные, надо полагать, молодцы и прогрессисты. Эти марионетки, эти проснувшиеся, прекрасно приспособленные господа... И тот же Валя Оскоцкий, тот же Черниченко, Андрей Нуйкин... Я так не могу”. Особенно отвратительно было наблюдать удивительные метаморфозы с людьми, смирёнонько пересидевшими эпоху застоя (порой на весьма высоких должностях), а теперь исполнившимися самого революционного духа: “несутся, размахивая сабельками, те же самые, что были на плаву и прежде... Только вчера они строили коммунизм, теперь принялись строить капитализм”.

“От того, что знал Гайдара, работал с ним, то есть близко наблюдал, всё предприятие, во главе которого он поставлен, кажется мне какой-то умствен-

ной, теоретической затеей: вот приняли на редколлегии его, гайдарову, статью, и теперь вот печатаем, да не в журнале, а – по живому впечатываем в тело, плоть России”,

“Как мы выберемся из этого грязного омута?”

Ельцин потрясает сжатым кулаком! К какой борьбе он зовёт? К борьбе за то, чтобы толпа рабочих, стоящая перед ним, перешла в услужение какому-нибудь невесте откуда взывшемуся заводчику? Чтобы её лишили бесплатного здравоохранения и образования?”

В отличие от многих и многих, легко перекусившихся, спокойно и неожиданно поменявших свои убеждения, Игорь Дедков строго судит и себя, казалось бы, вовсе невинного в разгулявшейся смуте, и своих бывших друзей-единомышленников:

“16.5.92. Лицо растолстевшего Г.

Я с удивлением смотрю на это лицо.

В подготовке чего я всё-таки косвенно соучаствовал, сидя за большим овальным столом нашей редакции?”

“Когда-нибудь я напишу, что думаю о них о всех – Гайдарах, Бурбулисах, Ельциных и прочих, кто вознёсся или присоединился...”

“8.6.92. Из абсурда в абсурд – вот эволюция нашего Отечества за последние год-два. Могучий демократический интеллигентский хор наконец-то смолкает. Осанна демократии кончилась, оглянулись: где она?”

“9.6.92. Поражённо смотрю я на многих нынешних деятелей демократии; они прозрели в пятьдесят пять, в шестьдесят лет, и я мысленно спрашиваю их: а где были ваши геройские головы раньше? Или вы не прозревали потому, что вам и так было вполне хорошо, и вы немало делали для того, чтобы соответствовать правилам жизни, которые резвее всех проклинаете?”

“21.6.92. ...Ельцин в последнее время предстал во всей красе: его обличения коммунистического идола (в американской речи перед Конгрессом), заверения, что он мёртв, были отвратительны и по сути, и по языку, и по интонации, и по мимике. Боже, мне лень воспроизводить общедоступные и самоочевидные доводы против этого энтузиазма предателя, против этого героического речитатива политического оборотня и пошляка. На языке улицы ему следовало получить что-нибудь вроде: “Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала”.

Какую такую новую литературу, какие такие новые документы прочёл тот же Александр Николаевич Яковлев, чтобы прозревать столь поспешно, как он это сделал в конце прошлого года? Заметил ли он, что стал похож на Ельцина, т. е. на примитивного борца против коммунизма, снабжённого текстами не самых одарённых помощников? (...Я в таких делах не участник, и не ум, не логика меня не пускают, а элементарное чувство, предостерегающее против чего-то грязного, непорядочного”).

Ему физически трудно писать, как будто преодолевая сопротивление клавиш машинки. Или что-то в состоянии духа, почти отчаявшегося: “Человек так мал, так ути, но как много всего впитывает он за свою жизнь и всё это несёт в себе и несёт, и это какой-то непостижимо огромный пласт жизни, которую непередаваемо жаль, и кажется недопустимым, чтобы ушло вместе с человеком, словно не было никогда”.

“27.6.92. ...И отчаянные бывают мгновения, когда... Словно жизнь уже кончилась. Родина никогда не казалась мне безобразной, она, как дом, где все родное – и бедное, и неказистое, и обтрепанное. Тяжело от другого – от нового насилия над людьми”.

“27.12.92. Наверное, я все-таки коммунист, и не в смысле принадлежности к партии, а по своим чувствам, по тому, что считаю справедливым и подлинно человеческим.

И ещё мне противно, что нашу страну, её великую культуру, её живой несломленный дух “подвёрстывают” под американские мерки, американские стандарты. Моё неприятие происходящего никогда не было столь тотальным”.

Последние записи в дневнике читать нелегко... В июле 1993 года Игорь Александрович попадает в Кунцевскую больницу, диагноз оставляет мало надежды на выздоровление. Последние месяцы он писал в больничной палате и во время редких отлучек домой между сеансами химиотерапии. Но в дневнике – прежний Дедков, остро мыслящий, равнодушный... Когда уже знаешь, что жить ему осталось меньше полутора лет, эти записи воспринимают-

ся по-особому. Они исполнены какого-то мужественного благородства. В рецензии на его “Дневник” Ольга Смирнова пишет: “Зритель трагедии ничего не может изменить — может лишь укрепиться духом, пережив её вместе с героем” (журнал “Наше наследие”).

“29.7.93. Друг друга спрашивают: ты верующий, веришь, крещён? И чашто так всё ясно: крещён, я православный, верующий...”

А когда читаешь Евангелие, понятней некуда сказано: живёшь по заповедям — значит, веруешь, подчиняешься Божьему закону”.

“30.7.93. Сказать, что разум начинает сдавать тотчас, как получает неприятное известие, нельзя. Но характер, конечно, становится виднее. За своим характером я нового не заметил...”

Что-то вроде этого вытаптывалось в полубессоннице: не суди, не умничай, не сравнивай, и ещё сверх, из прошлого опыта: не жди, не оглядывайся, не жалуйся, иди...”

Тем не менее он продолжает работать. В начале 93-го, читая новый роман В. Астафьева, он записывает в дневнике: “Читаю В. Астафьева — роман “Прокляты и убиты” (“Новый мир”). Астафьев излишне уверовал, что роман ему по силам. В этом — первое несчастье. Второе: он привнёс в изображение далёких дней и тогдашних людей то, что хуже сегодняшнего знания, — сегодняшнюю озлобленность и несправедливость; ...его прежние срывы в злобу и мстительность превратились в норму повествования; оснастив же текст подлым матом, он усугубил изображаемое и всячески нагнетаемое, концентрированное непотребство...” Он ещё успеет написать обстоятельную, неотразимо доказательную статью об этом романе “Объявление вины и назначение казни”, и она выйдет в десятом номере журнала “Дружба народов” (1993).

“Октябрь, 93. Без даты. Если искусство в самом деле, — а это так, — преодолевает смерть, то только тогда, когда являет собой жизнь и сберегает её, и воскрешает человека. Это вечное открытие жизни и человека, его глубины, разнообразия, богатства”.

“7.10.93. Я вернулся домой 1 октября. Как спокойна и свободна была душа моя первые два-три дня дома. После всего — успокоилась. Это теперь в неё возвращается вся полнота жизни — полнота её сумятицы, тревоги и горечи.

3–4-го — стрельба. Российский парламент в очередной раз упразднён. Торжествуют мои бывшие друзья и единомышленники (давние, бывлые) — стыдно. Перебито много народа.

Когда я был в больнице, застрелился В. Л. Кондратьев”.

И дальше — без даты: “Этим кажется, что всё они знают, но знать можно — книги, фильмы, картины, но жизнь — никогда.

Конец истории — конец литературы. Но если первое — неправда? И тотальная победа западного либерализма — миф?..

Это рассуждают люди, когда думают, обретаясь в Москве или в сфере её тесного общения, что всё кончено. Они не учитывают, что остаётся страна и её народ, уже в ста верстах от Москвы — другой.

Припомним, что противостояло идеологическому мифу, внутри которого нам предлагалось жить?..

Ответ простой: жизнь.

Не та, что в газетах, по радио, на экранах, в речах начальства, в романах, а другая, никуда не попадавшая, оттесняемая, отодвинутая, как бы невидимая. Она мешала и раздражала своим несовершенством, разрушала столь совершенный миф.

И эта жизнь должна была прорваться...

Литература 60–80-х годов оказала немалое влияние на духовную атмосферу страны, потому что она вернула жизнь и подчинилась жизни, как Богу. Жизнь негодна, когда она не совпадает с мифами. А новые мифы не замедлили явиться. Особенно это видно по журналистике.

Энтузиасты разрушения своим криком и грохотом, торжествующим визгом постарались заполнить всё печатно-визуальное пространство.

Почему же они говорят: поменьше жизни и подальше от правды?

Они не знают того, что знали про жизнь Абрамов и Трифонов, Астафьев и Носов, Панова, Сёмин, Казаков...”

“25.10.94. Я ничего не хочу писать. Я заболел от запахов расцветшей “демократии”.

Это фантастика, но, может быть, я даже бы выздоровел, если бы вся эта

“президентская рать” куда-нибудь исчезла, и вместе с ней всосались бы назад, в тёмные глубины, эти хамство и наглость – чёрная жижа так называемой свободы”.

“25.12.92. Они хотят сказать, что всё, чем мы руководствовались в жизни, чему следовали в поступках, – ничто.

Да, с детства, с юности и дальше я помнил, что, кроме меня, есть нечто большее, чему я принадлежу, – это родина, народ, его большинство. Меня воспитали – все, особенно книги, – что есть другие, и о них надо помнить”. С этим чувством “необходимости соучастия и помощи” он жил. С этой меркой подходил и к окружающим людям, и к себе. Умел любить и понимать не только дальних, но и ближних – родителей, жену, сыновей, друзей. Не понимал, когда жертвуют близкими даже ради высоких целей. Размышляя о Желябове (после прочтения романа Ю. Трифонова “Нетерпение), ради революционного дела оставившем жену и маленького сына, Игорь Александрович пишет: “Ради жизни сына я бы всякую революцию бросил, ничего не надо, оставьте сыновей, жену, и мне хватит смысла жить. Во всяком случае, всё прочее – потом, во-вторых. Жертвовать можно собой, но не другими. Начни жертвовать другими – во имя революции, справедливости, искусства, осуществления таланта, – и кончится это чем-нибудь отвратительным”. Дом, семья всегда много значили для него. Даже в эти последние месяцы в больнице больше всего он беспокоился не о себе любимом, о них – о жене, родителях, детях: “Мне надо вырваться – не ради себя. Лучше не писать... Я не хотел бы подвести вас, мои милые. Вот что меня мучит”.

4 февраля 1994 года Игорь Александрович записывает в больнице: “Виновата сама интеллигенция (её наиболее активная, шумная, заметная часть), что всё так вышло: как всегда, спешили, как всегда, красовались, поглядывая на себя в телеэкран, как всегда, думали, что истина на их стороне, в кармане, – и кружили, высмеивали, топтали то, что следовало всего лишь изменить и перестраивать... .

Они дружно убивали социалистическую идею и теперь оказались пустыми, бессмысленными, ничего не имеющими за душой, – осталось всё чужое, скучное, эгоистическое... “Народ” в устах этой интеллигенции – запретное, почти бранное (Ю. Карякин) слово.

Когда это произошло, права называть себя интеллигенцией не стало”.

О Тамаре Фёдоровне Дедковой нужно сказать особо. Она всегда была рядом, даже когда ещё не была (Игорь уже работал в Костроме, а Тамара заканчивала тот же факультет журналистики) – была в звонках, письмах, дневниковых записях... Тамара стала для него не только женой, любимой, единственной, но и настоящим другом, любящим, понимающим, никогда не подталкивала к поступкам, несовместимым с его нравственным кодексом совести и чести. Она и сама была хорошим, талантливым журналистом. После смерти Игоря Александровича тщательно и с огромной любовью подготовила к печати его дневники, которые с конца 90-х печатались в “Новом мире”, а в 2005 году вышли отдельной книгой в издательстве “Прогресс-Плеяда”. Книга “Игорь Дедков. Дневник. 1954–1994” – уникальное свидетельство времени и замечательный человеческий документ, подобного которому нет в нашей литературе последних 20–30 лет.

“Дневник” И. А. Дедкова вместил в себя богатейший жизненный материал сорока лет нашей общей жизни, увиденный и осмысленный умным и честным наблюдателем и исследователем не придуманной, а “живой” жизни. Это и “политические” будни, и хроника литературной жизни, и фрагменты переписки с писателями и критиками, и ставшие уже историей бытовые детали. Дневник-летопись, дневник-исповедь, но более всего – дневник-роман, в котором читатель-современник узнает себя. В “Дневнике” он рассказал о внутренней, духовной жизни порядочного, интеллигентного и незаурядного человека своего поколения. Жаль, если его прочтут немногие. Хочется сказать, что читается он с захватывающим интересом – несмотря на объём и неизбежную фрагментарность дневниковых записей. Жаль, прежде всего, потому, что герой-автор – пример человека, который, по словам Р. Роллана, видел жизнь такой, какова она есть, и умел её любить. Человека, который не продавал свою совесть и выстоял. А в сегодняшней жёсткой повседневности это те качества, на которые можно опереться.

Из последних записей:

“29.1.94.

– Понимаешь ли ты, что с тобой?

– Понимаю. Абсолютно ясно.

– Готов ли ты, понимая, противостоять до конца?

– Готов.

– Но не всё же в твоих силах. Вспомни, к кому ты обращался в заснеженном парке, под соснами.

– Да. Не всё. И, может быть, не так уж много в моих. Но если бы немного везения – у меня его давно не было. И главное – быть

помилованным,

поддержанным,

укреплённым...

Другого ответа у меня нет, и другой надежды тоже.

Не мечтай, не заглядывай в дальние дни, не рассчитывай, не утешай себя – иди вперёд...”

“6.11.94. А вчера – солнечный мартовский день – гуляли с Томой до смотровой площадки Ленинских гор и потом к Университету. Я шёл и говорил себе: благодари за каждый день, – такой или не такой, – благодари за счастье идти рядом с родным человеком и видеть над собой это ясное голубое небо и слепящие полотнища снега, за каждый миг жизни благодари”.

27 декабря 1994 года И. А. Дедкова не стало.

...Самая последняя запись в дневнике – о ней, Тамаре. “Декабрь. Без даты... Не знаю, принёс ли я тебе счастье, ты мне – да! Другого не хотел, не воображу, не искал. Без тебя моя жизнь, всё лучшее и достойное в ней не состоялось бы. Ты всегда была моей единственной”.

г. Саров

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ПЕРЕМЕНЧИВЫЙ ЛИК

Читаю в “Дневнике актрисы” Татьяны Дорониной запись от 22 декабря 1984 года:

“Вчера я прочитала в “Литературке” статью критика Игоря Дедкова “Портрет с автографом”. Живет в Костроме – вне веяний, тенденций и “продаж”. Принцип – высокая личная нравственность и ответственность за сказанное и написанное. Уверен, что “традиция русской критической мысли” – глубокое знание философии, истории и прочих наук, человеческая порядочность и личная ответственность за время, за себя, за то, что делается вокруг. Считает, что обязанность профессии “критик”, суть профессии – это продолжение “работы” произведения того или иного автора, внедрение, разъяснение, углубление его идей. Дедков не видит в этом “вторичности”, унижения для своей профессии, он видит в этом смысл и предназначение критики. Надо находиться вдали от суеты и пристрастий, чтобы честно, доказательно объяснить, почему столь прекрасна личная боль Распутина за свою землю, за людей. Почему нужна проза Василия Белова и подобных ему и почему вредно все, что “помимо”, что “размашисто” и претенциозно... и никому не нужно... Было же время “нелицеприятной” критики в литературе. Лицо Дедкова похоже на лицо молодого Белинского...”

Именно такая репутация много лет была у Игоря Дедкова – “вне веяний, тенденций и “продаж”... В той же тональности, по тому же “эскизу” пишет свой портрет Дедкова и Наталия Куликова, и, судя по подбору материала, она имеет для этого определенные основания. Возникает, правда, существенный вопрос: насколько все же сам критик по своему существу соответствовал данной, весьма распространенной, репутации? Насколько он “встраивался” в колею “объективности” и “непродажности”?

“В своих заметках я не ставила целью вдаваться в суть идейных разногласий Игоря Дедкова с разными литературными партиями и направлениями, наверное, в чем-то он заблуждался, отнюдь не всегда был прав. Иметь свою собственную позицию в годы “разброда и шатаний” очень нелегко. На чьей стороне правда, покажет время”, – пишет Наталия Куликова, тем самым явно облегчая себе задачу. По-своему “в суть идейных разногласий” критика “вторгся” Юрий Павлов в процессе работы над статьей “Игорь Дедков как русско-советско-либеральный феномен”, статьей, насыщенной интересным материалом, нетривиально и остро проинтерпретированным (хотя к павловским трактовкам некоторых фактов у меня есть определенные претензии). Повторяться нет смысла, и сейчас эти заметки я пишу с единственной целью: дополнить портрет критика некоторыми, на мой взгляд, чрезвычайно существенными штрихами, иначе он останется в сознании нашего читателя явно неполным.

И начать стоит с давней “новомировской” статьи Дедкова, с его “полеми-ческих заметок” “Страницы деревенской жизни”.

Честно говоря, я не поверил своим глазам, когда в 1990-м в “Литературной газете” прочитал в интервью Дедкова, которое он дал Брониславе Таро-щиной, следующее:

— В старой новомировской статье “Страницы деревенской жизни” вы за-щищаете “деревенщиков” от их “певцов” из “Молодой гвардии”.

— Защищать приходилось Федора Абрамова. Остальные “деревенщики” в защите не нуждались, их судьбы складывались благополучно. Я писал об их книгах с уважением и любовью. Лучше бы эти писатели занимались своим де-лом: глядишь, талант и вывел бы некоторых из них из политического леса”.

О “политическом лесе” чуть ниже. Что же касается Федора Абрамова...

В упоминаемой статье ни о нем, ни о какой бы то ни было его “защите” не было ни слова. Предисловие к трехтомнику Абрамова Дедков писал в 1980 го-ду, когда сам Абрамов, поистине, ни в какой “защите” не нуждался. А в “Страницах деревенской жизни” речь шла о Викторе Лихоносове, о Геор-гие Семенове, о совершенно забытом ныне Иване Петрове и о Василии Бело-ве, а конкретно, о его повести “Привычное дело”.

Похоже, в 1990 году ни о Лихоносове, ни о Белове, ни о других героях той давней статьи критик даже не хотел вспоминать.

“... Не хочу писать про критику, которая сказала все неправильно, фаль-шиво, равнодушно, по-барски. Иван Африканович — тип горестный...” — так писал Дедков в дневнике в 1967-м. Тем не менее, начал он статью именно с ин-вектив, направленных против “молодогвардейской” критики. Высмеял “монопо-лию на патриотизм”, прошелся по “национальной гордости вкуче с высокоче-рем”, которые якобы “загарцевали вдруг на владимирских тяжеловозах”... Яз-вящая ирония была явно не по адресу, но Дедкову было важно донести осно-вополагающую мысль: если писатель воплощает ту правду, “что связывает нас со всем добрым, честным, подлинным, рождает наш благодарный душевный отклик, когда мы встречаемся с человечески достойным, нравственно чист-ым”, то при встрече с подобным писателем — будь то Лихоносов или Белов — “нужно... знать и помнить: не так уж трудно зарожить себя этим чувством настолько, что оно станет своего рода религией, единственным, все иное ис-ключающим способом восприятия и отношения к деревенской жизни. А всякая религия иллюзорна, и иллюзорность ее именно в том, что питающие ее пред-ставления о действительности не выдерживают проверки жизнью”.

То есть “благодарный душевный отклик” следовало тут же придушить в себе напоминанием о том, что можешь впасть в “религиозное чувство” — и тут впору доставать из кармана “Блокнот атеиста”, откуда, судя по всему, и была позаимствована заключительная фраза. Подобного рода штампы бы-ли в большом ходу у тогдашней “новомировской” критики. И уже от совершенно бесспорного заключения — “вопрос не в том — “чернить” или “воспевать”. Куда насущнее и труднее войти “внутрь”, увидеть жизнь из глубины ее собст-венного течения” — легче легкого было перейти к “лирическому фрагменту ду-шевной жизни героя”, в котором “есть все-таки и определенный привкус сен-тиментальности, некоторой идилличности в восприятии действительности”. Запомним этот “привкус сентиментальности” — он потом, через годы, повто-рится у Дедкова в совершенно неожиданном контексте. “... Еще шаг, еще “чуть-чуть” — и с ними неожиданно начинают переключаться вдруг строки ти-па: “Взглянул на кустик — истину постиг” (Н. Рубцов)”. Поэт, кровь и сутью связанный с русской деревней, ни единой строчки которого, кстати, не по-явилось на страницах “Нового мира”, предстал в дедковской статье, как не видящий жизни “из глубины ее собственного течения”, но как апологет “подземного, почти религиозного течения”, что блуждает “в иных душах”... “Идеализация человека деревни в литературе и критике, оправдание иных от-рицательных сторон его характера, общественного поведения и позиции об-стоятельствами жизни обрекают нас на повторение незабвенного прекрасно-душия наших не столь отдаленных предшественников, для которых Чехов и Бунин были жестокими и мрачными изобразителями мужика. Но мы знаем, что Чехов и Бунин были в том споре правы... и иной русский человек, осо-бенно в деревне, складывался, впитывая гражданскую пассивность и послу-шание, как основные гарантии житейского благополучия, выживания вооб-ще”... Мне и поныне нелегко понять, как мог начитанный и неплохо знающий

историю критик даже не вспомнить о крестьянских бунтах, о яростном сопротивлении русской деревни столыпинским реформам именно в пору, когда писались “Мужики” и “Деревня”. Объяснение одно: Дедков пошел на поводу у “социал-демократической” конъюнктуры, столь близкой его новомировскому окружению, а истоки подобного взгляда на русского мужика – в критике 1920-х годов, гвоздившей за “идеализацию” и “религиозное течение” Есенина, Клычкова, Клюева...

Назови кто-нибудь в 1969-м критику эти имена – он бы в лучшем случае пожал плечами. Он, конечно, не мог тогда знать строк из письма Николая Клюева к Александру Блоку: “У меня на столе старая, синяя, глиняная кружка с веткой можжевельника в ней. В кружку налита горячая вода, чтобы ветка, распарясь, сильнее пахла. Скажите это кому-либо из Собачьей публики, Вам скажут, что по Бунину деревне этого не полагается (мне часто говорили подобное). И не знает эта публика, что у деревни личин больше, чем у любого Бунина...” Письмо это было напечатано почти через 20 лет после публикации “Страниц деревенской жизни”, но так и кажется, что Клюев “из своего далека” упреждает со своим “незабвенным прекраснородушием” все подобные инвективы, и дедковские, в частности.

Главная часть статьи – заключительная, посвященная беловскому герою Ивану Африкановичу, который, по мнению критика, “не одна только отрада русской деревни, тем более не гордость ее”. Это было заявлено в полемике с критиками, которые якобы “вышили пурпурным шелком портрет Ивана Африкановича на хоругви, произведя его наскоро в хранители русского национального духа и народного нравственного богатства и предложив всему обществу бить ему поклоны...” Здесь раздражение критика достигло своего апогея при том, что он прекрасно понимал: “Талант В. Белова, его знание деревенского человека позволили ему изобразить крестьянский тип, давно уже не замечаемый нашей литературой, и к тому же представить его с такой художественной и жизненной полнотой, что мы встречаемся с ним, как с живым человеком”.

Увлечись борьбой с придуманными им “хоругвями”, Дедков словно “забыл” о критиках, для которых личность беловского героя была средоточием “социального младенчества, пассивности”, ибо “такие люди, как Африканович, только начинают осознавать независимые от них общественные связи”, ибо “пребывают в состоянии гражданского неведения”, поскольку в подобных героях “слишком очевидна... неразвитость... личного самосознания, непонимание собственной личности, как, впрочем, и любой другой личности...”

Где же истоки подобного раздражения и подобной забывчивости? Думается, ответ на этот вопрос есть.

Все знают, что впервые “Привычное дело” появилось в петрозаводском журнале “Север” в 1966 году. Менее известно, что до этого повесть была отвергнута “Новым миром”, а точнее, персонально его главным редактором. А когда, наконец, состоялся ее выход в свет и завязалась вокруг бурная полемика, тут-то и стало ясно, какой промах допустил Твардовский, тем более, что для любого вдумчивого читателя не подлежало сомнению: сотворено и обнародовано художественное произведение на несколько порядков по своему уровню выше всего, что напечатал “Новый мир” у Александра Солженицына, которого Александр Трифонович считал своим самым большим открытием. Тогда же на “Привычное дело” откликнулся новомировский публицист, слышавший большим знатоком деревни, Ефим Дорош, для которого Иван Африканович – “человек обыкновенный”, ибо “ничего особенного, выходящего из ряда с Иваном Африкановичем не случается...”, а смысл произведения в том, чтобы показать: “и крестьяне чувствовать умеют”. В ответ на подобные умозаключения Вадим Кожин в статье “Голос автора и голоса персонажей”, написанной в 1968-м, разъяснил, что если “с героем не случается...” “ничего особенного” и “необыкновенного” – отсюда не следует, “что герой обыкновенен. В подлинно художественном произведении всегда есть нечто “особенное”, “необыкновенное”. Есть оно им в повести Белова – в развитии “партии” героя, в сложных модуляциях его голоса... Иван Африканович ни в коей мере не “идеальный” или “идиллический” персонаж. Единственное его “превосходство” – в том особенном единстве бытия и сознания, в той цельности практической, мыслительной, эстетической и нравственной жизни, которое неизбежно утрачивается очень многими из тех, кто “учился” мыслить и чувст-

вовать... На протяжении всей повести художник мыслит о мире и человеке, о жизни и смерти, об истине и красоте, не отрываясь от реально воссозданного голоса своего героя — простого современного мужика Ивана Африкановича Дрынова... Мыслит “для того, чтобы раскрыть земную почву самых высоких и глубоких мыслей и чувств. Ту почву, которая породила их и постоянно возрождает во всей жизненной силе, в их органическом единстве с практически полезной деятельностью, в их всеобщей ценности и правде”.

Вот это взаимодействие голоса автора с голосом героя напрочь проигнорировал Дедков. Он стал мерить беловского персонажа по своему усмотрению, сделав вид, что никто, кроме Чалмаева да Глинкина, о нем не писал. Вы его в хранители национального духа зачислили? Так мы не одну червоточину в нем отыщем. Да еще поиронизируем: “Иван Африканович — поэт в душе. Признано, что “естественное состояние” его души — “поэзия природы, поэзия крестьянского труда”. Правда, писатель не щедро изобразил этот труд. Разве что привоз товаров в сельпо?..” Дальше — больше. Ивана Африкановича надо укорить судьбой его жены — Катерины: “Катерине некогда разогнуться, поглядеть вверх, звезды не для нее. Они вроде бы — для Ивана Африкановича”... Словно не обратил внимания на то, что беловский герой — кавалер ордена Славы, что “скрозь него шесть пуль прошло” — и его восприятие земной жизни несколько иное, чем хочется видеть. Словно бы не читал Кожинова, с которым Дедкову было бы неизмеримо труднее, чем с критиками, которым “куда легче с Иваном Африкановичем, чем с Катериной”.

“Иван Африканович встает рано вовсе не для того, чтобы насладиться красотой апрельского утра и задуматься о смысле жизни; он занят своими повседневными практическими делами, но ощущения красоты и жизненной истины органически сплетаются с обыденным существованием героя” (В. Кожинов).

Твардовский привлек Белова в “Новый мир”. Собственно, и Белов, и Шукшин появились на его страницах после шума вокруг “Привычного дела” (Лихоносов начал печататься раньше). И статья Дедкова в этом историческом контексте имела свою конкретную сверхзадачу: показать, что правильно понимание Белова возможно только в “Новом мире”. Об этом говорит и чрезмерная агрессивность ее тона.

В его дневнике этого времени встречаются крайне уничижительные и одновременно бессодержательные записи об авторах “Нашего современника”: “Вся эта декламация о патриотизме, корневой системе нации, родословной народа, о духовном подъеме народа в войну — никому, увы, не поможет и никуда нас не передвинет с места, на коем стоим...” Письмо Станиславу Лесневскому, приведенное в этом же дневнике, выдержанное в тоне столь нелюбимых им “молодогвардейских” критиков и, скорее, граничащее с издевательством то ли над кем-то, то ли над самим собой (“Следуя твоим указаниям, впитываю национальный дух, заряжаю аккумуляторы патриотизмом, припадаю и причащаюсь”), завершается инвективой: “Ты прав, и я прав, и мы оба правы, а паразиты — никогда! (И патриоты — никогда!)”

А когда многие авторы и члены редколлегии “Нового мира” стали авторами и членами редколлегии “Нашего современника” — среди них оказался и Игорь Дедков.

* * *

5 лет Дедков периодически печатался в “Нашем современнике” — с 1974-го по 1979 год включительно. Он писал о Юрие Куранове, о Гаврииле Троепольском, о Евгении Носове, о Виталие Семине, о первой книге Петра Краснова... Приезжал на заседания редколлегии, участвовал в общих разговорах. Насколько можно судить, держал себя вежливо и корректно. Среди всех прочих предлагаемых ему должностей в Москве и за границей (журнал “Радио и телевидение”, Академия общественных наук, журнал “Проблемы мира и социализма”, “Журналист”, “Московская правда”) упоминает и предложение Сергея Викулова прийти на должность заведующего критикой в “Нашем современнике” (“пресеклось где-то на уровне С. Михалкова или Ю. Бондарева, для которого я сижу на “двух стульях”, а может, пресеклось где и пониже”)... На скольких “стульях” “сидел” внутри себя Дедков (он, может быть, сам верил в то, что сидит на своем, одном-единственном), сказать непросто.

Во всяком случае, в “Нашем современнике”, куда его, можно сказать, никто не тянул на аркане и куда он пришел, как автор и член редколлегии, совершенно добровольно, он явно не благоволил к окружающим, о чем ясно говорят страницы его дневника.

“Всё-таки в “Нашем современнике” я чужой или получужой. Леня Фролов после заседания говорит мне: “Жаль, разговор скомкали. Ребята собираются (т.е. вокруг журнала) хорошие, умные”. А я в ответ что-то пробормотал ему насчет того, что странные все-таки эти заседания, и не знаешь, что и как говорить и насколько подробно. Вежливый я, однако, человек, и не могу огорчить человека, который доброжелателен ко мне и не раз это доказывал. А потом я шел по Новому Арбату и думал, что мало хорошего в тех ребятах, во всяком случае, в их речах...” Среди этих “ребят” числится и Евгений Носов, герой статей Дедкова. “Панков не преминул выступить и, надо отдать должное, говорил лучше других, хотя и неопределенно, когда обличал мнимо-художественную литературу, которая ущемляет подлинную литературу хотя бы тем, что потребляет много бумаги, которой не хватает. На это Е. Носов, выходя покурить, бросил реплику, что так было всегда, и переживать на этот счет не стоит, потому что, дескать, эта второсортная литература как навоз, и после нее настоящая литература еще лучше растет. В интонации, с которой были произнесены эти слова, что-то было чересчур уверенное в причислении себя к подлинной литературе, произрастающей на унавоженной почве...” Не знаю, как покажется почитателям критика Игоря Дедкова, но мне эти слова говорят о расчетливом лицемерии их автора. Статья о прозе Носова “Надежные берега” (“Наш современник” № 7, 1976) — одна из лучших в творческом наследии Дедкова. Но что же получается? На людях о Носове одно — “подлинная литература”! А про себя — совершенно иное, с ироничной подкладочкой: дескать, напрасно Вы, Евгений Иванович, себя “причисляете”... И никто “чужим”, по-хорошему говоря, Дедкова в “Нашем современнике” не делал. Позвали как “своего”, даром, что не могли не помнить “Страницы деревенской жизни”. Он сам себя, внутренним сигналом, превращал в “чужого”.

“Кожинову и Палиевскому нужен погоняла, но они надеются, что для них будет сделано исключение, и никто не будет их погонять, а наоборот — будут нежить...” Запись от 14 января 1978 года, еще в период активного сотрудничества Дедкова с журналом. Хорошо, допустим в отношении Кожинова, мнится, никаких заблуждений быть не может: Дедков всегда ощущал в нем серьезного и гораздо более сильного противника, а потому, как умный человек, никогда не пытался выйти с ним в открытую полемику, проговариваясь лишь обиняками (“Что-то слишком усердно убеждают нас, что писатель конъюнктурен и одни и те же факты перекрашиваются в угоду моменту” — это из статьи “Великий раскол или в поисках утраченного”. Только сверхдогадливый читатель мог бы понять, что речь идет о статье Кожинова “Проблема автора и путь писателя. На материале двух повестей Юрия Трифонова”, и едва ли кто-нибудь стал бы проверять, насколько дедковский тезис соответствует сути кожиновской статьи). Он давал себе волю на страницах дневника, примитивизируя и упрощая Кожинова до немыслимого предела. О статье Вадима Валериановича “Николай Рубцов в кругу московских поэтов” Дедков пишет, не сдерживая брызгливого раздражения: автор, дескать, “уже озаботился написанием истории, включив в нее своих друзей и себя, придав быту — значительность литературного события. Или он думает, что такую историю не перепишут?” Переписать попытались спустя много лет — но ничего из этого не вышло. “Еще один пример безответственной болтовни о нашем народе, о его избранности, о тех его качествах, которых, может быть, нет, а они навязаны нынешним государством”. Эта запись от 13 декабря 1981 года — “анализ” Дедковым статьи Кожинова “И назовет меня всяк сущий в ней язык...”, не замечая (судя по всему, действительно не замечая и не понимая!), что автор этой статьи рушил барьеры, возведенные более столетия тому назад между “славянофилами” и “западниками”. Замечательно само по себе и это смысловое совпадение (касательно “безответственности”) с мнениями “государственного человека” Феликса Кузнецова и члена редколлегии Владимира Чивилихина, высказанными во время экзекуции над первым заместителем главного редактора Юрием Селезневым неделей ранее на заседании Секретариата правления Союза писателей РСФСР. Реакция же Дедкова на самого Селезнева поистине не нуждается в комментариях: “Большие хитрецы в “Нашем современнике”, особенно,

должно быть, Юрий Селезнев, этот Садко-красавец, с курчавой бородой, обуреваемый антисемитской страстью"... Замечательно само по себе это **должно быть**, а значит, по мысли Дедкова это так и есть. Он подозревает хитрость во всем, везде и всюду умудряется подсмотреть двойное, а то и тройное дно. О статье Аполлона Кузьмина "Писатель и история" ("Наш современник" № 4, 1982) он пишет: "Гумилева подцепили – не жалко, и самого Кожинова – вот вам объективность – задели"... То есть опять-таки "схитрили". Здесь, впрочем, прочитывается "хитрый" подтекст самого Дедкова: статья Кузьмина в своем основном объеме посвящена полемике с книгой Валентина Оскоцкого "Роман и история. Традиция и новаторство советского исторического романа", того самого Оскоцкого, что многожды вполне благожелательно упоминается в дедковском дневнике. В письме Василию Быкову (май 1982 года) Игорь Александрович уже не сдерживает своих эмоций: "Наш современник" разжигает страсти. Судя по статье А. Кузьмина против Оскоцкого, на первый план в жизни нашего государства должно выйти национальное начало... Дурят людям головы, и кому-то это нравится. К счастью, подобные статьи читают очень мало людей, глубоко проникнуть они не могут. Я называю это "московскими страстями"... Плохо думал в данном случае Дедков о читателях русской провинции.

И словно невдомек Дедкову, что Селезнев, о котором все думали, что он угомонится после разгромного Секретариата, Селезнев, несогласный со многими положениями кожиновской статьи, на свой страх и риск продолжил начавшуюся дискуссию. На этот раз терпение лопнуло окончательно. Кстати, Юрий Павлов допускает фактическую ошибку, утверждая, что "Ю. Селезнев... к выходу четвертого номера за 1982 год, который ставится ему в вину И. Дедковым, никакого отношения не имел..." Имел, и самое прямое. Именно после выпуска этого номера он был уволен из редакции.

Что касается Палиевского, тут ситуация гораздо интереснее. Не Селезнев оказывается мнимым "большим хитрецом", а Дедков – большим хитрецом натуральным. О книге Палиевского "Пути реализма", об авторе, которому, если верить дедковскому дневнику, "нужен погоняла", а значит – это явно не "дедковский" герой – наш критик пишет и печатает в "Нашем современном" статью под замечательным названием "Мысль, набирающая высоту..." И мало кто сказал об этой книге в таких высоких выражениях, как Дедков. "... Искусность и талант. Слова эти не пусты для всей книги: и то, и другое явлено разом и в полном блеске. Стиль Палиевского заразителен. В нем есть нарастающая уверенная сила, есть непринужденность, есть чувство высокого полета и широкого обзора. В этом стиле органически слились гибкий, дальнзоркий ум и живые знания, но хорош он прежде всего обаянием фразы, ее состава и тона, ее лукавой и глубокой простоты... Даже иронический памфлет о самозванных "гениях" не выпадает из контекста книги, развивая и применяя эстетические и этические воззрения автора. При этом, как нам кажется, единство его коренных принципов здесь не косно. При достаточной устойчивости и настойчивости основной концепции сохраняется воля к движению, к изменению, а не только к ее прямому укреплению... Так по всей книге: растущая, здоровая, могучая, ветвящаяся от главного своего ствола жизнь, заявляющая о себе и себя в литературе, в искусстве, повсеместно противопоставлена всему искусственному, игровому, поглощенному собой, корыстью и тщеславием, но особенно – "сатанинской" гордыне абстракций, презревших "простую человечность", поверивших в свое окончательное всезнание и всемогущество... В этом смысле книга Палиевского – поощряющий и увлекающий пример. Она сильна сама по себе и не нуждается для своего лучшего утверждения в умалении других идей и тенденций. Порадумесь тому, что такая книга явилась".

Здесь же во вполне благожелательном контексте единственный, кажется, раз у Дедкова появляется и имя Кожинова: "В. Кожинов очень точно сказал об и д е я х как первейшем отличии и достоинстве книги Палиевского..." А как же насчет "погонял"? Они лишь для "внутреннего употребления".

На самом деле годы сотрудничества Игоря Дедкова с "Нашим современным" – чтобы он ни писал в своем дневнике – были лучшим его временем, как критика. Именно тогда его знание и глубокое ощущение русской провинции ("Я благодарен русской провинции за уроки стойкости и скромности, за мудрость и консерватизм ее жизни") обрело гармонию со средой журнала, где русская провинция воплощалась в полновесном слове прозы и публици-

стики, с внутренней атмосферой редакции, что дало импульс для создания таких статей, как “Возвращение к себе”, “Надежные берега”, “... В поле две воли...”, “Сруб для родника”... Этот импульс жил, вибрировал и в более поздних статьях критика, написанных уже после тихого разрыва с “Нашим современником”, статьях о прозе Владимира Личутина “Глубокая память Зимнего берега” (“Дружба народов” № 3, 1981), о прозе Валентина Распутина “Продленный свет” (“Новый мир” № 7, 1984), о прозе так называемых “сорокалетних” “Когда рассеялся лирический туман” (“Литературное обозрение” № 8, 1981). Именно названные статьи, “нашсовременниковские” по сути и тональности, — лучшее из всего, написанного Дедковым, — и составили ему репутацию критика “вне веяний, тенденций и “продаж”... вдали от суеты и пристрастий”, — о чем и написала в “Дневнике актрисы” Татьяна Доронина. И он имел все возможности удержаться на этой высоте, если бы... Если бы не постоянное растравливание в себе чувства “чужести”, не периодическое взбалтывание реальных и мнимых “идейных разногласий”, не периодические нагнетаемые подозрения в отношении окружающих — в “хитрости”, в якобы существующей в журнале “проверке на кровь”, “антисемитизме” и “жажде сильной руки”. “...Московские “славянофильские” (националистические) “зады”... о величии нашего прошлого, о преимуществах национального характера...” “...Дайте им волю: евреев изничтожат, за каких-нибудь татар да калмыков примутся — очистят Россию от инородцев...” “...Националисты и империалисты сходятся в одном пункте, славя державность и государственность”. Подобными штампами перенасыщены страницы его дневника.

“Ныне один из идеологов русских”, — пишет он о прекрасном поэте Викторе Кочеткове, как будто самого себя исключая из числа русских (разрядка должна была, видимо, свидетельствовать о дедковской иронии). Дошло в конце концов до того, что грязный политический донос П. Николаева (некогда научного руководителя дипломной работы Дедкова в МГУ) на статью Михаила Лобанова “Освобождение”, которую все светлые люди в литературном мире оценили, как бесстрашный и честный поступок, — критик выделил как “в основном и главным справедливую”.

Горестное недоумение оставляет, запись от 11 июля 1980 года о 70-летию А.Т.Твардовского. “Сколько было врагов, как ловко травили, теперь все — в друзьях и тянут руки, и хотят прибрать к рукам: как же, как же, великий, народный, наша гордость. И расчет на одно: на беспамятность, на то, что новые поколения не знают, не могут помнить и верят их сегодняшним словам...” Контекст не оставляет сомнений: речь идет именно о “Нашем современнике”, точнее, о его главном редакторе С. В. Викулове, одном из “подписантов” приснопамятного письма “Против чего выступает “Новый мир”?” (“Огонек № 30, 1969). Нет смысла напоминать лишний раз — ни слова персонально о Твардовском в этом письме не было и не могло быть (Дедков, упрекающий других в “беспамятности”, сам, похоже запаматовал многое). Только интересно все же: может быть, критик имел в виду еще и заместителя Твардовского по “Новому миру” Алексея Ивановича Кондратовича? Именно Кондратович писал в “ненавистном” для “новомировцев” “Нашем современнике” самые проникновенные свои статьи о Твардовском: “Самый обычный день. Страницы жизни Александра Твардовского” (№ 9, 1973), “Поэт и стих” (№ 12, 1974), “Ровесник любому поколению” (№ 6, 1980). Последняя статья была опубликована именно к 70-летию юбилею поэта. Это и есть “расчет на беспамятность”?

Еще раз повторю: ни Кондратовича, ни Дедкова, ни кого еще из бывших авторов “Нового мира” (включая Ю.Черниченко и А.Туркова) никто в “Наш современник” на аркане не тянул. Они пришли туда сами, понимая умом и чувствуя душой, что именно этот журнал теперь объединяет лучшие литературные силы России¹.

¹ См. статью В.В.Кожина “Самая большая опасность...” (“Наш современник” № 1, 1989). С подобного рода беспамятностью пришлось столкнуться совсем недавно, читая интервью Владимира Бушина “Читателей у меня немало...” (“Литературная газета” № 5, 2014): “Писатель получает премию имени Горького. Вскоре он становится главным редактором журнала, на обложке которого профиль как раз Горького... Казалось бы, горьковский лауреат должен бережно относиться к памяти великого собрата, а он первым делом, придя в журнал, смахнул к чертям с обложки профиль. Я с негодованием написал об этом. Вот и приобрел себе самым честным образом врага в лице уж такого крутого патриота, что он целый год Солженицына печатал,

Наталья Куликова отдельно отмечает “антибондаревскую” статью И. Дедкова “Перед зеркалом, или страдания немолодого героя”, напечатанную в “Вопросах литературы” (№ 7, 1986). Любопытно, что полемическую статью о Бондареве заказывали критику еще в его бытность автором “Нашего современника” именно для этого журнала. Как пишет Дедков в дневнике: “Кстати, Фролов опять – не в третий ли раз? – призывал меня, т. е. советовал написать что-нибудь о Бондареве. Я говорю: чтобы выразить свою преданность? Он пожимает плечами: чтобы он на себе почувствовал. Я говорю: почувствовал, что я все правильно понимаю? – Да, – говорит Фролов. – Что ж, – говорю я, – вот освобожусь, тогда и напишу. А сам на другой день подумал: можно ведь написать, но так, как есть, как на духу, о всем развитии Бондарева, просто так написать – ни для кого, ни для какого журнала, а там будет видно – может, кто и решится напечатать...”

Он так и не написал “как есть, на духу, о всем развитии Бондарева”. Статья была посвящена лишь роману “Игра”. И здесь ощутимо еще одно “двойное дно”. Волей-неволей возникают вопросы: почему так долго ждал и почему выбрал в конце концов один-единственный роман.

Читаю в этой статье разного рода инвективы, припечатывающие героя романа и одновременно его автора. “Нам же ясно сказано и продемонстрировано всей структурой запечатленного мира, что Крымов – один из немногих носителей русской духовной силы... Наверное, следовало бы счесть избранные страсти неглубокими, а то и всецело игровыми, но не получается: слишком захвачен ими Крымов, слишком дрожат голоса! Не фильмы спорят и соперничают, не роли, не книги, а слова – кто громче, кто пронзительнее! – будто кровь на чистоту исследуют, вот-вот рассортируют: те – направо, те – налево”... Ух! Первая ласточка! Потом этот штамп станет общим для всех либералов... “В духе Крымова: расширять свое, частное, а то и личное до всеобщего, всенародного, общемирового. Больше драматизма. И больше – неправды!” “Нам предлагают поверить, что известный, чтимый кинорежиссер, один из лучших, если не лучший в стране... не припоминающий, кстати, никаких осложнений в своей кинематографической карьере, вдруг, в одночасье, теряет свое безупречное доброе имя, общественный и творческий авторитет, всякую поддержку и понимание...” Убеждались в этом потом не раз. Насмотрелись. Думаю, для всех очевидно, что прав здесь оказался Бондарев, а не Дедков. “Художественный разум автора не стал высшим и объективным по отношению к герою и его миру, и это в романе разнообразно запечатлено: уровни автора и героя как бы совпали...” Читаю это и вспоминаю слова из дедковской статьи “Возвращение к себе”: “Понять природу литературного произведения, его смысл и предназначение? Понять, что сказалось в нем, обретая речь? Зачем? Важнее объявить писателю о его грехах...” В данном случае Дедков мог бы предьявить этот упрек не Ольге Кучкиной, как в 1975 году, а себе самому. Вся жизнь воевавший против упрощения жизни в литературе, он сам пошел на поводу крайних упрощений.

Куликова перечисляет несколько имен “супротивников” Дедкова на этом ристалище: С. Михалков, Н. Феды, Ю. Сохряков, странным образом забывая

да еще, будучи членом партии, обнародовал у себя призыв – вместо антифашистского комитета создать в помощь Ельцину комитет антикоммунистический... И я снова называю его мерзавцем... Тот патриот-лауреат ненавидит Горького и не думает восстанавливать его портрет на обложке журнала...” Опустим все объяснения на тему, что Горький не имел никакого отношения к “Нашему современнику” (речь ведь идет именно об этом журнале и его главном редакторе Станиславе Куняеве!), и другие передергивания критика. Остановимся на самом существенном: казалось бы, после такого “оскорбления”, как “смахивание” профиля Горького, публикация “Октября шестнадцатого” Солженицына, введения в оборот понятий “враг” и “мерзавец” критик должен был раз и навсегда забыть о существовании подобного издания. Интересно, кто и в каких наручниках приводил его в редакцию журнала (уже без “горьковского профиля”) и заставлял на протяжении нескольких лет печатать статью за статьей: “Эренбург мне рассказывал...” (№ 11–12, 1994), “Давид Иосифович об Иосифе Виссарионовиче и других” (№ 5, 1995), “Зачем не послушал он брата Марка!...” (№ 7, 1996), “Я большего у Бога не просил...” (№ 10, 1999), “Вот чем они кормят тебя, русский” (№ 2, 2000), “Тайны Эдуарда Радзинского” (№ 5, 2001) и даже стихи (№ 5, 2010).

о Юрие Идашкине (две статьи – Дедкова и Идашкина – составили “два мнения” о романе). Но более симптоматично отсутствие еще одного имени среди авторов “поднявшейся высокой критической волны”. Я имею в виду статью Анатолия Ланщикова “Вечно живая исповедь” (“Москва” № 12, 1986). Достаточно было вспомнить о ней, и уж никак нельзя было бы ни обойти, ни объехать серьезные умозаключения критика, резко поднимающие уровень разговора: “Не успели мы еще как следует познакомиться с Крымовым, как он уже оказался перед зеркалом, но вот примеров тому, что “зеркальные отражения” сопровождают главного героя “повсюду”, критик не привел, да и не мог привести по причине их отсутствия. Под излишней зоркостью я как раз и подразумеваю ненужную способность продлевать зоркость воображением. Трудно также понять, из чего И. Дедков сделал вывод, что Крымов “нравится себе в зеркальном отражении”... Сам по себе Крымов может показаться и случайностью, но в “контексте” героев романов “Берег” и “Выбор” он уже выглядит серьезным явлением, весьма характерным для минувших двух десятилетий. Романы выходили с завидной регулярностью (1975 год, 1980 год, 1985 год) и каждому из них Ю. Бондарев отдал примерно по пять лет жизни, стало быть, основные проблемы, разрабатываемые в трилогии, стали одолевать его в конце шестидесятих годов” (не для того ли, чтобы избежать разговора об этих “основных проблемах”, Дедков и не стал писать статью “о всем развитии Бондарева?”)... “Способность видеть себя со стороны” или “рассматривать себя как третье лицо” – это вовсе не означает, как полагает И. Дедков, “иметь особый вкус к саморазглядыванию”, но означает – всю жизнь нести тяжелое и неотвратимое бремя видеть свой нестирающийся, куда бы ты ни отошел, духовный мир в самые разные периоды своей жизни...” “Ю. Бондарев писал не собственный автопортрет, он через своих героев выразил суть своих нравственных исканий, и в “Игре” мы видим при всей внешней схожести на два предыдущих романа, принципиальную смену идеала...” “Мы постоянно помогаем какому-то идеальному литературному герою, которому можно было бы подражать, а то и делать собственную жизнь с него, мне представляется это требование одной из форм духовного иждивенчества, в лучшем случае, если это требование искреннее...” “Лживые слова о правде никогда не станут правдой, хотя они и могут нанести ей очень серьезный ущерб...”

А теперь о том, “почему столь долго выжидал Игорь Дедков при всем его аналитическом таланте”. В начале своей статьи Ланщиков задал этот вопрос – в конце и дал на него ответ: “Поскольку И. Дедков ратовал за “историческую конкретность”, пойдём ему навстречу еще раз и сделаем маленькое уточнение. Его оппонент Ю. Идашкин напомнил, что статья К. Скопиной и С. Гуськова “Найти героя: размышления о новом романе Ю. Бондарева “Игра” была опубликована в “Комсомольской правде” 22 июня 1985 года... В то же время проходил и пленум правления Союза писателей СССР, а статья К. Скопиной и С. Гуськова появилась на страницах “Комсомольской правды” буквально накануне его открытия. Проходили месяцы, “проработочную” статью вроде бы замаяли, и в этой “зоне” как бы появилась своего рода табличка: “Проверено. Мин нет!” И вот И. Дедков потихонечку, не торопясь, готовит по той же модели статью “Перед зеркалом, или страдания немолодого героя”, и готовит ее вдаль от “столичных высот” не просто так, а к съезду писателей СССР, который намечено было провести в июне месяце, то есть после XXVII съезда КПСС. Да, ничего не скажешь, И. Дедков действительно критик очень “вдумчивый”... Не знаю, дошли ли молитвы И. Дедкова до бога, то ли они дошли до более “влиятельных” лиц, но “выбились” и в “избранные” и “установленный ценз” легко прошли – теперь Игорь Дедков вошел в тот запретный полупроцент избранных (стал секретарем Союза писателей СССР), который и руководит нашей писательской организацией...”

Казалось бы – зачем теперь вспоминать о таких мелочах (хотя для того времени это были совсем не “мелочи”!)? Я вспомнил об этом, прочтя в статье Наталии Куликовой о “справедливых претензиях” И. Дедкова в адрес романа “Игра”. Можно было выказать не одну обоснованную претензию к этому роману, но не в дедковском случае. В своем случае критик разворачивал расчетливую операцию под названием “Огонь по штабам!” И тут уже с совсем другим чувством вспоминаешь слова “вне тенденций...” и “продаж”.

Дедков достиг своего “штаба”. Несостоявшееся назначение заместителем главного редактора “Нового мира” “искупилось” другим назначением. 20 ию-

ля 1987 года он переезжает в Москву и приходит работать политическим обозревателем в “Коммунист” — “штаб” по всем параметрам повыше “Нового мира”. И не стоит ни говорить, ни думать, что статья “Перед зеркалом” не сыграла здесь никакой роли.

Дедков-критик времен “перестройки”, после его назначения в “Коммунист”, уже мало чем напоминал прежнего, “нашсовременниковского” Дедкова. Точнее, не напоминал вообще. “Перестроечная” конъюнктура его буквально сжирала. В статье “Литература и новое мышление” (одной из первых после нового назначения критика) он писал о “деревенской прозе”, недавно воспевавшейся им в подробных и умных статьях, уже совершенно в другом стиле и тоне: “В героях литературы все чаще стал оказываться человек, претерпевающий судьбу, терпеливо сносящий ее превратности, социально покладистый, социально несамостоятельный. Кому-то это даже нравилось: вековая народная мудрость, российская заветная потребность в твердой самовластной руке... Сказывалась нарастающая растерянность перед реальной действительностью, перед ее умножающимися противоречиями, долгая привычка к компромиссу и “всепониманию”, чреватая обычным приспособленчеством...” Весь либеральный “джентльменский набор” тех лет был здесь налицо. Как и стандартная абстракция, кочевавшая из статьи в статью у разных авторов, ставших как будто не отличимыми друг от друга: “Теперь эти произведения (из “задержанной” литературы. — С.К.) как и многие другие из “задержанного”, доселе “опасного” и “вредного”, увидели свет. И что же? Поползла под ногами почва? Зашатались стены? Ничего подобного...” То, что почва поползла, и стены уже готовы обрушиться — и вовсе не из-за публикаций “задержанной” литературы! — этого не желал ни видеть и чувствовать ни Дедков, ни другие его тогдашние единомышленники. “Перевес публицистической мысли над художественной, обнаруженный критикой в некоторых популярных произведениях 1985—1986 годов, оказался не авторским просчетом, не приметой нового литературного этапа, а скорее признаком какого-то смятения перед реальностью”... Читатели той эпохи знают: речь шла о не названных произведениях Виктора Астафьева (“Печальный детектив”), Валентина Распутина (“Пожар”) и названном “Все впереди” Белова, у которого, по мысли критика, “верность жизни, свойственная всякому большому таланту, оказалась в подчинении у сомнительной тенденции, словно ее права и темная сила выше прав и светлой силы художника”... От тревожных сигналов некогда любимых писателей Дедков замкнул свой слух — равнодушно и спокойно.

Дедков, исповедовавший “историзм”, начал настаивать на сугубой актуальности статьи Ленина “О национальной гордости великороссов”, будто не зная, что сам Ленин фактически дезавуировал эту свою статью после Октябрьской революции. Наконец, критику попросту изменил художественный вкус. В статье “Хождение за правдой, или взыскующие нового града” (“Знамя” № 2, 1988) он стал раздавать высочайшие оценки “Капитану Дикштейну” Кураева, “Смирненному кладбищу” Каледина, “Кроликам и удавам” Искандера, вещам, уровень которых и не приближался к уровню некогда ценимых им писателей. “Белым одеждам” Дудинцева он готов был даже “простить мелодраматические повторы сюжета” (никакого “мелодраматизма” он раньше никому не прощал). Примитивизм мысли в его интервью этого времени просто ошеломлял: “Нагорная проповедь не предотвратила ни Первой, ни Второй мировой, никаких других войн”. “Новое мышление” для него заключалось в “безальтернативности” (т.е. в столь нелюбимом им раньше упрощении всего и вся). А на вопрос о наличии русофобии ответил буквально следующее:

“Я не знаю, что такое “руссофобия”. Прожив основную часть жизни в русской провинции, я с “руссофобией” не сталкивался и “руссофобских” сочинений не читал. Да и само это слово введено в журналистский оборот совсем недавно хорошо организованными усилиями ряда изданий”.

Намек понятен: опять этот ставший ненавистным “Наш современник”, опубликовавший “Руссофобию” Игоря Шафаревича... Дедков или действительно не читал, или (что еще хуже!) сделал в данный момент вид, что не читал Ф.И.Тютчева:

“Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это *руссофобия* некоторых русских людей — кстати весьма почитаемых. Раньше они говорили нам... что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д. и т. п., что потому

именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добиваясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. В самом деле, прежние установления никогда не вызывали у них столь страстную ненависть, какой они ненавидят современные направления общественной мысли в России. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили их пристрастия к ней... Словом, в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых, не может быть и речи”.

В статье “Власть, культура, народ. О духовной жизни в 30-е годы” (“Свободная мысль” – бывший “Коммунист” – № 2, 1992) Дедков писал о 30-х годах то, что неизмеримо более подходило ко времени публикации его сочинения: “...В атмосфере неуверенности, повышенной тревоги, страхов, избыточных ожиданий образуются и распространяются, как зараза, однотипные массовые настроения и воззрения, не вполне контролируемые рассудком. Возникает зараза ненависти, зараза подозрительности или – покорного доверия, восторженного подчинения”. Я не думаю, что все это время он находился в гармонии с самим собой. Либеральный психоз, разлившийся по стране, сокрушение всех основополагающих традиционных констант – все это вместе взятое не могло не порождать противоречий на разрыв в душе человека, которому было “страшно вато” при мысли “о том, что стало бы с нашей литературой, если б она отказалась от своих традиционных совмещений”, при виде уничтожения “бесценной конкретности жизни”. Когда в стране победило воинствующее “демократическое” отребье, он пришел в ужас от мысли: “В подготовке чего я все-таки косвенно соучаствовал, сидя за большим овальным столом нашей редакции”? И лишь словом “косвенно” выдал себе косвенную индульгенцию.

Он вспоминал старую русскую советскую провинцию – то, что давало ему силы для жизни и письма. “Смена мод трогала нас мало. Я не помню, какие рубашки, пиджаки, платья, какую обувь носили мои друзья, я вообще не помню их вещей. Я помню и храню их голоса, выражение глаз, песни, которые пели за столом – никогда на кухне, никогда не сидели на кухнях. Я помню книги, которые брали в областной библиотеке и потом о них говорили: Ремизова, Ходасевича, Бердяева, Булгакова, Эрн, Розанова, “Вехи”, “Несвоевременные мысли” Горького... Неправда, что это и многое другое было абсолютно недоступно (к тому же удача зависела от богатства и сохраненности дореволюционного фонда). Я не помню только вещей и разговоров о деньгах, потому что ни то, ни другое не было захватывающей самоцелью. Я не могу себе представить, чтобы что-то подобное нынешнему торжествующему экономическому измерению жизни подчинило нас себе... Теперь... предпочтение отдается политике, особенно столичной. Провинция интересна, когда в ней бастуют, митингуют, кого-нибудь убивают, и ссорится меж собой начальство. Еще волнуется порок с его разновидностями. Остальная жизнь – та, что в глубине России, – неинтересна и, главное, неизвестна. Как была неинтересна и неизвестна вчера – в додемократическую эпоху. Но тогда действительность пробивалась через литературу, через ту же “деревенскую прозу”. Теперь и литература в растерянности, и свобода не плодоносит, и журналистика сутелливо топчется в политических передних...” (“Журналист” № 1, 1992).

Он разрывает отношения со своими недавними единомышленниками, не скрывает своего омерзения от происходящего. Не он один был человеком подобной участи. Таков же был финал жизни Владимира Корнилова, Вячеслава Кондратьева (застрелившегося после обнаружения знаменитого ельцинского “Указа № 1400” о прекращении деятельности Верховного Совета народных депутатов России), Владимира Лакшина... Последняя статья Дедкова “Объявление войны и назначение казни” (“Дружба народов” № 10, 1993) – о романа Виктора Астафьева “Прокляты и убиты”, который он категорически не принял, назвав “физиологическим очерком красноармейской казармы”, а самого писателя – “подзадержавшимся в пути свидетелем обвинения”. “Победители тоталитаризма, – писал он и явно не только об Астафьеве, – имя им легион, откуда и взялись? – обожают мрачные истории: чем беспросветнее, тем лучше, чем зловоннее и чернее чертова яма прошлого, тем белее их свежестираные одежды и ослепительнее деяния”. Так же хлопнул дверью Влади-

мир Лакшин, опубликовав статью “Россия и русские на своих похоронах”. Но в отличие от Лакшина Дедков не успел испытать на себе остракизм “демократического передового сообщества”. Вскоре его не стало.

P.S. Владимир Бондаренко завершил свой моментальный портрет Дедкова следующими фразами: “К концу жизни Игорь Дедков стал склоняться более к правому, русскому почвенническому берегу, об этом говорят и его последние статьи, и его дневники. Думаю, пришел бы к нам в “День”.

Не следует строить иллюзий, особенно задним числом. Дедков никогда не переступил бы порога “Дня”, как не переступил его и Лакшин, которого Бондаренко также приглашал печататься в легендарной газете. Вообще предположения – как в новой истории повел бы себя тот или иной, ушедший из этого мира герой дней минувших – всегда туманны и неопределенны, и иными быть не могут. Но волей-неволей жизнь сама заставляет делать их.

Когда сейчас, в дни всенародного торжества, которого не было в России с 1945 года, я наблюдаю на телеэкране радостные лица персонажей, которые 20–25 лет назад не жалели глоток, предавая анафеме “имперские амбиции” “красно-коричневых” и “шовинистов”, когда я слышу патриотические речи и проклятия “пятой колонне” тех, кто в свое время объявлял патриотизм “последним прибежищем негодяев”, искажая сам смысл этой фразы, а слово “русский” еле-еле выговаривали через губу с непередаваемым отвращением на лицах, я снова и снова думаю, что история все ставит на свои места, что время поистине рассудило всех. Но опять и опять задаю самому себе все тот же, может быть, и бессмысленный вопрос: что бы говорили и писали сегодня многие из тех, кто некогда позиционировал себя, как наши непримиримые противники, кто пытался разъять – пусть даже в своем сознании – отечественную историю, позабыв о ее органичной живой целостности?

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

ВЫСОКИЕ ОБЛАКА

I

Сад после дождя так нежен. Кузнечики взялись за косилки, пока трава влажна, и слышно, как торопятся переехать поле. Ласточки, только что чертившие сад, вспыхивают под последними лучами солнца высоко-высоко. А сад уже присмирел и вслушивается в каждое падение капли с листа. И отчего-то вдруг становится пронзительно одиноко. Без боли, а высоко и печально, как этот полёт поднебесной ласточки.

В такой час хорошо вспоминать ушедших и, слава Богу, ещё живых милых друзей. И отчего-то первыми вспоминаются поэты, которые всегда роднее вечеру, чем прозаики.

Я не пил из Кастальского ключа – и то чувствую немое томление по слову, которое обняло бы это долгое падение капли, это краткое мгновение, полное мучительной тишины мира. А уж как услышали бы эту тишину они!

Володя Башунов, верно, при самом предчувствии таких летних вечеров оставлял девятый этаж своей скучной Северо-Западной улицы в Барнауле и добирался до родной опустевшей деревни, чтобы посидеть над материнской и отцовской могилами, наглядеться на милую свою Бию, которая и сейчас, когда Володи давно нет, всё летит, как в его детстве, с молодым шумом и озорством, не ведая возраста, смущая равнодушным весельем, но им же и врачую сердце...

*И плачу я, большой и сильный,
уже давно немолодой,
над золотой травой и синей,
и над зеленою водой.*

В последние годы его письма сделались невеселы, хоть и оставались горько-смешливыми. Это у родной реки научился он смеяться в час печали! В них всё реже мелькали стихи, которые, бывало, глядели с отдельного листочка чудно и странно, как всегда глядят стихи в письмах, словно ждал ты одного гостя, а пришли сразу два.

Замечали ли вы, как изменяется ваш голос, когда вы читаете эти стихи про себя, словно вы смущены и обрадованы, и немного не узнаете милого друга. Только что он говорил так привычно и знакомо, и вдруг сквозь его образ проступил кто-то другой, прекрасный и неожиданный, и этот другой требует и от вас вспомнить в себе высшее, Господне значение. В книжке совсем другое – там вы готовы к восприятию стиха, и всё естественно. А тут на минуту смутишься, потому что требуется забыть день на дворе для целомудрия

чистого сердца. Уже сколько лет я не слышу родного Володиного голоса и тоскую по нему, потому что не могу без него назвать вот такого вечера, этих ускользаний, недоговоренностей, этих предчувствий, которые он называл так просто и точно.

А Толя Гребнев, поди, вернулся в своей пермской Байгуловке с ночного дежурства. Хирург по первому образованию, он предпочёл психиатрию, и уже в серьёзных годах переменял специализацию. Теперь его дом стоит в соседстве с лечебницей, где пациенты живут в параллельном мире, куда нам нет прямого входа. Он и из окна-то видит свою лечебницу. И если я подойду со стороны деревни, меня он не увидит, пока не постучу в дверь.

Мы обнимемся, и уже в бане, когда вылетишь передохнуть, развернёт гармонь, доставшуюся ему от замечательно игравшего на ней брата Василия Ивановича Белова, Юрия, и мы всласть напоёмся. И с печалью вспомним недавно погибшего Геннадия Заволокина, который любил играть Толины песни. Геннадий извлекал музыку из этих стихов так естественно, что, казалось, она рождалась сама и излетала из стиха жаворонком на нити строки, словно уже готовой была заложена в самом стихе. А уж там непременно пойдут частушки:

*Мы грустить с тобой не станем.
Раскатись, как раньше гром!
Мы свою гармонь растянем,
А чужую разорвём!*

Не умеет Толя вятской песенной душой долго печалиться.

И я никогда не узнаю, где у него чужие частушки, которых он знает тысячи – и тут бы им с Николаем Старшиновым друг друга не одолеть! – а где при заминке вылетит и своя, рождённая с мгновенной свободой, словно тоже выхваченная из воздуха готовой. Тут уж его народное сердце говорит, кровь трав и небес, полей и птиц, бабушек и дедушек, маслениц и постов. Всё родословие милой Родины проросло в его кровообращение и живёт там, ожидая только оклика мира, мгновения совпадения света сердца и света дня, чтобы излиться с необычайной простотой, где не найдёшь и следа усиления и труда воображения.

А Виталий Науменко, очевидно, всякий раз проходя по улице Красных мадьяр в Иркутске, вспоминает жившего тут некогда Толю Кобенкова (для меня Толю, а для него, конечно, Анатолия Ивановича!), и как при встрече их музы вслушивались друг в друга, в оттенки опасливого чувства самозащиты, которое – особенно перед другом – страшится банальности, повтора, цитаты. Прекрасно вооружённые, они слушали друг друга ревниво и бережно: Виталий – удивляясь чудной простоте в сложной ткани стихов своего старшего товарища, а Анатолий – завидуя свежести молодого чувства, которого уже не возьмёшь ни силой, ни опытом:

*Возлюбим друг друга за рифмы, связавшие строки,
за жадные строфы, не знавшие ночи и страха,
за то, что для них начинаются новые сроки —
наточен топор, и ни малой пушинки на плахе.*

Беседа ведь прекрасна именно этим – неожиданным прорывом к себе, когда, ухватившись за слово, рифму, промельк чувства, внезапно кидаешься перебивать собеседника, пока не забыл, потому что ослепительная яркость Бог весть откуда взявшегося понимания требует немедленного выхода. “Беседы блаженнейший зной” – так звала это чудо Ахматова.

Господи, кажется, ещё так недавно можно было позвонить Гене Кононову в соседнее Пыталово, и он глуховато, будто себе самому, прочитал бы что-нибудь из недавнего. Прочитал замкнуто, с ясным чувством дистанции, как многие из тех поэтов, кто сложился в глухие 80-е, не давая жизни настичь себя неготовым, в тесной маске иронической свободы, так что сразу чувствуешь, что ты при этом чтении лишний. О, они что-то такое узнали, что позволяло им говорить через наши головы, понимая друг друга с полуслова и ускользая, – одинокие недоверчивые дети немого времени. Они не мстили ему (ну, разве что изредка, срываясь), потому что знали, что тайна где-то глубоже, в том числе и в них, в их потаенной замкнутости.

*Что ни год, я все меньше живу и все больше кажусь,
Сохранив в пределах освоенной роли без боли...*

Или, как задолго до Геннадия ошупью написал измученный, нарочито спившийся, сживший себя со свету несчастный пермский поэт Николай Бурашников:

*Душа... она не без потёмок.
В ней есть такие уголки,
Где мысль блуждает, как ребёнок,
И страшны в тишине шаги.*

Кто-кто, а они-то эти “страшные шаги” слышать умели и умели сказать о них, осмотрительно не называя напрямую, как из боязни остерегаются называть тёмную силу, но обставляя словами, которые наполняли сердце смятением и зыбкой тревогой. Они и говорили, кажется, не смыслом слов, не Господней их глубиной, словно она была навсегда повреждена для них бесстыдным и ложным употреблением, а одними оболочками, целомудренно защищая живую сердцевину слова.

II

Какие же они были разные: разбросанные по Руси романтически нежный и надежно ясный Виктор Тимофеев в Мурманске, безупречно точный, ведающий тонкую меру знания и молчания, доверчивости и скрытности Евгений Курдаков в Новгороде, короткий, как взгляд, и долгий, как воспоминания детства, Алексей Решетов в Перми, жёсткий и усталый Евгений Лукин в Волгограде...

*Полистаешь наугад —
всё расстрелы да застенки.
От Памира до Карпат
нет невыщербленной стенки.
Вот и думается мне:
до чего же я ничтожен,
если в такой стране
до сих пор не уничтожен.*

А в Омске, Тюмени, Екатеринбурге (хотя этот город, кажется, не любит, когда его ставят в ряд, потому что числит себя третьей, а то и второй интеллектуальной столицей России)! А в Рязани, Костроме, Нижнем... “Богаты мы, едва из колыбели...” — оттого и можем себе позволить время от времени снисходительно всеведущие разговоры о кризисе, а то и о конце искусства, об усталости русской поэзии. Конечно, когда слышишь в рубрике русского “настоящего” радио “настоящую поэзию” всё одного только московского извода — благородно-печального, философски-тонкого, религиозно-возвышенного, метафорически-изобретательного, — поневоле о кризисе заговоришь. Захочется чего-нибудь попроще, поземнее, да хоть бы и позлее, понеумелее, с окликом живых небес, с шумом листвы под ветром, с ором птиц и немотой ночи, с пеньем и руганью, смехом и стоном — со всем тем, что никуда не ушло из жизни и поэзии.

Загнанные столичными журналами в однообразный круг, мы и правда временами готовы сдать себя неверию. Я по Пушкинским нашим праздникам сужу. Когда группа подбирается наспех и по бедности союзов не может выманить дальних, собирая тех, кто под рукой и кто “встанет подешевле”, скоро чувствуешь усталость. При этом поэты-то и не москвичи обычно по роду, а тоже ещё недавно рязанские да костромские, но Москва скоро накладывает на вчерашнего провинциального гения властную лапу, заставляет оглядываться на “готовое платье” предшественников, “образовываться”, то есть попросту терять себя под унифицирующим давлением электрического неба и дозированного воздуха. Все становятся умны и умелы, легко управляются с неподъёмными темами, самоуверенно посягают на весь человеческий опыт, подгибая его под свой прирученный еклезиаст, и, в конце концов, вытирают друг о друга до неразличимости.

А вот получишь, скажем, письмо из Перми, да выпадет из письма короткий листок, исписанный столбиком:

*Совладеешь ли с тоскою,
если духом одинок?
В дальнем городе во Пскове
ты печалишься, браток.
Я и сам не очень весел,
тоже есть с чего грустить.
Нам с тобой бы в этот вечер
друг у дружки погостить! —*

и мир опять свеж и умыт, так что, глядишь, и московский поэт вдруг зажжётся от этого листка ещё не выветрившейся подлинностью. Жалко, что листки эти попадают всё реже. Ну, это можно перетерпеть, скоро и письмо-то сделается анахронизмом — “ером” и “ятем” нашего существования. Только бы сами поэты не переставали писать стихи, не страшились равнодушия издателей или издавались сотней бедных экземпляров с оформлением под стать меню в какой-нибудь солигаличской чайной. Песня-то русская, частушка искала ли тиража? Или как, не помню уж, в чьих воспоминаниях, Мандельштам справедливо спускал с лестницы молодого поэта, пожаловавшегося, что его не печатают: “А Иисуса Христа печатали?!” Он мог бы прибавить Гомера и Бояна, несчётных на земле сказителей, вплоть до нашей Марии Кривополеновой, великой памятливицы, весёлой нищей старушки, которую за малый рост звали по деревням Махонькой, но которой за дух её по Петербургам кланялись в ноги великие умы и таланты.

Может, по московской поэзии и меряется высота культуры, да зато по провинциальной-то — нечто более важное: живая душа нации, её песенная генетика, её природный духовный запас, её “недра”. И пусть по заморским странам расселяются столичные поэты, пусть печатаются и славятся там. На здоровье! Не жалко! Это уже “готовый продукт”, “промышленное изделие”. А чернозём-то, земля и корень — всё здесь, по дальним углам, куда не сразу доедешь и где ещё надо приложить усилие сердца, чтобы услышать это необработанное дыхание, которое оттого и кажется необработанным, что свежо и ново, будто слово родилось только вчера, всё в земле и окалине, с неостывшим огнём внутри. И стоит оно на единственном месте, так что вынь его и перевези в столицу — оно не будет знать, как ступить, но не потеряется, вызывая злую зависть, переодетую в высокомерие или снисхождение у малых и мёртвых, восхищение — у живых и открытых.

III

Беда только, что всякое противопоставление ложно, ибо хоть Истина и одна, но она одна в небесном смысле, как та, что неузнанная стояла перед Пилатом, а в земном — увы, всё пестрее и потаённое. Деление поэзии на “столицу” и “провинцию” в высшей истории русской литературы, которая есть единственно достойная история, — насильственно и произвольно. А. Кольцов, Я. Полонский, И. Никитин, Н. Клюев, С. Есенин, П. Васильев, Н. Рубцов — по какой “графе” проводить эти великие национальные имена? Всякий из них мог бы вместе с Пушкиным сказать: “Числюсь по России”. А поэты “свинцового века” из прекрасной “красноярской серии” — Иван Ерошин, Александр Тиняков, Аркадий Кутилов и — последняя в ряду — Лира Абдулина, оплаканная в предисловии В. П. Астафьевым, метавшаяся, как все они, по русской земле с беспокойной своей музой, не попадая и не желая попадать в насильственный “лад” послушного существования, с любовью простившаяся с друзьями “мольбой последней”: “...пусть будут небеса к вам милосердной”.

Все они “числились по России” и все могли бы пожелать друзьям милосердия судьбы, потому что хорошо знали вкус несчастья. И всех мы теперь славим, наперегонки порицая общество, которое было глухо и слепо к своим лучшим детям.

Судьба русского поэта не сверяется с пропиской. Она ищет Поэта и, боюсь, договор их обоюден, и поэт знает, в какую дорогу выходит, принимая на себя это звание.

*Тоскует он в забавах мира,
людской чуждается молвы,
к ногам народного кумира
не клонит гордой головы...*

И чего же он после этого хочет от мира, от молвы и от народного кумира? И на что сетует? И кого корят потом поэты и их биографы? Всякое новое время включает несчастных гениев в свои пантеоны и кажется себе мудрее минувшего, не умея уследить за переодеванием всё тех же молвы и кумиров, которых дразнит уже новый поэт, готовя новую мученическую главу истории русской поэзии и новый аргумент для нестареющей толпы:

*Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!*

А поэт знает, что подлинно – Бог! Бог гласит его устами. И оттого не смеет предать Его речи и не смеет сделать человеческий выбор, ибо тогда, может, и обзаведётся биографией, да потеряет судьбу.

И потому поэзия и есть светлейшее проявление народного гения, и потому она хранит и бережёт, и завещает новым поколениям его душу, хотя бы, казалось, как сегодня, уже весь народ поделился на продавцов и покупателей и разбежался по торжищам. Смеею сказать, что поэзия – пусть это не покажется святотатством и кощунством! – более хранит образ народа в его Господней полноте, чем религия, чьи история и предание замешаны на чужой истории и предании, слишком перевешивают настоящее и более небесны, чем национальны.

Живущая одним днём, бедная провинция не умела прежде, а уж сегодня и вовсе не умеет понять, что она по-настоящему славна своими неудобными и порой беспутными детьми, с которыми при жизни так много хлопот, но кто дал этой земле имя, кто нарёк её рассветы и полдни, её волю и долю, её горе и любовь, достоинство истории и свет человека, – её поэтами, музыкантами, художниками. Это они несут имя малого своего города и единственные его черты миру и прививают душу малой своей земли к общенациональной душе и вековому русскому духу.

Не все они велики и художественно всесильны и не все дотягивают, даже после смерти, до широкой славы, но и всякий малый чистый голос, не слышный дальше околицы, – это живой и необходимый сосуд в системе национального кровообращения. Прекрасен старый и уж сто раз цитированный образ, что велики Волга, Дон, Кама, Лена и Енисей, а погляди с небес, и увидишь, что их ветвистые синие жилы крепятся к земле волосяными нитями безымянных ручьёв и речек, которые только на карте безымянны, а подойди к ним, и они назовут себя единственным именем и единственным голосом. И пока пишут русские поэты по своим углам свой дом и русского человека, народ не безличен и не позволит попить свою славу и историю, и всё будет выситься и звучать среди других народов своим голосом в Божьем хоре и своим голосом просить у Бога воды и хлеба, не бегая за обносками чужих идей и чуждыми ему способами чувствования.

А сегодня над моим садом строкой идут белейшие облака, клубящиеся пенные недолговечные замки. Высокие, несравненные облака. Кто их только не писал и с чем только не сравнивал, а они всё плывут и ускользают в непередаваемой синеве, и дразнят, как Гамлет Полония.

И мнится, есть какой-то урок в этой их величавой неизменности, которая не ведаёт ни минуты покоя. Отведи глаза на мгновение – и не узнаешь родного, только что вроде ухваченного самоуверенным воображением неба.

Эти облака плывут сегодня и над вами, милые мои пермские, вятские, иркутские друзья. Сравните их, как умеете сравнивать и сводить несводимое только вы, и не подписывайте стихов, а я сразу узнаю, где кто из вас, в какой земле увидел плывущие сейчас над нами родные облака. И это будет значить, что русская поэзия жива всей нашей землёй, и она высока и прекрасна, как эти облака, переменчива и неизменна, благословенна и молитвенна, спасительна и вечна, как русское сердце и Господне Слово.

ИРИНА УШАКОВА

ФРАГМЕНТЫ БОЖЬЕГО ИСКУССТВА

О трёхтомнике Николая Бурляева

Как часто мы слышим рассуждения о русской лени! А иным полюбились и уже ставшее нарицательным имя Обломова. Но много ли среди нас – читателей и авторов этого журнала – обломовых? Не думаю. Вот проходят передо мной лица наших современников: Александра Михайлова, Никиты Михалкова, Раисы Недашковской, Ларисы Васильевой, Нины Усатовой и многих других деятелей театрального и киноискусства, и радостно становится оттого, что не прекращается созидательная работа на этой ниве. Это о них – о созидателях – рассказывается в изданном не так давно трёхтомнике народного артиста России Николая Бурляева “Жизнь в трёх томах. Избранные литературные произведения”.

Издание включает в себя три тома: “Лермонтов”, “Фрагменты Божьего искусства” и “Славянский венец”. Книги прекрасно иллюстрированы кадрами из фильмов, фотографиями выдающихся деятелей не только киноискусства, но и литературы, музыки, живописи, а также Православной Церкви.

Николай Мордвинов, Ростислав Плятт, Андрей Тарковский – выдающиеся мастера, с которыми ещё в детстве познакомился Николай Бурляев, когда входил в мир кино. О них, своих учителях и наставниках, и рассказывает он в книге “Фрагменты Божьего искусства”. “Некоторые из актёров, снимавшиеся у Тарковского, говорили, что он не работает с актёрами. Было время, когда и я так считал. Но теперь, видя “Иваново детство” и “Андрея Рублёва”, в каждом кадре, в каждом движении моих героев Ивана и Бориски, в том, как они говорят, смотрят, двигаются, во многих моих интонациях и жестах я вижу Андрея Тарковского. Ибо личность его была настолько сильной и пронзительной, что даже если он молча смотрел на тебя и ничего не произносил, само его существо диктовало русло, по которому актёру следовало плыть”, – пишет Бурляев о любимом режиссёре.

В книге, как в памяти, проходят перед читателем кадры из фильма “Служили два товарища”, где Н. Бурляев играл с Владимиром Высоцким; болгарского фильма “Стихи” режиссёра Маргарита Николова, с которым автора книги связали впоследствии десятилетия совместной работы на Международном кинофоруме “Золотой Витязь”; “Мама вышла замуж” с Олегом Ефремовым, “Выбор цели” с Сергеем Бондарчуком, “Трын-трава” с Лидией Федосеевой-Шукшиной, “Военно-полевой роман” с Инной Чуриковой и другие глубокие и жизненные картины. “При жизни, – говорит Н. Бурляев о своих коллегах, –

они не знали, что творят историю. Просто все делали свое дело. А теперь стали частью нашей культуры”.

Из сыгранных ролей, из переживаний своих героев Николай Бурляев, как оказалось, вынес не только мастерство, но и непростую задумку на дальнейшую жизнь. Это была идея авторского фильма о судьбе и предназначении великого русского поэта Михаила Лермонтова. Весь первый том издания посвящён работе киносценариста, режиссёра и актёра над этим фильмом. Н. П. Бурляев видит совпадения эпизодов своей судьбы и судьбы поэта. Оба они самоотверженно трудились на благо Отечества, оба испытали гонения: Лермонтов – за свой поиск правды, за пламенное слово, обличавшее ложь; Бурляев – за то, что посмел задуматься, отчего так непроста судьба нашего народа. Уникальный по композиции, идее, исторической достоверности бурляевский фильм “Лермонтов” был запрещён к прокату в кинотеатрах и на телевидении. О многих митарствах сдержанно и ёмко рассказывает Н. Бурляев в своей книге. Но даже при всех трудностях у режиссёра о работе над фильмом остались тёплые воспоминания, ведь ему запросто предоставили полк солдат Северокавказского округа для съёмок батальных сцен и самолёт, чтобы показать горы с высоты птичьего полёта. “Я приходил к коменданту в Кремль и говорил, что делаю фильм о Лермонтове и для царских сцен мне нужны интерьеры дворца. И комендант (генерал) говорит: “Ну, что же, “Лермонтову” надо помочь”. И бесплатно даёт мне Кремль. Сейчас туда тоже можно попасть, но за 50 тысяч долларов в день арендовать и поработать там”.

Работа с историческим материалом не могла не навести серьёзного режиссёра на раздумья над тем, что произошло в стране в 90-е годы XX века. А желание свои поступки “мерить мерою Христа” (любимое выражение Бурляева) дало импульс к новому воплощению таланта киносценариста, режиссёра, актёра. Евангельская притча о загубленном таланте – это не о Бурляеве. С 1992 года, когда, казалось бы, рушатся последние нравственные и традиционные устои в государстве, Николай Бурляев, наряду с такими же, как он, подвижниками, поднимает на защиту отечественной культуры все творческие силы не только своей страны, но и дружественных нам стран. Какие бы антирусские волнения ни охватывали Украину, но её лучшие актёры, художники, музыканты всегда участвуют в форумах искусств “Золотой Витязь”.

Создание и проведение в течение более двадцати лет Международного кинофестиваля “Золотой Витязь” – это показатель высокого творческого мастерства наших современников, а также народной любви к подлинному искусству. Летописи “Золотого Витязя”, которым посвящён отдельный том издания, охватывают географию не только русского, но и всего славянского мира.

Нови Сад (Югославия), Тирасполь (Приднестровье), Киев, Минск, Поволжье, Сибирь объехали за двадцать сезонов существования форума его организаторы и участники, привозя с собой прекрасные фильмы, лучшие песни, а главное – надежду на будущее. Летопись уникальных творческих встреч отражена в томе, который автор назвал “Славянский венец”. Каждая поездка кинофорума, которая проходит ежегодно в конце мая, – это утверждение мощи славянского искусства. В дальних уголках России побывали в разные годы Барбара Брыльска, Владимир Гостюхин, Екатерина Васильева, Михаил Ножкин, Маргарит Николов, Йован Маркович и многие другие любимые народом артисты и режиссёры. Ради чего? Ради того, чтобы не прервалась связь поколений, чтобы массовая культура не смогла разрушить традиции русского и других народов нашей многонациональной страны. Муза соратников Николая Бурляева не умолкает даже на войне. В 1999 году, когда войска НАТО творили свои беззакония на Балканах, десятки русских, украинских, белорусских, сербских, болгарских деятелей культуры вылетели в Белград, чтобы поддержать сербский народ. Как тут было не вспомнить строки Николая Гумилева:

*...Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьётся в груди моей.*

*И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,*

*Проходя по дымному следу
Отступающего врага.*

Сложно услышать или прочесть в СМИ о позитивных явлениях нашей жизни, но они есть. И в летописной книге Бурляева обозначено, что Литературный форум помогла провести Тула, форум экологических фильмов прошёл в Тамбове, а Курск поддержал форум всех искусств. На открытии этого форума его участники преподнесли Курску настоящий “Славянский венец”, где было переплетение русского, украинского и сербского искусства: прошло выступление сербского ансамбля танца “Куд Градимир”, выступили иркутский театр народной драмы под руководством Михаила Корнева, а также народная артистка СССР и Украины Ада Роговцева... “Не имей сто рублей, а имей сто друзей”, – уверен Бурляев.

Размышляя над непростым смыслом заглавия книги “Фрагменты Божьего искусства”, я вспомнила слова выдающегося деятеля народного образования XIX века С. А. Рачинского: “Все наши великие художники кончают жизнь, мучимые жаждой вещей божественных, или замолкают в ужасе перед великими тайнами жизни и смерти. Эта жажда будет утолена, этот ужас рассеется. Неразрешимые логической мыслью вопросы разрешаются только ответами, воплощёнными в жизни, – в искусстве. Всё это дано нам видеть лицом к лицу – как в зеркале – в искусстве, в том цельном искусстве, которое мы называем религиозным и которое есть единственное, ибо всё прочее – лишь блестящие осколки его”. Так, осколки, “фрагменты Божьего искусства” в меру своего таланта, отвечая запросам времени, собрал Николай Бурляев. Уверено и лаконично запечатлел он в своей книге те благие дела, которые продолжает творить и поныне.

Особое место в трёхтомнике занимает повесть “Близнецы”, написанная Н. Бурляевым 40 лет назад и, как ему казалось, утраченная. “Но, Слава Богу, повесть я совершенно случайно недавно нашёл в старых бумагах, и вот она впервые издана, – отмечает автор. – В этом произведении отразилась история падения и возрождения человека”.

Открытый всем, как на сцене, в своей книге Николай Бурляев отстаивает позицию патриота, то есть родинолюбца, заботника о будущем русской культуры, о духовном здоровье грядущих поколений. О книге Бурляева можно сказать словами его стихотворения 1983 года:

*Если ни я и ни ты
С ложью не выйдем на бой.
Не защитим Красоты
Перед зловещею тьмой;*

*Если ни ты и ни я
Факел сердец не зажжём,
Правды не скажем друзьям,
Песню души не споём;*

*Ежели я, если ты
Станем в глаза людям лгать
И ради благ пустоты
Свет Красоты предавать,*

*Кто же за нас сбережёт
Истины Свет золотой...
Мир от распада спасёт,
Коль мы не вышли на бой?!*

Трёхтомник Николая Бурляева, прежде всего, важен своей летописной правдой. По нему можно судить о том, кто какой вклад внёс в драгоценную сокровищницу русской культуры последнего полувека, кто творил Добро и Красоту на земле, кого будут помнить потомки.

ЛИДИЯ ДОВЫДЕНКО

главный редактор журнала “Берега”

НОВЫЙ ЖУРНАЛ — “БЕРЕГА”

Возможно, на предложение познакомиться с новым журналом кто-то скажет: “Как, ещё один!” Казалось бы, сегодня в России нет недостатка в толстых литературно-художественных журналах. Десяток московских “толстяков” дополняют несколько питерских, а также ведущие провинциальные журналы.

Другое дело, что год от года живётся им всё труднее: дорожает бумага, поднимает расценки почта, растёт стоимость аренды. Закономерен вопрос: зачем создавать новый журнал, когда имеющиеся, титулованные, с давней историей, с памятью о многотысячных тиражах отчаянно борются за выживание?

Разумеется, я не раз размышляла об этом, работая над первым номером “Берегов”. Преодолевая попутно массу трудностей. А как же вы думали, если в Москве выпускать журнал нелегко, то можно представить, каково же в провинции! И всё-таки доводы в пользу издания перевешивали. Постепенно они выкристаллизовались в чёткую формулу. Рождение журнала стало ответом на потребность в высокой литературе в нашем регионе.

“Берега” выходят в Калининграде. С одной стороны, это российский анклав. Контакты с материковой Россией — экономические, бытовые, культурные — не столь интенсивны, как хотелось бы жителям. В регионе ощущается дефицит информации о происходящем в России. Журнал призван активизировать культурный обмен. Познакомить калининградцев с творчеством ведущих российских писателей. И одновременно дать возможность авторам Янтарного края представить свои произведения читательской аудитории от Питера до Владивостока.

С другой стороны, Калининград — западный форпост России. Он стоит на страже её интересов. Он связывает нашу страну с Балтией, Польшей, Западной Европой, в том числе и с русскими диаспорами, расположенными на этих отдалённых берегах. Это благодарная аудитория, жаждущая из первых рук получить знания о жизни в России, о её современной культуре.

И последнее — по порядку, но не по значению. Журнал призван стать родным домом для писателей-калининградцев.

Впрочем, мы избегали местнических установок. С особой ответственностью подошли к формированию редакционного совета. Наряду с ведущими калининградскими авторами в него согласились войти писатели, хорошо знакомые российской аудитории, — Валентин Курбатов из Пскова, Владимир Шемшученко из Петербурга, москвичи Николай Иванов и Александр Казинцев.

“Берега” щедро предоставили свои страницы литераторам из материковой России. У нас публикуются Валерий Хатюшин, Иса Капаев, Евгений Семичев, Диана Кан, Светлана Макарова, Вячеслав Лютый.

На наших страницах нашлось место и славянским соседям. Внимание читателей привлекли стихи Анатолия Аврутина из Минска, Натальи Ивановой из Гомеля, рассказы Елены Морозовой из Донецка, статьи профессора Киевской духовной академии Виктора Чернышова, Марии Титевич, пишущей о духовном подвижничестве о. Гавриила Костельника, бросившего вызов католицизму на Западной Украине.

Особо отмечу рубрику “Русский мир”, под которой публикуются соотечественники из дальнего зарубежья. К значимым материалам можно отнести интервью с Никитой Лобановым-Ростовским, почётным председателем координационного совета российских соотечественников в Великобритании, рассказ Ирины Лучиной из Лондона, статью Елены Черпаковой, рассказывающей о работе Центра русской науки и культуры в Варшаве.

Судя по отзывам читателей, сотрудники редакции старались не зря. Новый журнал пришёлся по сердцу ценителям литературы. Вот несколько откликов в интернете: “Новый журнал “Берега” обещает быть интересным и перспективным. Он читабелен и разнообразен. Его авторская география широка”; “Замечательно! У России богатейшие и совершенно не “глянцевые” культурные традиции, очень важно их развивать”; “Побольше таких журналов”; “Желаю удачи!”.

Вживую смогли познакомиться с первым номером “Берегов” московские любители литературы. Благодаря помощи первого секретаря Союза писателей России Николая Иванова презентация журнала с успехом прошла в Доме русского зарубежья имени А. И. Солженицына.

Напоследок скажу несколько слов о том, что составляет стержень нашей редакционной политики. Журнал рассчитан на вдумчивого читателя. Он уделяет внимание фундаментальным проблемам развития России и русской цивилизации, сохранения и поддержки русского языка и литературы. Редакция стоит на позициях русскости, Православия, но открыта всем гуманным культурам мира, всем, кто сохраняет “человеческое в человеке” в условиях информационного общества.

Журнал напоминает читателям о благородстве и великодушии, о том, что не бывает безвыходных положений. И если на Бога надеяться и самим не плошать, то чудо возможно, победа становится нормой жизни, а русский урок – это урок невероятного национального и исторического успеха.

Не забудьте подписаться
на "Наш современник" —
на второе полугодие 2014 года!

Почта России		ф. СП-1									
АБОНЕМЕНТ на		газету	<input type="text"/>								
		журнал	(индекс издания)								
НАШ СОВРЕМЕННИК		Количество комплектов									
На 2014 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Куда		<input type="text"/>	<input type="text"/>								
		(почтовый индекс)	(адрес)								
Кому _____											
Линия отреза											
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	ДОСТАВОЧНАЯ								
ПВ	место	литер	КАРТОЧКА <input type="text"/>								
На газету		НАШ СОВРЕМЕННИК									
журнал		(наименование издания)									
Стои- мость	подписки	руб.	Количество								
	переадрес.	руб.	комплектов								
На 2014 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
дом	корпус	квартира	(фамилия и. о.)								

Подписные индексы журнала
"Наш современник"

По каталогу "Роспечать" на 6 месяцев – 73274

По каталогу "Роспечать" на 12 месяцев – 72336

По каталогу "Почта России" МАП – 12625